UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324452 2

Merezhkovskii, Dmitrii Sergeevich
III
Polnoe sobranie sochinenii
203
66

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

t. 19-20

Томъ XIX.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

PG
3467
M4
1914
t.19-20

LIBRARY
757523
UNIVERSITY OF TORONTO

ИТАЛЬЯНСКІЯ НОВЕЛЛЫ.

Любовь сильнѣе смерти.

Флорентійскіе граждане стараго рода Альмьери съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ двумъ благороднымъ цехамъ: одни чтили покровителя мясниковъ, св. Антонія, другіе имѣли на своемъ знамени изображеніе овцы и занимались шерстянымъ промысломъ. Подобно предкамъ, къ этимъ цехамъ принадлежали братья Джіованни и Маттео Альмьери. Джіованни торговалъ мясомъ на Старомъ Рынкѣ — Mercato Vecchio. У Маттео были шерстобойныя мельницы внизъ по теченію Арно. Покупатели охотно заходили въ мясную лавку Джіованни не только потому, что здѣсь можно было найти свѣжіе окорока, нѣжныхъ молочныхъ телятъ и жирныхъ гусей, но и потому, что хозяина любили за веселый нравъ и за острый языкъ. Никто не умѣлъ перекинуться такою мѣткою шуткой со случайнымъ прохожимъ, сосѣдомъ или покупателемъ, какъ мясникъ Альмьери, никто не говорилъ съ такою свободою о всѣхъ дѣлахъ подлиннаго міра—дипломатическихъ ошибкахъ флорентинской республики, намѣреніяхъ турецкаго султана, происках французскаго короля и о неожиданной, повидимому безпричинной, беременности сосѣдки-вдовы, которая въ послѣднее время слишкомъ часто повадилась ѣздить въ монастырь къ достойнымъ братьямъ чертозіанцамъ. Впрочемъ, рѣдко кто обижался на шутки мясника, и онъ приводилъ въ свое оправданіе старинную пословицу: «Шуткой добрый сосѣдъ не порочится, а языкъ на шуткѣ какъ бритва точится».

Не таковъ былъ братъ Маттео, шерстобой. Человѣкъ себѣ на умѣ, ласковый, всегда немного угрюмый и молчаливый, велъ онъ дѣла свои лучше, чѣмъ безпечный и добродушный Джіованни, и каждый годъ два корабля Маттео, нагруженные шерстяными товарами, отправлялись изъ Ливорнской гавани въ Константинополь. Замыслы имѣлъ онъ высокіе и честолюбивые, смотрѣлъ на торговлю, какъ на путь къ должностямъ государственнымъ, всю жизнь льнулъ къ аристократамъ, «жирному народу» — popolo grasso, какъ ихъ называли во Флоренціи, и питалъ надежду возвысить родъ Альмьери, быть-можетъ, предать имя его крыламъ безсмертной молвы. Часто убѣждалъ Маттео младшаго брата бросить мясную торговлю, какъ недостаточно для нихъ почетную, и присоединить свои деньги къ его, Маттео, собственному обороту. Но Джіованни не соглашался, и хотя уважалъ и цѣнилъ «тихоню» брата за умъ — втайнѣ побаивался его и если не говорилъ, то думалъ: «мягко стелетъ, жестко спать».

Однажды, въ жаркій день, воротившись изъ лавки усталый, плотно по своему обыкновенію поужинавъ и напившись холоднаго греческаго вина, Джіованни почувствовалъ себя дурно, слегъ, и съ нимъ сдѣлался ударъ, который былъ тѣмъ опаснѣе, что мясникъ имѣлъ тучное тѣлосложеніе и короткую шею. Въ ту же ночь онъ отдалъ душу Богу, не успѣвъ пріобщиться св. Тайнъ и составить духовное завѣщаніе. Вдова, монна Урсула, женщина скромная, добродѣтельная, но недалекаго ума, довѣрила торговыя дѣла мужа брату Маттео, умѣвшему ее обойти вкрадчивыми и тихими рѣчами. Онъ убѣдилъ простодушную женщину въ томъ, что покойный, благодаря легкомыслію, оставилъ свои счетныя книги въ безпорядкѣ, умеръ наканунѣ разоренія, и что необходимо, если она желаетъ спасти остатокъ имущества, прекратить торговлю и закрыть мясную лавку на Mercato Vecchio. Злые языки утверждали, будто бы этотъ «продувной тихоня» Маттео безбожно обманулъ вдову, чтобы, согласно своему давнему желанію, отвести всю воду изъ торговаго оборота Джіованни на колеса шерстобойныхъ мельницъ.

Какъ бы то ни было, но съ этого времени дѣла Маттео сильно пошли въ гору, и онъ сталъ отправлять ежегодно изъ Ливорно въ Константинополь уже не два, а цѣлыхъ пять или шесть кораблей, нагруженныхъ превосходною тосканскою шерстью. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему обѣщали выгодное и почетное мѣсто знаменоносца Льняного Цеха — именитаго флорентинскаго Arte di Lana. Вдовѣ брата великодушно выдавалъ онъ небольшое ежемѣсячное вспомоществованіе, такъ что моннѣ Урсулѣ приходилось жить, во многомъ себѣ отказывая и терпя лишенія, тѣмъ болѣе, что на рукахъ ея осталось единственное и нѣжно-любимое дитя, молодая дочь, по имени Джиневра, а въ тѣ времена во Флоренціи такихъ жениховъ, которые не зарились бы на приданое, было столь же мало, какъ и теперь. Но благочестивая монна Урсула на падала духомъ, усердно молилась всѣмъ святымъ Божьимъ угодникамъ, въ особенности же св. Антонію, неустанному и горячему заступнику мясниковъ, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей, питала надежду, что Господь, защитникъ вдовъ и сиротъ, пошлетъ ея дочери-безприданницѣ добраго и достойнаго мужа, и имѣла тѣмъ больше права разсчитывать на это, что Джиневра отличалась рѣдкою красотою.

Трудно было повѣрить, чтобы у этого толстаго и неуклюжаго балагура Джіованни могла родиться дочь, одаренная такою нѣжною прелестью.

Джиневра всегда одѣвалась въ простыя и темныя ткани; но сквозь вырѣзъ на груди ея виднѣлась въ мелкихъ сборкахъ рубашка тонкаго «ренскаго» полотна, и вокругъ ея прелестной шеи, немного худощавой и длинной, какъ у всѣхъ флорентинскихъ дѣвушекъ, обвивалась жемчужная нить, на которой висѣла древняя камея изъ хризолита съ изображеніемъ кентавра. Свѣтлые блѣдно-золотистые волосы были покрыты кисеей, опускавшейся до середины лба, такою прозрачною, что можно было сквозь нее различить красивую прическу, состоявшую изъ множества тонко и тщательно заплетенныхъ косичекъ, сложенныхъ кругообразно или узорами, подобными то листьямъ винограда, то листь-

ямъ папоротника. Блѣдное и кроткое лицо Джиневры было похоже на лицо той Мадонны, написанной Филиппо Липпи для флорентинской Бадіи, Непорочной Дѣвы, которая является въ пустынѣ св. Бернарду и нѣжными, блѣдными, какъ воскъ церковныхъ свѣчей, длинными пальцами перевертываетъ листы его книги. Въ дѣтскихъ губахъ, въ спокойномъ печальномъ взорѣ, въ высоко поднятыхъ, едва очерченныхъ бровяхъ Джиневры было выраженіе той же непроницаемой для зла, безконечной невинности. И хотя отъ нея вѣяло утреннимъ холодомъ и свѣжестью монастырской лиліи, вся она казалась непрочною, недолговѣчною, слишкомъ тонкою и хрупкою, какъ бы несозданной для жизни. Когда по улицамъ Флоренціи дочь мясника Альмьери шла въ церковь, скромная, тихая, съ опущенными глазами, съ молитвенникомъ въ рукахъ, — веселые юноши, спѣшившіе на пиръ или охоту, останавливали коней, лица дѣлались важными, шутки и смѣхъ умолкали, и почтительными взорами долго провожали они прекрасную Джиневру.

Дядя Маттео, слыша похвалы добродѣтелямъ племянницы, вознамѣрился выдать ее замужъ за человѣка не первой молодости, но всѣми уважаемаго, имѣвшаго связи съ тогдашними правителями города — Альбиццы, одного изъ секретарей флорентинской республики, мессэра Франческо дельи Аголанти. Это былъ великій знатокъ латинскаго языка, излагавшій канцелярскія донесенія и бумаги торжественнымъ слогомъ Тита Ливія и Саллюстія, — нрава нѣсколько суроваго и нелюдимаго, но зато безукоризненно честнаго, напоминавшій древняго римлянина; у него и лицо было похоже на лицо сенатора временъ республики и одѣваться онъ умѣлъ въ длинное, со многими складками, платье флорентинскихъ чиновниковъ изъ темно-краснаго сукна, какъ въ настоящую римскую тогу. Онъ такъ страстно любилъ древнюю письменность, что когда въ Тосканѣ распространилась мода на греческій языкъ и въ *studio* — тогдашнемъ университетѣ — сталъ объяснять грамматику пріѣзжій изъ Константинополя ученый византіецъ Эммануилъ Хризолорасъ, то мессэръ Аголанти не постыдился, несмотря на

свой почтенный возрастъ, уже будучи секретаремъ флорентинской республики, сѣсть рядомъ съ мальчиками на школьную скамью и начать съ азбуки изученіе греческаго языка, въ которомъ достигъ немалыхъ знаній, такъ что читалъ въ подлинникѣ и Органонъ Аристотеля, и діалоги Платона. Словомъ, лучшей и болѣе выгодной родни не могъ себѣ представить хитрый шерстобой съ чесголюбивыми замыслами. Маттео обѣщалъ дать за своей племянницей хорошее приданое подъ условіемъ, чтобы мессэръ Аголанти соединилъ свое имя и гербъ съ именемъ и гербомъ Альмьери.

Наперекоръ, однако, всѣмъ этимъ многочисленнымъ и явнымъ достоинствамъ жениха своего, Джиневра долго противилась намѣреніямъ дяди, и свадьбу откладывали съ года на годъ. Когда же Маттео потребовалъ скораго и рѣшительнаго отвѣта, она объявила, что есть у нея другой женихъ, болѣе любезный сердцу, и, къ немалому изумленію, даже испугу благочестивой монны Урсулы, назвала ей имя мессэра Антоніо дэ Рондинелли. Это былъ молодой и довольно бѣдный ваятель, державшій «боттегу» свою, или мастерскую, съ немногими учениками въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ, недалеко отъ Ponte Vecchio. Антоніо познакомился съ Джиневрой въ домѣ ея собственной матери: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ попросилъ онъ позволенія вылѣпить изъ воска голову молодой дѣвушки, желая воспользоваться красотою Джиневры, знаменитою среди флорентинскихъ ваятелей и художниковъ, для рѣзной иконы св. великомученицы Варвары, которая была ему заказана богатымъ монастыремъ въ окрестностяхъ города. Монна Урсула не могла отказать ваятелю въ столь благочестивомъ дѣлѣ, и во время работы художникъ полюбилъ свой прекрасный образецъ, какъ нѣкогда Пигмаліонъ Галатею. Затѣмъ встрѣчались они на городскихъ праздникахъ и зимнихъ посидѣлкахъ, куда хозяева всегда были рады пригласить Джиневру, ибо она могла служить украшеніемъ всякаго праздника.

Когда монна Урсула, робко и вѣжливо извиняясь, попробовала сообщить дядѣ Маттео, что у Джиневры есть другой женихъ, любезный ея сердцу, и назвала мессэра

Антоніо дэ Рондинелли, шерстобой, хотя втайнѣ сильно разгнѣвался, принялъ смиренный и ласковый видъ и, обращаясь къ моннѣ Урсулѣ, такъ повелъ свою рѣчь тихимъ голосомъ:

— Мадонна, если бы собственными ушами не слышалъ я того, что вы мнѣ только что изволили сказать, — никогда не повѣрилъ бы я, чтобы такая добродѣтельная и благоразумная женщина обратила какое-либо вниманіе на легкомысленную прихоть неопытнаго ребенка. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время молодыя дѣвушки и заикнуться не смѣли о выборѣ жениха, покорствуя во всемъ волѣ отца или попечителя. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, кто такой этотъ мессэръ Антоніо, котораго племянница моя почтила своимъ выборомъ? Неужели вамъ неизвѣстно, что скульпторами, живописцами, поэтами, актерами и уличными пѣвцами дѣлаются люди, которымъ ничего лучшаго не остается, и которые не умѣютъ заняться никакимъ, болѣе почетнымъ и выгоднымъ, промысломъ. Это народъ самый лекомысленный и ненадежный, какой только можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ: пьяницы, распутники, лѣнтяи, безбожники, сквернословы, расточители своего собственнаго и чужого имущества. Что же касается мессэра Антоніо, конечно, вы должны были слышать о немъ то, что всѣ во Флоренціи говорятъ, и что мнѣ извѣстно не менѣе, чѣмъ кому-либо другому, а потому только напомню вамъ объ одномъ обычаѣ этого юноши — о круглой корзинѣ, которая виситъ у него въ мастерской на шнуркѣ, перекинутомъ черезъ блокъ, такъ что одинъ конецъ веревки привязанъ къ корзинѣ, другой къ желѣзному гвоздю, вбитому въ стѣну. Въ эту корзину Антоніо бросаетъ, не считая, всѣ деньги, какія заработаетъ. И каждый, кто пожелаетъ, будь то ученикъ, или знакомый, можетъ притти, опустить корзину на блокѣ, не спрашивая хозяина, взять столько, сколько нужно — мѣдныхъ, серебряныхъ или золотыхъ монетъ. Не думаете ли вы, мадонна, что я довѣрю мои деньги, приданое, обѣщанное вашей дочери, такому безумцу? Но это еще не все: извѣстно ли вамъ что мессэръ Антоніо питаетъ въ мысляхъ своихъ гнус-

ное, посѣянное дьяволомъ, безбожіе эпикурейской философіи, не ходитъ въ церковь, смѣется надъ святыми таинствами и не вѣритъ въ Бога? Добрые люди разсказываютъ, что онъ болѣе поклоняется мраморнымъ обломкамъ мерзостныхъ языческихъ идоловъ, соблазнительныхъ боговъ и богинь, которыхъ нынче стали откапывать изъ-подъ земли, нежели благодатнымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ святыхъ Божьихъ угодниковъ. Также слышалъ я отъ другихъ людей, достойныхъ не меньшаго довѣрія, что въ своей боттегѣ по ночамъ вмѣстѣ съ учениками разсѣкаетъ онъ человѣческіе трупы, купленные за немалую цѣну у больничныхъ сторожей, для того, чтобы, какъ онъ говоритъ, изучатъ анатомію, строеніе человѣческаго тѣла, нервы и мускулы, и такимъ образомъ усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, а на самомъ дѣлѣ для того, полагаю, чтобы угодить помощнику и совѣтнику своему, исконному врагу нашего спасенія, дьяволу, который наставляетъ его въ искусствѣ черной магіи. Ибо ужъ, конечно, не какими-либо иными средствами, а только чарами, колдовствомъ и бѣсовскимъ наваждeніемъ, овладѣлъ этотъ еретикъ сердцемъ вашей невинной дочери.

Такими и подобными рѣчами дядя Маттео устрашилъ монну Урсулу и убѣдилъ ее во всемъ, въ чемъ ему было угодно. Когда мать объявила Джиневрѣ, что дядя, въ случаѣ рѣшительнаго отказа ея выйти замужъ за мессэра Франческо дельи Аголанти, отниметъ у нихъ ежемѣсячное содержаніе, и такимъ образомъ ей, моннѣ Урсулѣ, на старости лѣтъ грозитъ нищета, — молодая дѣвушка, полная несказаннаго горя, покорилась своей участи и выразила согласіе исполнить волю дяди.

Въ этотъ годъ Флоренцію постигло великое бѣдствіе, предсказанное многими астрологами на томъ основаніи, что въ небесномъ знакѣ Скорпіона Сатурнъ чрезмѣрно приблизился къ Марсу. Нѣкоторые купцы, пріѣхавшіе съ Востока, въ большихъ тюкахъ драгоцѣнныхъ индѣйскихъ ковровъ привезли чумную заразу. Устроено было торжественное церковное шествіе по улицамъ съ пѣніемъ

жалобныхъ *miserere*, съ чудотворнымъ образомъ Богоматери Импрунеты, предносимой клиромъ архіепископу. Стали издавать законы, воспрещавшіе свалку нечистотъ въ городской чертѣ, зараженіе водъ Арно разлагающимися отбросами кажевенныхъ заводовъ и скотобоенъ, принимать мѣру для отдѣленія больныхъ отъ здоровыхъ. Подъ страхомъ денежной пени, тюремнаго заключенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и смертной казни, запрещено было оставлять въ домахъ — умершихъ въ теченіе дня — до заката,—въ теченіе ночи—до восхода солнечнаго, хотя бы родственники утверждали, что смерть произошла не отъ чумы, а отъ какой-либо другой болѣзни. Городъ обходили дозоромъ ссобые надсмотрщики, имѣвшіе право во всякое время дня и ночи стучаться въ двери, спрашивать нѣтъ ли больныхъ или мертвыхъ, производить обыски. Всюду появлялись просмоленныя страшныя дроги, въ дыму факеловъ, въ сопровожденіи молчаливыхъ людей въ маскахъ и черныхъ одеждахъ, пропитанныхъ дегтемъ, съ длинными крюками, которыми они издалека, чтобы не заразиться, хватали чумные трупы, подымали и сваливали на дроги. Ходили слухи, что эти люди, которыхъ народъ называлъ «черными дьяволами», забирали не только мертвыхъ, но и умирающихъ, для того, чтобы лишній разъ не возвращаться на то же мѣсто. Зараза, начавшаяся въ концѣ лѣта, продолжалась до поздней осени, и зимніе холода, наступившіе въ тотъ годъ очень рано, не прекратили ее. Вотъ почему тѣ изъ достаточныхъ людей, которые не связаны были важными дѣлами, спѣшили покинуть Флоренцію, удаляясь въ загородныя виллы, гдѣ воздухъ былъ чище и здоровѣе.

Дядя Маттео, боясь всевозможныхъ случайностей и не разсчитывая на долгую покорность племянницы, торопилъ свадьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что моннѣ Урсулѣ съ дочерью слѣдуетъ поскорѣе уѣхать изъ города, а мессэръ Франческо дельи Аголанти предлагаетъ увезти Джиневру вмѣстѣ съ ея матерью, взявъ отпускъ тотчасъ же послѣ свадьбы, въ свою прелестную, загородную виллу на склонахъ Монте Альбано.

Такъ желалъ мессэръ Маттео, такъ и было рѣшено. Свадьбу назначили черезъ нѣсколько дней, и скромно, безъ всякой пышности, какъ прилично было въ столь печальные дни, совершили обрядъ. Подъ вѣнцомъ Джиневра стояла блѣдная, какъ полотно ,и лицо ея выражало страшное спокойствіе. Но дядя надѣялся, что эти дѣвичьи прихоти какъ рукой сниметъ послѣ свадьбы, и что мессэръ Франческо сумѣетъ заслужить любовь молодой жены. Надеждамъ его не суждено было оправдаться: когда новобрачная, выйдя изъ церкви, вступила въ домъ своего мужа, съ нею сдѣлалось дурно, и она упала замертво. Сначала думали, что Джиневра въ глубокомъ обморокѣ, стали приводить ее въ чувство, но глаза не открывались, дыханіе ослабѣвало, кожа на лицѣ и на всемъ тѣлѣ покрылась смертельною блѣдностью, члены похолодѣли, и когда, нѣсколько часовъ спустя, позвали докторовъ (въ то время ихъ звали неохотно, опасаясь, чтобы не распространился слухъ, что въ домѣ зараза), они приложили зеркало къ бездыханнымъ губамъ Джиневры и на немъ не могли замѣтить влажнаго слѣда отъ дыханія, то всѣ, пораженные невыразимою скорбью и состраданіемъ, убѣдились въ томъ, что это — не мнимая, а настоящая смерть. Сосѣди говорили, что Богъ наказываетъ Альмьери за то, что они сыграли свадьбу въ такое непозволительное время, и что молодая жена мессэра Франческо, только что вернувшись изъ церкви послѣ вѣнчанія, заболѣла чумою и умерла. Слухи эти могли распространяться тѣмъ легче, что родственники дѣвушки, опасаясь посѣщенія «черныхъ дьяволовъ», до послѣдней минуты скрывали отъ всѣхъ обморокъ и смерть Джиневры. Но къ вечеру пришли надсмотрщики, которымъ сосѣди не преминули донести обо всемъ, что происходило въ домѣ Альмьери и стали требовать, чтобы родственники выдали тѣло Джиневры или немедленно его похоронили: когда же, послѣ долгихъ переговоровъ, имъ дали хорошую взятку, они согласились, чтобы тѣло усопшей оставалось въ домѣ мессэра Франческо никакъ не долѣе, чѣмъ до вечера слѣдующаго дня.

Впрочемъ, въ смерти Джиневры никто изъ родныхъ уже не сомнѣвался, кромѣ ея старой няни, на которую не обращали вниманія, полагая, что она выжила изъ ума и заговаривается. Старуха съ жалобными причитаніями молила не хоронить умершей, увѣряя, что доктора ошибаются, что Джиневра не умерла, а спитъ, и утверждала, что прикладывая руку къ сердцу своей голубки, она «чуетъ, какъ оно бьется слабо-слабо,—слабѣе, чѣмъ крыло ночной бабочки».

Прошелъ день, и такъ какъ молодая дѣвушка не подавала признаковъ жизни, ее одѣли въ саванъ, положили въ гробъ и отнесли въ соборную церковь Санта Репарата. Склепъ, сухой и просторный, выложенный гладкими тосканскими кирпичами, находился въ углубленіи между двумя дверями церкви, на одномъ изъ такъ называемыхъ кладбищенскихъ двориковъ (avello), подъ тѣнью высокихъ кипарисовъ, среди усыпальницъ благородныхъ семействъ Флоренціи. За эту могилу, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ роскошную для дочери мясника, Маттео Альмьери заплатилъ большія деньги, взятыя, впрочемъ, изъ приданаго самой Джиневры. Отпѣваніе совершили торжественно. Восковыхъ свѣчей не жалѣли, и нищимъ раздано было на поминовеніе души усопшей по мѣрѣ ячменной крупы и масла оливковаго каждому на полъ-сольди. Несмотря на холодъ и страхъ чумы, много народу собралось на похороны; нѣкоторые, даже незнакомые, слыша горестный разсказъ о смерти новобрачной не могли удержаться отъ слезъ и повторяли нѣжный стихъ Петрарки:

Morte bella parea nel suo bel viso.
Смерть казалась прекрасной на ея прекрасномъ лицѣ.

Мессэръ Франческо произнесъ надъ гробомъ рѣчь, съ цитатами не только латинскими, но и греческими изъ Платона и Гомера, что было тогда новостью, и многимъ слушателямъ, даже не понимавшимъ по-гречески, нравилось.

Смятеніе произошло только въ концѣ похоронъ, когда гробъ вынесли изъ собора и поставили въ склепѣ для по-

слѣдняго цѣлованія. Блѣдный человѣкъ въ траурномъ шелковомъ плащѣ подошелъ къ покойницѣ и, откинувъ кисейную дымку съ лица ея, сталъ глядѣть на него пристальнымъ взоромъ. Его попросили отойти, замѣтивъ, что ему, «какъ чужому», непристойно подходить къ усопшей ранѣе, чѣмъ съ нею простятся родные. Когда блѣдный человѣкъ услышалъ, что его называютъ «чужимъ», а дядю Маттео и массэра Франческо «родными», онъ горько усмѣхнулся, поцѣловалъ мертвую въ уста, опустилъ дымку на лицо ея и отошелъ, не сказавъ ни слова. Въ толпѣ стали перешептываться, указывая на него, называя мессэра Антоніо дэ Рондинелли, возлюбленнаго Джиневры, изъ-за котораго она умерла.

Наступили сумерки, и такъ какъ обрядъ похоронъ былъ конченъ, толпа разошлась. Монна Урсула желала провести ночь у гроба, но этому воспротивился дядя Маттео, ибо она была такъ истощена горемъ, что опасались за ея жизнь.

Въ склепѣ остался только фра Марьяно, доминиканецъ, который долженъ былъ читать молитвы надъ покойницей.

Прошло нѣсколько часовъ; въ тишинѣ ночи раздавался мѣрный голосъ монаха и порою медленный, мѣдный бой часовъ на колокольнѣ, «кампаниллѣ» Джіотто. Послѣ полуночи фра Марьяно почувствовалъ жажду, вынулъ изъ кармана флягу треббіанскаго и, закинувъ голову, отхлебнулъ нѣсколько глотковъ съ наслажденіемъ, какъ вдругъ почудился ему тихій вздохъ. Онъ внимательно прислушался; вздохъ повторился, и на этотъ разъ ему показалось, что легкая кисея на лицѣ покойной шевельнулась. Холодъ ужаса пробѣжалъ по спинѣ его, но такъ какъ онъ былъ не новичокъ въ этомъ дѣлѣ и хорошо зналъ, что даже привычнымъ людямъ ночью, наединѣ съ мертвымъ тѣломъ, всякое мерещится, рѣшилъ ни на что не обращать вниманія, перекрестился и зычнымъ голосомъ продолжалъ читать молитвы. Прошло еще нѣсколько времени. Вдругъ голосъ монаха оборвался, лицо вытянулось—онъ окаменѣлъ, вперивъ открытые глаза въ лицо покойницы: теперь уже не вздохъ, а слабый стонъ вылетѣлъ изъ устъ ея; фра Марьяно въ этомъ болѣе не сомнѣвался, ибо видѣлъ, какъ медленно подымалась и опу-

скалась грудь усопшей, колебля кисейный покровъ — она дышала. Крестясь, дрожа всѣми членами, бросился онъ къ двери и выскочилъ изъ склепа. Опомнившись на свѣжемъ воздухѣ и подумавъ опять, что ему померещилось, онъ прошепталъ нѣсколько разъ Ave Maria, вернулся къ двери и заглянулъ въ склепъ; въ то же мгновеніе крикъ ужаса вырвался изъ груди его: мертвая сидѣла въ гробу съ открытыми глазами. Фра Марьяно пустился бѣжать безъ оглядки черезъ кладбище, черезъ площадь Баптистерія Санъ-Джіованни, по улицѣ Рикàсоли, — только деревянныя сандаліи, «цокколи» монаха стучали, отбивая дробь по обледянѣлой кирпичной мостовой.

Джиневра Альмьери, проснувшись отъ сна или обморока, подобнаго смерти, съ недоумѣніемъ оглядывала могилу. При мысли, что ее заживо похоронили, ужасъ овладѣлъ ею, она сдѣлала отчаянное усиліе, вылѣзла изъ гроба и, кутаясь въ саванъ, вышла въ дверь, отворенную монахомъ,— на кладбище, потомъ на площадь передъ соборомъ. Сквозь быстрыя, разорванныя вѣтромъ облака падалъ свѣтъ луны, и въ немъ бѣлѣла мраморная колокольня Джіотто. Мысли Джиневры путались, голова кружилась: ей казалось, что колокольня вмѣстѣ съ нею уносится въ лунныя облака, и она не могла понять, живая она или мертвая, во снѣ ли все это происходитъ или наяву.

Не сознавая, куда идетъ, прошла она нѣсколько пустынныхъ улицъ, увидѣла знакомый домъ, остановилась, подошла къ двери и постучала. Это былъ домъ дяди Маттео.

Шерстобой, несмотря на поздній часъ, не ложился, ожидая нарочнаго съ извѣстіемъ о двухъ торговыхъ корабляхъ, возвращавшихся изъ Константинополя. Ходили слухи, что буря недалеко отъ Ливорнскаго побережья разбила множество фелуккъ и большихъ флорентинскихъ галеръ, такъ что дядя Маттео опасался, чтобы среди нихъ не потерпѣли крушеніе и его корабли. За ночь успѣлъ онъ проголодаться и заказалъ своей служанкѣ Ненчіи, рыжей красивой дѣвушкѣ съ веснушками и зубами бѣлыми, какъ молоко—жа-

ренаго на вертелѣ каплуна. Дядя Маттео жилъ старымъ холостякомъ, но всегда имѣлъ въ домѣ молодыхъ служанокъ. Въ эту ночь сидѣлъ онъ въ кухнѣ, у очага, такъ какъ въ остальныхъ комнатахъ было холодно. Ненчія, зарумянившись, засучивъ рукава, вращала надъ яркимъ огнемъ вертелъ, и веселое пламя отражалось въ блестящей глинѣ чисто вымытыхъ горшковъ и блюдъ, разставленныхъ на полкахъ.

— Ненчія, слышишь? — произнесъ дядя, насторожившись.

— Вѣтеръ. Не пойду. Вы меня и такъ уже три раза гоняли.

— Какой тамъ вѣтеръ? Стучатъ. Это нарочный. Ступай, отопри скорѣе.

Толстая Ненчія стала лѣниво спускаться по крутой деревянной лѣстницѣ, а дядя Маттео сверху, поднявъ надъ головою фонарь, освѣщалъ ей путь.

— Кто тамъ?—спросила служанка.

— Это я... я... Джиневра Альмьери, — отвѣтилъ слабый голосъ изъ-за двери.

— Gesù! Gesù! Съ нами крестная сила! — пролепетала Ненчія; ноги у нея подкосились, и, чтобы не упасть, она должна была схватиться за лѣстничныя перила. Мессэръ Маттео поблѣднѣлъ и чуть не выронилъ фонарь изъ рукъ.

— Ненчія, Ненчія, отопри скорѣе! — умоляла Джиневра. — Пусти погрѣться, мнѣ холодно... Скажи дядѣ, что это я...

Служанка, несмотря на тучное тѣлосложеніе, такъ взлетѣла по лѣстницѣ, что ступеньки затрещали подъ ея ногами.

— Вотъ вамъ и нарочный! Дождались — нечего сказать. Говорила я вамъ, мессэръ Маттео, ложитесь да спите, какъ всѣ добрые христіане... Ай, ай, ай! Опять стучитъ, слышите,— стонетъ бѣдная душенька, да какъ жалобно. Господи, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! Святой Лаврентій, моли Бога за насъ!

— Послушай, Ненчія,—произнесъ дядя нерѣшительно,— пойду-ка я, посмотрю что тамъ такое. Какъ знать, можетъ быть..

— Этого еще не доставало, — крикнула Ненчія, всплеснувъ руками, — скажите, какой храбрецъ отыскался! Такъ я васъ и пустила. Сами на тотъ свѣтъ захотѣли, что ли? Нечего шляться, сидите, пока съ нами чего похуже не приключилось.

Доставъ съ полки склянку святой воды, Ненчія окропила ею наружную дверь дома, лѣстницу, кухню и самого мессэра Маттео. Онъ уже болѣе не спорилъ и покорился умной служанкѣ, полагая, что она лучше знаетъ, какъ должно обращаться съ привидѣніями. И Ненчія громкимъ голосомъ произнесла заклинаніе:

— «Благословенная душа, ступай съ Богомъ — мертвая къ мертвымъ. Господь тебя да упокоитъ въ селеніи праведныхъ».

Джиневра, услышавъ, какъ ее назвали мертвою, поняла, что ей больше нечего ждать, встала съ порога, на который опустилась въ изнеможеніи, и поплелась далѣе искать себѣ пріюта.

Едва двигая замерзшими ногами, дошла она до сосѣдняго переулка, гдѣ находился домъ ея мужа, мессэра Франческо дельи Аголанти.

Секретарь флорентійской Синьоріи писалъ въ это время длинное философическое посланіе на латинскомъ языкѣ своему другу въ Миланѣ, Муцію дельи Уберти, такому же, какъ онъ, поклоннику древнихъ музъ. Это былъ цѣлый богословскій трактатъ, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о безсмертіи души по поводу смерти возлюбленной супруги моей Джиневры Альмьери». Мессэръ Франческо сравнивалъ ученіе Аристотеля съ ученіемъ Платона, опровергая мнѣніе Ѳомы Аквината, утверждавшаго, что философію Стагирита можно согласовать съ догматами католической церкви о раѣ, адѣ и чистилищѣ; тогда какъ мессэръ Франческо доказывалъ многими ясными и остроумными силлогизмами, что отнюдь не ученіе Аристотеля, который былъ тайнымъ скептикомъ и атеемъ, а ученіе великаго почитателя боговъ—Платона, согласуется съ христіанскою вѣрою.

Ровнымъ пламенемъ горѣла мѣдная лампада, привѣшенная надъ гладкою наклонною доскою уютнаго письменнаго поставца изъ точенаго дерева, со многими выдвижными ящиками и отдѣленіями для бумаги, чернилъ, перьевъ. Форма лампады изображала тритона, обнявшагося съ океанидой, ибо во всѣхъ мелочахъ будничной жизни мессэръ Аголанти любилъ подражаніе изящнымъ древнимъ образцамъ. На драгоцѣнномъ пергаментѣ стариннаго Тимея, нѣжномъ, какъ шелкъ, твердомъ, какъ слоновая кость, свѣтилось золото заставокъ, изображавшихъ пляску голыхъ амуровъ или ангеловъ, съ гирляндами райскихъ цвѣтовъ.

Мессэръ Франческо только что началъ разбирать съ богословской точки зрѣнія ученіе о метампсихозѣ, или переселеніи душъ, при чемъ остроумно пошутилъ надъ пиѳагорейцами, которые, какъ извѣстно, не ѣдятъ бобовъ, утверждая, что въ нихъ заключены души предковъ, — когда послышался слабый стукъ въ дверь. Онъ нахмурилъ брови, ибо не выносилъ шума во время работы и выбиралъ для занятій самые тихіе ночные часы, чтобы ему никто не мѣшалъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ къ слуховому окну, открылъ его, выглянулъ на улицу и въ блѣдномъ лунномъ сумракѣ увидѣлъ мертвую Джиневру, окутанную саваномъ.

Въ то же мгновеніе, забывъ Платона и Аристотеля, мессэръ Франческо захлопнулъ окно такъ поспѣшно, что Джиневра не успѣла молвить слова, сталъ шептать Ave Maria и креститься въ суевѣрномъ ужасѣ, какъ Ненчія.

Впрочемъ, скоро пришелъ онъ въ себя, устыдился собственнаго малодушія и вспомнилъ то, что говорятъ александрійскіе неоплатоники Проклъ и Порфирій о явленіяхъ мертвецовъ, а именно, что демоны, существа породы средней и двойственной, живущіе между землей и небомъ, иногда съ цѣлью доброю, чтобы пророчествовать, иногда злою, чтобы устрашать людей, облекаются въ прозрачныя тѣла, имѣющія сходство съ кѣмъ-либо изъ умершихъ и образованныя, по мнѣнію однихъ, изъ влажной стихіи воздуха, сгущеннаго холодомъ, по мнѣнію другихъ, изъ той огненной, безцвѣтной и прозрачной матеріи, изъ которой состоятъ и

низшія растительныя души, какъ разумныхъ, такъ и неразумныхъ тварей, живущихъ на землѣ. Вспомнивъ все это и объяснивъ себѣ то, чего сперва такъ испугался, логическими и естественными доводами, мессэръ Франческо окончательно успокоился, снова открылъ окно и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Кто бы ты ни былъ, духъ земной или небесный,— скройся, удались туда, откуда пришелъ, ибо напрасно ты хочешь устрашить того, чей разумъ просвѣщенъ свѣтомъ высшей философіи. Ты можешь обмануть тѣлесныя, но не духовныя очи мои. Отойди же съ миромъ подъ своды Аида— мертвая къ мертвымъ.

И онъ закрылъ окно на этотъ разъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не отворять его, хотя бы стучались цѣлые легіоны жалобныхъ призраковъ.

А Джиневра пошла далѣе, и, такъ какъ была недалеко отъ Стараго Рынка, скоро увидала домъ своей матери.

Монна Урсула стояла на колѣняхъ передъ распятіемъ и рядомъ съ ней былъ суровый монахъ фра Джьякомо съ блѣднымъ лицомъ, изможденнымъ постами. Она подняла къ нему взоры полные ужаса.

— Что мнѣ дѣлать, отецъ мой? Помогите. Нѣтъ въ моей душѣ покорности, нѣтъ молитвы. Мнѣ кажется, что Богъ отступился отъ меня, и душа моя обречена на погибель...

— Покорись, покорись Богу во всемъ, до конца,—убѣждалъ ее монахъ,—не ропщи, смири голосъ буйной плоти, ибо чрезмѣрная любовь твоя къ дочери — отъ плоти, а не отъ духа. Скорби не о томъ, что она умерла тѣлесною смертью, а лишь о томъ, что предстала на судъ Всевышняго, безъ покаянія, великою грѣшницей.

Въ это время постучали въ дверь.

— Мама, мама, это — я... пусти меня скорѣе!

— Джиневра!.. — воскликнула монна Урсула и хотѣла броситься къ дочери, но монахъ остановилъ ее:

— Куда ты? Безумная! Дочь твоя лежитъ въ гробу, мертвая, и не встанетъ до страшнаго суднаго дня. Это злой духъ искушаетъ тебя голосомъ дочери, голосомъ плоти и крови

твоей. Покайся же, молись, молись, пока еще не поздно, за себя и за грѣшную душу Джиневры, чтобы вамъ обѣимъ не погибнуть.

— Мама, или ты не слышишь, не узнаешь моего голоса? Это я — живая, а не мертвая...

— Пустите, отецъ мой, пустите меня...

Тогда фра Джьякомо поднялъ руку и прошепталъ:

— Ступай и помни, — нынѣ обрекаешь ты на погибель не только себя, но и душу Джиневры. Богъ проклянетъ тебя и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!

Лицо монаха полно было такою ненавистью, глаза его горѣли такимъ огнемъ, что монна Урсула остановилась, объятая ужасомъ, сложила руки съ мольбой и въ изнеможеніи упала къ ногамъ его.

Фра Джьякомо обернулся къ двери, осѣнилъ ее знаменемъ креста и молвилъ:

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святого! Заклинаю тебя кровью Распятаго на крестѣ — сгинь, сгинь, пропади, окаянный. Мѣсто наше свято. Господи, не введи во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

— Мама, мама, сжалься надо мною, — я умираю!..

Мать еще разъ встрепенулась, простерла руки къ дочери, но ихъ раздѣлялъ монахъ, неумолимый, какъ смерть.

Тогда Джиневра упала на землю и, чувствуя, что замерзаетъ, поджала колѣни, обняла ихъ руками, склонила голову и рѣшила болѣе не вставать, не двигаться, пока не умретъ. «Мертвые не должны возвращаться къ живымъ», подумала она,—и въ то же мгновеніе вспомнила Антоніо: «Неужели и онъ прогналъ бы меня?» Она и раньше думала о немъ, но ее удерживалъ стыдъ, ибо она не хотѣла итти къ нему ночью одна, будучи женою другого. Теперь, когда для живыхъ она была мертвая—не все ли равно?

Луна закатилась; горы, покрытыя снѣгомъ, блѣднѣли на утреннемъ небѣ. Джиневра встала съ порога своей матери. Не найдя пріюта у родныхъ, пошла она къ чужому.

Мессэръ Антоніо въ мастерской недалеко отъ Понтэ Веккіо работалъ всю ночь при свѣтѣ огня надъ восковымъ

изваяніемъ Джиневры. Онъ не замѣчалъ, какъ пролетали часы, какъ въ круглыхъ стеклянныхъ граняхъ оконъ выступилъ холодный свѣтъ грубаго зимняго утра. Художнику помогалъ его любимый ученикъ Бартолино, семнадцатилѣтній отрокъ, бѣлокурый и красивый, какъ дѣвушка.

Лицо Антоніо выражало спокойствіе. Ему казалось, что онъ воскрешаетъ мертвую и даетъ ей новую безсмертную жизнь: опущенныя вѣки готовы были вздрогнуть и подняться, грудь дышала и въ тонкихъ жилахъ на вискахъ билась теплая кровь.

Онъ кончилъ работу и старался придать губамъ Джиневры невинную улыбку, когда въ дверь раздался тихій стукъ.

— Бартолино, — молвилъ Антоніо, не отрываясь отъ работы, — отопри.

Ученикъ подошелъ къ двери и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я — Джиневра Альмьери, — отвѣчалъ чуть слышный голосъ, подобно шелесту ночного вѣтра.

Бартолино отскочилъ въ дальній уголъ комнаты, блѣдный и дрожащій.

— Мертвая!..—шепталъ онъ, крестясь.

Но Антоніо узналъ голосъ своей возлюбленной, вскочилъ, бросился къ Бартолино и вырвалъ у него ключъ изъ рукъ.

— Мессэръ Антоніо, опомнитесь, что вы дѣлаете? — лепеталъ ученикъ, стуча зубами отъ ужаса. Антоній подбѣжалъ къ двери, отперъ ее и увидѣлъ Джиневру, упавшую на порогъ, почти бездыханную: въ сіяніи утра бѣлѣлъ могильный саванъ, и на распущенныхъ кудряхъ былъ иней.

Но онъ не ужасался, ибо сердце его исполнилось великою жалостью.

Онъ наклонился со словами любви, поднялъ ее и понесъ на рукахъ въ свой домъ.

Уложилъ на подушки, покрылъ ихъ лучшимъ ковромъ, какой у него былъ, послалъ Бартолино за хозяйкою, старою женщиною, у которой нанималъ мастерскую, развелъ огонь въ очагѣ, согрѣлъ вина и напоилъ Джиневру изъ своихъ

рукъ. Она вздохнула легче, и хотя еще не могла говорить, открыла глаза. Тогда сердце Антоніо наполнилось радостью.

— Сейчасъ, сейчасъ, — повторялъ онъ, суетясь и бѣгая по комнатѣ, — вотъ придетъ хозяйка, все устроимъ... Только не взыщите, мадонна Джиневра, у меня такой безпорядокъ...

Смущаясь и краснѣя за свое хозяйство, опустилъ онъ съ потолка корзину на блокѣ, который скрипѣлъ и визжалъ къ еще большему стыду мессэра Антоніо, — вынулъ денегъ, отдалъ Бартолино, велѣлъ ему бѣжать на рынокъ за мясомъ, хлѣбомъ, овощами для завтрака, и когда пришла хозяйка, важно и заботливо, какъ будто дѣло шло о спасеніи его собственной жизни, заказалъ горячаго супа съ курицей.

Ученикъ бросился со всѣхъ ногъ за покупками, старуха пошла рѣзать курицу. Антоніо остался наединѣ съ Джиневрой.

Она подозвала его, и когда онъ опустился рядомъ съ нею на колѣни, разсказала ему все, что случилось.

— О, милый мой, — молвила Джиневра, кончивъ разсказъ, — ты одинъ не ужаснулся, когда я пришла къ тебѣ, мертвая, ты одинъ меня любишь.

— Хочешь, я позову твоихъ родныхъ — дядю, мать или мужа? — спросилъ Антоніо.

— Нѣтъ у меня родныхъ — ни мужа, ни дяди, ни матери. Всѣ чужіе, кромѣ тебя, ибо я для нихъ — мертвая, для тебя я — живая, и тебѣ одному принадлежу по праву.

Первые лучи солнца затеплились въ окнахъ. Джиневра улыбнулась ему, и по мѣрѣ того, какъ солнце становилось все ярче, румянецъ жизни приливалъ къ ея щекамъ, въ тонкихъ жилахъ на вискахъ билась теплая кровь. Когда Антоніо наклонился, обнялъ и поцѣловалъ ее въ губы, ей казалось, что солнце воскрешаетъ ее, даетъ ей новую безсмертную жизнь.

— Антоніо, — молвила Джиневра, — благословенна да будетъ смерть, которая научила насъ любить, благословенна да будетъ любовь, которая сильнѣе смерти!

Наука любви.

Мессэръ Фабриціо, одинъ изъ самыхъ ученыхъ профессоровъ Болонскаго университета, читалъ діалектику, въ которой онъ обладалъ столь дивнымъ искусствомъ, что его называли «царемъ силлогизмовъ». Но не одна діалектика, а весь кругъ человѣческихъ знаній, trivium и quadrivium, былъ у мессэро Фабриціо, какъ на ладони. И замѣчательнѣе всего то, что ученый мужъ не только въ предметахъ важныхъ, но и по поводу самыхъ ничтожныхъ житейскихъ мелочей обнаруживалъ бездну своей премудрости. Студенты разсказывали, что однажды, когда ему надо было поставить на письмѣ адресъ: въ Падую, на Винную площадь, въ аптеку Луны, — мессэръ Фабриціо по разсѣянности написалъ: nella città Antenorea, in sul foro di Bacco, all'aromataria della Dea triforme, т.-е. въ городъ Антенора, на форумъ Вакха, въ ароматарію Богини Трехликой. Такъ много и прекрасно говорилъ онъ на языкѣ Туллія, что отчасти забылъ языкъ своей матери, чѣмъ не сокрушался, ибо находилъ его ниже своего достоинства, и, будучи въ дурномъ расположеніи духа, выражалъ мнѣніе, что Божественная комедія Данте въ нынѣшній вѣкъ истиннаго цицероновскаго краснорѣчія пригодна развѣ къ тому, чтобы служить оберточной бумагой въ колбасныхъ лавкахъ. Зато, когда мессэръ Фабриціо объяснялъ, какъ должно писать слово *consumptum* — съ *p*, или безъ *p*, — передъ очами изумленныхъ слушателей открывался такой кладезь учености, что самые легкомысленные и невѣжественные люди чувствовали трепетъ благоговѣйнаго ужаса.

Мессэръ Фабриціо былъ малъ, хилъ и слабъ, такъ какъ тѣло его было истощено непрерывными и чрезмѣрными занятіями, но лицо имѣлъ важное и строгое, взоръ глубокомысленный, брови густыя и нахмуренныя, походку величественную и медленную, и никто не умѣлъ съ бо̀льшимъ достоинствомъ носить малиновую профессорскую пелерину, подбитую заячьимъ мѣхомъ, и громадную шляпу, похожую на тотъ вкусный пирогъ съ вареньемъ, который хозяйки пекутъ дѣтямъ наканунѣ Иванова дня.

Въ это время въ Болонскомъ университетѣ изучали—одинъ каноническое, другой гражданское право — двое знатныхъ и богатыхъ молодыхъ людей изъ Рима, принадлежавшіе къ благородному дому Савелли, закадычные друзья и пріятели. Одного звали Буччіоло, другого Пьетро Паоло. И такъ какъ всѣмъ извѣстно, что каноническое право по объему меньше гражданскаго, то Буччіоло, изучавшій церковное право, кончилъ свои занятія ранѣе, чѣмъ Пьетро Паоло. Сдѣлавшись лицентіатомъ, рѣшилъ онъ вернуться домой—и такъ сказалъ своему товарищу:

— Любезный Пьетро, я имѣю лицентіатъ и намѣренъ возвратиться на родину.

Пьетро возразилъ:

— Прошу тебя, не покидай меня здѣсь, на чужбинѣ, одного. Пережди эту зиму. Къ веснѣ я кончу, и мы можемъ ѣхать вмѣстѣ. А пока, чтобы не терять времени, выбери себѣ какую-нибудь науку по сердцу и займись.

Буччіоло согласился, обѣщалъ подождать друга, пошелъ къ своему профессору, мессэру Фабриціо, и молвилъ такъ:

— Я рѣшилъ обождать моего двоюроднаго брата и прошу васъ маэстро, тѣмъ временемъ преподать мнѣ какую-нибудь еще другую прекрасную науку.

— Хорошо,—отвѣтилъ маэстро, — выбери себѣ, какую пожелаешь, я охотно съ тобою займусь.

Тогда Буччіоло сказалъ:

— Маэстро, ежели будетъ на то согласіе вашей милости, я желалъ бы изучить науку любви.

Мессэръ Фабриціо, услышавъ такую просьбу, нахмурилъ брови, собираясь такъ намылить голову дерзкому мальчишкѣ, чтобы у него навсегда прошла охота шутить съ профессорами; но, взглянувъ на Буччіоло, онъ увидѣлъ столь нѣжное и розовое лицо, столь простодушный и довѣрчивый взоръ, такую скромную и почтительную улыбку, что латинское ругательство замерло на его губахъ, ему вспомнилось что-то старое, пріятное и веселое, не относившееся ни къ силлогизмамъ, ни къ грамматикѣ Присціана и Доната; онъ тоже улыбнулся и отвѣтилъ ученику:

— Отлично. Ты не могъ бы выбрать науку, которая была бы болѣе мнѣ по сердцу. Итакъ, ступай въ слѣдующее воскресенье въ церковь миноритовъ, къ заутрени, когда туда собираются женщины со всего города, и поищи, не найдешь ли такой, которая тебѣ понравится. Если найдешь,— слѣдуй за ней издалека, пока не узнаешь, гдѣ она живетъ,— потомъ возвращайся ко мнѣ. Вотъ тебѣ первый урокъ, исполни его въ точности.

Буччіоло сдѣлалъ такъ, какъ научилъ его маэстро. Пошелъ въ церковь и сталъ внимательно разсматривать лица женщинъ, которыхъ туда собралось немало.

Болѣе всѣхъ понравилась ему одна дама, одаренная лукавою и нѣжною прелестью. Когда она вышла изъ церкви, Буччіоло послѣдовалъ за нею, замѣтилъ домъ, въ которомъ она жила, изъ чего дама заключила, что студентъ намѣренъ ухаживать за нею.

Потомъ вернулся къ маэстро и сказалъ:

— Я исполнилъ первый урокъ, и нашелъ даму, которая мнѣ нравится.

Мессэру Фабриціо все это казалось презабавнымъ, ибо втайнѣ онъ подсмѣивался надъ простодушнымъ Буччіоло и наукою, которой онъ желалъ учиться.

Съ видомъ важнымъ и глубокомысленнымъ молвилъ онъ:

— Теперь слѣдуетъ тебѣ раза два или три въ теченіе дня пройтись передъ ея окнами,—только держи себя скромно и прилично. Смотри на нее украдкою, такъ, чтобы никто

не замѣтилъ, и только дама могла понять, что ты въ нее влюбленъ. Потомъ возвращайся ко мнѣ. Это—второй урокъ.

Буччіоло простился съ учителемъ, пошелъ на улицу, гдѣ жила его возлюбленная, и началъ прохаживаться передъ домомъ, соблюдая благоразумную осторожность, но все же такъ, чтобы она могла замѣтить, что онъ дѣлаетъ это ради нея. Дама увидѣла его. Буччіоло нѣсколько разъ поклонился ей съ изысканною вѣжливостью. Она отвѣтила ему поклономъ, изъ чего онъ заключилъ, что она къ нему благосклонна. Тотчасъ же пошелъ онъ и сообщилъ объ этомъ учителю, который, выслушавъ его, сказалъ:

— Прекрасно. Я тобою доволенъ. До сихъ поръ все идетъ какъ по маслу. Теперь ты долженъ ей подослать одну изъ уличныхъ разносчицъ, которыя торгуютъ въ Болоньѣ кружевомъ, кошельками, лентами и другимъ моднымъ товаромъ. Вели передать своей дамѣ, что ты во всемъ, чего бы она ни пожелала, готовъ ей служить, что никого на землѣ не любишь болѣе, чѣмъ ее, и что отнынѣ ты намѣренъ быть ей вѣрнымъ рабомъ. Подожди отвѣта, потомъ возвращайся ко мнѣ: я научу тебя, что слѣдуетъ дѣлать далѣе.

Буччіоло пошелъ, не тратя времени, отыскалъ услужливую старую женщину, весьма опытную въ дѣлахъ подобнаго рода, и молвилъ:

— Вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я заплачу такъ, что вы останетесь довольны.

Разносчица отвѣтила:

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, ибо живу трудами рукъ моихъ, какъ честная женщина.

Тогда Буччіоло далъ ей два флорина и сказалъ:

— Прошу васъ, сходите на улицу Маскарелла, гдѣ живетъ молодая женщина по имени мадонна Джіованна, въ которую я влюбленъ. Передайте ей, что я — вѣрный рабъ ея и готовъ исполнить всякое ея желаніе. Выразите все это самыми нѣжными и увѣтливыми словами, какія сумѣете придумать.

Старуха отвѣтила:

— Ужъ знаю, знаю. Съ помощью Господа Бога и Пресвятой Маріи Дѣвы мы такъ обдѣлаемъ это дѣльце, что вы будете довольны, еще другой разъ придете ко мнѣ. Главное— выбрать подходящее время, ужъ объ этомъ предоставьте мнѣ позаботиться.

— Ступайте же, — молвилъ Буччіоло, — я подожду здѣсь.

Разносчица отправилась съ корзиною товара на улицу Маскарелла, увидала мадонну Джіованну, сидѣвшую у двери, поздоровалась и сказала:

— Мадонна, не приглянется ли вамъ что-нибудь изъ моего товара. Берите смѣло все, что понравится.

Старуха подсѣла къ ней и начала показывать ленты, кисею, кошельки, пояса, ножницы, зеркала и тому подобныя вещи. Джіованна долго разсматривала, наконецъ, понравился ей одинъ кошелекъ, и она сказала:

— Если бы у меня были деньги, я охотно купила бы этотъ кошелекъ.

Старуха возразила:

— Мадонна, стоитъ ли заботиться о такихъ пустякахъ. Говорю вамъ, берите изъ моего хлама все, что понравится. Мнѣ уже заплачено.

Дама удивилась и, желая объяснить любезность старухи, спросила:

— Что вы хотите сказать, добрая женщина? Что значатъ эти слова?

Тогда разносчица повела свою рѣчь тихимъ голосомъ:

— Сейчасъ я вамъ все объясню, мадонна. Одинъ юноша, по имени Буччіоло, послалъ меня къ вамъ. Онъ любитъ васъ и преданъ вамъ всею душою. Нѣтъ, говоритъ, на свѣтѣ такого труднаго и опаснаго дѣла, котораго бы я не предпринялъ съ радостью, чтобы заслужить любовь моей дамы. Господь Богъ, говоритъ, не могъ бы оказать мнѣ большей милости, чѣмъ если бы ей угодно было повелѣть мнѣ что-нибудь. А самъ такъ и плачетъ, заливается, какъ свѣча таетъ отъ любви къ вамъ. Да не услышитъ въ смертный часъ молитвы моей Царица Небесная, да разразитъ меня громъ на

этомъ мѣстѣ, ежели я въ чемъ-нибудь солгала и когда-либо въ моей жизни видѣла болѣе прекраснаго и благороднаго юношу!

Когда Джіованна услышала эти слова, лицо ея вспыхнуло.

— О, если бы только языкъ мой не удерживала скромность, я отвѣтила бы тебѣ такъ, какъ ты этого заслуживаешь, старая вѣдьма! Смѣешь ли ты съ такимъ предложеніемъ являться къ честной женщинѣ! Да накажетъ тебя Господь!

И, молвивъ такъ, вынула изъ петель двери деревянный шестъ, служившій запоромъ, и хотѣла ее ударить.

Старуха забрала въ охапку свой товаръ, убѣжала и не прежде почувствовала себя въ безопасности, чѣмъ вернулась къ Буччіоло.

— Ну, что, какъ! — спросилъ онъ, увидѣвъ ее.

— Да что, плохо, свѣтъ мой, такъ плохо, что хуже нельзя. Никогда еще во всю мою жизнь не терпѣла я этакаго срама. Если бы поскорѣй не утекла, пришлось бы старымъ костямъ моимъ отвѣдать палки. Не знаю, какъ вы, мессэръ Буччіоло, но что до меня, то ни за какія деньги я больше къ ней не пойду, да и вамъ не совѣтую.

Буччіоло весьма огорчился, немедленно пошелъ къ своему учителю и повѣдалъ ему все, что случилось.

Мессэръ Фабриціо утѣшилъ его и сказалъ:

— Успокойся, Буччіоло. Ни одно дерево не валится съ перваго удара. Пройдись-ка еще разъ подъ ея окнами, увидимъ какое лицо она сдѣлаетъ. Потомъ опять приходи ко мнѣ.

Буччіоло собрался и пошелъ къ дому своей возлюбленной. Только что она его увидѣла, какъ позвала служанку и приказала:

— Улива, ступай, видишь, за этимъ юношей и скажи отъ моего имени, чтобы онъ непремѣнно приходилъ ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Улива подошла къ нему и молвила:

— Мессэре, мадонна Джіованна очень проситъ васъ пожаловать къ ней сегодня вечеромъ, такъ какъ она желаетъ съ вами говорить.

Буччіоло не зналъ, что подумать. Тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Хорошо. Передай твоей госпожѣ, что я съ радостью приду.

Затѣмъ поскорѣе вернулся къ Фабриціо. Профессоръ тоже удивился и спросилъ:

— На какой улицѣ живетъ твоя дама?

— На улицѣ Маскарелла.

— А какъ имя служанки?

— Не знаю. Она такая высокая, худая, черная, хромаетъ на лѣвую ногу...

— Клянусь Геркулесомъ, — Улива! — пролепеталъ себѣ подъ носъ профессоръ, краснѣя, какъ ракъ.

— Что вы хотѣли сказать, маэстро?—спросилъ Буччіоло.

Мессэру Фабриціо казалось, что полъ уходитъ у него изъ-подъ ногъ и лицо Буччіоло двоится. Не чувствуя достаточно силы, чтобы перенести послѣдній ударъ и боясь, чтобы Буччіоло не назвалъ ему мадонны Джіованны, его собственной жены, онъ не рѣшился спросить имени дамы. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ профессоръ ночевалъ въ зданіи университета, чтобы имѣть возможность читать лекціи студентамъ и въ ночные часы, такъ что мадонна Джіованна оставалась въ домѣ одна со служанкой.

— Ты пойдешь на свиданіе, Буччіоло?

— Конечно.

— Прошу тебя, зайди ко мнѣ и скажи, когда соберешься.

Буччіоло молвилъ: «Хорошо!» и удалился. Маэстро заключилъ по его виду и словамъ, что онъ ничего не подозрѣваетъ.

— Я не желаю, — подумалъ мессэръ Фабриціо, — чтобы онъ учился этой наукѣ на мой счетъ.

Вечеромъ пришелъ Буччіоло.

— Маэстро, мнѣ пора.

— Ступай и будь остороженъ.

— О, вы можете на меня положиться.

На груди имѣлъ онъ толстый панцырь, острый мечъ подъ мышкой и длинный кинжалъ при бедрѣ,—словомъ, при-

нялъ всѣ предосторожности. Когда онъ вышелъ, мессэръ Фабриціо послѣдовалъ за нимъ, тихонько, такъ, что Буччіоло не замѣтилъ. Онъ подошелъ къ двери своей дамы, и только что постучался, она отперла и впустила его. Профессоръ, убѣдившись собственными глазами, что возлюбленная Буччіоло — мадонна Джіованна, его жена, пришелъ въ неописанную ярость.

— Клянусь Минервою, теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ учится на мой счетъ.

Мессэръ Фабриціо побѣжалъ назадъ въ зданіе университета, взялъ мечъ, кинжалъ и вернулся на улицу Маскарелла, намѣреваясь захватить врасплохъ Буччіоло. Подойдя къ двери своего дома, началъ онъ стучаться. А мадонна Джіованна тѣмъ временемъ сидѣла со своимъ возлюбленнымъ у очага и, услышавъ стукъ, догадалась, что это мессэръ Фабриціо, взяла Буччіоло за руку, повела въ сосѣднюю комнату и спрятала подъ грудой мокраго бѣлья, лежавшаго на столѣ у окна. Потомъ побѣжала къ двери и спросила: «кто тамъ?»

Маэстро кричалъ:

— Отопри, отопри же, негодная!

Джіованна отперла и, увидѣвъ профессора вооруженнымъ, воскликнула:

— Ай! Ай! Что это значитъ, мессэръ Фабриціо?

Онъ не унимался и вопилъ еще громче:

— Клянусь Аполлономъ, я знаю, кто въ моемъ домѣ.

— О, я несчастная, — воскликнула Джіованна, — что вы говорите? Въ своемъ ли вы умѣ? Обыщите весь домъ и если кого-нибудь найдете, пусть меня четвертуютъ. Какой стыдъ, какой стыдъ, Боже мой! Стоитъ быть вѣрной женой. Разспросите сосѣдей, они могутъ кое-что разсказать о моей скромности и добродѣтели. Еще недавно сюда приходила старуха... Но зачѣмъ говорить?.. Ежели вамъ померещилось недоброе, оградите себя крестомъ и молитвой отъ наваждения лукаваго, который ищетъ погубить вашу душу.

Маэстро велѣлъ зажечь свѣчу и началъ искать въ погребѣ между бочками, потомъ вышелъ въ комнаты, обшарилъ ихъ,

посмотрѣлъ подъ кроватью, прокололъ мечомъ соломенный матрацъ въ различныхъ мѣстахъ,—словомъ, не оставилъ въ домѣ мышиной норы необысканной, но Буччіоло не нашелъ. Мадонна Джіованна ходила за нимъ со свѣчой въ рукахъ и повторяла:

— Дорогой маэстро, опомнитесь, сотворите же крестное знаменіе, ибо теперь я вижу ясно, что врагъ Божій искушаетъ васъ, и вамъ померещилось такое, что стыдно сказать; знайте, что если бы хоть одинъ волосъ на головѣ моей пожелалъ чего-нибудь подобнаго, то я наложила бы на себя руки. Маэстро, заклинаю васъ именемъ Бога, не поддавайтесь наваждѣнію лукаваго!

Не находя Буччіоло и слыша непрестанныя увѣщанія супруги, мессэръ Фабриціо почти повѣрилъ ей, задулъ свѣчу и вернулся въ школу.

А мадонна Джіованна тотчасъ заперла дверь на задвижку, вытащила возлюбленнаго изъ-подъ бѣлья, развела яркій огонь въ очагѣ, на которомъ зажарила молочнаго поросенка, и принесла изъ погреба различныхъ винъ. Они стали пить, ѣсть, веселиться, и во взаимныхъ ласкахъ провели ночь. Когда же наступило утро, Буччіоло сказалъ:

— Мадонна, я долженъ проститься съ вами. Не будетъ ли вашей милости угодно приказать мнѣ что-нибудь?

— О, да, — молвила она, обнимая и цѣлуя его съ нѣжностью, — моей милости угодно, чтобы ты пришелъ ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Буччіоло обѣщалъ притти, вернулся въ школу и молвилъ учителю:

— Я имѣю нѣчто разсказать, что васъ позабавитъ.

— Говори. Я слушаю.

— Вчера вечеромъ, — произнесъ Буччіоло, — когда я былъ въ домѣ моей возлюбленной, вдругъ приходитъ мужъ, обыскиваетъ весь домъ и ничего не находитъ. Она спрятала меня подъ кучей мокраго бѣлья и такъ ловко умѣла обойти его, что́ глупый повѣрилъ и ушелъ. А мы остались съ ней наединѣ, поужинали молочнымъ поросенкомъ, отвѣдали множество тонкихъ винъ, и могу васъ увѣрить, маэстро, что

намъ было превесело и что эта наука любви кажется мнѣ самой любезной и забавной изъ всѣхъ наукъ, такъ что, по моему разумѣнію, никакая другая не можетъ съ нею сравняться. Право, я ужъ и не знаю, какъ васъ благодарить, дорогой учитель!.. А теперь, съ вашего позволенія, я пойду немного отдохнуть, такъ какъ мало спалъ эту ночь и обѣщалъ сегодня вечеромъ притти къ ней опять.

Мессэръ Фабриціо молвилъ:

— Когда соберешься, зайди ко мнѣ и скажи.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Буччіоло и пошелъ спать.

Профессоръ былъ внѣ себя отъ ярости; пробовалъ читать лекцію, но вмѣсто силлогизмовъ у него выходили такія глупости, что онъ поскорѣе сошелъ съ каѳедры, сказавшись больнымъ. Сердце его пожирала ревность, и весь день онъ мечталъ о томъ, какъ поймаетъ Буччіоло и накажетъ его. У стараго ландскнехта, имѣвшаго оружейную лавочку въ сосѣднемъ переулкѣ, взялъ онъ на прокатъ заржавленный панцырь и допотопный шлемъ съ забраломъ. Когда наступилъ вечеръ, къ мессэру Фабриціо пришелъ беззаботный Буччіоло и объявилъ:

— Я иду.

— Ступай, ступай,—возразилъ маэстро,—да не забудь притти ко мнѣ завтра утромъ разсказать, что съ тобой случится.

— Не безпокойтесь, приду, — молвилъ Буччіоло и отправился къ дамѣ.

А маэстро тѣмъ временемъ, надѣвъ панцырь и шлемъ, пошелъ за нимъ по пятамъ, намѣреваясь схватить его у дверей дома. Но Джіованна ожидала возлюбленнаго, поспѣшно впустила его и заперла дверь. Тотчасъ же затѣмъ пришелъ маэстро и началъ бушевать. Тогда Джіованна потушила свѣчу, стала передъ своимъ возлюбленнымъ, заслонивъ его собою, отперла дверь и одной рукой обняла мужа, между тѣмъ какъ другой выпроводила Буччіоло такъ ловко и быстро, что маэстро ничего не замѣтилъ, — и принялась кричать:

— Помогите! Помогите! Маэстро сошелъ съ ума!

И она крѣпко обнимала его, не выпуская. Буччіоло не узналъ мессэра Фабриціо, такъ какъ не могъ видѣть лица его, спрятаннаго забраломъ. Сосѣди сбѣжались на шумъ и, видя профессора вооруженнымъ въ несвойственный ему панцырь и шлемъ, слыша, какъ супруга его кричала: «Держите его, онъ помѣшался отъ чрезмѣрныхъ ученыхъ занятій!»—повѣрили и рѣшили, что мессэръ Фабриціо не въ своемъ умѣ. Соболѣзнуя, приступили они къ нему.

— Ахъ, маэстро, маэстро, что это такое съ вами приключилось? Ложитесь-ка скорѣе въ постель, да отдохните какъ слѣдуетъ и впредь не утомляйте мозга чрезмѣрными трудами. Хотя мы люди неученые, но совѣтуемъ вамъ отъ добраго сердца: право же, успокойтесь, маэстро.

— Да какъ же мнѣ успокоиться,—вопилъ мессэръ Фабриціо, — когда я видѣлъ собственными глазами, какъ эта негодная впустила въ домъ любовника!

— Любовника! — воскликнула мадонна Джіованна,— о, я несчастная! Да спросите же этихъ добрыхъ людей, случалось ли имъ примѣчать, чтобы я въ чемъ-нибудь провинилась передъ вами!

Тогда всѣ мужчины и женщины отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Маэстро, выбросьте изъ головы этотъ вздоръ — ибо не было и не будетъ на свѣтѣ женщины болѣе скромной и добродѣтельной, чѣмъ ваша супруга. Что другое, а ужъ это мы знаемъ достовѣрно.

— Ничего вы не знаете! — кричалъ маэстро, — я говорю вамъ, что собственными глазами видѣлъ любовника, и знаю, что онъ теперь въ моемъ домѣ.

Въ это время подоспѣли двое братьевъ мадонны Джіованны. Увидѣвъ ихъ, она заплакала еще сильнѣе и сказала:

— Милые братья, мой мужъ сошелъ съ ума и хочетъ убить меня. Онъ говоритъ, что я впустила къ себѣ въ домъ любовника, — какъ это вамъ нравится? Вы вѣдь знаете, что я не такая женщина и не такъ я воспитана, чтобы терпѣть подобныя оскорбленія.

Тогда братья сказали:

— Мы удивляемся, что вы смѣете называть нашу сестру негодною женщиной. Сколько лѣтъ жили вы съ нею въ добромъ согласіи? Что же сегодня приключилось, и за что вы на нее въ такой ярости?

— Я видѣлъ любовника,—твердилъ мессэръ Фабриціо,— я видѣлъ его собственными глазами!

— Хорошо, — возразили братья, — поищемъ. И если найдемъ, накажемъ ее такъ, что вы останетесь довольны.

Одинъ изъ нихъ отозвалъ сестру въ сторону и спросилъ:

— Скажи правду, есть ли въ домѣ мужчина?

— Что ты говоришь, — воскликнула мадонна Джіованна,—какъ тебѣ не стыдно спрашивать объ этомъ! Избави меня Боже отъ такого позора. Я согласилась бы лучше тысячи разъ умереть, чѣмъ сдѣлать или даже подумать что-либо подобное.

Эти слова вполнѣ успокоили братьевъ, и вмѣстѣ съ мессэромъ Фабриціо начали они обыскивать домъ. Маэстро увидѣлъ кучу бѣлья, ринулся на нее и сталъ колоть мечомъ съ такою яростью, какъ будто это былъ самъ Буччіоло, ибо думалъ, что онъ спрятанъ въ бѣльѣ.

— Ну, вотъ видите, — всплеснула руками Джіованна, — не говорила ли я вамъ, что онъ ряхнулся? Развѣ это не явное сумасшествіе — портить собственное добро, которое не сдѣлало ему никакого вреда?

Братья обыскали домъ, ничего не нашли и убѣдились, что маэстро въ самомъ дѣлѣ не въ своемъ умѣ.

Одинъ произнесъ:

— Онъ помѣшался.

Другой прибавилъ:

— Маэстро, дорогой маэстро, согласитесь, что вы были очень неправы, называя нашу сестру негодною женщиной.

Услышавъ это, профессоръ пришелъ въ изступленіе, ибо не могъ сомнѣваться въ томъ, что видѣлъ собственными глазами, — и началъ осыпать ихъ жестокою бранью, при чемъ все время держалъ въ рукѣ обнаженный мечъ. Тогда они напали на него, схватили, обезоружили, связали по рукамъ и ногамъ, оставили такъ на всю ночь, а сами съ

сестрою пошли спать. Утромъ позвали врача: онъ прописалъ микстуру, велѣлъ положить на голову больному ледяныя примочки, сдѣлалъ кровопусканіе и посовѣтовалъ, чтобы никто съ нимъ не говорилъ, не отвѣчалъ на его вопросы, и чтобы его держали на діэтѣ, пока ему не станетъ лучше. Все это было точно исполнено.

Въ Болоньѣ распространился горестный слухъ, что мессэръ Фабриціо, знаменитый докторъ діалектики, «царь силлогизмовъ», сошелъ съ ума. Всѣ принимали въ немъ участіе. Студенты говорили между собою:

— А вѣдь я еще вчера замѣтилъ, что маэстро какъ будто не въ себѣ. Помните, онъ не могъ дочитать намъ лекціи, да и лицо у него было странное.

Многіе втайнѣ злорадствовали.

— Вотъ, къ чему приводитъ людей излишняя ученость. Того и гляди лукавый попутаетъ.

Студенты рѣшили навѣстить больного профессора. Буччіоло, ничего не зная, пришелъ въ университетъ, чтобы разсказать мессэру Фабриціо свои новыя приключенія. Но здѣсь сообщили ему, что маэстро сошелъ съ ума. Буччіоло удивился, весьма былъ огорченъ и вмѣстѣ съ товарищами пошелъ навѣстить больного. Когда же увидѣлъ, куда они идутъ и въ чей домъ, — недоумѣнію, потомъ ужасу его не было предѣла, такъ что, понявъ все, онъ едва не потерялъ сознаніе. Но изъ страха, чтобы никто не замѣтилъ его смущенія, вошелъ съ товарищами въ домъ и увидѣлъ мессэра Фабриціо на постели, обложеннаго ледяными примочками, связаннаго и блѣднаго. Студенты стали поочередно подходить къ профессору и выражать ему участіе и соболѣзнованіе. Когда очередь дошла до Буччіоло, онъ приблизился къ мессэру Фабриціо и сказалъ:

— Дорогой учитель, я люблю и почитаю васъ, какъ родного отца,—а потому, если могу сдѣлать что-нибудь угодное, приказывайте мнѣ, какъ сыну.

Маэстро, видя его сердечное раскаяніе, добродушно молвилъ въ отвѣтъ:

— Буччіоло, Буччіоло, ступай съ Богомъ! Довольно ты на мой счетъ поучился, хотя, сказать правду, и меня кое-чему выучилъ.

Тогда мадонна Джіованна поспѣшно прибавила:

— Не обращайте вниманія на его слова: онъ бредитъ.

А Буччіоло поскорѣе ушелъ, отыскалъ Пьетро Паоло и молвилъ:

— Братъ, будь счастливъ. Я столькому здѣсь научился, что у меня прошла охота учиться болѣе.

Съ этими словами онъ покинулъ друга, тотчасъ собрался въ путь и благополучно пріѣхалъ въ Римъ.

Желѣзное кольцо.

Новелла XV вѣка.

Графиня Віоланта, стоя передъ зеркаломъ, отказывалась надѣть роскошное бѣлое платье и капризничала, по своему обыкновенію, къ большому горю старой няни, фрейлинъ и прислужницъ.

— Надѣньте бѣлое платье,—упрашивала няня,—утѣшьте старуху, не упрямьтесь...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Не приставайте. Слово мое твердо. Сказала, что не надѣну и кончено...

— Да вѣдь самъ графъ, его свѣтлость, намедни изволили приказывать...—пробовала возражать старуха.

— Ахъ, скажите, пожалуйста,— всплеснула руками негодующая графиня,—это еще что за новости, нынче батюшка мой заботится о цвѣтѣ моихъ платьевъ... Какое ношу всегда,—такое и сегодня надѣну. Ни одного цвѣточка, ни одной ленточки не прибавлю. Да знаете ли вы, что и такъ съ моей стороны большая любезность и снисхожденіе выходить на смотрины къ этому хваленому заморскому жениху. Можетъ-быть, вашъ каталонскій принцъ дуренъ, какъ обезьяна, и косъ, и хромъ, и ужъ во всякомъ случаѣ я увѣрена, что онъ отнюдь не такъ хорошъ, какъ о немъ говорятъ: славны бубны за горами. Вы всѣ только о томъ и думаете, чтобы я пришлась ему по вкусу, но вѣдь надо, чтобы и онъ мнѣ понравился... Я первому встрѣчному руки своей не отдамъ...

— Мадонна Віоланта,— произнесла почтенная старая фрейлина вкрадчивымъ голосомъ,—мы всѣ увѣрены, что вы, при вашемъ ясномъ умѣ и благородномъ сердцѣ, вполнѣ понимаете, сколь важны для блага и спасенія вашей

родины исполненіе воли вашего мудраго отца, свѣтлѣйшаго графа и повелителя Тулузы, Рената. Силы народа давно уже истощены долгими кровопролитными войнами съ могущественнымъ графомъ Каталоніи. Народъ жаждетъ мира, и ничто не можетъ такъ надежно закрѣпить союза нашего съ Каталоніей, какъ предлагаемый и столь желанный бракъ единственной наслѣдницы графа тулузскаго съ единственнымъ сыномъ короля каталонскаго, который равно славится тѣлесною красотою, рыцарскою доблестью и несмѣтными богатствами. Вотъ почему, мадонна Віоланта, не только для вашего собственнаго счастья, но и для спасенія вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, для блага народнаго...

— Ну, вотъ, вотъ, я такъ и знала,—съ нетерпѣніемъ воскликнула графиня,—вотъ мы и договорились до блага народнаго. Господи, да когда же кончится эта мука? Со мной ни о чемъ говорить не хотятъ, кромѣ какъ о благѣ народномъ. И почему я должна жертвовать своимъ счастьемъ для спасенія отечества? Какое мнѣ дѣло до вашей политики? Ежели каталонцы и тулузцы такъ злы и глупы, что не умѣютъ ужиться въ мирѣ,—тѣмъ хуже для нихъ. Повѣрьте, никакими союзами этому горю помочь нельзя. Народы всегда найдутъ удобный предлогъ, чтобы перессориться и подраться. Не нами это началось, не нами кончится. Пусть же никто не пристаетъ ко мнѣ съ войнами, союзами, благомъ народовъ, со всей этой нелѣпою и лживою политикой. Конечно, меня могутъ силой выдать за вашего хваленаго принца, но волей я не пойду...

— Вы знаете,—возразила старая фрейлина,—что король французскій согласенъ былъ отдать руку дочери своей каталонскому принцу. Онъ отказался только для васъ, графиня!

— Напрасно. Черезчуръ много чести! Я вѣдь объ этомъ его не просила: куда ужъ мнѣ соперничать съ дочерью французскаго короля!..

— Молва гласитъ,—не унималась усердная совѣтчица,—что яснѣйшій рыцарь каталонскій не имѣетъ подобнаго себѣ по красотѣ...

— Можетъ-быть. Впрочемъ, будь онъ хромъ и кривъ и страшенъ, какъ смертный грѣхъ, вы объявили бы его первымъ красавцемъ въ мірѣ, только бы я поскорѣе вышла за него замужъ. И все это, все это для вашей презрѣнной политики, для блага народнаго. Какая несправедливость, какая жестокость! Лучше бы я родилась дочерью бѣднаго угольщика или дровосѣка,—тогда бы никто не отнималъ у меня свободы!..

И Віоланта, къ немалому отчаянію всѣхъ нянь, прислужницъ и придворныхъ дамъ, залилась горькими слезами.

— Если такъ,—воскликнула графиня, и глаза ея вспыхнули грозно,—если всѣ меня покинули, всѣ противъ меня, то вотъ не выйду же, назло всѣмъ, ни за что не выйду за него замужъ, и пусть пропадаетъ вся ваша политика, и каталонцы съ тулузцами такъ подерутся, какъ еще отъ начала міра не дрались! Да, да, чего вы смотрите на меня, какъ на безумную. Не захочу—и не выйду. Вы вѣдь отлично знаете, что никто ничего со мной не подѣлаетъ. Слава Богу, въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я свободна: не даромъ же, умирая, матушка взяла съ отца моего на крестѣ и на святомъ Евангеліи клятву, что онъ противъ моей воли насильно не выдастъ меня замужъ, хотя бы отъ этого зависѣла его жизнь и спасеніе отечества. Графъ Ренатъ не нарушитъ столь великой и ужасной клятвы, если бы даже сорокъ тысячъ каталонскихъ принцевъ требовали руки моей, угрожая войною и низверженіемъ тулузскаго престола.

При этихъ словахъ графини прислужницы, приспѣшницы, няни и придворныя дамы онѣмѣли отъ ужаса. Но мало-по-малу гнѣвныя морщины на лицѣ Віоланты разгладились, и она прибавила съ тонкою и хитрою улыбкою:

— А впрочемъ, если каталонецъ сумѣетъ мнѣ понравиться,—чего ему не такъ-то легко будетъ достигнуть,—тогда, конечно, другое дѣло: поживемъ, посмотримъ...

Графъ Ренатъ былъ суровымъ и самовластнымъ повелителемъ, тѣмъ не менѣе онъ скорѣе согласился бы погубить свой народъ и самъ погибнуть, чѣмъ нарушить предсмертную волю нѣжно-любимой и рано умершей супруги

и въ чемъ-либо стѣснить свободный выборъ своей дочери. Это важное условіе было извѣстно каталонскому принцу. Но не будучи самонадѣяннымъ, онъ имѣлъ право думать, что слава его рыцарскихъ доблестей, мужества и красоты откроютъ ему путь къ сердцу Віоланты. Итакъ, графъ каталонскій выслалъ своего возлюбленнаго сына и единственнаго наслѣдника, въ сопровожденіи великолѣпной свиты, для свиданія и обрученія съ невѣстою. Вѣяніемъ пестрыхъ шелковыхъ знаменъ, громомъ воинственныхъ трубъ и литавровъ встрѣченъ былъ юный графъ въ стѣнахъ благородной Тулузы. Взаимныя условія утонченной французской вѣжливости и важнаго испанскаго приличія, которыя тогда, вслѣдствіе близкаго сосѣдства обѣихъ сторонъ, всѣмъ и каждому хорошо были извѣстны и въ томъ и въ другомъ государствѣ, на этомъ торжественномъ праздникѣ точно были соблюдены. Во дворцѣ графа Рената произошло свиданіе жениха и невѣсты. Віоланта была одѣта въ простое непраздничное платье безъ всякихъ украшеній, лишь тонкое ожерелье блѣднаго жемчуга окружало бѣлую шею, но эта суровая простота одѣянія не уменьшала, а скорѣе увеличивала прелесть лица ея. Графъ каталонскій, не умѣя скрыть своего волненія, жадно смотрѣлъ на Віоланту, и по внезапному румянцу и блѣдности, смѣнившихся на щекахъ его, всѣ могли заключить, что стрѣла крылатаго бога, напоенная сладкимъ и мучительнымъ ядомъ, пронзила сердце благороднаго рыцаря. Украдкою изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, почти не подымая глазъ, Віоланта, въ свою очередь, не однажды, а много разъ успѣла взглянуть на юношу. Предубѣжденная противъ него чрезмѣрными похвалами и докучными совѣтами, графиня коварно искала въ его наружности, одѣяніи, въ каждомъ его шагѣ и движеніи чего-либо достойнаго порицанія, но ничего не находила, и хотя еще не признавалась себѣ въ томъ, однако втайнѣ уже опасалась, что завистливая молва скорѣе уменьшила, нежели преувеличила достоинства рыцаря. Но чѣмъ больше онъ ей нравился, съ тѣмъ большею досадою противъ себя и противъ него искала она въ графѣ каталонскомъ какихъ-

либо недостатковъ и несовершенствъ. Послѣ первой встрѣчи столы съ великолѣпными яствами и драгоцѣнными винами накрыты были на террасѣ дворца, прохлаждаемой тѣнью олеандровъ и журчаніемъ множества фонтановъ.

Согласно съ обычаемъ страны, по окончаніи роскошной трапезы, пажи въ бархатныхъ ливреяхъ съ вышитыми на груди соединенными геральдическими гербами каталонскаго и тулузскаго графа, стали разносить гостямъ на золотыхъ блюдахъ алые гранаты, которые, какъ всѣмъ извѣстно, отличаются необыкновенной сочностью въ этихъ мѣстахъ и подаются, послѣ всякой ѣды, какъ бы для прохладнаго омовенія и очищенія рта отъ остающагося вкуса разнообразныхъ блюдъ.

Каталонецъ, сидѣвшій рядомъ съ Віолантой, взялъ съ блюда нѣсколько плодовъ, при чемъ одно изъ гранатовыхъ яблокъ выскользнуло изъ руки его. Графъ подхватилъ яблоко на лету, какъ впослѣдствіи самъ рыцарь и многіе изъ очевидцевъ утверждали, пока оно еще не успѣло коснуться пола, быть-можетъ, для того, чтобы показать ловкость руки своей, съ улыбкою поднесъ свѣжій плодъ ко рту и вкусилъ отъ него.

Молодая графиня, которая продолжала съ коварнымъ любопытствомъ слѣдить за всѣми движеніями своего сосѣда, замѣтила, какъ онъ поднялъ гранатъ, и потому ли, что такъ судилъ рокъ, или потому въ самомъ дѣлѣ, что это движеніе, не лишенное мужественной граціи, показалось ей недостойнымъ великаго и щедраго повелителя, злобно обрадовалась, какъ будто нашла то, чего давно искала, и въ сердцѣ своемъ подумала такъ:

«Вотъ, наконецъ, то, чего я ждала и что я предчувствовала. Теперь вижу, сколь справедливы и разумны слова тѣхъ опытныхъ людей, которые утверждаютъ, что изъ всѣхъ народовъ Запада каталонцы самый глупый и алчный народъ, истинные скряги. А вѣдь съ перваго взгляда мнѣ показалось, что онъ отличается нѣкоторыми достоинствами. Впрочемъ, скупости—матери и кормилицѣ всѣхъ человѣческихъ пороковъ—какъ я слышала отъ одного изъ моихъ

наставниковъ, присуще то особенное внутреннее свойство, что скрыть ее вполнѣ и до конца рѣдко удается даже самымъ искуснымъ и опытнымъ изъ лицемѣровъ. Ибо въ чьемъ сердцѣ гнѣздится этотъ гнусный и страшный порокъ, тотъ чувствуетъ горе и досаду не только когда ему приходится лишаться собственнаго имущества, но и тогда—о диво!—какъ злѣйшій изъ враговъ его расточаетъ свое сокровище: скупецъ сокрушается о томъ болѣе, нежели расточитель, на глазахъ у коего присвоили бы несправедливо все его собственное имущество, не говоря уже о чужомъ. А если нравъ каталонскаго принца таковъ, какъ я предполагаю, то,—увы!—что̀ ожидаетъ меня, несчастную? Если даже въ великомъ преизбыткѣ онъ выказываетъ скупость и готовъ наклоняться чуть не до земли, чтобы не потерять одинъ ничтожный плодъ,—то ужъ, конечно, въ случаѣ нужды, когда дѣло дойдетъ до его собственнаго золота, окажется онъ презрѣннѣйшимъ скрягою. А есть ли въ мірѣ большее несчастіе для благородной и великодушной дѣвушки, чѣмъ выйти замужъ за человѣка богатаго и скупого? Да избавитъ меня Господь и Пресвятая Марія Дѣва отъ такого страданія и позора! Лучше быть счастливою женою послѣдняго изъ конюховъ, нежели несчастною супругою славнѣйшаго изъ королей. Богъ съ нимъ и со всѣми его богатствами! Пусть отецъ мнѣ говоритъ все, что ему угодно: не буду я отнюдь такою дурочкою, чтобы сердцу моему и глазамъ моимъ довѣрять меньше, чѣмъ молвѣ людской, и ни для какого блага народнаго, хотя бы мнѣ имъ уши прожужжали, не пожертвую недолговѣчнымъ и невозвратимымъ цвѣтомъ моей юности».

Когда старый графъ Ренатъ узналъ о рѣшеніи своей дочери и о странной, смѣшной причинѣ отказа, онъ почувствовалъ сперва немалое удивленіе, потомъ скорбь, наконецъ, гнѣвъ, но вспомнивъ предсмертную мольбу своей нѣжно любимой супруги и клятву, данную ей, отвѣтилъ дочери, что не желаетъ причинять ей никакого насилія, а потому откажетъ каталонцу, какими бы несчастіями ни угрожалъ этотъ отказъ ему и его народу; затѣмъ пошелъ къ своему

гостю, нетерпѣливо ожидавшему отвѣта и, заведя рѣчь издалека, упомянувъ о необъяснимыхъ капризахъ молодыхъ дѣвушекъ въ дѣлахъ любви, о безумномъ и непреодолимомъ упорствѣ, съ которымъ женщины нерѣдко настаиваютъ на томъ, что должно причинить имъ же самимъ наибольшій вредъ,—любезнѣйшими словами, какія только могъ придумать, объявилъ жениху отказъ невѣсты. Несмотря, однако, на всѣ любезности, каждое слово графа тулузскаго было острымъ ножомъ для сердца гордаго каталонца, который съ этой стороны менѣе всего ожидалъ какихъ-либо препятствій. Робертъ затаилъ тяжелую обиду и съ тихою усмѣшкою выразилъ мнѣніе, что съ подобными прихотями женщинъ отнюдь не слѣдуетъ бороться и что такого рода несчастія уже не разъ постигали людей гораздо болѣе добродѣтельныхъ и достойныхъ, чѣмъ онъ. Вотъ почему, ежели на то будетъ согласіе гостепріимнаго хозяина, онъ завтра же намѣренъ пуститься въ обратный путь. Но для нѣкоторой услады и утѣшенія въ испытанной неудачѣ ему хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, знать, что̀ именно не понравилось въ немъ прекрасной и добродѣтельной графинѣ тулузской, такъ какъ онъ питаетъ твердое намѣреніе на будущее время исправиться отъ своихъ дурныхъ качествъ. Ренату было стыдно солгать и столь же стыдно признаться въ легкомысленной прихоти дочери, но такъ какъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ объявилъ каталонцу причину отказа. Гость выслушалъ его внимательно и промолвилъ:

— Сердечно благодарю васъ, любезный графъ, за вашу дружескую откровенность. Если когда-нибудь еще разъ придется мнѣ ѣхать на свиданіе съ невѣстой, я постараюсь выбрать такое время года, когда гранаты не поспѣли, ибо они лишили меня супруги такъ же, какъ нѣкогда лишили богиню Цереру дочери Прозерпины.

Потомъ похвалилъ онъ графа за вѣрность слову, за любовь къ покойной женѣ, попросилъ его не сомнѣваться въ томъ, что условія заключеннаго мирнаго договора будутъ соблюдены свято и ненарушимо, насколько это зави-

ситъ отъ отца его, графа каталонскаго, и со свойственной свѣтскимъ людямъ ловкостью перешелъ къ спокойному и легкому разговору о другихъ предметахъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

На слѣдующее утро онъ поблагодарилъ хозяевъ за гостепріимство, попрощался, и такъ скоро, какъ только могъ, направился обратно въ Каталонію.

На границѣ своихъ владѣній графъ Робертъ отпустилъ почетную свиту подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ въ уединеніи посѣтить святую обитель, находившуюся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ барселонской дороги. Почти всѣ придворные повѣрили ему, полагая, что въ самомъ дѣлѣ онъ направитъ свой путь въ Монферрато къ Пречистой Дѣвѣ Маріи.

Только что спутники его удалились и Робертъ остался наединѣ съ двумя вѣрными старыми слугами, какъ онъ открылъ имъ свое намѣреніе: переодѣться въ чужое платье, посредствомъ фальшивыхъ волосъ измѣнить свою наружность до неузнаваемости и направиться пѣшкомъ обратно въ Тулузу. Такъ было рѣшено, такъ они и поступили. Графъ каталонскій переодѣлся странствующимъ купцомъ, и на рукѣ его былъ одинъ изъ тѣхъ обитыхъ кожею коробовъ, какіе можно постоянно видѣть на улицахъ Парижа, а также и въ городахъ остальной Франціи, отчасти Италіи: въ такихъ ящикахъ носятъ они безчисленные и разнообразные товары, какъ-то: платки, ленты, иголки, булавки, гребни, запястья, ожерелья, духи, румяна, молитвенники, помаду, сонеты Петрарки, деревянные осколки отъ колеса св. великомученицы Екатерины, заговоры отъ мышей и отъ зубной боли и множество другихъ полезныхъ и любопытныхъ предметовъ, которые и предлагаютъ въ селеніяхъ поденщикамъ и служанкамъ, а въ замкахъ благороднымъ дамамъ и синьоринамъ. Въ точно такихъ же простыхъ ящикахъ, чтобы не возбудить подозрѣнія и алчности воровъ, носятъ иногда евреи и ломбардцы весьма дорогіе товары и золотыя вещи, искусно спрятанныя на самомъ днѣ или между стѣнками, такъ что и опытный таможенный чиновникъ отыскалъ бы ихъ съ трудомъ. Такой именно ящикъ наполнилъ графъ

всякими драгоцѣнностями, тонкимъ шелковымъ товаромъ, золотыми бездѣлушками и многими другими предметами роскоши и прибавилъ къ нимъ два-три самоцвѣтныхъ камня изъ тѣхъ, что привезъ съ собою для подарка невѣстѣ. Сбрилъ бороду, которую въ это время носили при дворѣ въ Каталоніи и, простившись съ вѣрными слугами, одинъ направился къ Тулузѣ.

Здѣсь съ утра до поздняго вечера бродилъ онъ по улицамъ, предлагая товары то одному, то другому, торгуясь, какъ настоящій купецъ. Но усерднѣе и чаще всего ходилъ поблизости дворца, гдѣ жилъ графъ Тулузы и Лангедока.

Однажды вечеромъ, на одной изъ тѣхъ прохладныхъ террасъ передъ домомъ съ аркадами и колоннами, которыя въ Италіи называются loggia, въ кругу благородныхъ дамъ и рыцарей увидѣлъ онъ свою возлюбленную. Снявъ истертый бархатный беретъ, съ подобострастными поклонами и привѣтствіями, какъ подобаетъ смиренному странствующему купцу, подошелъ онъ къ террасѣ и, выхваляя добротность и дешевизну товара, предложилъ—не угодно ли именитымъ и прекраснымъ дамамъ купить что-нибудь. Его подозвали, разспросили, и когда увидѣли необыкновенное великолѣпіе драгоцѣнныхъ товаровъ, окружили и стали наперебой съ любопытствомъ разсматривать. Одна вынимала одну вещь, другая—другую, и всѣ вмѣстѣ болтали, смѣялись, спрашивали, такъ что, не имѣя опытности въ этомъ дѣлѣ, онъ немного смутился и не зналъ, что кому отвѣчать, а потому рѣшилъ обращаться къ одной графинѣ и давалъ отвѣты, какіе умѣлъ, на предлагаемые вопросы. Продавъ за довольно дешевую цѣну нѣсколько вещей изъ тѣхъ, которыя имъ особенно понравились, онъ удалился, такъ какъ уже стемнѣло. Съ этого дня купецъ сталъ приходить ежедневно въ то же мѣсто и въ тотъ же часъ, такъ что всѣ дамы скоро привыкли къ нему и другіе странствующіе купцы въ Тулузѣ завидовали его успѣху, ибо приближенныя графини, отказывая всѣмъ наотрѣзъ, говорили между собою: «останемся вѣрными нашему новаррцу». Новаррцемъ называлъ

онъ себя, не достаточно владѣя французскимъ языкомъ и желая скрыть свое испанское происхожденіе.

Скоро представился ему случай говорить наединѣ съ тою изъ приближенныхъ Віоланты, которую, какъ онъ замѣтилъ, она особенно любила и отличала. Продавъ этой молодой фрейлинѣ двѣ-три великолѣпныхъ вещи за безцѣнокъ, онъ шепнулъ ей, что въ домѣ своемъ, по сосѣдству, хранитъ драгоцѣнность, величайшую изъ всѣхъ, о какихъ когда-либо слышали на землѣ: не носить же съ собою среди остального товара, опасаясь воровъ, ибо это сокровище такъ ему дорого, что онъ не отдалъ бы его и для спасенія собственной жизни. Затѣмъ онъ умолкъ и вскорѣ ушелъ.

Вероника (таково было имя приближенной дамы) сгорала отъ нетерпѣнія, дожидаясь удобнаго случая разсказать госпожѣ своей то, что слышала она отъ новаррца. Вечеромъ, раздѣвая графиню, она поспѣшила сообщить ей о дивномъ сокровищѣ; по обычаю такого рода людей, украсила истину собственными измышленіями и прибавила въ заключеніе, что будь она, Вероника, на мѣстѣ графини, то ужъ, конечно, сумѣла бы найти средство, чтобы овладѣть драгоцѣннымъ камнемъ, хотя купецъ и увѣряетъ, что не продастъ его ни за какую цѣну.

— Ибо на все есть средство,—молвила приспѣшница,— исключая смерти, отъ которой уже никакія человѣческія средства не помогаютъ.

На основаніи множества примѣровъ изъ книгъ священныхъ и свѣтскихъ всему міру извѣстно, что дьяволъ, древній врагъ рода человѣческаго, на искушеніе и погибель нашу не создавалъ ни единой столь дерзновенной и неутолимой страсти, какъ женское любопытство. Не оно ли побудило и праматерь нашу Еву протянуть преступную длань къ запретному плоду, поданному зміемъ?

Когда Віоланта услышала о необычайныхъ свойствахъ, о рѣдкости драгоцѣннаго камня и о томъ, что купецъ скорѣе согласился бы продать свою душу, чѣмъ свое сокровище, то почувствовала, какъ сердце ея разгорается любопытствомъ и желаніемъ, если не обладать этимъ чудеснымъ кам-

немъ, то, по крайней мѣрѣ, увидѣть его. Она ничего не отвѣтила Вероникѣ, легла въ постель и велѣла потушить огонь. Но сонъ бѣжалъ ея глазъ,—и только утомленныя вѣки слипались, какъ таинственный драгоцѣнный камень мерещился ей. Рано утромъ графиня вскочила съ постели, объятая такимъ вожделѣніемъ, что не могла далѣе терпѣть, позвала къ себѣ Веронику, которую въ это время мучило не меньшее любопытство, и велѣла ей итти, не медля, къ новаррцу, молить и требовать, пока онъ не согласится продать драгоцѣнный камень за какую угодно цѣну, если же это ей не удастся, то устроить такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ позволилъ графинѣ взглянуть на сокровище, ибо — кто знаетъ?—можетъ-быть, когда она увидитъ его, оно покажется ей менѣе прекраснымъ, чѣмъ она воображаетъ по слухамъ, и такимъ образомъ чрезмѣрное желаніе само собою утихнетъ.

Вероника тотчасъ же отправилась къ новаррцу, разсказала ему все, что случилось, и, чрезвычайно этимъ обрадованный, началъ онъ снова и еще подробнѣе объяснять ей, какъ и почему считаетъ онъ этотъ камень столь драгоцѣннымъ. Если и ранѣе восхвалялъ онъ его не мало, то теперь уже окончательно превознесъ до небесъ и сталъ увѣрять ее клятвенно, что скорѣе разстался бы съ жизнью, чѣмъ съ этимъ сокровищемъ. Тѣмъ не менѣе, желая сдѣлать ей угодное,—прибавилъ новаррецъ въ заключеніе,—онъ такъ и быть согласенъ показать камень ея госпожѣ, но только подъ условіемъ, чтобы при этомъ никто, кромѣ ихъ двоихъ не присутствовалъ. Вероника, которой не оставалось ничего лучшаго, должна была на все согласиться; они условились, въ какой часъ ночи онъ принесетъ во дворецъ свое сокровище, затѣмъ она поспѣшила къ Віолантѣ, изнемогавшей отъ нетерпѣнія и любопытства и разсказала ей все.

Въ условленное время пришелъ новаррецъ и принесъ камень. Это былъ заостренный брилліантъ необыкновенной величины и столь прекрасной воды, что ничего подобнаго невозможно было себѣ представить. Повелителю Барселоны достался онъ отъ каталонскихъ морскихъ разбойниковъ,

которые, миновавъ Гибралтарскій проливъ, на своихъ галерахъ доплыли до острова Мадеры и отняли этотъ камень у нѣкоихъ нормандскихъ пиратовъ, пріѣхавшихъ въ тѣ отдаленныя страны въ поискахъ за тѣмъ же самымъ сокровищемъ. Каталонцы побѣдили норманнъ, захватили ихъ въ плѣнъ и овладѣли брилліантомъ. Впослѣдствіи многіе годы принадлежалъ онъ королю неаполитанскому, а въ настоящее время, какъ мы слышали, находится у великаго турка, повелителя мусульманъ, который цѣнитъ его выше, чѣмъ всѣ остальныя свои сокровища, вмѣстѣ взятыя.

Оставшись наединѣ съ Віолантой и ея приближенной дамой, новаррецъ, прежде чѣмъ вынуть изъ шкатулки драгоцѣнный камень, съ особенною важностью, свойственной испанцамъ, началъ его выхвалять, при чемъ клялся имъ честью, что менѣе всего цѣнитъ въ камнѣ его красоту, ибо внутреннія свойства его даютъ ему неизмѣримо бо́льшую цѣнность, чѣмъ внѣшняя красота, затѣмъ прибавилъ, что позволяетъ имъ взглянуть на камень, не болѣе,—наконецъ отомкнулъ шкатулку и вынулъ брилліантъ.

Сколь прекраснымъ ни воображала его себѣ графиня—въ дѣйствительности показался онъ ей еще безконечно прекраснѣе, и когда она имъ любовалась, душа ея находила неизъяснимую отраду въ холодныхъ нѣжныхъ лучахъ самаго твердаго изъ камней, въ которомъ природа заключила свою первобытную тайну. И загорѣлось въ ея сердцѣ непобѣдимое желаніе имѣть это сокровище у себя, чтобы вѣчно имъ утѣшаться, ибо она почувствовала, что лучше ей вовсе не жить, чѣмъ не утолить свое вожделѣніе. Тѣмъ не менѣе, побуждаемая женскою хитростью, сдѣлала графиня такой видъ, какъ будто была разочарована, и камень ей не слишкомъ понравился; затѣмъ спросила новарра, о какихъ именно внутреннихъ качествахъ брилліанта онъ упомянулъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, какъ бы неохотно, отвѣтилъ онъ ей.

— Мадонна, когда кто-нибудь сомнѣвается и не знаетъ какое принять рѣшеніе въ дѣлѣ трудномъ и важномъ, то, взглянувъ въ этотъ камень, ежели предстоитъ удача, увидитъ онъ его прозрачнымъ и свѣтлымъ какъ бы въ немъ со-

крытъ былъ солнечный лучъ; въ противномъ случаѣ бриллiантъ покажется чернѣе беззвѣздной ночи. Нѣкоторые знатоки утверждаютъ, что это и есть камень мудрости, котораго алхимики такъ долго и тщетно искали, другіе же видятъ въ немъ скорѣе произведеніе бѣлой магіи, чѣмъ природы. Говорятъ также, что въ древности принадлежалъ онъ Александру Великому, который никогда не пускался въ походъ безъ него, потомъ—Юлію Цезарю,—и благодаря силѣ этого брилліанта оба сдѣлались непобѣдимыми, какъ вы объ этомъ, конечно, слышали и читали не разъ.

Кончивъ свою рѣчь, новаррецъ взялъ камень, заперъ въ шкатулку, простился и ушелъ.

А Віоланта, оставшись наединѣ съ Вероникой, тяжело вздохнула, и хотя не произнесла ни слова, но подумала про себя такъ:

— Сто кратъ блаженъ тотъ, кто обладаетъ столь великимъ сокровищемъ! Воистину это и есть камень мудрости, ибо въ чемъ и заключается высшая мудрость, какъ не въ предвидѣніи будущаго? Если бы я обладала этимъ камнемъ въ то время, какъ за меня сватался графъ Каталонскій, то ужъ, конечно, не сомнѣвалась бы и знала, какъ должно поступить.

Наконецъ, послѣ многихъ подобныхъ размышленій, попросила Віоланта свою вѣрную наперсницу еще разъ сходить къ новаррцу и во что бы то ни стало добиться того, чтобы онъ продалъ камень за цѣну, какую самъ пожелаетъ назначить. Вероника, хотя и мало надѣялась на успѣхъ,—чтобы доказать преданность госпожѣ своей, пошла къ нему разъ и два, но ничего не достигла и вернулась съ отвѣтомъ, что болѣе никогда никому въ мірѣ не рѣшится онъ показывать камень, не говоря уже о томъ, чтобы его продавать. Только на третій разъ новаррецъ счелъ благовременнымъ приступить къ тому, что предуготовлялъ съ перваго дня возвращенія въ Тулузу.

— Мадонна,—обратился онъ къ Вероникѣ,—такъ какъ ваши усердныя мольбы и несравненная прелесть повелительницы вашей графини Тулузы и Лангедока сломили мою

волю и побуждаютъ меня лишиться столь великаго сокровища, то пойдите и передайте ей мой послѣдній отвѣтъ: я готовъ отдать ей брилліантъ, ежели, вмѣсто всякой платы, даруетъ она мнѣ единственный поцѣлуй, какъ своему жениху, и, кромѣ того, поклянется носить вѣчно на лѣвой рукѣ, не снимая до самой смерти, вотъ это простое по виду, но дивное по свойствамъ желѣзное кольцо: ибо нѣкогда мнѣ было предсказаніе, что ежели кольцо это будетъ носить та изъ женщинъ, которую я назову прекраснѣйшей въ мірѣ, и ежели она даруетъ мнѣ хотя бы единственный поцѣлуй, то на страшномъ судилищѣ Христовомъ я буду убѣленъ паче снѣга, и грѣшная душа моя спасется. Прошу васъ помнить, мадонна, и точно передать вашей госпожѣ, что кромѣ клятвы носить это желѣзное кольцо вѣчно, я ничѣмъ ее не связываю и, такъ какъ вполнѣ сознаю низость и ничтожество моего темнаго имени и неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня, бѣднаго странствующаго купца отъ яснѣйшей графини тулузской, то она можетъ быть вполнѣ спокойна и увѣрена, что никогда не дерзну я выдать тайны этого перваго и послѣдняго поцѣлуя, а если бы и дерзнулъ,—никто не повѣрилъ бы мнѣ, и меня сочли бы жалкимъ безумцемъ. Не удивляйтесь, мадонна, что за этотъ единственный поцѣлуй я отдаю величайшее сокровище, какое у меня есть на землѣ, ибо я однажды прочелъ въ комментаріяхъ къ божественному Платону, что и грѣшному человѣку порою достаточно бываетъ одного мгновенія высшаго блаженства, чтобы темная душа его очистилась и соединилась съ Богомъ. Послѣ этихъ словъ моихъ, надѣюсь, графиня Віоланта убѣдится, что въ сердцахъ низкорожденныхъ людей скрывается иногда рыцарское благородство, и болѣе не будетъ предлагать жалкое золото за то сокровище, въ сравненіи съ коимъ все золото міра не имѣетъ никакой цѣны.

Когда наперсница передала графинѣ это неожиданное условіе странствующаго купца, та не знала, что ей дѣлать: смѣяться или негодовать.

—Да онъ съ ума сошелъ,—воскликнула, наконецъ, Віоланта,—сколько благородныхъ рыцарей готовы были умереть, не

дождавшись моего благосклоннаго взгляда, а этотъ жалкій торгашъ смѣетъ требовать моего поцѣлуя. И еще собирается учить меня комментаріямъ Платона! Ему ли помышлять о небесной любви и о высшемъ блаженствѣ, наградѣ рыцарской доблести? Впрочемъ, на такую нелѣпость и сердиться нельзя: должно, скорѣе, смѣяться.

Строго-настрого велѣла графиня своей приближенной дамѣ отнынѣ не пускать ей на глаза этого сумасшедшаго купца и никогда ни единымъ словомъ не упоминать ни о немъ, ни о его брилліантѣ, ибо она желала забыть о нихъ, какъ будто ихъ вовсе не существовало.

Но чѣмъ болѣе старалась Віоланта не думать о брилліантѣ и не желать его, тѣмъ болѣе думала и желала и сердце ея грызла жадная тоска: она впервые въ жизни испытывала горечь неисполнимаго желанія. Ночью томила ее бессоница, она потеряла охоту къ пищѣ, лицо ея поблѣднѣло и осунулось, такъ что старый графъ Ренатъ смотрѣлъ на нее съ тревогою и спрашивалъ—не чувствуетъ ли себя графиня больною.

Каждый вечеръ, когда Віоланта сидѣла подъ тѣнью лавровыхъ и гранатовыхъ деревьевъ на террасѣ передъ дворцомъ, странствующій купецъ проходилъ мимо, и чѣмъ блѣднѣе и печальнѣе казалось лицо графини, тѣмъ большею радостью и надеждою наполнялось его сердце.

Наконецъ однажды приступила къ ней Вероника, томившаяся любопытствомъ и желаніемъ знать, чѣмъ все это кончится. Долго убѣждала она графиню покориться и въ заключеніе молвила такъ:

— Вы знаете, ваша свѣтлость, какъ сильно я люблю васъ, и не можете сомнѣваться въ томъ, что худого я вамъ не посовѣтую. Подумайте же, изъ-за чего вы терпите такія страданія, изъ-за какой-то малости. Конечно, я говорю не о драгоцѣнномъ камнѣ, который, въ самомъ дѣлѣ, есть великое и неоцѣнимое сокровище,—нѣтъ, я говорю лишь о платѣ, которой требуетъ этотъ по одеждѣ странствующій купецъ, а по уму и благородству истинный рыцарь. Не лучше ли носить вѣчно самое уродливое и грубое желѣзное кольцо на

пальцѣ, чѣмъ такую печаль въ сердцѣ? И что значитъ этотъ единственный, первый и послѣдній, поцѣлуй, за который вы получите столь царственную награду? И какой вамъ можетъ быть стыдъ отъ него, ежели никто ничего не увидитъ и не узнаетъ? Я на десять лѣтъ старше васъ и у меня больше опытности въ дѣлахъ житейскихъ: повѣрьте же мнѣ, графиня,— если бы сразу всѣ женщины, которыя хоть разъ въ жизни ошибкою поцѣловали не того, кого слѣдуетъ,—облысѣли, то промышляющіе издѣліемъ париковъ сдѣлались бы скоро самыми богатыми людьми въ мірѣ. Итакъ, пошлите меня къ новарру съ хорошимъ отвѣтомъ.

Когда, услышавъ всѣ эти и еще многіе другіе доводы, графиня горько заплакала, но не разгнѣвалась, то хитрая Вероника поняла, что упорство ея сломлено, и она согласится на все, только бы имѣть драгоцѣнный камень. Вотъ почему удвоила наперсница свои краснорѣчивыя убѣжденія и просьбы, пока Віоланта, въ знакъ согласія, не кивнула ей головой. Тогда Вероника побѣжала къ новарру и сообщила ему благопріятный отвѣтъ.

Все такъ и случилось, какъ было заранѣе условлено. Странствующій купецъ въ присутствіи наперсницы поцѣловалъ Віоланту весьма почтительно и тотчасъ же передалъ ей брилліантъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ кольцомъ, которое она надѣла на безымянный палецъ лѣвой руки, чтобы никогда болѣе не снимать его. Желаніе обладать драгоцѣннымъ камнемъ, обида и стыдъ были такъ сильны въ душѣ Віоланты въ то время, какъ она рѣшилась исполнить требованіе новарра, что она не взвѣсила опасности, которая ей предстояла: ибо рано или поздно отецъ долженъ былъ замѣтить кольцо на ея рукѣ и спросить, откуда оно. Графиня могла солгать и успокоить отца, сплетая хитрые вымыслы. Но теперь, когда ея желаніе было утолено, прежняя гордость и благородство проснулись въ душѣ Віоланты и солгать отцу казалось столь же унизительнымъ, какъ снять желѣзное кольцо, нарушивъ клятву, данную новарру. Вотъ почему всѣми силами старалась она, чтобы графъ Ренатъ ничего не замѣтилъ и не спросилъ ея, и при свиданіяхъ съ нимъ

прятала лѣвую руку свою подъ одежду. Но опасенія и заботы такъ мучили Віоланту, что она не имѣла ни минуты покоя, и сокровище, котораго нѣкогда она страстно желала, стало ей теперь ненавистнымъ. Отецъ, видя, какъ тайный червь тоски или болѣзни подтачиваетъ едва распустившійся цвѣтъ ея жизни, нерѣдко спрашивалъ ее съ отеческой нѣжностью и тревогою о причинѣ скорби, но отвѣты графини были такъ уклончивы, что погружали его въ еще бо́льшія сомнѣнія.

Наконецъ однажды за вечерней трапезой отецъ, предлагая Віолантѣ обычный вопросъ, обнялъ ее съ ласкою и взялъ за руку, которую она прятала подъ одеждой и на которой было желѣзное кольцо. Графъ Ренатъ замѣтилъ его сперва ощупью, потомъ глазами и спросилъ ее:

— Откуда это кольцо, дитя мое?

Віоланта опустила глаза и безмолвствовала. Но по ея внезапной блѣдности и молчанію, онъ понялъ, что коснулся сокровенной причины ея скорби и неоднократно повторилъ вопросъ, когда же увидѣлъ, что она продолжаетъ безмолвствовать, то сердце его наполнилось несказанной печалью и опасеніемъ, что въ тайнѣ, связанной съ желѣзнымъ кольцомъ, скрывается нѣчто постыдное для него и его дома.

— Віоланта,—молвилъ старый графъ,—я даю тебѣ на размышленія эту ночь, но завтра утромъ я приду въ твою опочивальню, и ты скажешь мнѣ все, что у тебя на сердцѣ. Помни, я повѣрю тебѣ, что бы ты мнѣ ни сказала, ибо знаю и готовъ поручиться моей рыцарскою честью въ томъ, что графиня Тулузы и Лангедока, хотя бы правда ей стоила жизни, не солжетъ.

Только что графъ удалился, прибѣжала Вероника и стала горько упрекать ее за то, что она не солгала и не успокоила графа Рената какимъ-либо вымысломъ. Но Віоланта, выслушавъ ее съ презрѣніемъ, ничего не отвѣтила, ибо непреклонная рѣшимость была въ ея сердцѣ, такъ что она уже болѣе не колебалась и знала, какъ должно поступить: тотчасъ же велѣла наперсницѣ призвать къ себѣ новарца и,

когда онъ пришелъ, молвила ему не какъ слабая, робкая дѣвушка, а какъ разумная и сильная женщина:

— Мессэре, я убѣдилась въ томъ, что вашъ талисманъ обладаетъ болѣе могущественными чарами, нежели я предполагала. Желѣзное кольцо соединило насъ навѣки не только передъ Богомъ, но и передъ людьми: я должна быть вашей супругой. Приказывайте мнѣ, и я послѣдую за вами, куда вамъ будетъ угодно, покорствуя моей судьбѣ.

Когда графъ Робертъ услышалъ эти слова и увидѣлъ, что цѣль его уже почти достигнута, немалаго труда стоило ему скрыть свою радость. Но въ то же время сердцемъ его овладѣла великая жалость къ Віолантѣ, такъ что онъ почувствовалъ желаніе сдѣлать то, чего она не дѣлала, будучи слабою женщиною,—дать волю слезамъ. Тѣмъ не менѣе преодолѣлъ онъ свое волненіе и молвилъ такъ:

— Мадонна, вы знаете, что я человѣкъ низкаго рода—бѣдный странствующій купецъ. Но всѣ мои желанія направлены къ тому, чтобы жить и умереть свободнымъ отъ брачнаго ига. А потому прошу васъ: возьмите свои слова назадъ, ибо я вполнѣ увѣренъ, что изъ нашего союза ничего, кромѣ дурного, не могло бы выйти, какъ для меня, такъ и для васъ. Онъ хотѣлъ еще многое сказать, но состраданіе къ Віолантѣ, надежда ею обладать и страхъ, чтобы она не раскаялась въ своемъ предложеніи, заставили его умолкнуть.

— Не забывайте, мессэре,—возразила ему графиня,—что человѣку дается счастіе въ жизни только разъ, и берегитесь, чтобы Фортуна, посылающая вамъ нынѣ такое благополучіе, не разгнѣвалась, ежели вы не воспользуетесь имъ и, будучи бѣднымъ, странствующимъ купцомъ, отвергнете руку графини Тулузы и Лангедока, которая недавно еще не удостоила своимъ союзомъ благороднѣйшаго графа Каталоніи.

При этихъ слишкомъ гордыхъ словахъ Віоланты, прежняя обида и жажда мести проснулись въ сердцѣ юноши: болѣе не возражая, отвѣтилъ онъ, что готовъ принять ея предложеніе, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы графиня забыла навѣки, что она—дочь славнѣйшаго графа тулуз-

скаго, такъ какъ, чтобы, не возбуждая подозрѣній, избѣгнуть опасности, грозящей ему, какъ похитителю дочери столь могущественнаго владыки, имъ придется немедленно покинуть эту страну, переодѣвшись въ нищенское платье, и по пути останавливаться для отдыха въ самыхъ бѣдныхъ гостиницахъ, гдѣ Віоланта должна будетъ безропотно терпѣть всевозможныя лишенія—усталость, жажду, голодъ, оскорбленія.

— Я предвижу все,—отвѣтила графиня,—и на все готова. Испытайте покорность мою не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Мадонна, вы меня еще мало знаете,—возразилъ графъ Робертъ,—можетъ-быть, я человѣкъ нрава угрюмаго и жестокаго. Что, ежели потребую я отъ васъ того, что не согласилась бы исполнить не только благородная графиня, но и послѣдняя изъ вашихъ служанокъ. Будете ли вы мнѣ послушной во всемъ до конца и въ жизни и въ смерти, ибо безъ великаго послушанія не можетъ быть разумнаго, добраго союза между мужчиной и женщиной.

— Такъ же какъ нѣкогда,—отвѣчала графиня,—свобода, такъ нынѣ покорность моя будетъ безпредѣльной, ибо не вы меня, а я сама себя побѣдила.

Когда на слѣдующее утро старый графъ вошелъ въ комнату дочери—она была уже далеко отъ стѣнъ Тулузы, на большой дорогѣ къ Пиренеямъ вмѣстѣ со своимъ новымъ супругомъ—странствующимъ купцомъ. Графъ долго не хотѣлъ вѣрить своему несчастію: такъ же, какъ многіе придворные, полагалъ онъ, что Віоланта удалилась тайно въ одинъ изъ многочисленныхъ монастырей, находившихся поблизости Тулузы, и что все это—не болѣе, какъ одна изъ ея обычныхъ своевольныхъ прихотей. Вотъ отчего первые поиски направлены были не туда, куда слѣдовало, чему способствовала и хитрость Вероники, которая лгала за двоихъ, успокаивала графа и такъ ловко выгораживала себя, что ей удалось выйти сухой изъ воды.

Когда же, черезъ нѣкоторое время, графъ Ренатъ началъ поиски по большимъ дорогамъ и на постоялыхъ дворахъ, бѣглецы, выдавая себя за пилигримовъ, идущихъ по обѣту

въ монастырь Якова Галиційскаго, давно уже переступили границу Лангедока.

Віоланта оставалась вѣрной данному слову, безропотно переносила всѣ лишенія, ѣла грубую пищу, спала на голыхъ доскахъ, терпѣла зной и холодъ, несказанную усталость, муки тѣла и духа съ молчаливою покорностью. Но по странной прихоти своего сердца графъ Робертъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ этимъ наружнымъ смиреніемъ. Лицо ея загорѣло и осунулось, ноги были изранены острыми каменьями, золотые кудри потускнѣли отъ пыли. Но, хотя она не жаловалась, ему казалось, что есть непобѣдимое упрямство и скрытое высокомѣріе въ ея молчаніи и покорности, и красота ея подъ бѣдною одеждою странницы была болѣе царственной и величавой, чѣмъ подъ роскошною одеждою графини тулузской.

«Униженіе паче гордости,—думалъ графъ,—она покорилась мнѣ тѣломъ, но не духомъ. О чемъ она думаетъ? Зачѣмъ она молчитъ? Можетъ-быть, уже догадалась, кто я, ждетъ, чтобы я заговорилъ съ нею первый, и не проситъ, не хочетъ моего прощенія. Теперь она презираетъ меня болѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда отвергла руку изъ-за упавшаго граната!»

Но порою въ тишинѣ ночи, когда онъ оставался одинъ, душу его наполняла неизъяснимая жалость и, по дивному противорѣчію сердца человѣческаго, онъ плакалъ отъ состраданія, вспоминая тѣ муки, которыя самъ ей причинилъ. Когда же они снова встрѣчались, и графъ Робертъ видѣлъ ея гордое смиреніе, то жалость изгонялась изъ сердца его жестокостью, ибо непобѣдимая, молчаливая покорность Віоланты казалась ему притворной и оскорбительной.

— Униженіе паче гордости!—повторялъ онъ про себя, и чѣмъ болѣе жаждалъ онъ простить ее, тѣмъ болѣе казнилъ и мучилъ, такъ что желѣзное кольцо любви, неумолимой, какъ ненависть, и ненависти страстной, какъ любовь, соединяло ихъ все неразрывнѣе.

Черезъ нѣкоторое время пришли они въ главный городъ Каталоніи—Барселону, гдѣ, по своему обыкновенію, графъ

Робертъ остановился въ одномъ изъ самыхъ тѣсныхъ и грязныхъ постоялыхъ дворовъ на выѣздѣ города. Здѣсь, согласно съ волей своего повелителя, зарабатывая хлѣбъ трудами рукъ своихъ, какъ послѣдняя изъ служанокъ, должна была графиня исполнять всякую черную работу: убирать постели, мыть посуду, задавать корму осламъ и муламъ поселянъ, пріѣзжавшихъ на ярмарку изъ окрестныхъ селеній. Но такъ какъ все это дѣлала она послушно и безропотно, при чемъ муки тѣлесныя и униженія только увеличивали ея недосягаемую прелесть, то графъ недоумѣвалъ, какое изобрѣсти новое и неслыханное испытаніе, чтобы узнать, есть ли предѣлъ ея непреклонному смиренію.

— Слушай, Віоланта,—сказалъ онъ ей однажды,—завтра въ мастерской портного я хочу устроить выпивку, чтобы отпраздновать именины одного колбасника, моего закадычнаго друга. Надо купить хлѣба, но такъ какъ въ настоящее время онъ вздорожалъ, а денегъ съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною, и безъ того выходитъ черезчуръ много, то вотъ что я придумалъ: завтра на зарѣ хозяйка этой гостиницы будетъ печь хлѣбъ: предложи ей помочь и, возвращаясь отъ печи съ корзиной готоваго хлѣба, будто у тебя что-нибудь упало, наклонившись, вынь изъ корзины четыре хлѣба и спрячь ихъ къ себѣ въ карманъ. Услужи мнѣ въ этомъ дѣлѣ, будь доброю. Часа черезъ два или три послѣ завтрака я приду за хлѣбомъ.

Такъ онъ промолвилъ и пристально взглянулъ ей въ глаза, ожидая отвѣта. Довольно было бы одного упрека или жалобы, чтобы вся его жестокость сразу превратилась въ жалость къ Віолантѣ. Но графиня молча потупила глаза и покорнымъ наклоненіемъ дала ему понять, что готова исполнить его приказаніе.

На утро, съ точностью слѣдуя волѣ супруга, украла она у хозяйки четыре хлѣба.

Въ это же самое время графъ Робертъ въ одеждѣ пилигрима вернулся во дворецъ къ немалому утѣшенію своихъ родителей, которые давно безпокоились о его долгомъ отсутствіи, тотчасъ же переодѣлся въ роскошное платье, взялъ

съ собою блестящую свиту пажей и рыцарей, сѣлъ на коня и поѣхалъ, какъ бы для прогулки, къ той самой бѣдной гостиницѣ, въ которой оставилъ свою жену. Завидѣвъ столь великолѣпныхъ всадниковъ, всѣ обитатели постоялаго двора высыпали на улицу; вышла также и хозяйка гостиницы съ Віолантой, только что укравшей четыре хлѣба. Графъ Робертъ, у котораго на лицѣ была черная маска, остановился передъ крыльцомъ, указалъ на Віоланту и спросилъ хозяйку:

— Кто эта дѣвушка?

Хозяйка почтительно отвѣтила ему и объяснила все.

— Послушайте, добрая женщина,—произнесъ графъ Робертъ,—судя по вашему виду вы немало времени пожили на бѣломъ свѣтѣ, а между тѣмъ ничему не научились. Если я что-нибудь смыслю въ наружности людей, то эта дѣвушка—самая искусная воровка. Смотрите же за ней въ оба, а то она васъ обокрадетъ.

Хозяйка, огорченныя столь грубыми и обидными для Віоланты словами, начала ее оправдывать и восхвалять. Тогда незнакомецъ въ черной маскѣ промолвилъ:

— Если такъ, то я желаю, чтобы вы собственными глазами убѣдились въ правотѣ моихъ словъ: подымите ей платье и загляните въ карманъ юбки. Вы увидите, что не даромъ семь лѣтъ въ университетѣ Толедо изучалъ я бѣлую магію и некромантію.

Віоланта поблѣднѣла, но изъ устъ ея не вырвалось ни жалобы, ни упрека, когда хозяйка, болѣе изъ послушанія столь важному и ученому господину, чѣмъ изъ подозрѣнія, заглянула въ ея карманъ и въ самомъ дѣлѣ нашла украденные хлѣбы. Честная женщина казалась не менѣе опечаленной и пристыженной, чѣмъ сама Віоланта, а некромантъ разсмѣялся недобрымъ смѣхомъ; спутники начали восхвалять его за удачную шутку и, пришпоривъ коней, всѣ поѣхали дальше.

Въ это время мать Роберта, графиня каталонская, вышивала жемчугомъ великолѣпные церковные воздухи для придворной капеллы. Сынъ, узнавъ объ этомъ, пообѣщалъ

прислать ей одну бѣдную и скромную французскую мастерицу, весьма искусную въ рукодѣліи, затѣмъ, переодѣвшись купцомъ, пошелъ въ гостиницу и велѣлъ женѣ своей тотчасъ же итти во дворецъ, гдѣ ожидаетъ ее выгодная работа, и во время вышиванія украсть побольше крупныхъ жемчужинъ, положивъ ихъ въ ротъ.

Віоланта исполнила все, что ей было приказано, пошла во дворецъ, принялась за работу и, улучивъ удобную минуту, положила себѣ въ ротъ подъ языкъ четыре крупныя жемчужины. Только что она это сдѣлала, какъ въ комнату вошелъ знакомый некромантъ въ черной маскѣ и при всѣхъ обличилъ ея кражу насмѣшливыми и жестокими словами.

Когда несчастная Віоланта вернулась домой на постоялый дворъ, туда же пришелъ графъ Робертъ, опять переодѣвшись странствующимъ купцомъ, и, приступивъ къ ней, молвилъ такъ:

— Сколь великое и несносное бремя навалилъ я себѣ на плечи, взявъ тебя въ жены, ибо я убѣдился, что нѣтъ и не будетъ мнѣ отъ тебя никакого проку: вотъ уже дважды осрамила ты меня передъ людьми сначала съ хлѣбами, потомъ съ жемчугомъ. Но хотя я, можетъ-быть, и кажусь тебѣ человѣкомъ суровымъ, на самомъ дѣлѣ сердце у меня доброе, и я жалѣю тебя. Такъ какъ завтра большой праздникъ, и работы не будетъ—нечего тебѣ сидѣть дома, да скучать. Ступай-ка лучше во дворецъ, гдѣ будетъ великолѣпное и невиданное торжество по случаю бракосочетанія наслѣднаго графа каталонскаго съ дочерью короля аргонскаго, самою разумною и прекрасною дѣвушкою, какую когда-либо видѣли въ Испаніи. Воистину, графъ Робертъ долженъ благодарить Бога, что ты отказала ему изъ-за упавшаго граната, ибо теперешній бракъ его куда счастливѣе по роднѣ, богатству и красотѣ невѣсты. Итакъ, ступай-ка во дворецъ — походишь, посмотришь, а главное, постарайся украсть что-нибудь поискуснѣе, чтобы тебя снова не поймали и не осрамили. Ежели ты на этотъ разъ исполнишь все такъ, какъ я этого желаю и приказываю, то я тебя прощу и отны-

нѣ буду считать не балованной и лѣнивой дармоѣдкой, а покорною женою и разумною помощницею.

Такъ онъ сказалъ, самъ въ тайникахъ души ужасаясь своей жестокости, и хотя Віоланта близка была къ отчаянію, но до конца не измѣнила себѣ и не выдала своихъ страданій ни слезой, ни упрекомъ, ни жалобой.

На слѣдующій день, исполняя волю господина своего, графиня пошла во дворецъ, гдѣ увидѣла множество веселыхъ и прекрасныхъ дамъ, пажей и рыцарей. По серединѣ залы накрытъ былъ длинный столъ, уставленный золотыми и хрустальными сосудами, съ двумя престолами подъ царственнымъ балдахиномъ,—одинъ для жениха, другой для невѣсты. Віоланта остановилась робко въ темномъ и дальнемъ концѣ залы среди придворныхъ служителей, которымъ изъ милости дозволили взглянуть на празднество, и, затаивъ дыханіе, ни живая, ни мертвая, ожидала появленія новобрачныхъ. Грянули трубы и литавры, и въ толпѣ послышался шопотъ: «идутъ новобрачные». Потомъ наступила тишина, и любопытные взоры устремились на запертыя двери, въ которыя должны были войти женихъ съ невѣстою.

Двери открылись, но, вмѣсто жениха и невѣсты, вошелъ хорошо знакомый Віолантѣ некромантъ, рыцарь въ черной маскѣ. Она вскрикнула отъ ужаса, ноги у нея подкосились, такъ что она едва не упала. Но рыцарь сквозь толпу подошелъ прямо къ ней, къ дѣвушкѣ въ бѣдныхъ, рабскихъ одеждахъ, преклонилъ колѣни и, когда снялъ онъ маску, Віоланта узнала въ немъ своего жениха, графа каталонскаго.

— Свѣтлѣйшая графиня Тулузы и Лангедока,—молвилъ рыцарь,—я умоляю васъ о прощеніи тѣхъ страшныхъ и безчисленныхъ обидъ, которыя въ образѣ странствующаго купца я причинилъ вамъ моею жестокостью, ибо, какъ ни отлична любовь отъ ненависти, но нерѣдко случается, что и мудрые люди принимаютъ одну за другую и, любя, причиняютъ обиды и страданія любимому, какъ бы питая къ нему величайшую ненависть. Я предоставляю вамъ, мадонна Віоланта, свободный выборъ—и вы можете во второй разъ отвергнуть меня, какъ недостойнаго: передъ людьми и пе-

редъ Богомъ я освобождаю васъ отъ связующей насъ клятвы, отъ желѣзнаго кольца. Но ежели вы пожелаете принять мое раскаяніе и простить, то любовь моя отнынѣ будетъ непрестаннымъ благоговѣніемъ передъ величіемъ вашей покорности.

Віоланта ничего ему не отвѣтила, но слезы счастья струились по ея щекамъ и, наклонившись къ нему, она поцѣловала его въ уста.

Трубы и литавры грянули еще торжественнѣе, графъ каталонскій взялъ свою супругу за руку, повелъ ее на приготовленный престолъ, и сердца ихъ соединились въ такомъ блаженствѣ, какого мы и вамъ пожелаемъ во вѣки вѣковъ, любезные слушатели, благороднѣйшія дамы и рыцари.

Рыцарь за прялкой:

Новелла XV вѣка.

Предки барона Ульриха были богаты и вели роскошную жизнь. Отецъ, расточивъ большую часть имѣнія, оставилъ сыну замокъ въ Богеміи и немного земли, которая приносила доходовъ столько, сколько нужно, чтобы жить одному неприхотливому человѣку. Молодой баронъ былъ нрава безпечнаго и добраго, не умѣлъ выжимать изъ крѣпостныхъ оброки, какъ это дѣлали сосѣдніе помѣщики, и когда ему предстояли неожиданные расходы, предпочиталъ занимать деньги на высокіе проценты у ростовщиковъ или закладывалъ клочки дѣдовскаго имѣнія алчнымъ нѣмцамъ и жидамъ. Рыцарь мало заботился о будущемъ, и такъ какъ рѣдко принималъ гостей, велъ тихую уединенную жизнь и, кромѣ двухъ страстей — къ лошадямъ и книгамъ, привычки имѣлъ скромныя, то ему хватало, и онъ никогда не думалъ о своей бѣдности. Случалось, что старый вѣрный управитель-кастелланъ приносилъ ему съ тревожнымъ лицомъ толстыя приходо-расходныя книги, записи жидовскихъ долговъ и хозяйственные счеты, но молодой баронъ отмахивался отъ него, какъ отъ надоѣдливой мухи, и не хотѣлъ заглянуть въ эти единственныя изъ рукописныхъ книгъ, которыя были ему ненавистны.

— На мой вѣкъ хватитъ, — говаривалъ Ульрихъ съ безпечной улыбкой и продолжалъ покупать привозимыя изъ Италіи и Византіи драгоцѣнные пергаменты съ миніатюрами и благородныхъ лошадей, потихоньку разоряя свое имѣніе, къ прискорбію сумрачнаго управителя.

Ульрихъ былъ честенъ и лѣнивъ, — два главныхъ свойства, которыя мѣшаютъ людямъ пріобрѣтать деньги. Пробовалъ онъ служить, но военная служба показалась ему тяжелой. Скоро вернулся баронъ въ свой замокъ и окончательно поселился въ немъ. Жилъ онъ совсѣмъ одинъ съ немногими старыми слугами, не томясь одиночествомъ, скорѣе находя въ немъ отраду; изъ великолѣпнаго опустѣвшаго замка занималъ Ульрихъ не болѣе двухъ, трехъ покоевъ, которые казались ему уютнѣе другихъ. Сосѣди называли его полупомѣшаннымъ, философомъ, алхимикомъ, или же, попросту, деревенскимъ увальнемъ и рохлей. Но рыцарь мало заботился о томъ, что говорятъ сосѣди. Онъ чувствовалъ себя, если не счастливымъ, то безпечнымъ и свободнымъ. Большую часть дня проводилъ въ охотѣ на волковъ и медвѣдей, которыхъ въ тѣ времена водилось множество въ лѣсахъ Богеміи. Удилъ рыбу, потому что любилъ тишину глубокихъ водъ, которыя иногда казались ему похожими на его собственное сердце. Или же, подобно старому римскому императору Діоклетіану, удалившемуся отъ суетной власти, — о которомъ онъ читалъ въ книгѣ итальянскаго гуманиста Флавіо Біондо, озаглавленной «Libri Historiarum ab inclinatione Romanorum», — копалъ гряды на огородѣ, сажалъ плодовыя деревья и обчищалъ ихъ, подрѣзая лишнія вѣтви большимъ садовымъ ножомъ. Но самая пріятная часть дня наступала послѣ ужина: въ долгіе осенніе и зимніе вечера, когда ставни на окнахъ содрогались отъ вѣтра, шумѣлъ дождь или завывала вьюга, — въ громадномъ закоптѣломъ очагѣ съ пышными каменными гербами разводили огонь. Ульрихъ въ мягкой заячьей шубѣ садился поближе къ трескучему пламени, наливалъ кубокъ добраго вина, бралъ одну изъ любимыхъ книгъ и погружался въ чтеніе. То были латинскія хроники дѣяній грековъ и римлянъ, описанія путешествій въ далекія страны, только-что тогда входившія въ моду новеллы итальянскихъ писателей или сладкозвучные сонеты божественнаго Петрарки. Ульрихъ порой отрывался отъ книги, подлогу смотрѣлъ на пламя въ каминѣ, и слезы одинокаго счастья, рождаемаго гармоніей,

струились по его щекамъ. Или же, размахивая руками, громко декламировалъ тѣ строки, которыя ему особенно нравились, пробуждая ночное эхо въ темныхъ сводахъ; и подъ завываніе сѣверной вьюги, удивительными и волшебными казались пѣвучія рифмы, созданныя въ странѣ южнаго солнца.

Ульрихъ былъ высокъ, худощавъ, обладалъ большою силою въ рукахъ, голосъ имѣлъ тихій и пріятный, волосы такіе свѣтлые, что они казались почти бѣлыми, какъ будто сѣдыми, глаза лѣнивые, блѣдно-голубые, но въ нихъ вспыхивалъ иногда огонь,—и медвѣдицы богемскихъ лѣсовъ, на которыхъ онъ хаживалъ одинъ съ двумя охотничьими псами, чувствовали передъ смертью, какъ опасенъ этотъ внезапный огонь въ глазахъ Ульриха.

Однажды, въ зимнюю стужу, случилось барону выѣхать на медвѣжью охоту въ дремучій лѣсъ, далеко отстоявшій отъ замка. Охота была счастливой, доѣзжачіе взвалили на сани пушистую громаду убитаго звѣря и собрались домой. Завечерѣло, поднялась вьюга, снѣгомъ замело лѣсныя тропы, и охотники заблудились. Ночью напало на нихъ стадо волковъ. Они едва не погибли и не замерзли. Къ счастью, Ульрихъ замѣтилъ въ горахъ сквозь бѣлую мутную мглу огонекъ. Подъѣхали къ замку. Когда на крики и стукъ ихъ отворились ворота, и рыцарь услышалъ имя владѣльца, то сперва хотѣлъ вернуться назадъ въ лѣсъ. Въ замкѣ жилъ врагъ; отцы и дѣды этого рыцаря съ незапамятныхъ временъ ненавидѣли семейство Ульриха. Столѣтія длилась вражда, породившая многія злодѣйства. Только въ послѣдніе годы, когда почти всѣ члены обоихъ родовъ, кромѣ двухъ сыновей, перемерли, вражда утихла. Молодые люди никогда не встрѣчались.

Ульрихъ подумалъ, что ему надо выбрать одно изъ двухъ: или замерзнуть и быть съѣденнымъ волками въ лѣсу, или искать убѣжища въ домѣ врага. Онъ предпочелъ послѣднее. Когда Арнольфъ — такъ звали владѣльца замка — узналъ имя нежданнаго гостя, то, исполняя рыцарскій долгъ, тронутый благородною довѣрчивостью Ульриха, дружески при-

гласилъ его въ свой домъ. Замерзшіе охотники скоро отогрѣлись у гостепріимнаго очага, и Ульрихъ съ Арнольфомъ разговорились такъ, какъ будто они были старыми друзьями. Когда подали ужинъ, къ столу вышла молодая дѣвушка, сестра Арнольфа. Ее звали Діанорой, и Ульрихъ узналъ впослѣдствіи, что ея мать была итальянкой, дочерью одного сіенскаго купца. Арнольфъ родился отъ перваго брака, отъ другой матери.

Діанора съ перваго взгляда понравилась Ульриху. Вспоминая выраженіе одного итальянскаго поэта о прекрасной флорентинкѣ Симонетти, онъ мысленно назвалъ прелесть Діаноры «смиренно-гордою». Матовая блѣдность ея лица подъ гладкими, черными и блестящими волосами напоминала твердые и свѣжіе лепестки бѣлыхъ цвѣтовъ въ черно-зеленой листвѣ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ той страны, которую Діанора считала своей родиной и любила, хотя никогда ея не видѣла.

Оба рыцаря разстались друзьями, и память о старой враждѣ разсѣялась, ибо они были молоды, великодушны и не имѣли причины желать другъ другу зла.

Съ тѣхъ поръ Ульрихъ сталъ посѣщать замокъ Арнольфа, благословляя ту жестокую вьюгу, которая привела его въ жилище Діаноры, и каждый разъ она казалась ему еще прекраснѣе.

Скоро онъ узналъ, что Арнольфъ бѣденъ и долженъ выдать сестру замужъ почти безъ приданаго: это сдѣлало Ульриха смѣлѣе и, увѣрившись въ его благосклонности, онъ рѣшился попросить у брата руки сестры. Видя благородную любовь рыцаря и желая увѣковѣчить кровнымъ союзомъ новую дружбу, Арнольфъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился.

Великолѣпные покои замка, гдѣ молодой отшельникъ недавно велъ тихую жизнь, наполнились брачнымъ веселіемъ. Скоро Ульрихъ увидѣлъ, что не ошибся въ своемъ выборѣ, такъ какъ Діанора была доброю женою.

Несмотря на свою бѣдность, онъ дѣлалъ ей роскошные подарки, купилъ прекрасную флорентійскую лютню, украшен-

ную перламутромъ, и когда проѣзжали московскіе купцы съ мѣхами, поспѣшилъ продать тополиную рощу и подарилъ Діанорѣ драгоцѣнную шубу пунцоваго бархата, опушенную соболемъ.

Въ замкѣ все чаще стали появляться подозрительные заимодавцы, все съ большею рѣшимостью подписывалъ Ульрихъ жидовскіе векселя. И лицо стараго вѣрнаго управителя становилось мрачнѣе. Наконецъ онъ добился своего, показалъ Ульриху счетныя книги, объяснилъ все, и рыцарь увидѣлъ, что черезъ годъ ему предстоитъ нищета.

Діанора ничего не знала и казалась совершенно счастливою. Теперь только понялъ Ульрихъ горечь бѣдности. Безпечность покинула его, и скоро жена замѣтила сердечную тревогу мужа. Но такъ какъ жемчужина всѣхъ женскихъ добродѣтелей — стыдливая скромность украшала Діанору, то она не дерзала спросить супруга о причинѣ этой тревоги.

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда, по старому обычаю, онъ сидѣлъ съ кубкомъ вина и книгой у камина и думалъ невеселую думу, а Діанора тонкими пальцами перебирала струны лютни, рѣшилась она спросить мужа, какая забота омрачаетъ душу его. Ульрихъ смутился и хотѣлъ скрыть тревогу притворною веселостью, но, чувствуя въ ея взорахъ нѣжную укоризну за то, что онъ не хочетъ раздѣлить съ нею горя, — не вытерпѣлъ и самъ открылъ ей все. Тогда Діанора воскликнула радостно:

— Благословенъ да будетъ Создатель мой, посылающій мнѣ такое легкое испытаніе! Ибо я ждала гораздо худшаго. Въ юдоли плача и воздыханія, именуемой земною жизнью, человѣка подстерегаютъ на всѣхъ путяхъ его вражда, болѣзнь, безуміе, смерть и многія другія страданія, среди которыхъ бѣдность еще самое отрадное. Да не смущается сердце господина моего. Въ домѣ брата я не привыкла къ роскоши. Въ этомъ прекрасномъ замкѣ есть все, что намъ нужно. Съ голода мы не умремъ: хлѣба, плодовъ и вина хватитъ на двоихъ. О чемъ же горевать? Мы будемъ жить просто и умѣренно, какъ учатъ древніе мудрецы, книги которыхъ такъ любитъ ваша милость, и я питаю увѣренность, что

многіе земные владыки могли бы позавидовать нашему счастью.

Такъ сказала она, — мудрость озарила лицо ея, и никогда красота Діаноры не казалась Ульриху такою царственной. Рыцарь склонилъ передъ нею колѣни, поцѣловалъ ея тонкія, блѣдныя руки и сказалъ:

— Слова твои, Діанора, кажутся мнѣ прекрасными. Но ты, какъ женщина молодая и не искушенная опытомъ жизни, заботишься только о сегодняшнемъ днѣ и о насъ двоихъ, между тѣмъ какъ я предвижу будущее. Тебѣ, быть-можетъ, не безызвѣстно, что мой великодушный король и повелитель, Маттіасъ Корвинъ, любитъ меня не меньше, чѣмъ отца моего и дѣда. Я слышалъ, что готовится новый походъ въ землю невѣрныхъ: король съ радостью приметъ меня, дастъ мнѣ почетное мѣсто въ своемъ войскѣ, и ежели мнѣ удастся заслужить его милость, — на что я питаю твердую надежду, то онъ наградитъ меня съ обычною щедростью, за которую стоустая молва не даромъ прославила его у всѣхъ народовъ.

Ульрихъ умолкъ на мгновеніе, и жена спросила его:

— Что же препятствуетъ господину моему исполнить это мудрое намѣреніе?

— Діанора! Какъ оставлю я тебя одну въ этомъ уединенномъ замкѣ, такую молодую и неопытную?

— Но развѣ ваша милость еще не увѣрилась въ томъ, что я добрая хозяйка. Вамъ нечего бояться. Старые вѣрные слуги не покинутъ меня. Къ тому же у замка глубокіе рвы и желѣзныя рѣшетки...

— О, милая, ни глубокіе рвы, ни желѣзныя рѣшетки не защитятъ тебя отъ этихъ двуногихъ волковъ, которые, почуявъ, что есть для нихъ лакомая добыча (ибо ты вѣдь знаешь, Діанора, что красота твоя славится по всей Богеміи), сбѣгутся, чтобы похитить у меня самое драгоцѣнное...

Тогда Діанора подняла на него свои ясные глаза и молвила:

— Я сохраню честь господина моего и въ жизни и въ смерти.

И она взглянула на него такъ, что рыцарь повѣрилъ, и если бы теперь весь міръ свидѣтельствовалъ противъ нея,

не усомнился бы. Тогда онъ уже болѣе не колебался и рѣшилъ поступить на службу къ королю.

Не желая медлить, продалъ все лишнее,—часть денегъ взялъ съ собою на дорогу, другую оставилъ женѣ, и назначилъ день отъѣзда.

Знаменитый король венгерскій Маттіасъ Корвинъ благосклонно принялъ Ульриха и далъ ему при дворѣ столь же почетное, какъ и выгодное мѣсто. Когда же Маттіасъ выступилъ въ давно замышляемый имъ походъ противъ невѣрныхъ, то поручилъ богемскому рыцарю защиту пограничной крѣпости, которую осаждалъ предводитель турокъ Мустаффа-паша. Рыцарь велъ войну съ такимъ успѣхомъ, что скоро пріобрѣлъ славу храбраго и мудраго военачальника. Каждый день получалъ онъ отъ государя щедрые подарки, между прочимъ, прекрасный замокъ съ обширными землями и угодьями, приносившими немалый доходъ. Скоро Ульрихъ настолько поправилъ свои дѣла, что могъ заплатить долги, выкупить заложенныя земли и, уже помышлялъ о возвращеніи домой.

Жена Маттіаса Корвина, прекрасная королева Беатриче Аррагонская, дочь неополитанскаго короля Фердинанда старшаго, подобно большинству тогдашнихъ итальянскихъ принцессъ, будучи женщиной образованной, считала своимъ долгомъ покровительствовать ученымъ, поэтамъ и привлекать ихъ къ своему двору. Многіе знаменитые гуманисты пріѣзжали къ ней изъ Франціи, Италіи и Греціи.

Баронъ Ульрихъ, который былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, заслужилъ особенную милость королевы. Она не разъ ходатайствовала за него передъ супругомъ и, такъ какъ рыцарь справедливо считалъ самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ—неблагодарность, то ему нерѣдко случалось сѣтовать на судьбу за то, что она не представляетъ удобнаго случая доказать королевѣ его преданность.

Когда онъ вернулся изъ похода на невѣрныхъ, Беатриче попросила его остаться при дворѣ ея нѣкоторое время. Какъ ни стремился Ульрихъ домой, но не могъ отказать

великодушной покровительницѣ въ этой просьбѣ и согласился отложить свой отъѣздъ.

Беатриче, слѣдуя пріятному итальянскому обычаю, по вечерамъ, когда спадалъ жаръ, приглашала все общество, сходившееся вокругъ нея: придворныхъ дамъ, кавалеровъ, ученыхъ, поэтовъ, гуманистовъ, въ обширный прекрасный садъ, находившійся неподалеку отъ дворца. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, среди цвѣтовъ и деревьевъ, царствовала непринужденная веселость. Юноши и молодыя дѣвушки играли въ мячъ, водили хороводы, пѣли пѣсни на свѣжемъ зеленомъ лугу. А старшіе, подъ тѣнью сосенъ и дубовъ, на удобныхъ скамьяхъ изъ дерева, вокругъ журчащаго фонтана, вели бесѣды, разсказывали по очереди смѣшныя или поучительныя новеллы, затѣвали споры, которые Беатриче всегда умѣла направлять къ возвышеннымъ предметамъ человѣческаго созерцанія.

Однажды, въ лѣтній вечеръ, какъ это часто бываетъ въ обществѣ, гдѣ есть много прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ, зашла рѣчь о любви. Одни, по преимуществу люди старые, искушенные въ лицемѣріи и порокахъ, превозносили любовь небесную, платоническую. Другіе, болѣе молодые и чистые сердцемъ, выражали насмѣшливое недовѣріе къ неземной любви, стараясь показаться болѣе старыми и опытными во злѣ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. И, какъ тоже всегда бываетъ въ подобныхъ разговорахъ, среди собесѣдниковъ нашелся одинъ наиболѣе упорный и яростный врагъ женщинъ, который, извинившись передъ королевой и признавъ, что она — единственное прекрасное исключеніе изъ правила, далъ волю злому языку и началъ доказывать краснорѣчивыми примѣрами изъ древнихъ и новыхъ писателей, изъ Библіи и миѳологіи, что женщины — самое порочное и опасное существо подъ луною. Съ особеннымъ озлобленіемъ нападалъ онъ на непостоянство ихъ—причину всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, утверждая, что не было, нѣтъ и не будетъ такой женщины, за вѣрность которой можно бы поручиться. Ему возражала сама королева Беатриче и намекнула на супругу барона Ульриха Діанору, которая славилась своей

добродѣтелью не менѣе, чѣмъ красотою. Ульрихъ тихонько всталъ и удалился.

Тогда Беатриче, замѣтивъ его отсутствіе, начала уже открыто восхвалять добродѣтели прекрасной Діаноры, называя ее по имени, что было непріятно многимъ, ибо ея мужу всѣ при дворѣ завидовали. Между прочимъ, одинъ изъ присутствующихъ, пріѣзжій польскій рыцарь, панъ Владиславъ, человѣкъ неглупый, но самонадѣянный, считавшій себя побѣдителемъ женщинъ, молвилъ такъ:

— Ваше величество, я не имѣю чести знать добродѣтельной супруги барона Ульриха, которую вы только что восхваляли съ обычнымъ вашимъ краснорѣчіемъ, скорѣе божественнымъ, нежели человѣческимъ. Но не во гнѣвъ будь сказано вашей мудрости я считаю себя не меньшимъ знатокомъ въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ кто-либо другой, и полагаю, что мадонна Діанора—такая же дочь прародительницы нашей Евы, пожелавшей вкусить отъ запретнаго плода, — какъ и всѣ остальныя жены. Не разъ случалось мнѣ замѣчать, что именно тѣ изъ нихъ, которыя особенно прославляются за добродѣтель и съ наибольшимъ упорствомъ противятся самымъ жаркимъ и долгимъ мольбамъ, не ждано, не гадано уступаютъ любовному взгляду перваго встрѣчнаго юноши, одному слову, одному вздоху, одной притворной слезѣ, и гораздо быстрѣе другихъ попадаютъ въ сѣти соблазна. Есть ли кто-нибудь изъ живущихъ на свѣтѣ, кто могъ бы имѣть твердую увѣренность въ подобномъ дѣлѣ? Кто знаетъ неисповѣдимыя тайны ихъ сердца. Полагаю, что никто, кромѣ Господа Бога. Что это такъ и что Діанора нисколько не лучше другихъ женщинъ, я берусь доказать ни на словахъ, а на дѣлѣ, и побиться объ закладъ, при чемъ поставилъ бы не какихъ-либо двѣсти-триста дукатовъ, а все мое имущество.

— Мессэръ Владиславъ, — возразила королева съ вѣжливой улыбкой, хотя не безъ досады, — вы говорите съ такою смѣлостью только потому, что знаете, что въ этомъ спорѣ никто не пожелаетъ биться съ вами объ закладъ.

Тогда всѣ заговорили еще съ большею горячностью, перебивая другъ друга, споря, смѣясь. Одни, желая угодить королевѣ, превозносили до небесъ добродѣтель Діаноры, а другіе, надѣясь, что изъ этого можетъ выйти что-нибудь непріятное для Ульриха, подзадоривали самонадѣяннаго поляка, который славился своей неблагоразумной любовью ко всякимъ хвастливымъ спорамъ, поединкамъ и закладамъ

— Ваше величество!—воскликнулъ, наконецъ, панъ Владиславъ, — никогда еще не отступалъ я отъ словъ моихъ и теперь не отступлю: я утверждаю, и готовъ поручиться въ томъ всѣмъ моимъ достояніемъ, что если бы я находился тамъ, гдѣ обитаетъ прославленная Діанора и могъ бы нѣкоторое время побыть съ нею наединѣ, то мнѣ скоро удалось бы смягчить это сердце, которое отличается, ежели вѣрить молвѣ, твердостью адаманта и алмаза.

Всѣ немало удивились необыкновенной смѣлости Владислава, и хотя явно оспаривали его, втайнѣ сочувствовали и желали ему успѣха. Многія изъ присутствующихъ дамъ уже смотрѣли на польскаго рыцаря, какъ на героя, и не отказались бы подвергнуться искушенію Діаноры,—такъ понравилась имъ безумная рѣшимость его, которую онѣ громко, съ притворнымъ негодованіемъ порицали.

Среди придворныхъ кавалеровъ былъ одинъ другъ Владислава — венгерскій баронъ Альбертъ, юноша красивой наружности, съ розовыми щеками, какъ у молодой дѣвушки, и длинными золотистыми кудрями. Онъ одѣвался роскошно, по ломбардской модѣ, въ шелковыя, разноцвѣтныя ткани съ вырѣзами, фестонами, зубчиками, лентами и бантами, такъ что походилъ на рѣдкую заморскую птицу съ блестящими перьями; былъ придворнымъ поэтомъ, краснобаемъ и любимцемъ женщинъ. Альбертъ присоединился къ своему другу и объявилъ королевѣ, что ежели пари состоится, то и онъ вмѣстѣ съ польскимъ рыцаремъ готовъ биться объ закладъ, поручившись всѣмъ своимъ имуществомъ, что одному ихъ нихъ удастся склонить къ невѣрности добродѣтельную Діанору.

Никакіе увѣщанія и доводы не могли сломить упорства обоихъ друзей — поляка и венгерца, которые стояли на своемъ, какъ будто отъ этого зависѣла ихъ честь.

Въ это время по саду проходилъ король Маттіасъ Корвинъ, наслаждаясь вечернею прохладою. Услышавъ громкіе голоса споривших, онъ подошелъ и пожелалъ узнать, о чемъ они бесѣдуютъ. Когда же ему все разсказали, король весело разсмѣялся и молвилъ такъ своей супругѣ:

— Я не совѣтовалъ бы вашей милости настаивать въ такомъ дѣлѣ, слишкомъ опасномъ для нашего общаго друга, доблестнаго рыцаря Ульриха, которому вы, надѣюсь, не менѣе, чѣмъ я, желаете блага. Воистину, кто поручится за добродѣтель самой добродѣтельной изъ женщинъ? Полагаю, что отъ такого невѣрнаго поручительства откажется и баронъ Ульрихъ, какъ человѣкъ благоразумный и предусмотрительный. Что можетъ быть ненадежнѣе сердца женщины, мужъ которой отсутствуетъ изъ дома почти два года. Оставьте же этотъ споръ и лучше уступите.

Шутливыя слова короля задѣли Беатриче за живое. Она обратилась къ присутствующему пріѣзжему легисту изъ падуанскаго университета, Курцію Аттелану, и спросила можно ли придать этому дѣлу законную форму. Докторъ обоихъ правъ, желая показать свое искусство, отвѣтилъ, что ничего не можетъ быть легче. Тогда королева съ женскимъ упорствомъ и горячностью, велѣла принести бумагу, чернила, перья и тотчасъ же, въ присутствіи короля, пригласила падуанскаго легиста составить необходимый нотаріальный актъ: панъ Владиславъ и рыцарь Альбертъ обязываются отдать все свое имущество, движимое и недвижимое, знаменитому и доблестному рыцарю богемскому Ульриху въ томъ случаѣ, ежели ни одному изъ нихъ не удастся склонить къ невѣрности, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ заключенія этого договора, супругу вышереченнаго Ульриха — Діанору.

Королева втайнѣ надѣялась, что въ послѣднюю минуту полякъ и венгерецъ поймутъ свое неблагоразуміе, не подпишутъ договора, и что, такимъ образомъ, ей удастся обратить

все дѣло въ шутку и пристыдить хвастливую самонадѣянность мужчинъ, къ торжеству женщинъ.

Но случилось иначе. Альбертъ и Владиславъ подписали договоръ, и теперь оставалось только получить подпись барона Ульриха.

Королева тотчасъ же удалилась въ свои покои и, оставшись наединѣ съ Ульрихомъ, попросила его согласія. Баронъ не сомнѣвался, что выиграетъ закладъ, что все это дѣло должно обратиться въ смѣхъ и стыдъ обоимъ рыцарямъ, и въ прославленіе цѣломудренной Діаноры, а потому, не желая оказаться неблагодарнымъ передъ великодушной покровительницей и зная, какимъ непобѣдимымъ упорствомъ въ прихотяхъ отличаются женщины, когда онѣ избалованы властью, онъ, чтобы доказать сердечную преданность королевѣ, далъ свое согласіе и подписалъ неслыханный договоръ.

На слѣдующее утро Альбертъ, который долженъ былъ первымъ попытать счастья, собрался въ путь и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Богемію, въ то мѣсто, гдѣ находился замокъ барона Ульриха.

Онъ остановился съ лошадьми и слугами въ сосѣдней гостиницѣ и послалъ предупредить Діанору, что онъ явится въ замокъ засвидѣтельствовать свое почтеніе и передать ей сердечный привѣтъ отъ королевы Беатриче и отъ ея мужа.

На слѣдующій день, не подозрѣвая ничего дурного, Діанора встрѣтила Альберта ласково, какъ и подобало гостепріимной хозяйкѣ. Зная о необыкновенной любви Діаноры къ Италіи, родинѣ ея матери, венгерецъ придумалъ цѣлую басню, чтобы заслужить ея первое вниманіе: разсказалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ счастье посѣтить эту прекрасную страну, и она такъ ему понравилась, что съ тѣхъ поръ онъ тоскуетъ о ней, какъ о своей родинѣ, и желаетъ вернуться въ нее. Въ настоящее время, исполняя это давнее намѣреніе, передъ тѣмъ, чтобы направить свой путь въ Италію, онъ пріѣхалъ въ Богемію повидать больного стараго дядю. Такимъ образомъ объяснивъ свой пріѣздъ,

онъ заговорилъ о прекрасныхъ городахъ Италіи, о царицѣ лагунъ — Венеціи, о Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Сіенѣ. Разсказы его очень понравились Діанорѣ, и она попросила Альберта притти еще разъ.

Онъ сталъ посѣщать замокъ, игралъ ей на лютнѣ, читалъ стихи, пѣлъ, забавлялъ веселыми шутками, новеллами, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, взорахъ и словахъ ничего не выражалось, кромѣ невинной дружбы и рыцарской почтительности.

Но скоро тѣни глубокой задумчивости все чаще стали омрачать лицо юноши. Онъ слушалъ ее разсѣянно, отвѣчалъ невпопадъ, смотрѣлъ на нее подолгу, молча, какъ будто хотѣлъ что-то сказать или спросить, но ничего не говорилъ и уходилъ поспѣшно. Діанора была такъ неопытна въ любви, что не понимала этой игры и разспрашивала Альберта съ искреннимъ участіемъ, что съ нимъ, какая забота наполняетъ его сердце.

Однажды, играя на лютнѣ, той самой, которую подарилъ ей Ульрихъ, Альбертъ запѣлъ тихую старую пѣсню любви, унылую и нѣжную, какъ долгій страстный вопль. Діанора заслушалась и почувствовала неодолимое смущеніе. Вдругъ онъ оборвалъ пѣсню, отложилъ лютню въ сторону и закрылъ лицо руками.

Полная состраданія, она тихонько коснулась его плеча и спросила о причинѣ скорби.

— Мессэръ, если я что-нибудь могу сдѣлать для вашего блага, — прибавила она, — то, видитъ Богъ, я готова.

Тогда онъ упалъ передъ ней на колѣни и, обливаясь горячими слезами, сталъ говорить о любви.

Діанора молчала въ ужасѣ. Наконецъ, опомнившись, велѣла ему уйти.

Когда Альбертъ увидѣлъ, что мольбы напрасны, то рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Сбросивъ съ себя личину притворнаго смиренія, онъ объявилъ, что не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ, чтобы достигнуть цѣли, что готовъ погубить свое тѣло, свою душу и рыцарскую честь, ибо любовь оправдываетъ все, — что

онъ сумѣетъ оклеветать ее передъ мужемъ: нанесетъ себѣ самъ въ ея домѣ тяжелую рану и скажетъ, что она велѣла своимъ слугамъ убить его изъ мести за то, что онъ не соглашался обмануть съ нею Ульриха.

Когда Діанора услышала эти угрозы, то жалость къ нему превратилась въ ненависть.

Притворившись побѣжденной страхомъ и любовью, она сказала, что, во избѣжаніе большихъ несчастій, уступаетъ ему, но такъ какъ увѣрена, что баронъ Ульрихъ убьетъ ее, если узнаетъ отъ слугъ объ измѣнѣ, то проситъ Альберта притти на свиданіе въ одну отдаленную башню замка, гдѣ никто не можетъ ихъ видѣть и слышать, подробно объяснивъ ему тѣ примѣты, по которымъ онъ могъ найти эту башню.

Одѣвшись въ роскошныя одежды, Альбертъ на слѣдующій день въ условленный часъ пошелъ въ замокъ и по указаннымъ примѣтамъ отыскалъ темную пустынную галлерею, которая привела его прямо къ двери желаннаго покоя въ отдаленной башнѣ, который назначенъ былъ для свиданья.

Дверь была открыта настежь, и рыцарь не вошелъ, а впорхнулъ въ нее, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости. Онъ притворилъ тяжелую, окованную желѣзомъ, дверь, устроенную такъ, что изнутри ее нельзя было открыть безъ ключа. Когда Діанора, спрятавшаяся неподалеку, услышала, что мышеловка захлопнулась, она заперла ее еще снаружи на замокъ и унесла ключъ съ собой.

Альбертъ удивился, что дама выбрала такое странное мѣсто для свиданія: голыя стѣны, рѣшетчатое окно такъ высоко, что до него нельзя было достигнуть безъ лѣстницы, и никакого убранства, кромѣ узкой постели, какія употребляются въ монашескихъ кельяхъ, и двухъ-трехъ деревянныхъ стульевъ. Эта башня была въ прежнія времена тюрьмою, гдѣ содержались знатные плѣнники въ пожизненномъ заключеніи.

Пока рыцарь ожидалъ, съ радостною тревогою, появленія Діаноры, въ двери открылось окошечко, такое маленькое, что въ него едва можно было подать заключенному хлѣбъ

и кубокъ вина. Альбертъ увидѣлъ насмѣшливое лицо одной изъ служанокъ Діаноры и услышалъ слѣдующія слова:

— Мессэръ Альбертъ, моя госпожа велѣла передать вамъ, что такъ какъ вы проникли въ замокъ, какъ воръ, чтобы похитить ея честь, то и она заключила васъ въ тюрьму, какъ вора, выбравъ такое наказаніе, какое считаетъ наиболѣе справедливымъ. Пока вы будете находиться въ этой темницѣ, вы должны зарабатывать себѣ пропитаніе пряжею, и чѣмъ больше напрядете за день, тѣмъ будетъ вкуснѣе вашъ обѣдъ, а ежели вздумаете лѣниться,—ничего не получите, кромѣ хлѣба и воды.

И окошечко захлопнулось.

Рыцарь хотѣлъ что-то закричать ей вслѣдъ, но голосъ ему измѣнилъ, и только тихій стонъ вырвался изъ горла. Онъ поблѣднѣлъ, шатаясь подошелъ къ постели и упалъ на нее почти безъ сознанія. Когда же опомнился, сталъ помышлять о самоубійствѣ. Но у него не было меча, а повѣситься онъ не могъ, ибо своды темницы были слишкомъ высокіе. Къ тому же, въ сердцѣ его сохранилась надежда, что все это окажется шуткою, и что скоро его выпустятъ.

Онъ ходилъ по тюрьмѣ, ломалъ руки, говорилъ самъ съ собой, какъ сумасшедшій, проклиналъ день и часъ, когда пришла ему несчастная мысль биться объ закладъ, богохульствовалъ, молился, плакалъ, и ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Вспоминалъ также о потерѣ имущества, и хотя скорбѣлъ, но скорбь была ничто передъ болью стыда, отъ котораго сердце его ныло и горѣло, какъ будто его сжимали острыми клещами. Въ этихъ мукахъ прошелъ день, и наступила ночь. Въ то время, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по кельѣ при блѣдномъ сіяніи луны, лучъ которой проникъ въ окно, рыцарь увидѣлъ въ одномъ углу темницы новую хорошенькую прялку, съ свѣжею паклею и веретеномъ, какъ будто ожидавшую работы. Въ припадкѣ ярости Альбертъ хотѣлъ схватить ее и разбить въ щепки. Но что-то удержало его, и онъ толкнулъ ее ногою осторожно. Передъ самымъ утромъ, уснувъ тревожнымъ сномъ, плѣнникъ скоро проснулся отъ голода и жажды. Идя на свиданье, онъ ничего

не ѣлъ отъ радости, а такъ какъ большое горе не менѣе заставляетъ чувствовать пустоту желудка, чѣмъ большая радость, то теперь съ немалымъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ, когда окошечко въ тюремной двери откроется, и служанка подастъ ему хлѣба и воды. Веселыя ласточки защебетали подъ окномъ, замычали коровы, заигралъ рожокъ пастуха, раздался тихій колокольный звонъ, повѣяло утреннею свѣжестью луговъ; несчастный Альбертъ почувствовалъ то же, что пойманная птица чувствуетъ, въ первый разъ встрѣчая утро въ клѣткѣ. Тюрьма освѣтилась, и въ углу, выступивъ изъ мрака, нелѣпая прялка торчала теперь, лѣзла въ глаза, преслѣдовала его съ оскорбительною назойливостью.

Наконецъ желанное окошечко открылось, и, какъ вчера, изъ него высунулось лукавое, безпощадно-веселое и розовое лицо молодой служанки.

— Ну, какъ наши дѣла, мессэръ Альбертъ? Много ли поработали? Покажите пряжу,—и говорю вамъ, что должна видѣть ее и смѣрять точно, чтобы знать, какой обѣдъ принести.

Тогда рыцарь не выдержалъ, сталъ кричать, топать ногами, требовать немедленнаго освобожденія, грозить, осыпать госпожу и служанку отборными ругательствами. Наученная Діанорой, служанка отвѣтила ему спокойно:

— Напрасно изволите гнѣваться, мессэръ. Я тутъ не при чемъ: только исполняю волю госпожи. Мой совѣтъ — успокойтесь, будьте благоразумнѣе. Перемелется — мука выйдетъ. Злоба въ бѣдѣ не помогаетъ. Лучше покоритесь. Госпожа моя желаетъ знать, какое намѣреніе привело васъ къ ней въ замокъ, такъ какъ она вполнѣ увѣрена, что все это случилось не спроста. Послушайте, рыцарь, вы должны какъ можно скорѣе открыть тайну, а кромѣ того, для вашего собственнаго блага, совѣтую вамъ заняться пряжей. Не бойтесь, это дѣло немудреное, и ежели мы, глупыя женщины, справляемся съ нимъ, то вамъ и подавно покажется оно легкимъ. Помните же, Альбертъ, рѣшеніе Діаноры неумолимо. Вы изъ этой башни не выйдете и не получите на обѣдъ ничего, кромѣ хлѣба и воды, пока не назовете

вашихъ сообщниковъ и не сядете за прялку. Не упорствуйте же, принимайтесь-ка за работу скорѣе: сегодня къ полудню я снова навѣдаюсь въ вамъ, и ежели вы довольно напрядете, принесу превкусный обѣдъ.

И Барбара — такъ звали служанку — захлопнула окошечко, смѣясь.

Въ это время Діанора велѣла тайно захватить слугъ и лошадей мессэра Альберта, содержать ихъ въ плѣну въ полной сохранности, такъ, чтобы люди его не испытывали никакихъ другихъ лишеній, кромѣ лишенія свободы, и распространила слухъ, что рыцарь вернулся къ себѣ домой въ Венгрію.

Дни проходили за днями, и такъ какъ Альбертъ все еще не садился за прялку, которая одна могла избавить его отъ невольнаго поста, то ему приходилось довольствоваться черствымъ хлѣбомъ и водою. Голодъ почти все время терзалъ его внутренности, ибо онъ получалъ пропитанія не болѣе, чѣмъ нужно было для того, чтобы не умереть отъ истощенія. Теперь несчастный уже не помышлялъ о самоубійствѣ, о потери имущества, о стыдѣ, о любви: все это казалось ему далекимъ и неважнымъ, — съ гораздо большимъ волненіемъ мечталъ онъ о жирныхъ каплунахъ, объ огромныхъ паштетахъ дичи съ поджаренной хрустящей коркой, о прохладныхъ, душистыхъ винахъ. И какъ нарочно, именно въ это мгновеніе, когда слюнки текли у него отъ этихъ мечтаній и, расширяя ноздри, онъ вдыхалъ лакомый запахъ воображаемыхъ блюдъ, — прялка была тутъ какъ тутъ, такъ и металась ему въ глаза, такъ и лѣзла, какъ будто подсмѣивалась надъ нимъ, кивала своимъ длиннымъ дурацкимъ шестомъ, обмотаннымъ паклей.

Голодный рыцарь кидался на нее съ яростью, чтобы уничтожить, но всякій разъ что-то удерживало его, онъ останавливался, сжавъ кулаки, подолгу смотрѣлъ на ту, которая каждое мгновеніе согласна была сдѣлаться его кормилицей, — и не то съ отвращеніемъ, но то съ любопытствомъ, брезгливо, тихонько трогалъ веретено. Потомъ, тяжело вздыхая, отходилъ въ другой уголъ тюрьмы, подальше отъ соблазна.

Однажды, въ оцѣпенѣніи отъ голода, почти не думая о томъ, что дѣлаетъ, онъ подошелъ къ прялкѣ, сѣлъ и взялъ въ руки веретено. Дѣтство Альбертъ провелъ въ деревнѣ, нерѣдко случалось ему наблюдать, какъ поселянки прядутъ свою грубую сѣрую пряжу, и онъ учился у нихъ, играя, какъ это дѣлаютъ переимчивыя дѣти. Теперь бѣдный рыцарь вспомнилъ старые уроки, и потихоньку, неумѣлыми пальцами, сталъ сучить нитку и наматывать на веретено. Она выходила у него пресмѣшною,—въ одномъ мѣстѣ слишкомъ толстой, въ другомъ слишкомъ тонкой, — но занятіе это показалось ему легкимъ и довольно забавнымъ, ничуть не хуже другихъ человѣческихъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, трудъ избавлялъ его отъ нестерпимой скуки, которую онъ испытывалъ, проводя цѣлые дни въ праздности. Мало-помалу рыцарь совсѣмъ увлекся пряжей, забылъ и горе и голодъ, не слышалъ, какъ пролетали часы, и только тогда, когда предательское окошечко стукнуло и въ немъ появилось ненавистное насмѣшливое лицо Барбары, онъ отскочилъ отъ прялки, ужаленный стыдомъ, покраснѣвъ до ушей, какъ школьникъ, застигнутый за шалостью. Но плутовка ничего не сказала, не замѣтила, или, пожалѣвъ бѣднягу, притворилась, что не замѣчаетъ.

Еще нѣсколько дней крѣпился онъ, убѣждая себя, что прядетъ только такъ, для собственнаго развлеченія, отъ скуки, что никто никогда объ этомъ не узнаетъ, и весьма тщательно скрывалъ наработанную пряжу въ постели, подъ изголовьемъ. Наконецъ, однажды, когда волчій голодъ сжималъ ему внутренности и миражи пироговъ съ дичью обезсилили его мужество, онъ сунулъ въ окно всю наработанную пряжу, отвернувшись, не подымая глазъ, желая провалиться сквозь землю. Барбара приняла нитки, какъ ни въ чемъ не бывало, и серьезно похвалила его, какъ будто это было дѣло обычное, свойственное благороднымъ рыцарямъ. Тогда, чтобы кончить сразу, онъ тутъ же, запинаясь и кусая губы, пробормоталъ свою исповѣдь и, пока она внимательно, съ едва уловимою усмѣшкой женскаго лукавства, разсматривала пряжу, какъ бы оцѣнивая доб-

ротность нитокъ, объяснилъ ей все, какъ съ согласія королевы Беатриче онъ, Альбертъ, и его другъ польскій рыцарь Владиславъ побились объ закладъ съ барономъ Ульрихомъ, что одному изъ нихъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, удастся склонить добродѣтельную Діанору къ невѣрности. Служанка передала это признаніе госпожѣ, и въ тотъ же вечеръ принесла отощавшему рыцарю вкусный ужинъ, питательный, но легкій, заботливо предупредивъ, что черезчуръ наѣдаться послѣ долгаго голода нездорово.

Съ тѣхъ поръ все пошло какъ по маслу. Каждое утро усаживался рыцарь за прялку и работалъ весь день усердно, не стыдился и не отскакивалъ отъ нея, когда Барбара неожиданно открывала окошечко и выглядывала изъ него. Плѣнника щедро вознаграждали за долгій постъ. Никогда еще не ѣдалъ онъ такъ много и сладко. Изъ благодѣтельнаго окошечка, какъ изъ рога изобилія, сыпались дары Цереры, Вакха, и Помоны, — плоды, пирожное, паштеты, рыба, дичь, мясо, вино — одно вкуснѣе другого. Скоро онъ отъѣлся, расцвѣлъ, повеселѣлъ и, сидя за прялкой, сталъ напѣвать баззаботную пѣсенку, какъ это дѣлаютъ сельскія женщины. Съ хорошенькой тюремщицей бесѣдовалъ онъ дружелюбно, даже слегка пріударялъ за ней. Барбара была этимъ, кажется, довольна и строила ему глазки. Если молвить правду, то Альбертъ гораздо менѣе скучалъ, чѣмъ въ иныхъ блестящихъ забавахъ королевскаго двора, и такъ вошелъ во вкусъ простодушной, невинной работы, какъ будто отроду ничего иного не дѣлалъ. Мало-по-малу достигъ онъ въ прядильномъ искусствѣ изряднаго мастерства, и нитки выходили у него почти совсѣмъ ровными, такъ что, пожалуй, и добрая сельская пряха не постыдилась бы признать его работу своею.

Въ это время панъ Владиславъ безпокоился о долгомъ отсутствіи друга: такъ какъ срокъ, назначенный для его пребыванія въ замкѣ барона Ульриха, миновалъ, а рыцарь не возвращался и не было о немъ ни слуху, ни духу, то Владиславъ рѣшилъ, болѣе не мѣшкая, отправиться въ Богемію, чтобы провѣдать о товарищѣ и самому попытать счастья.

Діанора была предупреждена и ожидала гостя.

Онъ остановился въ той же гостиницѣ, неподалеку отъ замка: здѣсь ему сказали, что Альбертъ давно уѣхалъ и вернулся къ себѣ въ Венгрію.

Полякъ недоумѣвалъ, но хозяйка приняла его такъ любезно, что онъ успокоился и подумалъ:

«Ого. Ну, здѣсь мы живо справимся. Видно подъемъ на гору менѣе крутъ, чѣмъ всѣ предполагаютъ».

Діанора знала, куда онъ гнетъ, и, чтобы скорѣе покончить, сама направила воду на мельничное колесо.

Не сомнѣваясь въ побѣдѣ, панъ на всѣхъ парусахъ поплылъ къ мели, на которой долженъ былъ сѣсть. Чтобы сказать кратко, доблестнаго польскаго рыцаря постигла точь въ точь такая же плачевная участь, какъ и венгерца.

Такъ же ему было назначено свиданье въ уединенной башнѣ, такъ же попался онъ въ западню и былъ запертъ рядомъ съ другомъ въ сосѣдней темницѣ. Такъ же открылось окошечко въ двери и изъ него выглянуло лукавое лицо Барбары. Только работа, назначенная ему, была иная: онъ долженъ былъ большими костяными спицами, какія можно видѣть въ морщинистыхъ рукахъ старыхъ ключницъ, вязать чулки изъ тѣхъ самыхъ нитокъ, которыя наработалъ въ сосѣдней темницѣ его товарищъ.

Нечего и говорить, что панъ пришелъ въ неописанную ярость, ругался, кричалъ, безумствовалъ не меньше, чѣмъ Альбертъ, также помышлялъ о самоубійствѣ, и въ припадкѣ отчаянія ударился головой о тюремную дверь, но ничего изъ этого не вышло, кромѣ шишки на лысомъ лбу. Владиславъ былъ эпикуреецъ и обжора, а потому постъ, не означенный въ календарѣ, показался ему отвратительной пыткой. Посидѣвъ дня два-три на одномъ хлѣбѣ и водѣ, панъ сдѣлался, какъ шелковый, принялъ веселый видъ при печальной игрѣ, и притворился, что все это считаетъ презабавной шуткой. Развязно объяснилъ онъ паннѣ тюремщицѣ, что всегда считалъ своимъ первымъ рыцарскимъ долгомъ во всемъ угождать очаровательнымъ дамамъ, владычицамъ сердецъ, безпрекословно исполняя прихоти и капризы ихъ, которые,

ежели молвить правду, бываютъ иногда немного странными. Но вотъ бѣда: панъ отроду не вязалъ чулокъ и не умѣетъ взять спицы въ руки. Барбара отвѣтила, смѣясь, что не велика бѣда, что было бы только со стороны пана усердіе, она въ нѣсколько уроковъ научитъ его вязать. И тутъ же, просунувъ длинныя спицы съ Альбертовой пряжею въ окошечко, стала ему показывать, какъ должно дѣлать петли. Владиславъ оказался непонятливымъ ученикомъ, но такъ какъ нужда прекрасная наставница, то въ концѣ-концовъ, съ грѣхомъ пополамъ, научился нехитрому дѣлу. Правда, петли выходили нелѣпыя и такія громадныя, какъ будто предназначались для повѣшенія конокрада. Но усердіе цѣнили болѣе, чѣмъ искусство, и пана тоже стали кормить отборными яствами. Черезъ нѣкоторое время онъ началъ дѣйствовать спицами довольно проворно, но такъ какъ у него не было природнаго дара къ женскому рукодѣлію, то въ этомъ искусствѣ онъ никакъ не могъ бы поспорить съ посредственной чулочницей.

Когда прошло условленныхъ два мѣсяца, баронъ Ульрихъ вернулся въ замокъ; вѣрная Діанора встрѣтила его съ великою радостью и повела въ башню, гдѣ сидѣли птицы въ клѣткѣ. Сперва она тихонько открыла окошечко въ двери Альбертовой кельи,—Ульрихъ взглянулъ и залюбовался. Солнце проникало въ темную келью снопомъ лучей и освѣщало прилежно наклоненную голову сидѣвшаго за прялкой юнаго рыцаря, съ падавшими локонами, золотистыми и длинными, какъ у молодой красавицы. Царствовала тишина, только веретено однообразно жужжало и пѣло. Вверху, на окнѣ, въ паутинѣ, товарищъ узника, неутомимый паукъ прялъ свою сѣрую тонкую пряжу, внизу рыцарь такъ же безмолвно, такъ же проворно сучилъ и тянулъ изъ кудели тонкую бѣлую нить.

Потомъ Діанора подвела мужа къ другой двери и также тихо открыла слуховое окно. Баронъ заглянулъ въ келью и едва удержался отъ смѣха: посреди комнаты, широко разставивъ ноги, держа въ рукахъ нелѣпый громадный чулокъ, сидѣлъ панъ Владиславъ, и уморительно было видѣть въ его толстыхъ неуклюжихъ пальцахъ вязальныя

спицы; онъ дѣлалъ усилія, чтобы не спустить петли, — сморщивъ лысый лобъ, высоко поднявъ брови, выпятивъ губы, пыхтя и отдуваясь, какъ будто ворочалъ тяжелые камни, потный и красный.

— Какъ нравятся вашей милости птицы въ клѣткѣ?— спросила Діанора мужа, и въ глазахъ ея свѣтилось торжество женской хитрости.

Ульрихъ великодушно простилъ плѣнниковъ и не пожелалъ отнимать у нихъ имущества, на что имѣлъ право по договору. Впрочемъ, панъ Владиславъ, не ожидая рѣшенія своей участи и забравъ съ собой все, что имѣлъ, — а это сдѣлать было ему легко, такъ какъ имъ же распущенный слухъ о богатыхъ польскихъ помѣстьяхъ оказался хвастовствомъ, — счелъ благоразумнымъ бѣжать черезъ Тріестъ въ свободный городъ яснѣйшей республики Венеціи. Что же касается до рыцаря Альберта, то, по настоянію королевы Беатриче, баронъ Ульрихъ потребовалъ, чтобы этотъ неисправимый щеголь, угодникъ дамъ, на придворномъ балу протанцовалъ въ огромныхъ безобразныхъ чулкахъ, связанныхъ въ тюрьмѣ изъ его же собственной пряжи паномъ Владиславомъ. Бѣдный рыцарь, чтобы спасти свое имѣніе, протанцовалъ бы еще и не въ такомъ нарядѣ.

Панъ зажилъ въ Венеціи припѣваючи: онъ любилъ хвастать своими побѣдами надъ венгерскими красавицами, и подробно разсказывалъ, какъ однажды побился объ закладъ при дворѣ короля Маттіаса Корвина съ доблестнымъ рыцаремъ Ульрихомъ. Но, доходя въ повѣствованіи до того мѣста, какъ Діанора назначила ему свиданье въ уединенной башнѣ замка, умолкалъ, скромно и самодовольно улыбаясь.

Если же юный внимательный слушатель спрашивалъ его: что же дальше?—

— Много будете знать, мессэръ, рано состаритесь, — говорилъ ему панъ, лукаво подмигивая и покручивая длинный крашеный усъ.

Превращеніе.

Флорентинская новелла XV вѣка.

Тѣ, кто бывали во Флоренціи, помнятъ величественный куполъ собора Марія-дель-Фіоре — истинно божественное созданіе человѣческаго духа. Со времени грековъ и римлянъ ничего во всей Европѣ не было построено столь свѣтлаго и разумнаго. Замыселъ купола, какъ бы повѣшеннаго въ воздухѣ волей строителя, рѣющаго надъ городомъ на страшной высотѣ, легкаго, прекраснаго и незыблемо утвержденнаго по вѣчнымъ законамъ механики, казался такимъ дерзновеннымъ и неисполнимымъ, когда былъ предложенъ на собраніи опытныхъ строителей, что архитектора, придумавшаго этотъ планъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско сочли безумцемъ. Чтобы исполнить свой замыселъ, Филиппо долженъ былъ всю жизнь бороться съ ненавистью и презрѣніемъ глупцовъ, съ боязнью и упорствомъ умныхъ людей, не смѣвшихъ повѣрить въ законы собственнаго разума.

Великій строитель съ виду былъ важенъ, мраченъ и тихъ. Но подъ грубою корою въ сердцѣ его таились родники неистощимаго веселья. Эта свобода и веселье—въ куполѣ Санта-Марія-дель-Фіоре, въ свѣтлыхъ, открытыхъ солнцу loggi, въ легкихъ, какъ бы воздушныхъ аркахъ и колоннахъ построенныхъ имъ галлерей, въ новой эллинской обнаженности простыхъ и чистыхъ линій созданной имъ архетектуры. Свобода и веселье были и въ жизни Филиппо. Всѣ эти строгіе, молчаливые, дѣловитые флорентинцы съ нахмуреннымъ челомъ любили смѣхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ

предавались шалостямъ, какъ рѣзвые школьники, вырвавшіеся на волю.

Я хочу разсказать одну изъ такихъ шалостей знаменитаго архитектора, того, чья жизнь была непрерывнымъ трудомъ, страданіемъ, борьбою съ людьми и напряженною мыслью.

Однажды въ городѣ Флоренціи, въ 1409 году, воскреснымъ вечеромъ собралось къ ужину общество молодыхъ людей въ домѣ одного вельможи, по имени Томмазо де-Пекори, человѣка благороднаго и умнаго, любившаго повеселиться.

Когда послѣ ужина убрали со стола, подали лакомства и лучшее вино, и всѣ стали, громко и непринужденно разговаривать о томъ и о другомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ собраніяхъ, одинъ изъ собесѣдниковъ произнесъ:

— Почему, скажите на милость, сегодня вечеромъ чудакъ Манетто Амманнатини ни за что не хотѣлъ притти сюда, и его никакъ нельзя было убѣдить?

Этотъ Манетто Амманнатини славился, какъ превосходный художникъ-столяръ, мастеръ деревянныхъ инкрустацій; лавка его, или, какъ во Флоренціи говорятъ, «боттега», находилась на площади Санъ-Джіованни. Манетто всѣ любили за веселый нравъ и весьма почитали его талантъ, ибо въ прекрасномъ столярномъ искусствѣ не было ему равнаго мастера. Но въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ довѣрчивъ, простъ и неопытенъ, какъ ребенокъ: его обманывали, надъ нимъ потѣшались, что̀ не нарушало его добродушной веселости. Славный былъ человѣкъ Манетто Амманнатини, котораго въ пріятельскомъ кружкѣ за неуклюжесть и высокій ростъ звали Верзилою. Лѣтъ 28, громадный широкоплечій, съ ясными глазами, съ вѣчно разсѣянной улыбкой, съ волосатыми, мозолистыми, запачканными лакомъ и клеемъ, руками столяра, изъ которыхъ выходили тонкія небесныя лица херувимовъ, веселыя, дерзкія рожи сатировъ изъ точенаго кипариса и дуба,—Верзила былъ не исправимымъ чудакомъ: несмотря на обычную общительность, вдругъ находила на него внезапная прихоть, припадокъ черной ме-

ланхоліи,— и тогда онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, смотрѣлъ какъ волкъ на лучшихъ друзей, огрызался, когда его спрашивали, что съ нимъ, и уже никакими силами нельзя его было затащить въ пріятельскій кружокъ. Потомъ нелѣпое чудачество проходило само собою, и Верзила возвращался къ друзьямъ добродушнѣе и беззаботнѣе, чѣмъ когда-либо.

Къ великому прискорбію и досадѣ собесѣдниковъ, которые считали его пріятнымъ и любезнымъ членомъ своего общества, одно изъ этихъ чудачествъ напало на столяра какъ разъ въ тотъ воскресный вечеръ, когда они собрались къ ужину въ прекрасный палаццо сэра Томмазо де-Пекори.

— Этого такъ оставить нельзя,— воскликнулъ одинъ изъ гостей, немного подвыпившій, ударяя кулакомъ по столу,—надо проучить Верзилу!

— Но, можетъ-быть, у него дѣла,—заступился другой.— Я слышалъ, что намедни герцогиня Мантуанская заказала ему свадебный сундукъ...

— Вздоръ! Я знаю дѣла его, какъ свои пять пальцевъ. Что за работа въ воскресенье вечеромъ? Это у него опять меланхолія. Сидитъ теперь гдѣ-нибудь одинъ въ тавернѣ и пьянствуетъ. Или, еще хуже, лежитъ въ постели и дрыхнетъ. Говорю вамъ, что слѣдуетъ, наконецъ, хорошенько проучить его за эти чудачества, для его же собственнаго блага, чтобы онъ уже болѣе никогда не смѣлъ пренебрегать друзьями, изъ-за какихъ-то дурацкихъ бредней.

— А чѣмъ могли бы мы проучить Верзилу,—усомнился третій.—Побить его, что ли? Такъ вѣдь шкура у него дубленая—ничѣмъ не проймешь. И притомъ въ рукахъ такая силища, что ежели сдачи дастъ, не поздоровится. Или надуть его, чтобы заплатилъ за всѣхъ по счету въ гостиницѣ,—такъ вѣдь какой это урокъ? Надъ нами же онъ посмѣется. Денегъ Верзила не жалѣетъ.

Тогда заговорилъ бывшій въ этомъ веселомъ кругу другъ и почитатель Верзилы, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, славный архитекторъ Санта-Марія-дель-Фіоре. Лицо у него было и теперь, какъ всегда, строгое, почти суровое,

сумрачное, взоръ холодный, и только на гладко выбритыхъ тонкихъ губахъ играла хитрая, пронзительная усмѣшка, и по этой усмѣшкѣ, собесѣдники тотчасъ же поняли, что наступаетъ истинное веселье,—такой смѣхъ, отъ котораго животики подведетъ. У юношей, особенно лакомыхъ до всякихъ шалостей, даже глаза разгорѣлись, и всѣ притихли, замерли и ожидали благоговѣйно, что-то выйдетъ изъ устъ этого новаго оратора. Тогда Филиппъ, не торопясь, обвелъ всѣхъ глубокомысленнымъ взглядомъ, какъ будто рѣчь шла о важномъ дѣлѣ, и молвилъ:

— Любезные друзья, вотъ что я сейчасъ придумалъ. Мы можемъ сыграть съ Верзилой презабавную штуку, которая, полагаю, доставитъ вамъ немалую утѣху. Штука моя заключается въ томъ, чтобы убѣдить столяра Манетто, что онъ—не онъ, а совсѣмъ другой человѣкъ.

Тогда многіе стали возражать Филиппо, утверждая, что это невозможно. Но, по своему обыкновенію, онъ съ математическою ясностью, какъ будто дѣло шло объ изящной теоремѣ, привелъ имъ свои доказательства и сумѣлъ ихъ убѣдить, что этотъ замыселъ исполнимъ.

Все подробно до послѣдней мелочи обсудили они и составили заговоръ противъ злополучнаго Верзилы. И этотъ заговоръ съ тѣмъ большею легкостью могъ имъ удасться, что во Флоренціи всѣ, отъ мала до великаго, отъ важнаго сѣдовласаго пріора, засѣдающаго въ Palazzo Vecchio, до босоногаго уличнаго мальчишки, который спускаетъ бумажные караблики въ дождевые ручьи, находятся какъ бы въ непрерывномъ безмолвномъ заговорѣ и всегда готовы помочь другъ другу, чтобы посмѣяться надъ простодушнымъ человѣкомъ. И нѣтъ такого суроваго блюстителя законовъ, нѣтъ такого тяжеловѣснаго купца, состарившагося надъ счетными книгами, который при всякомъ удобномъ случаѣ съ радостью не пожертвовалъ бы временемъ, трудомъ, даже деньгами, чтобы учинить своему ближнему какую-нибудь веселую школьническую шалость, «beffare», какъ они тамъ говорятъ. Флорентинцы смѣются надъ лучшими своими друзьями, и тѣ не думаютъ сердиться, а только въ свою оче-

редь ждутъ удобнаго случая пересмѣять насмѣшника. Такими создалъ ихъ Богъ, такой у нихъ воздухъ въ Тосканѣ: не даромъ есть пословица: «тосканцы бѣдовый народъ—не клади имъ пальца въ ротъ». Они иногда и рады бы не смѣяться, да не могутъ. Смѣхъ въ крови флорентинцевъ, какъ соль въ морской водѣ. Вотъ почему великій искусникъ въ такихъ шалостяхъ, Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, съ полной увѣренностью составилъ заговоръ и зналъ, что каждый знакомый и незнакомый будетъ ему всячески служить и способствовать, и онъ могъ обдѣлать это дѣльце на чистоту такъ, что и комарь носа не подточилъ бы.

Рѣшено было, что на слѣдующій день, въ понедѣльникъ вечеромъ, начнется Овидіево превращеніе, или метаморфоза Манетто-Верзилы.

Въ тотъ часъ, когда солнце заходитъ, желтые пески Арно розовѣютъ и ремесленники запираютъ потемнѣвшія мастерскія, Филиппо зашелъ въ боттегу своего друга, столяра Манетто, на площади Санъ-Джіованни, и весело болталъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока расторопный мальчуганъ—какъ было условлено—не прибѣжалъ въ мастерскую и не спросилъ, запыхавшись и торопясь, какъ будто дѣло было важное и спѣшное:

— Не въ эту ли боттегу заходитъ иногда Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, и не здѣсь ли онъ теперь?

Филиппо выступилъ, назвалъ себя и спросилъ посланнаго, чего онъ желаетъ.

— Идите-ка скорѣе домой, мессэръ,—произнесъ мальчуганъ,—часа два тому назадъ съ теткой вашей приключилось недоброе, и она при смерти. Васъ всюду ищутъ. Бѣгите же, не медлите.

Филиппо притворился пораженнымъ дурною вѣстью и воскликнулъ:

— Господи, помоги!.. Этого еще не доставало!..

И тотчасъ же попрощался съ Верзилою, который, какъ человѣкъ добрый и услужливый, молвилъ съ дружескимъ участіемъ:

— Пойду-ка и я съ тобою, Филиппо. Быть-можетъ, на что-нибудь пригожусь. Знаешь, въ такихъ случаяхъ всегда полезно имѣть около себя друга.

Немного подумавъ, Филиппо отвѣтилъ:

— Теперь ты мнѣ не нуженъ. Но если что-либо понадобится, я сюда пришлю за тобою.

Филиппо пошелъ какъ будто по направленію къ своему дому, но когда Манетто уже не могъ его видѣть, повернулъ за уголъ и направился къ дому Верзилы, находившемуся въ узкомъ переулкѣ, какъ разъ наискосокъ отъ церкви Санта Репарата. Онъ искусно отомкнулъ запертую дверь, безъ ключа, тонкимъ лезвеемъ перочиннаго ножа, вошелъ въ домъ и крѣпко, желѣзнымъ болтомъ, заперъ дверь изнутри такъ, чтобы никто не могъ войти. Съ Верзилою жила мать, которая на эти дни уѣхала въ загородное мѣстечко Полверозу, гдѣ у нихъ было имѣньице,—на ежемѣсячную большую стирку, которую домовитыя флорентинскія хозяйки, для удобства и дешевизны, устраиваютъ за городомъ.

Тѣмъ временемъ Верзила, заперевъ боттегу, прошелся, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, нѣсколько разъ взадъ и впередъ по площади Санъ-Джіованни: изъ головы его не выходила мысль о Филиппо, и сердце было исполнено сочувствіемъ къ другу, передъ великимъ геніемъ и умомъ котораго онъ преклонялся.

Спустя часъ послѣ солнечнаго заката, когда наступили сумерки, и площадь опустѣла, Верзила подумалъ:

«Филиппо такъ и не послалъ за мною: теперь ужъ я, должно-быть, ему не нуженъ.

И онъ рѣшилъ вернуться домой. Подошелъ къ своей двери, поднялся на двѣ ступени, которыя къ ней вели, и, по обыкновенію, хотѣлъ ее отпереть, но какъ ни старался, это ему не удалось. Наконецъ онъ замѣтилъ, что дверь крѣпко-накрѣпко заперта изнутри желѣзнымъ болтомъ. Верзила подумалъ и позвалъ:

— Эй, кто тамъ наверху? Отоприте!

Филиппо, подстерегавшій его внутри дома, спустился съ лѣстницы, подошелъ къ двери и сказалъ:

— Кто тамъ?

Онъ говорилъ голосомъ Верзилы, ибо весьма искусно умѣлъ подражать всевозможнымъ голосамъ. Но тотъ закричалъ:

— Отопри же!

Филиппо притворился, что принимаетъ стучащагося въ дверь за Маттео, въ котораго Верзила,—какъ они сговорились,—долженъ былъ превратиться: самъ же Филиппо притворился Верзилою и молвилъ такъ:

— Эй, Маттео, ступай-ка съ Богомъ. Я очень разстроенъ: у меня въ мастерской только что былъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско, когда ему пришли сказать, что тетка его при смерти. Это меня опечалило на весь вечеръ: я просто не свой. Зайди, братецъ, какъ-нибудь въ другой разъ.

И потомъ, обернувшись къ лѣстницѣ, какъ будто говорилъ съ тѣмъ, кто внутри дома, прибавилъ:

— Монна Джіованна,—ибо такъ звали мать Верзилы,—соберите скорѣе поужинать. Что это, право, за безпорядки? Вы обѣщали быть здѣсь два дня тому назадъ, а возвращаетесь только сегодня ночью.

И онъ еще немного поворчалъ, все время подражая голосу Верзилы.

Верзила, не только услышавъ свой собственный голосъ, но и видя во всемъ, что произносилъ этотъ голосъ, отраженіе своихъ затаенныхъ мыслей и чувствъ, какъ въ зеркалѣ, не могъ притти въ себя отъ изумленія и думалъ:

«Это еще что такое? Не чудится ли мнѣ, будто тотъ, кто тамъ у двери—я самъ, и будто онъ мнѣ же, моимъ собственнымъ голосомъ, разсказываетъ, что Филиппо только что былъ у меня въ мастерской, когда пришли сказать, что тетка его заболѣла?.. И кромѣ того, онъ разговариваетъ съ монной Джіованной. Экая пакость! Видно, со мной творится неладное. Голова совсѣмъ кругомъ пошла...»

Верзила спустился съ двухъ ступенекъ крыльца и немного отошелъ, чтобы крикнуть въ окна дома. Въ это же время, приблизился къ нему, какъ было условлено, знаменитый флорентинскій скульпторъ Донателло, создатель бронзовой

статуи Іоанна Крестителя, тоже искусный насмѣшникъ, участвовавшій въ заговорѣ, другъ Верзилы. Какъ бы случайно проходя въ сумеркахъ, Донателло взглянулъ на него и сказалъ:

— Доброй ночи, Маттео!

— Не Маттео, а Манетто, — крикнулъ ему Верзила.

Но Донателло, не останавливаясь, быстро прошелъ и сказалъ, какъ будто не разслышавъ:

— Да, да,—я зайду къ тебѣ завтра поутру, Маттео,—и скрылся во мракѣ.

— Фу, ты, пропасть!—воскликнулъ Верзила,—сговорились они, что ли, называть меня Маттео! И померещится же человѣку этакая дрянь. Надо пройтись, освѣжиться, и главное—не думать объ этомъ. Тогда все пройдетъ. А то, чортъ возьми. Этакъ вѣдь и спятить не мудрено...

И Верзила, понуривъ голову, медленными шагами удалился отъ своего дома. Стемнѣло. Улицы опустѣли. Ночь была безвѣтреная, жаркая и душная. Какъ это нерѣдко бываетъ въ Тосканѣ лѣтомъ, землю сжигала засуха. Перепадали капли скупого дождя, но прекращались, и блѣдное, изнеможенное небо не имѣло силы разразиться грозою. Въ эту ночь надъ холмами Фіезоле громоздились тяжелыя тучи, и, какъ судорожныя крылья подстрѣленной птицы, блѣдныя зарницы трепетали беззвучно и безнадежно надъ черепичными кровлями домовъ. Черный мракъ былъ жарокъ и душенъ, какъ черный мѣхъ, и отъ него вѣялъ такой же запахъ, какъ лѣтомъ отъ мѣховой шубы. Слабый дальній громъ напоминалъ глухіе раскаты злого, сумасшедшаго, тихаго смѣха. Кровь ударяла въ виски, нечѣмъ было дышать.

Верзила остановился, чтобы отереть потъ съ лица. Въ это время изъ подворотни выскочила и шарахнулась ему въ ноги черная кошка. Онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ, ибо былъ суевѣренъ, и, перекрестившись, началъ бормотать: «Ave Maria». А кошка или, можетъ-быть, вѣдьма, отвратительно мяукнувъ, скрылась.

Верзила слышалъ, какъ сердце у него въ груди колотится тяжкими, мѣрными ударами, точно молотъ о наковальню.

Вдругъ въ мертвой тишинѣ донесся издали, должно-быть, изъ предмѣстья Санъ-Сеполкро, протяжный, зловѣщій вой собаки.

«Поскорѣй бы домой,— подумалъ Верзила,— да въ постель, да головой подъ одѣяло. А то эта ночь—не хорошая, не благословенная... Въ такую ночь всякая нечисть по землѣ шляется...»

На душѣ его было скверно. Ему хотѣлось не то плакать, не то кричать и бить кого-нибудь, а лучше всего зарыться въ холодную, сырую землю, какъ слѣпые кроты зарываются, и тамъ замереть такъ, чтобы никто его не видѣлъ и не слышалъ.

Онъ вернулся на площадь Санъ-Джіованни, гдѣ находилась его боттега. Здѣсь было легче дышать. Верзила поднялъ голову и увидѣлъ межъ тучъ, вверху, открытое небо и робкія звѣзды. Онъ обрадовался имъ. Оттуда сверху, какъ будто отъ звѣздъ, вѣяло тихое, едва уловимое дуновеніе неземной свѣжести.

«Чего я такъ перепугался, дуракъ,—подумалъ онъ, ободрившись,— оборотень я, что ли? Какое мнѣ дѣло до Маттео? Я Верзила-Манетто Амманнатини, столяръ,— вотъ и боттега моя. Мало ли что иной разъ почудится? На это не надо обращать вниманія... Само собою пронесетъ, какъ рукой сниметъ... Вотъ я похожу здѣсь немного, подышу чистымъ воздухомъ, а потомъ вернусь домой, отопру дверь ключомъ, который у меня здѣсь въ карманѣ... Это еще что за новости, чтобы не пускать человѣка въ его собственный домъ?... Что я — старый шутъ Каландрино? Смѣяться надъ собой позволю?.. Нѣтъ, шалишь, братъ... Отопру и войду... И хотѣлъ бы я посмотрѣть на такого человѣка, который помѣшаетъ мнѣ сдѣлать это сейчасъ же?...»

Онъ уже собирался вернуться домой, какъ услышалъ на площади шаги. Верзила обрадовался живымъ людямъ и подумалъ:

«Навѣрное, встрѣчу знакомыхъ, они назовутъ меня Верзилою,—и все объяснится».

При свѣтѣ смоляныхъ факеловъ увидѣлъ онъ, что это были городскіе стражники флорентинскаго торговаго суда. Съ

ними былъ нотаріусъ и кредиторъ того самаго Маттео, въ котораго бѣдный Верзила ни за что не хотѣлъ превратиться. Кредиторъ приступилъ къ Верзилѣ и сказалъ нотаріусу и стражникамъ, вооруженнымъ аллебардами:

— Вотъ мой должникъ Маттео!.. Держите его!.. Ага, голубчикъ, наконецъ-таки попался мнѣ въ руки. Небось, теперь не убѣжишь!

Стражники суда и нотаріусъ крѣпко схватили его за руки и собирались увести.

Тогда Верзила обернулъ свое блѣдное, растерянное лицо къ тому, кто называлъ его своимъ должникомъ, и воскликнулъ:

— Я тебя не знаю и никогда не имѣлъ съ тобою никакихъ дѣлъ. Скажи сейчасъ же, чтобы они меня отпустили!.. Ты принимаешь меня за другого... Слышишь?.. Ты отвѣтишь передъ судомъ за тяжкое оскорбленіе, наносимое незнакомому человѣку... Я—столяръ Верзила, и никакого Маттео знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Съ этими словами онъ попробовалъ освободиться отъ стражниковъ, ибо обладалъ большою силою. Но ихъ было много, они держали его крѣпко за руки и не отпускали. Кредиторъ подошелъ къ нему вплотную, заглянулъ прямо въ глаза и молвилъ:

— Какъ? Тебѣ нѣтъ до меня никакого дѣла? Неужели я не знаю Маттео, должника моего, и не сумѣлъ бы его отличить отъ столяра Манетто Амманнатини, по прозвищу Верзила?.. Ну, нѣтъ, братецъ, дудки! Этимъ ты отъ меня не отвертишься. Долгъ твой записанъ въ моей счетной книгѣ, и вотъ уже цѣлый годъ, какъ я имѣю по нашему дѣлу рѣшеніе торговаго суда. Конечно, тебѣ выгодно отрекаться и говорить, что ты не Маттео, но теперь ты не выскользнешь, и я заставлю тебя заплатить весь долгъ до послѣдняго сольдо, и не помогутъ никакія превращенія. Ведите-ка этого оборотня,—мы сейчасъ увидимъ, тотъ ли онъ, за кого мы его считаемъ, или кто-нибудь другой!..

Верзила похолодѣлъ отъ ужаса: онъ вспомнилъ и черную кошку и вой собаки, и старую косоглазую нищенку, похожую

на вѣдьму, которая дня два тому назадъ посмотрѣла на него «дурнымъ глазомъ», когда онъ отогналъ ее отъ порога, не подавъ милостыни. Звонъ стоялъ у него въ ушахъ, сердце билось, какъ будто твердило ему: «быть худу, быть худу, ой, смотри, Верзила, быть худу!»

Крича и споря, стражники повели его въ торговый судъ, и такъ какъ время было позднее, то по дорогѣ не встрѣтили ни одного знакомаго Манетто. Бѣдняга былъ такъ пристыженъ и растерянъ, что не сообразилъ, что въ такой часъ, когда добрые люди, поужинавъ, ложатся спать, въ торговомъ судѣ не можетъ быть никакого засѣданія, кромѣ шуточнаго. Теперь все казалось ему возможнымъ. Мысли мѣшались въ его головѣ, и онъ встряхивался и щипалъ себя, чтобы проснуться. Но не такъ-то легко было проснуться: чары проклятой ночи тяготѣли надъ нимъ, морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и онъ думалъ:

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ?.. Что, если со мною случилось такое несчастье отъ дурного глаза,—и я взялъ да и обернулся въ Маттео?...

Въ торговомъ судѣ нотаріусъ написалъ мнимую бумагу о заключеніи Маттео въ долговую тюрьму и сдѣлалъ видъ, что прикладываетъ къ бумагѣ судебную печать. И его повели въ тюрьму.

Верзила вступилъ въ залу съ высокими сводами и рѣшетчатыми окнами и увидѣлъ многочисленныхъ товарищей по заключенію. Одни разговаривали, другіе пѣли, третьи играли въ шашки, въ карты, въ кости, при свѣтѣ оплывшихъ сальныхъ огарковъ. Иные просто лежали на постеляхъ, наслаждаясь праздностью. Все это былъ веселый, разбитной народъ, какъ будто стоило только попасть въ общество несостоятельныхъ должниковъ, чтобы хлебнуть воды изъ Леты и сразу освободиться отъ всѣхъ человѣческихъ заботъ и непріятностей. Одинъ уморительный, подвыпившій старикашка, по прозвищу Вислоухій, приплясывалъ и притопывалъ подъ звуки самодѣльной скрипицы, ко всеобщему удовольствію, исполняя модную тогда испанскую пляску

«pavana». Хотя часъ былъ поздній, но, повидимому, спать еще никто не думалъ, такъ всѣмъ было весело, отрадно на душѣ.

Увидѣвъ, входящаго Верзилу, они загалдѣли съ единодушнымъ восторгомъ:

— Новичокъ, смотрите, братцы, новичокъ!

Верзилѣ казалось, что онъ умеръ, и душа его попала въ адъ. Заключенные спросили стражниковъ, какъ зовутъ новаго товарища, и когда узнали его имя, то загалдѣли еще громче:

— Добраго вечера, Маттео! Какъ ты себя чувствуешь, Маттео? За какія добродѣтели, Маттео, попалъ ты къ намъ въ царствіе Божіе?

Такъ называли они свою тюрьму.

Верзила стоялъ растерянный, блѣдный, щурился на свѣтъ, безпомощно моргалъ глазами, улыбался изъ вѣжливости и не зналъ, какъ отвѣчать на привѣтствія. Ему казалось неприличнымъ и даже зазорнымъ отрекаться отъ имени Маттео, которое, повидимому, крѣпче пристало къ нему, чѣмъ колючій репейникъ къ ослиному хвосту. Онъ рѣшилъ покориться плачевной участи, разыгрывать роль ненавистнаго Маттео, и робко, запинаясь и путаясь, объяснилъ новымъ товарищамъ, что попалъ сюда потому, что не успѣлъ во-время заплатить долга своему кредитору, но что онъ питаетъ надежду завтра утромъ освободиться.

Тогда заключенные сказали:

— Ступай ужинать, Маттео. А потомъ, если у тебя есть два-три сольда, мы испытаемъ, хорошо ли ты играешь въ кости. Ночь проведешь съ нами, а утромъ иди съ Богомъ. Только мы можемъ сказать тебѣ по опыту, что утро вечера мудренѣе, и что отсюда выйти не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда.

Когда наступилъ часъ отходить ко сну, Вислоухій, который оказался человѣкомъ сердобольнымъ, уступилъ Верзилѣ часть своей постели.

Потушили огни, все утихло, и раздался ровный, единодушный храпъ, ибо несостоятельные должники спали сномъ праведниковъ. Но Верзила всю ночь не могъ уснуть и лежалъ съ открытыми глазами. Удушливый мракъ іюльской

ночи опять навалился на него, какъ тяжелая, черная мѣховая шуба. Теперь онъ уже не видѣлъ собственнаго тѣла, и, обливаясь холоднымъ потомъ отъ ужаса и отвращенія, чувствовалъ ясно, какъ весь съ головы до ногъ, и внутри и снаружи неудержимо превращается въ проклятаго Маттео. Верзила казался ему другимъ человѣкомъ, отличнымъ отъ него какъ прежде Маттео.

— О, Господи, помоги!—стоналъ онъ въ отчаяніи.— Только бы мнѣ узнать положительно и твердо, кто же я, наконецъ, Манетто или Маттео? Я не могу, не хочу быть въ одно и то же время обоими. Ну, хорошо, положимъ, я не Верзила, а Маттео, какъ это ясно изо всего, что̀ со мной происходитъ. Что же, однако, мнѣ въ такомъ случаѣ предпринять? Вѣдь, если я пошлю домой къ моей матери моннѣ Джіованнѣ, и Верзила окажется тамъ, у нея, то всѣ надо мною будутъ смѣяться и скажутъ, что я сошелъ съ ума. А съ другой стороны, мнѣ все еще кажется, что я — Верзила.

Такъ бѣдный столяръ — какъ говорится — заблудился между двумя соснами.

Въ темнотѣ, гдѣ-то надъ его головой, муха въ паутинѣ однообразно безконечно ныла и жужжала, все тоньше и жалобнѣе. И ему иногда казалось, что это не муха, а сердце его ноетъ, бьется и замираетъ въ паутинѣ, изъ которой нѣтъ выхода.

Наконецъ стало свѣтать. Верзила не безъ тайнаго опасенія взглянулъ на свое тѣло и увидѣлъ съ радостью, что оно нисколько не измѣнилось за ночь. Онъ смотрѣлъ внимательно на жилистыя руки съ веснушками, на каждый палецъ, на каждый волосокъ, и убѣждался, что это руки, несомнѣнно, Верзилины, и ноги его и грудь. Онъ ощупалъ на щекѣ своей родинку, и родинка была Верзилина. Все это его нѣсколько ободрило.

«Можетъ-быть,—подумалъ онъ,—вмѣстѣ съ окаянною ночью разсѣялись и дьявольскія чары. Только бы мнѣ увидѣть знакомаго человѣка, который знаетъ меня въ лицо и скажетъ всѣмъ, что я—Манетто, а не Маттео. Тогда сейчасъ же все объяснится, и меня выпустятъ.

Между тѣмъ должники проснулись и опять заговорили весело, продолжая называть Верзилу — Маттео, что, впрочемъ, было не удивительно, такъ какъ среди нихъ никто съ нимъ раньше не былъ знакомъ.

Онъ вышелъ на дворъ, сталъ къ небольшому окну, продѣланному въ тюремной двери, и началъ смотрѣть, ожидая съ нетерпѣніемъ, не пройдетъ ли мимо кто-нибудь изъ знакомыхъ. Къ зданію торговаго суда, соединеннаго въ тѣ времена съ долговою тюрьмою, подошелъ одинъ знатный флорентинскій юноша, по имени Джіованни ди Мессеръ Франческо Ручеллаи, который участвовалъ въ шуточномъ заговорѣ, составленномъ Филиппо сэръ ди-Брунеллеско. Джіованни, хорошій знакомый Верзилы, недавно заказалъ ему рѣзной балдахинъ изъ дерева для Пречистой Дѣвы Маріи. Еще намедни заходилъ онъ въ мастерскую столяра, просилъ поскорѣе кончить работу, и Верзила обѣщалъ, что дня черезъ четыре балдахинъ будетъ готовъ. Проходя къ торговому суду по узкому переулку, мимо долговой тюрьмы, Джіованни взглянулъ въ окошко и увидѣлъ столяра лицомъ къ лицу. Верзила тоже посмотрѣлъ и разсмѣялся: тогда Джіованни съ удивленіемъ, какъ будто прежде никогда его не видывалъ, произнесъ:

— Чего ты смѣешься, любезный?

— Такъ себѣ смѣюсь, ваша милость,—молвилъ добродушный Верзила, надѣясь, что Джіованни сейчасъ его узнаетъ.—Скажите мнѣ, пожалуйста, не знаете ли вы нѣкоего столяра Верзилу: его мастерская на площади Санъ-Джіованни.

— О, да,—отвѣтилъ Джіованни,—я его знаю. Мы съ нимъ друзья, и я сейчасъ отсюда иду въ его боттегу, чтобы поговорить насчетъ одного заказа.

Когда Верзила услышалъ эти слова, увидѣлъ, что Джіованни смотритъ ему въ лицо и не думаетъ узнавать, то сердце у него такъ и екнуло, ибо онъ понялъ, что и при свѣтѣ дня злыя чары продолжаютъ дѣйствовать и отнюдь не разсѣиваются, какъ онъ сперва надѣялся. Мало было ему радости въ томъ, что самому себѣ казался онъ прежнимъ

Верзилою, если лучшіе друзья все-таки принимали его за другого.

— Не окажете ли вы мнѣ одной услуги, мессэръ?—продолжалъ Верзила вѣжливо, преодолѣвъ смущенье.—Вы вѣдь сейчасъ идете въ мастерскую Манетто: передайте же ему, что здѣсь, въ долговой тюрьмѣ, находится одинъ изъ старыхъ друзей его, что онъ проситъ Манетто забѣжать сюда на минутку, чтобы переговорить о важномъ дѣлѣ.

Джіованни еще разъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Верзилѣ, едва удерживаясь отъ хохота.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,— молвилъ онъ и пошелъ по своимъ дѣламъ.

А Верзила остался у тюремнаго окна и, едва не плача, говорилъ себѣ такъ:

— Конечно, теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія: я превратился въ Маттео. О, да будетъ проклятъ день рожденія моего! Ежели я открою то, что со мною произошло, люди назовутъ меня глупцомъ, уличные мальчишки будутъ указывать на меня пальцами. А если промолчу, то могутъ произойти еще тысячи недоразумѣній такихъ же, какъ вчера вечеромъ, когда меня задержали... И въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ мнѣ плохо... Посмотримъ, однако, придетъ ли сюда Верзила... Ежели придетъ, то я разскажу ему все, и увидимъ, что значитъ эта притча.

Онъ прождалъ у воротъ еще нѣкоторое время: но, убѣдившись, что надежда его тщетна, съ тяжелымъ вздохомъ отошелъ, уступилъ окно другому заключенному и сталъ въ унынiи бродить взадъ и впередъ по мощеному тюремному двору.

Въ числѣ несостоятельныхъ должниковъ въ тюрьмѣ находился одинъ старый, почтенный человѣкъ, по имени Паоло ди-Санта-Кроче, бывшій судья, опытный легистъ, славившійся глубокою ученостью по многимъ отраслямъ человѣческаго знанія, главнымъ же образомъ—по церковному и гражданскому праву. Паоло раньше не былъ знакомъ съ Верзилой, но, видя его мрачнымъ, постоянно вздыхающимъ, погруженнымъ въ раздумье, вообразилъ, что бѣдняга сокрушается о долгахъ, и пожелалъ нѣсколько утѣшить его:

— Ты такъ горюешь, Маттео,—молвилъ онъ,—какъ будто дѣло идетъ о твоей жизни, а между тѣмъ, судя по тому, что я слышалъ,—долгъ твой ничтожный. Въ несчастіяхъ никогда не слѣдуетъ терять присутствіе духа. Отчего ты не пошлешь за кѣмъ-нибудь изъ друзей своихъ или родственниковъ и не попробуешь заплатить кредитору, или, по крайней мѣрѣ, войти съ нимъ въ соглашеніе, чтобы тебя выпустили на волю, и чтобы тебѣ совсѣмъ не впасть въ отчаяніе?

Когда Верзила услышалъ, съ какой добротою утѣшаетъ его судья, то рѣшился открыть ему свое горе. Онъ отвелъ ученаго мужа въ сторону, въ дальній уголъ двора, гдѣ никто не могъ ихъ слышать, и здѣсь, то и дѣло боязливо оглядываясь, обратился къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Хотя вы не знаете меня, досточтимый сеньоръ, я, однако, слышалъ о васъ и знаю, что вы—человѣкъ ученый и благородный. А потому я рѣшилъ открыть вамъ причину моей горести. Не думайте, пожалуйста, что меня сокрушаетъ забота о какомъ-нибудь пустячномъ долгѣ, о, нѣтъ! Тутъ, видите ли, дѣло иного рода...

И, обливаясь слезами, какъ ребенокъ, разсказалъ онъ ему сначала до конца все, что съ нимъ произошло со вчерашняго вечера, и заключилъ свою необыкновенную исповѣдь двумя просьбами: во-первыхъ, чтобы Паоло ни съ кѣмъ не говорилъ о его признаніи, во-вторыхъ, чтобы онъ далъ ему какой-либо добрый совѣтъ или оказалъ помощь.

— Я знаю,—прибавилъ Верзила,—что вы цѣлые годы изучали право въ Болонскомъ университетѣ и прочли множество книгъ, въ которыхъ разсказывается о всякихъ чудесахъ и приключеніяхъ. Скажите же мнѣ на милость, случалось ли вамъ читать во всѣхъ этихъ книгахъ о чемъ-либо подобномъ?

Бѣдный Верзила, ожидая отвѣта, смотрѣлъ на стараго законовѣда широко открытыми, недоумѣвающими глазами, полными слезъ и надеждъ. Паоло, услышавъ его признаніе и обдумавъ все про себя, пришелъ къ тому заключенію, что надо допустить одно изъ двухъ: или что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ, или что все это (какъ оно и было на самомъ

дѣлѣ) злая флорентинская шутка. И въ томъ и въ другомъ случаѣ судья считалъ благоразумнымъ не противорѣчить Верзилѣ, а потому немедленно отвѣтилъ, что неоднократно читалъ въ старыхъ книгахъ о подобныхъ превращеніяхъ одного человѣка въ другого, и что это случай обыкновенный.

— Собственными глазами,—прибавилъ онъ,—видѣлъ я однажды романьольскаго поселянина, съ которымъ приключилась точь-въ-точь такая же непріятная исторія, какъ съ тобою.

Верзила поблѣднѣлъ и не находилъ, что отвѣтить.

— Божественный Гомеръ,—продолжалъ ученый невозмутимо,—разсказываетъ о такомъ же превращеніи спутниковъ Улисса и многихъ другихъ, которыхъ очаровала колдунья Цирцея. По знаменитой поэмѣ латинскаго поэта Овидія Назона о «Метаморфозахъ» видно, съ какою необычайною легкостью люди превращаются не только въ звѣрей и въ растенія, но и въ неодушевленные предметы, какъ, напримѣръ,—въ скалы, планеты, рѣки и тому подобное.

Верзила слушалъ, выпучивъ глаза, открывъ ротъ, затаивъ дыханіе, и можно было подумать, что съ нимъ начинается Овидіева метаморфоза, и онъ сейчасъ превратится въ дерево или статую.

— Впрочемъ, ты не предавайся безмѣрному отчаянію,—успокаивалъ Паоло бѣднягу,—судя по тому, что я слышалъ и читалъ, если только память мнѣ не измѣняетъ, случается иногда, что потерпѣвшій метаморфозу возвращается въ прежній образъ. Но, конечно, довольно рѣдко, и тѣмъ меньше надежды, чѣмъ дольше пребываетъ онъ въ своей новой оболочкѣ.

— Скажите, пожалуйста, — полюбопытствовалъ Верзила,—ежели я превратился въ Маттео, то что же случилось съ нимъ, со старымъ Маттео?

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ ученый,—Маттео превратился въ Верзилу.

— Ну, хорошо,—молвилъ столяръ,—мнѣ, однако, было бы интересно увидѣть, каковъ-то этотъ новый Верзила.

Среди такихъ разговоровъ наступило послѣобѣденное время. Двое братьевъ Маттео пришли въ долговую тюрьму и

спросили нотаріуса-казначея, не находится ли въ заключеніи ихъ братъ, по имени Маттео, и какъ великъ долгъ, за которой его задержали, ибо они, молъ, его братья и желаютъ заплатить, чтобы Маттео выпустили на свободу. Нотаріусъ, участвовавшій въ заговорѣ, такъ какъ онъ былъ закадычнымъ другомъ Томмазо де-Пекори, отвѣтилъ, что, дѣйствительно, Маттео находится въ тюрьмѣ, сдѣлалъ видъ, что перелистываетъ тюремныя книги, и сказалъ:

— Онъ посаженъ въ долговую тюрьму за такую-то и такую-то сумму, по требованію такого-то и такого-то кредитора.

Все это Верзила слышалъ и видѣлъ со двора.

— Мы желали бы,—сказали братья,—поговорить съ Маттео, а потомъ доставить деньги.

И, подойдя къ тюрьмѣ, попросили одного изъ заключенныхъ, который смотрѣлъ въ окошко:

— Будь добръ, скажи Маттео, что пришли братья, чтобы освободить его изъ тюрьмы. Мы желали бы съ нимъ переговорить.

И, взглянувъ въ окошко, они узнали судью Паоло ди-Санта-Кроче, который бесѣдовалъ съ Верзилою. Услышавъ, что его спрашиваютъ братья, онъ спросилъ законовѣда, что случилось съ его романьольскимъ поселяниномъ, и когда Паоло сказалъ, что превращенный уже никогда не возвращался къ своему первоначальному виду, то Верзила еще болѣе опечалился, подошелъ къ рѣшеткѣ и поздоровался съ гостями.

Старшій изъ братьевъ молвилъ такъ:

— Ты помнишь, Маттео, какъ часто мы совѣтовали тебѣ бросить дурную жизнь, которая несомнѣнно приведетъ и тѣло и душу твою къ погибели. Бывало, то и дѣло, предостерегали мы тебя: «ой, смотри, Маттео, что ни день, навязываешь ты себѣ на шею все новые и новые долги, сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, никому не платишь, и вслѣдствіе безумныхъ тратъ, до коихъ доводитъ тебя игра и другіе скверные пороки, у тебя нѣтъ въ карманѣ ни одного сольда». Видишь, любезный, то, что мы предсказывали, исполнилось. Кредиторы упрятали тебя въ долговую тюрьму... Легко ли

это намъ, братьямъ... А? Какое пятно для честнаго нашего имени... Слушай, вотъ мы говоримъ въ послѣдній разъ, Маттео, и ты хорошенько заруби себѣ это на носу: на гадкія прихоти ты уже расточилъ цѣлое сокровище, а потому, если бы не заботы о нашемъ добромъ имени и о твоей бѣдной матери, которая молитъ за тебя и не даетъ намъ покоя, мы оставили бы тебя здѣсь покорпѣть, чтобы ты нѣсколько пришелъ въ себя и опомнился. Но ужъ такъ и быть еще на этотъ разъ мы тебя освободимъ и уплатимъ долгъ: но смотри, ежели ты опять сюда попадешь, то придется тебѣ посидѣть здѣсь дольше, чѣмъ хочется. Пока объ этомъ довольно. Мы придемъ за тобой сегодня вечеромъ къ Ave Maria, въ сумерки, когда на улицахъ мало народу, для того, чтобы какіе-нибудь знакомые не увидѣли насъ въ тюрьмѣ, и чтобы не было лишнихъ свидѣтелей нашего стыда, и намъ не пришлось еще болѣе краснѣть за тебя.

Верзила сдѣлалъ видъ раскаявшагося грѣшника, отвѣтилъ имъ благоразумными словами и торжественно обѣщалъ исправиться, измѣнить жизнь и отказаться отъ гадкихъ расточительныхъ привычекъ, чтобы болѣе не причинять такого стыда ихъ честному дому. Онъ умолялъ ихъ, ради Христа, не покидать его въ долговой тюрьмѣ и притти въ условленный часъ. Они повторили обѣщаніе и удалились, а Верзила отошелъ въ сторону и молвилъ такъ законовѣду:

— Все болѣе удивительныя вещи происходятъ со мною, мессэръ Паоло: только что были здѣсь двое братьевъ того самаго Маттео, за котораго меня всѣ принимаютъ, говорили со мною, какъ съ Маттео, и прочли мнѣ цѣлое нравоученіе, пообѣщавъ сегодня въ сумерки, къ Ave Maria, притти сюда и освободить меня. Но вотъ вопросъ,—прибавилъ онъ въ горькомъ недоумѣніи,—если меня отсюда выпустятъ, куда же я дѣнусь? Въ мой домъ я уже не могу вернуться, ибо тамъ живетъ Верзила, и начни я только съ нимъ объясняться,—меня непремѣнно сочтутъ за помѣшаннаго и подымутъ на смѣхъ, ибо я вѣдь знаю, какой бѣдовый народъ флорентинцы. Съ ними надо держать ухо востро. А съ другой стороны, мнѣ теперь кажется несомнѣннымъ, что Верзила живетъ въ моемъ

домѣ, у Санта Репарата, ибо если бы его тамъ не было, то, конечно, моя матушка, стала бы меня всюду искать, и только потому, что видитъ Верзилу, не замѣчаетъ она своей горестной ошибки.

Паоло съ трудомъ удержался отъ смѣха, и эта великолѣпная, истинно флорентинская шутка, въ которой онъ узналъ руку большого мастера, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ строитель Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, доставила ему не малую утѣху.

— Не ходи въ свой домъ,—посовѣтовалъ онъ Верзилѣ,—а ступай за тѣми, которые считаютъ себя твоими братьями. Слушайся ихъ и дѣлай, что они тебѣ скажутъ. Ужъ если, братъ, на то пошло, то теперь главное—окончательно и, такъ сказать, чисто-начисто превратиться въ Маттео, чтобы въ тебѣ отъ Верзилы и духу не осталось.

Верзила покорно, но тяжело вздохнулъ: ему было жаль себя; какъ-никакъ, а онъ все-таки любилъ Верзилу: ему казалось, что этотъ новый столяръ Манетто ни за что не окончитъ, какъ слѣдуетъ, начатаго херувима въ рамѣ изъ чернаго дерева и, пожалуй, перепортитъ всю работу. Онъ готовъ былъ плакать отъ грустной нѣжности къ старому Верзилѣ.

Наступилъ вечеръ, пришли братья Маттео и сдѣлали видъ, что удовлетворяютъ кредитора, уплачиваютъ тюремной кассѣ и получаютъ расписку. Тогда нотаріусъ всталъ, взялъ связку ключей, подошелъ къ двери и спросилъ въ окно:

— Кто изъ васъ Маттео?

Верзила выступилъ впередъ и произнесъ:

— Съ вашего позволенія, мессэръ, я самый и есть Маттео...

Нотаріусъ посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ:

— Вотъ эти твои братья уплатили долгъ: ты свободенъ, Маттео.

И онъ открылъ ворота тюрьмы, выпустилъ Верзилу и молвилъ:

— Ступай съ Богомъ!

Такъ какъ было уже темно, то мнимые братья поскорѣе повели его въ свой домъ у Санто-Феличита, въ переулкѣ,

какъ разъ тамъ, гдѣ подъемъ въ Санъ-Джіоржіо. Они вошли съ нимъ въ комнату нижняго этажа, вровень съ землею и сказали:

— Посиди-ка здѣсь до ужина, Маттео.

И притворились, что дѣлаютъ такъ, не желая пускать сына на глаза больной матери, чтобы не разстраивать ее на ночь.

Одинъ изъ братьевъ остался посидѣть съ Верзилою, а другой тѣмъ временемъ пошелъ къ приходскому священнику Санта-Феличита, ихъ духовному отцу, который былъ немного простоватъ, но человѣкъ прекрасный.. И братъ сказалъ ему такъ:

— Я прихожу къ вашей милости съ полнымъ довѣріемъ, какъ это водится между добрыми сосѣдями. Надо вамъ сказать, что насъ у матери трое братьевъ, изъ которыхъ одного зовутъ Маттео. За нѣкоторые неуплачейные долги посадили этого самаго Маттео въ тюрьму, и заключеніе, должно-быть, такъ сильно подѣйствовало на него, что мы боимся, не сошелъ ли онъ съ ума. Впрочемъ, у него только одно больное мѣсто, а во всемъ остальномъ онъ еще прежній Маттео: онъ, видите ли, вообразилъ, что превратился въ другого человѣка, и ни за что не хочетъ отказаться отъ этой нелѣпой мысли. Слыхали ли вы когда-нибудь о такой странной выдумкѣ? Маттео утверждаетъ, что онъ болѣе не Маттео, а столяръ Верзила, у котораго боттега на площади съ церковью Санъ-Джіованни, а домъ недалеко отъ Санта-Марія-дель-Фіоре. И въ этомъ мы не могли его разубѣдить никакими доводами, а потому поспѣшили взять изъ тюрьмы, привели домой, посадили въ отдѣльную комнату, чтобы по городу не начали говорить о сумасшествіи, тѣмъ болѣе, что онъ еще, можетъ-быть, и придетъ въ себя: ибо вы вѣдь знаете, кто разъ по этой дорожкѣ прошелся, на того потомъ всегда смотрятъ какъ-то косо, если даже къ нему и вернется разсудокъ. Кромѣ того, мы не хотѣли бы, чтобы наша мать узнала о его помѣшательствѣ: изъ этого могутъ выйти непріятности. Женщины такъ легко пугаются, она же старая и больная. А пото-

му и рѣшили мы просить вашу милость—изъ состраданія къ намъ, зайти въ нашъ домъ, чтобы поговорить съ братомъ и попробовать, нельзя ли какъ-нибудь разубѣдить его въ этой нелѣпой мысли. За услугу были бы мы вамъ по гробъ благодарны.

Священникъ, какъ человѣкъ добрый, охотно согласился, отвѣтилъ, что поговоривъ съ Маттео, сейчасъ увидитъ, въ чемъ тутъ дѣло, и представитъ ему такіе ясные доводы, что съ Божіей помощью надѣется вытащить этотъ гвоздь, какъ бы крѣпко онъ ни засѣлъ въ его головѣ. Тогда братъ Маттео привелъ его къ себѣ въ домъ и вошелъ съ нимъ въ ту комнату, гдѣ находился Верзила. Когда Верзила, погруженный въ свои мрачныя мысли, увидѣлъ входящихъ, то сейчасъ же всталъ, а священникъ молвилъ;

— Доброй ночи, Маттео!

— И вамъ также доброй ночи,—отвѣтилъ Верзила.— Что скажете, отецъ?

— Я пришелъ, любезный Маттео, чтобы кое о чемъ поговорить съ тобой.

Священникъ сѣлъ и сказалъ Верзилѣ:

— Сядь-ка вотъ здѣсь, рядомъ со мною, и я тебѣ скажу, какая у меня къ тебѣ надобность.

Верзила, чтобы не противорѣчить, усѣлся рядомъ, и священникъ началъ такъ свое увѣщаніе.

— Причина, по которой я сюда пришелъ, Маттео, есть одно дѣло, весьма меня огорчающее. Судя по тому, что̀ я слышалъ,—намедни тебя посадили въ тюрьму за долги, и, говорятъ, ты такъ принялъ это къ сердцу, что легко можешь лишиться разсудка. Между прочими глупостями, которыя ты дѣлалъ или дѣлаешь, ты утверждаешь, что ты уже болѣе не Маттео, а другой человѣкъ, нѣкій столярныхъ дѣлъ мастеръ, по прозвищу Верзила. Не похвально, сынъ мой, весьма не похвально, что изъ-за ничтожной непріятности допустилъ ты въ сердце свое такое безмѣрное отчаяніе, которое сдѣлаетъ тебя, вслѣдствіе твоего упрямства и неразумія, жалкимъ посмѣшищемъ людей. И все изъ-за какихъ-то

шести дукатовъ... Ну, стоитъ ли, почтенный, такъ сокрушаться? Тѣмъ болѣе, что они уже уплачены!

Священникъ ласково пожалъ ему руку и продолжалъ такъ:

— Любезный Маттео, злого я тебѣ не посовѣтую: оставька ты эту прихоть, говорю тебѣ, какъ родному сыну: обѣщай мнѣ, что отнынѣ ты уже не станешь возвращаться къ своимъ глупостямъ и опять примешься за обычныя дѣла, какъ подобаетъ человѣку здравомыслящему, и какъ поступаютъ прочіе люди, чѣмъ ты доставишь великое утѣшеніе братьямъ своимъ, мнѣ и каждому, кто только желаетъ вамъ добраго. Развѣ этотъ Верзила такой удивительный мастеръ, что ли, или такой богачъ, что ты лучше хочешь быть имъ, чѣмъ собою? Ну, какая тебѣ въ этомъ корысть? Допустивъ даже, что онъ—человѣкъ достойный и богаче твоего,—а вѣдь это не такъ, судя по тому, что я слышалъ отъ твоихъ братьевъ,—утверждая, что ты въ него превратился, ты тѣмъ самымъ не пріобрѣтаешь ни его достоинствъ, ни его денегъ. А между тѣмъ, если въ городѣ узнаютъ, что ты сошелъ съ ума, то уже, конечно, ты—человѣкъ погибшій: хотя бы потомъ и выздоровѣлъ, и сдѣлался мудрѣе царя Соломона, все-таки люди будутъ говорить, что ты помѣшанный. Короче сказать, опомнись, будь человѣкомъ, а не скотомъ, и брось всѣ эти пустяки свои,—убѣдительно прошу тебя объ этомъ. Какой тамъ Верзила или не Верзила? Послушайся меня, тебѣ же будетъ лучше!

И старикъ смотрѣлъ ему въ глаза съ отеческою добротою. Когда Верзила услышалъ совѣтъ, хорошенько взвѣсилъ въ умѣ своемъ и обдумалъ каждое слово священника, то уже болѣе не сомнѣвался, что онъ—Маттео, и, не размышляя, отвѣтилъ, что готовъ сдѣлать все, чтобы быть пріятнымъ священнику, который, какъ это онъ ясно видитъ, заботится о его благѣ. Онъ обѣщалъ употребить всѣ силы, чтобы болѣе не допускать въ свой умъ мысли, что онъ — не онъ, т.-е. не Маттео, и чтобы окончательно выбить Верзилу такъ, какъ будто его никогда не существовало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ, какъ о единственной милости, если это возможно,

въ послѣдній разъ поговорить съ Верзилою, чтобы ужъ совсѣмъ убѣдиться.

— Это принесло бы тебѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы,— возразилъ священникъ.—Я вижу, что эта нелѣпая мысль все еще не вышла изъ твоей головы. Ну, посуди самъ, для чего тебѣ говорить съ Верзилою? Какія такія у тебя съ нимъ могутъ быть дѣла? Чѣмъ больше ты будешь говорить, чѣмъ больше будетъ свидѣтелей твоего безумія, тѣмъ большій позоръ ты навлечешь на своихъ братьевъ.

Такъ убѣждалъ онъ Верзилу, пока, наконецъ, тотъ не согласился и не отказался отъ своего желанія переговорить въ послѣдній разъ съ Верзилою. Тогда священникъ вышелъ и разсказалъ братьямъ, какъ онъ убѣдилъ Маттео, и какъ тотъ обѣщалъ ему не настаивать болѣе на своей нелѣпой мысли. Затѣмъ онъ попрощался съ нимъ и пошелъ домой. Одинъ изъ братьевъ, пожимая ему руку, вложилъ въ нее серебряный гроссо для того, чтобы сдѣлать все это еще болѣе вѣроятнымъ. Тѣмъ временемъ, пока священникъ убѣждалъ Верзилу, въ домъ потихоньку вошелъ Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, и въ отдаленной комнатѣ, среди безконечнаго смѣха и веселья братья разсказали ему, какъ привели Верзилу изъ тюрьмы, что говорили ему по дорогѣ, и все прочее. Филлиппо налилъ большой кубокъ вина, подсыпалъ въ него снотворнаго порошка и сказалъ одному изъ братьевъ:

— Надо, чтобы Верзила во время ужина выпилъ это вино—напитокъ безвредный, отъ котораго онъ уснетъ такъ крѣпко, что не почувствуетъ въ теченіе двухъ часовъ, если бы его стали сѣчь розгами. Часамъ къ пяти я снова навѣдаюсь, и мы тогда устроимъ все.

Братья вернулись въ комнату Верзилы и сѣли за ужинъ когда уже прошелъ третій часъ по закатѣ солнца. Во время ужина поднесли они ему усыпительнаго напитка такъ ловко, что онъ не замѣтилъ, какъ проглотилъ его. Скоро лѣкарство начало дѣйствовать, и Верзила съ большимъ трудомъ держалъ глаза открытыми,—такъ хотѣлось ему спать. Тогда братья сказали ему:

— Маттео, ты, кажется, падаешь отъ усталости. Должнобыть, эту ночь ты плохо спалъ?

Они угадали вѣрно.

— Признаюсь,—молвилъ Верзила,—мнѣ никогда во всю мою жизнь не хотѣлось такъ спать. Кажется, какъ будто я цѣлыхъ два мѣсяца не спалъ. Лягу-ка я въ постель....

Онъ началъ раздѣваться, но едва имѣлъ силу снять обувь и броситься въ постель, какъ тотчасъ же захрапѣлъ. Въ условленный часъ вернулся Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско съ шестью товарищами и вошелъ въ комнату, гдѣ спалъ Верзила. Они потихоньку взяли его, положили на носилки вмѣстѣ со всѣми одеждами и отнесли въ домъ его, который стоялъ совершенно пустымъ, такъ какъ мать еще не возвращалась изъ имѣнія. Здѣсь уложили его въ кровать, рядомъ бросили платье на то мѣсто, на которое онъ обыкновенно его клалъ, но самого Верзилу повернули головой туда, гдѣ должны были находиться его ноги. Потомъ взяли ключи отъ боттеги, которые висѣли на крючкѣ въ спальнѣ, отперли лавку, вошли въ нее, перемѣшали, перепутали всѣ его столярные инструменты, повынимали изъ плотничьихъ струговъ всѣ желѣзные языки, вложили ихъ, повернувъ острыми концами вверхъ, а толстыми внизъ. То же самое продѣлали они со всѣми молотками и топорами, и во всей мастерской произвели такой безпорядокъ, такую путаницу, какъ будто здѣсь перебывало сто тысячъ дьяволовъ. Потомъ опять заперли лавку, отнесли ключи на прежнее мѣсто въ спальню, заперли и тамъ двери, вернулись домой и легли спать. Верзила, одурманенный снотворнымъ зельемъ, проспалъ всю ночь, ни разу не просыпаясь. На слѣдующее утро къ часу Ave Maria въ соборѣ Санта-Марія-дель-Фіоре кончилось дѣйствіе усыпляющаго напитка: онъ проснулся, открылъ глаза и при свѣтѣ солнца, проникавшаго въ окна, узналъ собственную спальню, мало-по-малу сталъ припоминать все, что съ нимъ приключилось, и когда понялъ, что онъ опять въ своемъ домѣ, на своей постели, то великое изумленіе и радость овладѣли имъ. Припомнилъ онъ также священника и домъ Маттео, гдѣ онъ вчера уснулъ, и вдругъ на него напало силь-

ное сомнѣніе, тогда ли ему это снилось, или теперь. Правдою казалось ему то одно, то другое; сонъ сливался съ дѣйствительностью, проникалъ въ нее, смѣшивался, и невозможно было провести границы между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что снилось.

За ночь прошла гроза. Воздухъ освѣжился. Голубое небо виднѣлось въ окнахъ, такое нѣжное и радостное, что Верзила, несмотря на всѣ свои сомнѣнія, почувствовалъ веселіе. Онъ соскочилъ съ постели, одѣлся, взялъ ключи боттеги, побѣжалъ туда, отперъ и увидѣлъ мастерскую въ безпорядкѣ, всѣ желѣзные инструменты перевернутыми и перепутанными, чему весьма подивился. Мало-по-малу привелъ онъ все въ порядокъ, поправилъ и положилъ на обычное мѣсто. Въ это время въ боттегу вошли двое братьевъ Маттео, и одинъ изъ нихъ сказалъ Верзилѣ такъ, какъ будто раньше никогда его не видѣлъ:

— Добраго утра, маэстро.

Верзила обернулся, узналъ ихъ, покраснѣлъ, но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Добраго утра и добраго года. Съ чѣмъ приходите, господа?

Тогда одинъ изъ братьевъ молвилъ:

— Я сейчасъ объясню тебѣ все. Есть у насъ братъ, по имени Маттео, намедни его посадили въ долговую тюрьму, и отъ горя онъ едва не сошелъ съ ума. Между прочимъ, утверждаетъ, что онъ уже болѣе не Маттео, а хозяинъ этой мастерской, котораго зовутъ Верзилою. Мы его всячески уговаривали образумиться и вчера вечеромъ привели къ нему приходскаго священника, которому Маттео обѣщалъ отказаться отъ своей нелѣпой выдумки, такъ что, чувствуя себя недурно и поужинавъ, онъ при насъ легъ спать. Но сегодня утромъ онъ незамѣтно убѣжалъ, никто не знаетъ куда. Вотъ почему мы и пришли въ эту лавку, чтобы провѣдать, не заходилъ ли онъ сюда, или, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли Верзила что-нибудь сообщить намъ о немъ.

При этихъ словахъ у бѣднаго Верзилы въ глазахъ потемнѣло, холодный потъ выступилъ на тѣлѣ:

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—возразилъ онъ, дрожащимъ голосомъ,—и чего вамъ отъ меня нужно. Никакого Маттео здѣсь не было, и ежели онъ, въ самомъ дѣлѣ, выдаетъ себя за меня, то съ его стороны это большая наглость. Клянусь спасеніемъ души моей, если только когда-нибудь я съ нимъ повстрѣчаюсь, то спинѣ его придется испробовать Верзилиныхъ кулаковъ, и тогда мы увидимъ достовѣрно, я ли—онъ, или онъ—я. Что это еще за чертовщина происходитъ въ послѣдніе дни, отъ которой нельзя никуда дѣваться.

Съ этими словами онъ схватилъ плащъ, яростно захлопнулъ двери боттеги, повернулъ спину двумъ братьямъ, корчившимся отъ безмолвнаго хохота, и большими шагами, все время грозя и ворча себѣ подъ носъ, направился въ соборъ Санта-Марія-дель-Фіоре.

Здѣсь онъ началъ ходить взадъ и впередъ, какъ разъяренный левъ,—такъ былъ озлобленъ всѣмъ, что съ нимъ происходило. Туда же въ соборъ зашелъ случайно товарищъ его, который вмѣстѣ съ Манетто учился столярному и токарному ремеслу у знаменитаго маэстро Пеллегрино въ Терма. Этотъ молодой человѣкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уѣхалъ изъ Флоренціи, переселился въ Венгрію и здѣсь сталъ получать много заказовъ, благодаря покровительству другого флорентинца—Филиппо Сколари, который въ то время былъ главнымъ военачальникомъ въ арміи Сигизмунда, сына чешскаго короля Карла. Этотъ Филиппо Сколари благосклонно принималъ всѣхъ пріѣзжихъ флорентинцевъ, которые отличались знаніями или искусствомъ, и оказывалъ имъ всяческую помощь, такъ какъ былъ человѣкомъ великодушнымъ, любилъ земляковъ своихъ и заслуживалъ ихъ любовь, оказывая имъ многія благодѣянія.

Въ то время пріѣхалъ во Флоренцію столяръ, товарищъ Верзилы, поселившійся въ Венгріи, разсчитывая найти и взять съ собой какого-нибудь флорентинскаго мастера, который помогалъ бы ему въ работѣ, такъ какъ онъ имѣлъ столько заказовъ въ Венгріи, что уже не могъ одинъ справиться. Неоднократно приглашалъ онъ Верзилу, объясняя ему, какъ легко имъ было бы за нѣсколько лѣтъ разбогатѣть въ этой странѣ.

Увидѣвъ его въ соборѣ, Верзила сказалъ:

— Ты уже много разъ приглашалъ меня поѣхать въ Венгрію, но я отказывался. Теперь, вслѣдствіе одного страннаго приключенія и нѣкоторыхъ несогласій съ моею матерью, я окончательно рѣшилъ принять твое предложеніе, если, впрочемъ, ты еще попрежнему желаешь меня взять съ собою. Мнѣ хотѣлось бы уѣхать завтра же утромъ, ибо въ случаѣ замедленія что-нибудь снова могло бы мнѣ помѣшать.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ, что онъ весьма радъ, но завтра утромъ не можетъ выѣхать, такъ какъ у него есть еще нѣкоторыя дѣла во Флоренціи, но ничто не мѣшаетъ Верзилѣ завтра же отправиться въ Болонью и подождать его тамъ, куда и онъ подоспѣетъ черезъ нѣсколько дней. Верзила согласился, и они ударили по рукамъ. Маннето вернулся въ боттегу, взялъ свои инструменты, нѣкоторыя мелочи, которыя удобно было увезти съ собою, пошелъ въ предмѣстье «борго» Санъ-Лоренцо, нанялъ лошадь и на слѣдующее утро направился въ Болонью, оставивъ письмо своей матери, въ которомъ заключалось, что она можетъ взять себѣ въ подарокъ все, что есть въ его мастерской, и продать, чтобы выручить деньги, и что онъ, побуждаемый большою неминуемой опасностью, грозящею ему въ родномъ городѣ, на нѣкоторое время уѣзжаетъ въ Венгрію.

Такъ Верзила уѣхалъ изъ Флоренціи, подождалъ въ Болоньѣ своего товарища и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Венгрію, гдѣ ихъ дѣла такъ хорошо устроились, что черезъ три, четыре года, благодаря покровительству названнаго Филиппо Сколари, они разбогатѣли.

Впослѣдствіи, Верзила, женившись на красивой венгеркѣ, достигнувъ славы и преуспѣянія, вполнѣ довольный своею судьбою, вернулся во Флоренцію, которую онъ все-таки любилъ съ нѣжностью, какъ родную мать, и считалъ прекраснѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и зажилъ здѣсь припѣваючи. Онъ навсегда излѣчился отъ припадковъ черной меланхоліи, и однажды, въ бесѣдѣ съ Филиппо ди-сэръ-Брунеллеско, когда тотъ разспрашивалъ его, по какой причинѣ онъ переселился въ Венгрію, Верзила откровенно и подробно разсказалъ ему о своемъ чудесномъ превращеніи.

Микель-Анжело.

Тебѣ навѣки сердце благодарно,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ томимъ.
Бродилъ у волнъ мутно-зеленыхъ Арно,
По галлереямъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмыя
За мной слѣдили; подходилъ я къ нимъ
Благоговѣйно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ объяты были сномъ,
А мраморные люди, какъ живые,
Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаждой славы,
Боккаціо съ привѣтливымъ лицомъ,
Макіавелли, другъ царей лукавый,
И нѣжная Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый,
И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ, — да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древняго волхва
Похожій и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ.
Я — гость межъ ними робкій и случайный,
И, попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ, —
Такъ я глядѣлъ на нихъ: и были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ межъ древними мужами
Я возлюбилъ того, кто головой
Поникъ на грудь, подавленный мечтами,
И опытный въ добрѣ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами;
Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ
Я никогда и къ собственной отчизнѣ,
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.
И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ —
Твое упорство вѣчное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель Страшнаго Суда,
Твой безпощадный духъ, Буонаротти.
И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.
Усильемъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,
Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ
Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.
Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ вовѣкъ, — и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья
Страданій человѣческихъ предѣлъ.

Одной судьбы ты понялъ неизбѣжность
Для злыхъ и добрыхъ: плодъ великихъ дѣлъ —
Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклялъ, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,
Искусство проклялъ, но, пока уста
Безъ вѣры Бога въ мукахъ призывали,
Душа была угрюма и пуста.
И Богъ не утолилъ твоей печали,
И отъ людей спасенья ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.
Ты больше не молился, не ропталъ,
Ожесточенъ въ страданьи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ.
И вотъ стоишь, непобѣжденный рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый ликъ,
Въ отчаяньи спокойномъ и глубокомъ,
Какъ демонъ — безобразенъ и великъ.

I.

Весною тысяча пятьсотъ шестого года въ Римѣ половина площади передъ древнею, еще не перестроенною, базиликою св Петра была завалена громадными глыбами каррарскаго мрамора: онѣ искрились на солнцѣ, какъ бѣлыя груды только что выпавшаго снѣга съ голубыми тѣнями. Каждый день моремъ до Остіи, потомъ по Тибру къ выгрузной пристани Рима приходили все новыя и новыя барки съ мраморомъ. Сваленныя глыбы громоздились до церкви Санта Катарина и между церковью и тѣмъ узкимъ коридоромъ, который ведетъ изъ дворцовъ Ватикана въ крѣпость св. Ангела. Съ утра до вечера скрипѣли колеса тяжелыхъ повозокъ, запряженныхъ быками и буйволами, раздавались крики погонщиковъ, стучали молотки каменщиковъ.

Римляне, которые съ древности славятся жадностью къ зрѣлищамъ, толпами собирались въ Борго, чтобы любоваться на эти величественныя приготовленія. По городу ходили разные слухи, но достовѣрно было одно: новый папа Юлій II заказалъ флорентинскому ваятелю и зодчему Микель-Анжело Буонаротти гигантскую гробницу, какой не удостоивались ни императоры, ни великіе полководцы древности. На высотѣ трехъяруснаго мавзолея, окруженнаго каріатидами, аллегоріями всѣхъ искусствъ и наукъ, мраморными колоссами и титанами, среди которыхъ долженъ былъ возсѣдать, подобный чудовищному двурогому демону, длиннобородый гигантъ, разгнѣванный, готовый разбить скрижали, Моисей, — вознесутся два изваянія, исполинская Кибелла, богиня Земли, плачущая о смерти папы, и

ликующая о его переселеніи въ лучшій міръ, Уранія — владычица Неба: онѣ будутъ поддерживать гробъ Юлія. Благочестивые люди находили кощунственнымъ подобный замыселъ — двѣ языческія богини, несущія на рукахъ своихъ саркофагъ намѣстника Христова, служителя того Бога, который пожелалъ родиться, какъ нищій, на соломѣ, въ пріютѣ пастуховъ, чтобы проповѣдать людямъ любовь къ бѣдности. Для новой гробницы старая базилика Петра, древняя святыня христіанскаго міра, оказывалась малой и тѣсной: Юлій, желая построить новую, болѣе просторную и пышную, не задумался разрушить тысячелѣтнія стѣны храма, основаннаго во времена Константина Равноапостольнаго. Онъ поручилъ это дѣло своему любимцу, человѣку на все готовому, расторопному и угодливому — Браманте изъ Урбино, бывшему придворному архитектору герцога Людовико Моро.

Когда однажды старый поселянинъ изъ Кампаніи, нѣсколько лѣтъ не бывавшій въ Римѣ, зашелъ въ церковь св. Петра помолиться и увидѣлъ, какъ низвергнута и опозорена древняя святыня, — онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Пыль столбами подымалась между деревянными лѣсами. На груды извести, мусора и щебня навалены были обломки порфировыхъ колоннъ; гробницы древнихъ святителей церкви Христовой были разрыты, и прахъ костей ихъ развѣянъ по вѣтру; мозаики, надъ которыми работали поколѣнія искусныхъ мастеровъ, были разбиваемы молотками поденщиковъ, и жалко было смотрѣть, какъ ихъ нѣжная, драгоцѣнная чешуя осыпается подъ ударами каменщиковъ. Браманте ничего не жалѣлъ, ни передъ чѣмъ не останавливался. Новые люди закладывали основаніе новаго храма.

Угождая своеволію папы, архитекторъ заставлялъ рабочихъ приготовлять известь и кирпичи, обмазывать цементомъ куски травертина ночью при свѣтѣ факеловъ, чтобы днемъ, на глазахъ Юлія, какъ бы волшебствомъ выростали изъ-подъ земли новыя стѣны: чудотворный строитель мало заботился о прочности, только бы обмануть нетерпѣніе своего повелителя.

Папа торопилъ ваятеля не меньше, чѣмъ зодчаго. Римляне указывали другъ другу на подъемный мостъ за церковью Санта Катарина, соединявшій коридоръ Ватикана съ домомъ и мастерскою Микель-Анжело: Юлій во всякое время дня и ночи, никѣмъ не замѣченный, могъ приходить къ художнику, бесѣдовать съ нимъ наединѣ и слѣдить за его работой. Прелаты и кардиналы завидовали пришельцу, флорентинскому «выскочкѣ», каменотесу, которому первосвященникъ оказывалъ такія милости.

Надолго ли? У Микель-Анжело опасные враги: хитрый Браманте нашептываетъ папѣ злыя рѣчи и старается охладить его къ мавзолею. Ему удалось оттѣснить отъ постройки собора Джуліано ди-Санъ Галло, призвавшаго Буонаротти къ римскому двору; теперь очередь за Микель-Анжело.

II.

Однажды, въ началѣ апрѣля, въ тихое солнечное утро, изъ тѣхъ, какія бываютъ въ Римѣ, когда въ городѣ пахнетъ свѣжестью окрестныхъ полей и къ небу возносится, какъ пѣніе, звонъ колоколовъ, двое каменщиковъ вели бесѣду, сидя за работой среди бѣлыхъ обломковъ мрамора. Одинъ былъ старый генуэзецъ, по имени Грилло, изъ небольшого мѣстечка Лаванья, къ сѣверу отъ Каррары, гдѣ Микель-Анжело нанялъ лодочниковъ и гребцовъ, чтобы перевозить камень въ Римъ, другой — юноша, по имени Чьопполи, каменотесъ изъ флорентинскаго предмѣстья Сеттиньяно.

— Что, какъ вино у монны Пипы?—произнесъ Грилло, постукивая молоткомъ и щуря отъ мраморной пыли и солнца воспаленныя вѣки.

— Сказать правду — кислятина. Монна Пипа такая же пройдоха, какъ всѣ эти трактирщицы. Но есть у нея просоленная рыбка,—какъ ее наѣшься, то такъ захочется пить, что, кажется, вылокалъ бы цѣлый монастырскій погребъ, и ужъ всякое вино тогда покажется вкуснымъ... Ничего, мы вчера изрядно напились, еще сегодня голова трещитъ.

Подлеца Амброджіо за ноги вытащили изъ-подъ лавки. Весело было. Пойдемъ-ка сегодня, куманекъ, къ моннѣ Пипѣ. Будешь доволенъ.

— Куда мнѣ, старику! — тяжело вздохнулъ Грилло; — ты человѣкъ холостой, одинокій, у тебя мысли веселыя, а у меня на сердцѣ кошки скребутъ. Дома, въ Лаваньи, жена да двѣ дочери на выданьи. Можетъ-быть, онѣ безъ меня уже съ голоду померли или по міру пошли, если только, не дай Богъ, чего-нибудь хуже не приключилось. Долго ли до грѣха съ молодыми дѣвками. Эхъ, поскорѣе бы домой, право. И чего насъ держатъ? Получить бы деньги по расчету...

— Ну, нѣтъ, братецъ, деньги ты не такъ-то скоро получишь. Теперь у хозяина денегъ мало, и Богъ знаетъ, когда будутъ.

У Грилло вытянулось лицо, маленькое, загорѣлое и сморщенное, какъ печеное яблоко; онъ безпомощно заморгалъ красными вѣками.

— Что ты, что ты, Чьопполи! Да избавитъ насъ св. Георгій отъ такого несчастія. Мы люди бѣдные, нанимались по уговору. Мессэръ Микельаньоло господинъ добрый и честный, онъ насъ не обманетъ...

— Онъ-то не обманетъ, да его самого обманули, а ты знаешь, Грилло, что на папу суда нѣтъ и жаловаться некому.

— Да вѣдь папа любитъ хозяина; я слышалъ, что онъ впередъ далъ тысячу скуди.

— Что дано — истрачено, а больше не даетъ...

— Объясни же мнѣ, Чьопполи, что случилось. Ты лучше меня знаешь здѣшнія дѣла.

— Неладно, Грилло. Черная кошка пробѣжала между папою и Микельаньоло.

— Кто же ихъ поссорилъ?

— Браманте, архитекторъ собора. Знаешь, такой важный господинъ, тучный и лысый, ѣздитъ на бѣломъ мулѣ въ шелковой упряжи, и щедрый, никогда меньше не даетъ на выпивку, какъ по сольди...

— Знаю, онъ мнѣ намедни серебряную монету бросилъ на улицѣ Банки за то, что я ему низко поклонился.

— Ну, вотъ, вотъ. Это, видишь ли, ловкій пройдоха, въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ. Онъ-то и роетъ яму нашему хозяину.

— А за что онъ его не взлюбилъ?

Чьоппѳли на минуту остановилъ молотокъ и съ таинственнымъ видомъ наклонился къ уху товарища:

— За то и не взлюбилъ, что тутъ, братецъ ты мой, дѣло нечистое. У Браманте губа не дура. Синьоръ щедрый и великолѣпный. Такіе пиры задаетъ, что и герцогу впору. Деньги ему всегда нужны до зарѣза. У жидовъ кругомъ въ долгу, а привыкъ, чтобы куры у него червонцевъ не клевали. Папу обманываетъ и разоряетъ казну. Зданія возводитъ непрочно; говорятъ, лѣтъ черезъ десять стѣны трещины дадутъ. Папа на него не нарадуется, потому что скоро строитъ,—скоро, да не споро, все на пескѣ. А мессэръ Микельаньоло насквозь его видитъ, всѣ шашни его знаетъ. Микельаньоло человѣкъ правдивый и неподкупный. Браманте и боится, чтобы нашъ-то хозяинъ его не обличилъ, на чистую воду не вывелъ, и наушничаетъ, и увѣряетъ папу, что строить себѣ гробницу при жизни — дурная примѣта: значитъ, молъ, смерть себѣ пророчитъ. Папа испугался, гробница ему опротивѣла, и денегъ больше не даетъ. Каменщиковъ, лодочниковъ наняли, мрамору навезли гору, заварили кашу, а кто расхлебаетъ — Богъ вѣсть... Я такъ полагаю, что еще не скоро ты вернешься въ Лаванью, Грилло...

— Тише, тише, Чьопполи, хозяинъ.

И они усердно принялись за молотки.

III.

Сопровождаемый толпою подрядчиковъ: плотниковъ, барочниковъ, каменотесовъ, которые спорили, кричали, приставали, лѣзли со счетами, ругались, божились и требовали денегъ, подходилъ человѣкъ съ уродливымъ и угрюмымъ лицомъ, въ старой и пыльной одеждѣ изъ чернаго бархата.

— Какъ вамъ будетъ угодно, мессэръ, — говорилъ главный подрядчикъ, — а мы больше ждать не можемъ. Мы, какъ честные люди, нанимались. Пожалуйте расчетъ.

— Ежели его святѣйшество... — пробовалъ возразить человѣкъ, осаждаемый толпою.

— Мы не къ его святѣйшеству, а къ вамъ, мессэръ...

— Я обѣщаю вамъ...

— Обѣщаніями сытъ не будешь. Не за обѣщаніями мы пришли, а за деньгами. Съ голоду намъ помирать, что ли?

— Не обижайте насъ, синьоръ, — молили жалобные голоса! — мы вамъ правдою служили. Пожалѣйте, отпустите душу на покаяніе.

— Слушайте, вотъ вамъ мое послѣднее слово, и оно твердо. Подождите до завтра. Я въ послѣдній разъ схожу къ папѣ, и если онъ не заплатитъ, я вамъ изъ собственныхъ денегъ отдамъ все до послѣдняго сольди. Не бойтесь,— за мною не пропадетъ. Я васъ нанималъ, я и заплачу, если бы даже мнѣ пришлось заложить дьяволу душу и тѣло.

Молвивъ такъ, онъ повернулся и пошелъ къ своему дому между глыбами мрамора по узкой дорожкѣ, усѣянной бѣлыми осколками, которые хрустѣли подъ ногами, какъ плотный снѣгъ въ морозный день.

Это былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, роста ниже средняго, крѣпкаго и костляваго тѣлосложенія. Голова казалась громадною, борода была жидкая, черная и жесткая, такіе же волосы, нижняя губа выступала впередъ съ выраженіемъ угрюмой надменности; вокругъ некрасиваго рта были злыя, страдальческія складки; подъ рѣдкими бровями маленькіе сѣрые, холодные какъ свинецъ, широко разставленные глаза отталкивали тѣхъ, кто съ нимъ говорилъ, подозрительнымъ и тяжелымъ взглядомъ. Но особенное безобразіе придавалъ ему расплющенный носъ. Во Флоренціи, когда онъ былъ мальчикомъ, живописецъ Торриджіани, человѣкъ грубаго, звѣрскаго нрава, въ дракѣ, начавшейся изъ-за насмѣшекъ самого Буонаротти, кулакомъ раздавилъ ему носовой хрящъ. Художникъ остался изуродованнымъ на всю жизнь, сознавалъ это и мучился.

Подойдя къ двери дома за церковью Санта-Катарина, Микель-Анжело постучался. Ему отперла старая служанка, стряпуха съ засученными рукавами и подоткнутымъ платьемъ.

— Посланный отъ казначея былъ? — спросилъ онъ старуху.

— Не былъ. Погонщики муловъ за деньгами приходили, кричали да ругались, я едва выпроводила.

Въ домѣ пахло чадомъ оливковаго масла: приготовлялся обѣдъ для множества рабочихъ, плотниковъ, мраморщиковъ, нанятыхъ во Флоренціи. Проходя въ мастерскую, онъ съ отвращеніемъ и скукою заглянулъ въ большую комнату наполненную постелями, скарбомъ, утварью, инструментами поденщиковъ, жившихъ въ домѣ. Теперь всѣ эти люди остались у него на рукахъ, и онъ не зналъ, что съ ними дѣлать.

Въ мастерской было тихо и свѣтло. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, почувствовалъ привычный пріятный запахъ влажной глины и мраморной пыли. За деревянными подмостками бѣлѣли грубыя неясныя глыбы, едва тронутыя рѣзцомъ, но глазъ художника уже различалъ въ нихъ скрытые образы. Онъ взялъ рѣзецъ, молотъ и сдѣлалъ нѣсколько ударовъ.

Работа не дала ему забвенья, — въ сердцѣ не было спокойствія. Онъ сошелъ съ подмостковъ, приблизился къ столу и началъ пересматривать чертежи, планы злополучной гробницы, оказавшіеся теперь ненужными и безсмысленными. Среди нихъ попался ему голубой тонкій листъ бумаги: это былъ любовный мадригалъ единственной женщинѣ, которая всю жизнь была вѣрна другому, какъ онъ былъ вѣренъ ей. Наивная, чувствительная надпись, достойная влюбленнаго мальчика гласила на поляхъ: «Delle cose divine se ne parla in campo azzuro. — О небесныхъ вещахъ слѣдуетъ писать на бумагѣ небеснаго цвѣта».

Милыя жалкія рифмы, затерянныя среди унылыхъ счетовъ лодочниковъ и плотниковъ. Улыбка озарила на мгновеніе его суровое, безобразное лицо.

Онъ взглянулъ въ окно и по знакомой тѣни сосѣдняго дома въ переулкѣ увидѣлъ, что солнце перешло за полдень. Надо было итти во дворецъ не медля; въ этотъ часъ папа кончалъ обѣдъ и его навѣрно можно было застать. Онъ посмотрѣлъ на свою одежду, запачканную во время работы, старую и пыльную, съ истертыми локтями; на груди болталась пуговица, готовая оторваться, висѣвшая на тонкой ниткѣ: служанка все забывала ее пришить. Люди считали его высокомѣрнымъ и презрительнымъ, но на самомъ дѣлѣ ему достаточно было всякой мелочи, чтобы покраснѣть и смутиться какъ школьнику. Онъ вспомнилъ съ горечью, какъ недавно папа приходилъ къ нему въ мастерскую для простыхъ дружескихъ бесѣдъ, тогда онъ не побрезгалъ бы его домашней одеждой. Ему стало досадно и противно вынимать изъ гардеробнаго шкапа свое единственное придворное платье голубого шелка съ пышными разводами. Онъ поскорѣе собралъ необходимые планы и счеты и, уже заранѣе сердитый и мрачный, пошелъ во дворецъ, какъ былъ, въ старомъ камзолѣ.

Недалеко отъ бельведера, на веселой широкой лѣстницѣ, недавно построенной папскимъ любимцемъ Браманте, великолѣпно и непрочно, ему попался навстрѣчу самъ строитель, окруженный толпою льстивыхъ поклонниковъ и друзей. Архитекторъ возвращался отъ папы довольный, обласканный, должно-быть, получилъ много денегъ. Пажъ, тонкій и стройный, какъ молодая дѣвушка, несъ за нимъ большіе свитки плановъ и чертежей. Браманте былъ одѣтъ и держалъ себя, какъ царедворецъ. Складки великолѣпной одежды, самоувѣренная, почти юношеская осанка, умный взоръ живыхъ глазъ, мягкіе сѣдые волосы, обрамлявшіе широкій голый черепъ, истинный лобъ древняго мудреца Пиѳагора или Архимеда, придавали красивому старику выраженіе пріятной и благосклонной важности. Онъ говорилъ съ молодымъ епископомъ о своей новой кобылѣ, купленной у пріѣзжаго турка-барышника Мустаффы, красавицѣ, сводившей съ ума всѣхъ наѣздниковъ Рима. Потомъ обернулся онъ къ собесѣдникамъ и сталъ приглашать ихъ на ужинъ.

— Только что получены куропатки изъ Муджелло, и вы отвѣдаете, друзья мои, нашего добраго ломбардскаго вина — Монтебріантино. Оно поспоритъ съ лучшимъ корсиканскимъ...

Браманте увидѣлъ всходившаго по лѣстницѣ Буонаротти. Старикъ, снявъ беретъ, съ изысканной, нѣсколько преувеличенной вѣжливостью поклонился молодому сопернику, который отвѣтилъ холоднымъ, сдержаннымъ поклономъ.

Микель-Анжело шелъ по безконечнымъ коридорамъ и галлереямъ Ватиканскаго дворца: въ то время они перестраивались; художникъ невольно любовался созданіемъ соперника, легкимъ какъ свѣтлый сонъ, изящнымъ и непрочнымъ: Буонаротти предвидѣлъ, что эти стѣны обрушатся лѣтъ черезъ двадцать, если ихъ не укрѣпить контрафорсами. Пахло сыростью новой штукатурки; всюду возвышались деревянные лѣса.

Онъ подошелъ къ дверямъ, у которыхъ стоялъ на карауле швейцарецъ съ копьемъ и арбалетомъ. Внимательно посмотрѣлъ онъ въ лицо Буонаротти, должно-быть, не сразу узнавъ его, потомъ извинился и пропустилъ.

IV.

Микель-Анжело вступилъ въ обширную полутемную залу, служившую столовой папы; на сводахъ мерцали старинной позолотой фрески Джіотто. Стѣны увѣшаны были драгоцѣнными фландрскими коврами, аррацами съ тусклыми, нѣжными, мягкими красками, съ изображеніемъ языческихъ миѳовъ — похищенія Европы, смерти Адониса. Внизу по стѣнамъ шли скамьи съ высокими точеными спинками изъ темнаго дерева.

Папа кончилъ обѣдъ и занимался дѣлами. Секретарь читалъ депеши изъ Болоньи. Царствовала тишина. Кардиналы и немногіе придворные, сидѣвшіе за столомъ, переговаривались шопотомъ. Въ душномъ воздухѣ былъ тонкій запахъ обѣденныхъ пряностей. Слуги, приходя и уходя по знаку церемоніймейстера, скользили неслышно, какъ тѣни.

Придворный лейбъ-медикъ держалъ пузырекъ лѣкарства и осторожно отсчитывалъ капли въ стаканъ вина, приготовленный для папы. У самыхъ ногъ его святѣйшества, на шелковой, вытканной золотомъ, подушкѣ, сидѣлъ странный юноша необычайной красоты, не то шутъ, не то вельможа, въ полудѣтской, полуженской одеждѣ, съ бѣлокурыми, длинными локонами, съ прелестными, лукавыми глазами, въ которыхъ сіяла нѣга. Онъ небрежно и тихо, такъ, чтобы не мѣшать дѣловому чтенію, перебиралъ струны лютни. То былъ всемогущій баловень грознаго Юлія, семнадцатилѣтній ганимедъ ватиканскаго Юпитера, сіятельнѣйшій спальничій, камерьеръ Аккорзіо, который обладалъ ключами отъ сердца папы такъ же, какъ папа обладалъ ключами неба.

Лучъ солнца скользилъ по столу, дробился въ хрустальной чашѣ съ недопитымъ виномъ, игралъ на маіоликовомъ блюдѣ, задѣвалъ серебряную бѣлую бороду Юлія, которая выдѣлялась на пурпурномъ бархатѣ широкаго папскаго наплечника и сверкалъ въ большомъ рубинѣ перстня на исхудалой, блѣдной рукѣ старика. Онъ сидѣлъ немного сгорбившись, опираясь обоими локтями на ручки кресла, отодвинутаго отъ стола. Голый черепъ покрывала надвинутая на лобъ бархатная скуфья такого же темно-краснаго цвѣта, какъ наплечникъ. Пороки и болѣзни оставили слѣды свои на этомъ изнуренномъ лицѣ съ ввалившимися щеками. Но тонкія губы все еще были сжаты съ выраженіемъ неодолимаго упорства, закоренѣлой привычки къ самовластію, и подъ насупленными бровями въ глубокихъ впадинахъ глазъ свѣтился огонь воли, не побѣжденной ни пороками, ни болѣзнями. Взоръ этихъ глазъ былъ страшенъ, когда они сверкали гнѣвомъ.

Микель-Анжело входилъ въ столовую. Секретарь кончилъ чтеніе болонскихъ депешъ. Юлій замѣтилъ Буонаротти, бросилъ на него исподлобья быстрый, недовольный и скучающій взглядъ. Художникъ понялъ, что пришелъ не во-время; ни съ кѣмъ не заговаривая, одинокій и надменный, остановился онъ у окна, ожидая очереди, какъ проситель.

Къ папѣ приблизился юркій, жирный, круглый, какъ шаръ, съ грязными руками, болтливый старикъ, придворный золотыхъ дѣлъ мастеръ. Онъ говорилъ о покупкѣ драгоцѣнныхъ камней для украшенія недавно заказаннаго Юліемъ креста къ алтарю Сикстинской капеллы.

Папа, не слушая, закрылъ усталыя вѣки. Ювелиръ прекратилъ болтовню, думая, что папа уснулъ. Тогда Юлій открылъ глаза и молвилъ сердито:

— Остались деньги?

— Нѣтъ, ваше святѣйшество, я истратилъ все, что было назначено. Осмѣливаюсь просить ваше святѣйшество о прибавкѣ: армянинъ Джемъ предлагаетъ за дешевую цѣну два карбункула и смарагдъ, ежели ваше святѣйшество...

— Довольно, — съ нетерпѣніемъ махнулъ папа рукою,— говорю: довольно, отстань!

Ювелиръ переминался съ ноги на ногу и хотѣлъ возразить, но папа крикнулъ:

— Убирайся къ чорту и помни, больше я не дамъ ни гроша, ни на малые, ни на большіе камни...

Микель-Анжело понялъ, что значитъ эти «большіе камни», понялъ, что намекъ былъ обращенъ къ нему.

Когда наступила очередь, онъ подошелъ къ Юлію съ чертежами, планами и счетами. Папа взглянулъ на нихъ брезгливо:

— Некогда, — молвилъ онъ, зашевелившись на креслѣ, — приходи въ понедѣльникъ.

— Святой отецъ, — возразилъ Микель-Анжело спокойнымъ твердымъ голосомъ, — не угодно ли вамъ будетъ посмотрѣть эти счета? Рабочіе требуютъ платы: по справедливости, нельзя имъ долѣе отказывать. Велите казначею выдать деньги, или я долженъ буду заплатить за мраморъ для вашей гробницы изъ собственнаго имущества.

Юлій пристально, какъ будто удивленно, взглянулъ на Микель-Анжело. Художникъ, не потупившись, выдержалъ этотъ взглядъ.

Всѣ замерли въ ожиданіи. Аккорзіо, оставивъ мандолину, поднялъ голову съ лукавымъ и веселымъ любопытствомъ.

Юлій промолчалъ, только отстранилъ рукою положенные предъ нимъ планы и счета, такъ что они упали на полъ. Потомъ, не обращая на Буонаротти вниманія, какъ будто забывъ о немъ, онъ поднялся съ креселъ; два молодыхъ прелата подскочили и поддержали его подъ руки, третій подалъ ему палку и, опираясь на нее, быстрыми, еще бодрыми шагами папа направился къ выходу изъ пріемныхъ залъ во внутренніе покои для краткаго послѣобѣденнаго отдыха.

Буонаротти поблѣднѣлъ; судорога ярости исказила его губы. Чувствуя на себѣ насмѣшливые взоры пажей, лакеевъ и конюховъ, онъ долженъ былъ наклониться, чтобы подобрать съ полу упавшія бумаги.

V.

Онъ вернулся домой и тотчасъ же написалъ своему старому флорентинскому другу, мессэру Бальдазару Бальдуччи, который завѣдывалъ дѣлами въ римскомъ банкѣ мессэра Галли, и попросилъ у него взаймы двѣсти золотыхъ имперскихъ дукатовъ. Въ тревогѣ сталъ онъ ожидать отвѣта, съ горечью думая о возможности отказа и новыхъ униженій. Но, даже если бы Бальдуччи согласился, Микель-Анжело былъ разоренъ: чтобы заплатить долгъ, ему надо продать домъ во Флоренціи, въ которомъ жили старый отецъ его и братья. Онъ вспомнилъ долгіе годы лишеній, которыя добровольно терпѣлъ, чтобы обезпечить семью, вспомнилъ восемь мѣсяцевъ, только что проведенныхъ имъ въ каменоломняхъ Каррары. Лихородки, изнурительная работа то подъ жгучимъ солнцемъ, то подъ ледяными дождями едва не сломили его крѣпкаго здоровья. Имѣя двухъ слугъ и одну лошадь, въ продолженіе всего этого времени онъ ничего не получалъ отъ папы, за исключеніемъ насущнаго хлѣба. Онъ не былъ скупъ, но расчетливъ, дѣловитъ,

какъ истинный флорентинецъ, зналъ цѣну деньгамъ и отказывалъ себѣ во многомъ, мечтая о будущей независимости и спокойствіи. Такъ онъ былъ воспитанъ въ доброй честной семьѣ, гдѣ съ молокомъ матери передавалась привычка свято чтить свое и чужое имущество.

Наконецъ пришелъ посланный съ отвѣтомъ изъ банка. Бальдазаръ Бальдуччи въ краткой и любезной дѣловой запискѣ обѣщалъ прислать деньги на слѣдующее утро.

Микель-Анжело, успокоившись, опять взошелъ на подмостки и взялъ рѣзецъ. Мало-по-малу работа увлекла его. Статуя была однимъ изъ «Связанныхъ Невольниковъ», олицетвореній искусствъ, которыя должны были стоять на четырехугольныхъ выступахъ мавзолея. Этими изваяніями художникъ хотѣлъ сказать, что смерть, похитившая Юлія, заковала цѣпи искусства и лишила ихъ надежды когда-либо найти подобнаго ему покровителя. Теперь художникъ безъ горькой усмѣшки не могъ вспомнить этой аллегоріи. Не не все ли равно? Предчувствуя, что гробница не будетъ окончена, онъ работалъ для себя, безцѣльно и безкорыстно, не думая о папѣ. Онъ забылъ про все. Удары молота были такъ сильны, что, казалось, вся статуя разлетится вдребезги. Осколки мрамора сыпались дождемъ.

Приходила служанка и звала его ужинать; онъ не пошелъ, только взялъ кусокъ хлѣба, торопливо съѣлъ его, не сходя съ подмостковъ, и опять принялся за работу. Твердый камень становился все мягче, таялъ, какъ воскъ. Ваятель освобождалъ изъ-подъ каменной оболочки скрытый образъ. Молодой невольникъ закинулъ голову съ отчаяніемъ, всѣ члены, всѣ жилы и мускулы были напряжены въ безконечномъ усиліи, чтобы порвать узы, которыя врѣзывались въ тѣло.

Художникъ оставилъ работу поневолѣ, когда наступили сумерки, засвѣтилъ огонь и до поздней ночи просидѣлъ надъ любимой книгой, «Божественной Комедіей», съ которою никогда не разставался, такъ же, какъ и съ

Библіей. Въ эту ночь написалъ онъ гордые стихи, посвященные Данте:

Dal mondo scese ai ciechi abissi
Pur fuss'io tal! ch'a simil sorte nato,
Per l'aspro esilio con la virtute,
Darei del mondo il piu felice stato.
. . . . . .

Изъ міра сошелъ онъ въ темныя пропасти,
Людямъ открылъ вѣчныя тайны,
Но подвигъ остался безъ награды;
Неблагодарный народъ не понялъ и отвергъ его.
И все же пусть бы я былъ такимъ: за его судьбу,
За его суровое изгнаніе и добродѣтель
Я отдалъ бы самый счастливый удѣлъ на землѣ.

Ночь начинала блѣднѣть, когда Микель-Анжело легъ на жесткую бѣдную постель для недолгаго отдыха, какъ онъ это часто дѣлалъ, почти не раздѣваясь, не снимая обуви.

Утромъ Буонаротти призвалъ лодочниковъ, плотниковъ, каменотесовъ и заплатилъ все, что былъ долженъ, до послѣдняго сольди.

VI.

Въ назначенный Юліемъ день, т.-е. въ понедѣльникъ, пошелъ онъ опять во дворецъ. Ему сказали, что папа ѣдетъ на охоту въ Альбанскія горы. Дворъ былъ полонъ веселыхъ звуковъ роговъ, лаемъ собакъ, криками доѣзжачихъ, шумомъ и трепетомъ соколиныхъ крыльевъ. Микель-Анжело увидѣлъ изъ дали, какъ Юлій, въ странномъ для духовнаго лица охотничьемъ нарядѣ, въ большихъ ботфортахъ, въ шляпѣ съ перьями и кожаномъ панцырѣ, подобный старому полководцу, садился на великолѣпнаго коня. Аккорзіо держалъ стремя. Папа казался оживленнымъ и что-то на ухо говорилъ своему любимцу, который улыбался тонко и двусмысленно, какъ женщина. Буонаротти понялъ, что теперь Юлію не до мыслей о гробницѣ. Онъ пришелъ во вторникъ. Папа еще не возвращался съ охоты. Пришелъ въ среду и въ галлереѣ

встрѣтилъ знакомаго секретаря, который предупредилъ его, что его святѣйшество въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ изъ Болоньи нехорошія вѣсти; отъ только что избилъ костылемъ епископа Анконскаго. Изъ пріемной выходили придворные съ растерянными лицами, и Микель-Анжело услышалъ, какъ французскій посланникъ съ улыбкой говорилъ своему собесѣднику, упитанному, жирному и безмятежному капеллану:

— Mais il est terriblement cholerique, votre pape!

У Буонаротти была еще надежда, что если удастся напомнить папѣ о счетахъ, то онъ, скрѣпя сердце, заплатитъ. Во что бы то ни стало рѣшилъ онъ добиться свиданія на слѣдующій день, въ четвергъ.

Но когда подошелъ къ двери пріемной, его остановилъ «палефреньеръ», папскій конюхъ.

— Извините, синьоръ. Мнѣ не приказано пускать вашу милость...

Одинъ изъ епископовъ Луккскихъ, находившійся въ передней, услышавъ эти слова конюха, прикрикнулъ на него и сказалъ:

— Какъ ты смѣешь, грубіянъ! Ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ говоришь. Это мессэръ Буонаротти. У него пропускъ во всякое время.

— Вы ошибаетесь, синьоръ,—отвѣчалъ палефреньеръ невозмутимо,—я очень хорошо знаю мессэра Буонаротти, но мой долгъ, не разсуждая, исполнять приказанія папы и моихъ начальниковъ.

Микель-Анжело не вѣрилъ ушамъ своимъ. Ему казалось, что все это онъ видитъ въ дурномъ снѣ. Ничего не отвѣтивъ, повернулся онъ, пошелъ домой и написалъ папѣ слѣдующія строки:

«Блаженнѣйшій отецъ. Сегодня, по вашему приказанію, я былъ выгнанъ изъ дворца, а потому объявляю вамъ, что съ этого часа, если пожелаете меня видѣть, то вамъ придется искать меня въ другомъ мѣстѣ, а не въ Римѣ».

Онъ отправилъ это письмо камерьеру Агостину Скалько для передачѣ папѣ.

Призвавъ двухъ вѣрныхъ слугъ, давно у него жившихъ, старшихъ надзирателей за рабочими, плотника Козино и мраморщика Антоніо, онъ сказалъ имъ:

— Ступайте, отыщите какого-нибудь жида, продайте все, что есть въ этомъ домѣ, и пріѣзжайте ко мнѣ во Флоренцію.

Потомъ отправился въ гостиницу «Трехъ Мавровъ», гдѣ останавливалась почта, взялъ мѣсто въ неуклюжей и неудобной почтовой каретѣ, запряженной четверкой заморенныхъ клячъ, и черезъ два часа выѣзжалъ изъ Рима по дорогѣ на сѣверъ. Его спутниками были угрюмый и молчаливый аптекарь изъ Перуджіи, старый еврей-ростовщикъ съ лицомъ ветхозавѣтнаго патріарха, монахъ-чертозіанецъ, веселый и вертлявый, все время убѣждавшій еврея креститься, и толстая, бѣлолицая мызница съ корзинкой яицъ, множествомъ узелковъ, которая боялась нападенія разбойниковъ или турокъ. Микель-Анжело былъ радъ, что никто его не узнаетъ, но все-таки опасался и успокоился окончательно только тогда, когда отъѣхали на нѣсколько миль отъ Рима. Кругомъ на необозримое пространство до амфитеатра Сабинскихъ горъ, съ грознымъ обрывистымъ утесомъ Рокка-ди-Папа, какъ туманное море, мягкими, зелено-синими волнами холмовъ, разстилалась Кампанья. Кое-гдѣ на ясномъ небѣ чернѣла сторожевая башня непокорныхъ феодальныхъ бароновъ Священной области, — Колонна, Орсини, Савелли. Надъ тихими развалинами и сломанными пролетами акведуковъ, тянувшихся до самаго Фраскати, рѣяли черныя крикливыя стаи галокъ и воронъ.

Микель-Анжело, радуясь тишинѣ и свободѣ, съ наслажденіемъ вдыхалъ крѣпкій, какъ вино, сладкій, какъ медъ, запахъ дикихъ травъ. Все, что съ нимъ произошло на службѣ папы Юлія, казалось ему теперь далекимъ воспоминаніемъ.

Дорога медленно поднималась въ гору. Онъ любовался облаками, лежавшими на горизонтѣ равнины. Съ дѣтства любилъ онъ отыскивать въ этихъ бѣлыхъ громадахъ образы, какъ бы статуи невѣдомаго ваятеля, которыя величіемъ превосходятъ все, что можетъ создать человѣкъ. И онъ

вспомнилъ, какъ однажды, глядя на каменоломню Каррары съ высокой горы надъ моремъ, задумалъ высѣчь въ скалѣ исполинскую статую, чтобы мореплаватели видѣли ее издалека. То была греза художника, такая же безцѣльная, какъ эти мгновенныя, чудовищныя и плѣнительныя очертанія нагроможденныхъ облаковъ.

VII.

Наступила ночь, когда почтовая карета, дребезжа и звеня, въѣхала въ плохо мощеныя, тѣсныя и узкія улицы маленькаго города, старой крѣпости Поджибонси, перваго мѣстечка, принадлежавшаго Флоренціи, въ восемнадцати или двадцати миляхъ отъ города. Микель-Анжело рѣшилъ остановиться и отдохнуть до утра, считая себя въ безопасности здѣсь, на землѣ, принадлежавшей флорентинцамъ. Правителемъ города, подеста, былъ его пріятель Федериго Старно.

Буонаротти остановился въ маленькомъ альберго подъ вывѣской «Оловяннаго Блюда», недалеко отъ ратуши. Въ громадной сводчатой кухнѣ пылалъ очагъ, играли въ кости, распѣвали пѣсни и пьянствовали доганьеры, чиновники таможни и наемные солдаты изъ Санъ-Джеминьяно. Хозяинъ объявилъ, что всѣ постели заняты лошадиными барышниками, спѣшившими на сіенскую ярмарку, и отвелъ гостя въ тѣсную душную горницу, гдѣ, на необъятномъ ложѣ, подобіи катафалка, заливались храпомъ трое спящихъ; онъ указалъ Микель-Анжело на оставшееся свободное мѣсто съ края постели и обѣщалъ дать отдѣльную подушку, увѣряя, что «ежели немного потѣсниться, то будетъ просторно». Гость предпочелъ устроить ночлегъ у окна на широкой деревянной скамьѣ, завернувшись въ дорожный плащъ и подложивъ подъ голову вмѣсто подушки кожаную сумку съ чертежами и бумагами.

Давно уже не спалось ему такъ сладко, какъ въ этой дрянной гостиницѣ, первую ночь на свободѣ и въ родной землѣ.

Пѣтухи пропѣли, звѣзды начинали блѣднѣть, и въ часовнѣ св. Петроніллы прозвучалъ колоколъ, когда по-

слышался громкій стукъ въ ворота альберго, крики богохульства, топотъ лошадиныхъ копытъ. Микель-Анжело вскочилъ и долго не могъ сообразить въ темнотѣ, что съ нимъ и гдѣ онъ: онъ все забылъ во снѣ, и ему казалось, что онъ еще въ Римѣ, въ своей спальной комнатѣ рядомъ съ мастерской. Затѣмъ вспомнилъ и подумалъ, что это внизу, въ кухнѣ, буйствуютъ пьяные доганьеры. Но по лошадиному топоту въ сосѣднемъ переулкѣ скоро догадался, что дѣло не ладно, должно-быть, за нимъ пріѣхали посланные отъ Юлія. Сердце его забилось чаще: онъ хорошо зналъ, что поступокъ его съ папою можетъ стоить ему жизни, или, по крайней мѣрѣ, заключенія въ страшныхъ подземныхъ темницахъ св. Ангела. Въ темнотѣ, обшаривъ скамью, ощупалъ онъ кожаный поясъ съ прикрѣпленными къ нему ножнами, вынулъ кинжалъ и положилъ рядомъ съ собою на подоконникъ.

Дверь горницы отворилась, и въ нее просунулъ голову хозяинъ гостиницы, заспанный и растрепанный, съ фонаремъ въ рукѣ, отъ котораго упалъ колеблющійся кругъ свѣта на кирпичный полъ.

— Не вы ли мессэръ Микель-Анжело Буонаротти изъ Рима, — спросилъ хозяинъ.

— Я Буонаротти изъ Флоренціи и возвращаюсь въ мой городъ изъ Рима. Чего вамъ нужно?

— Ахъ, помилуйте, ваша эчеленца, могъ ли я предполагать что-либо подобное!—воскликнулъ хозяинъ съ подобострастнымъ поклономъ.—О, зачѣмъ же ваша эчеленца давече не изволили предупредить? Знаю, знаю, инкогнито... Но, повѣрьте, если бы я только имѣлъ счастье подозрѣвать, что такой знатный и благородный господинъ дѣлаетъ честь моему скромному жилищу, я отвелъ бы покои внизу. Правда, мы ожидаемъ съ часу на часъ посла яснѣйшей республики, мессэра Джустиніани, но для васъ, знаменитѣйшій и сіятельнѣйшій...

— Послушайте, что вамъ нужно?—повторилъ Микель-Анжело съ нетерпѣніемъ, слыша продолжавшіеся крики и стукъ.

— Курьеры, курьеры его святѣйшества, преоблаженнѣйшаго и преподобнѣйшаго отца нашего папы Юлія, — объ-

явилъ хозяинъ съ таинственнымъ видомъ, какъ неожиданно радостную вѣсть. — Я велѣлъ имъ отпереть съ вашего позволенія. Пресердитые и преважные господа, осмѣлюсь доложить, едва воротъ не выломали, всю крѣпость всполошили...

— Вы окажете мнѣ большую услугу, добрый человѣкъ,— произнесъ Микель-Анжело,—если немедленно пошлете кого-нибудь или сами сходите къ здѣшнему подеста, моему другу мессэру Федериго Старно. Попросите отъ моего имени, чтобъ онъ пришелъ со своими людьми: скажите, что мнѣ скоро можетъ понадобиться его помощь.

— Вашей милости нечего безпокоиться, — возразилъ хозяинъ, — я слышалъ голосъ мессэра Федериго у моихъ воротъ. А ночью онъ никогда не выходитъ безъ стражи. Вотъ и господа курьеры...

И онъ пропустилъ въ комнату пять человѣкъ съ ногъ до головы вооруженныхъ, въ огромныхъ ботфортахъ, забрызганныхъ грязью. Трое спящихъ на громадной постели проснулись и вскочили: одинъ изъ нихъ, думая, что это разбойники, спрятался подъ кровать, другой, крестясь, шепталъ Ave Maria, третій ругался, протирая глаза.

Въ предводителѣ маленькаго отряда, въ молодомъ человѣкѣ съ красивымъ и хищнымъ лицомъ, Микель-Анжело узналъ кавалера папской гвардіи. Юноша снялъ черный беретъ съ алымъ перомъ и произнесъ, вѣжливо кланяясь:

— Имѣю честь быть, мессэръ Буонаротти, вашимъ покорнымъ слугою,—рыцарь Джисмондо Брандино. Я позволилъ себѣ явиться къ вашей милости съ порученіемъ отъ папы. Не угодно ли будетъ вашей синьоріи послѣдовать за нами,—лошади стоятъ у воротъ. Не должно мешкать, такъ какъ его святѣйшество ожидаетъ васъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

— Папа, вѣроятно, уже получилъ мое письмо,—возразилъ Микель-Анжело,—я извѣщаю его, что навсегда уѣхалъ изъ Рима и не намѣренъ возвращаться.

— Я имѣю письмо отъ его святѣйшества.

Джисмондо приблизился и подалъ конвертъ съ привѣшенной на шнуркѣ большою печатью зеленаго воска, на которой изображена была тройная остроконечная митра и ключи римскаго первосвященника. Хозяинъ принесъ заплывшую сальную свѣчу въ неуклюжемъ деревянномъ подсвѣчникѣ. Микель-Анжело прочелъ слѣдующія слова, торопливо написанныя рукою папы:

«По прочтеніи сего немедленно ѣхать въ Римъ или готовиться къ нашему гнѣву.

Юлій».

— Это письмо, — спокойно произнесъ художникъ,—ни въ чемъ не мѣняетъ дѣла. Вы можете передать его святѣйшеству, что я остаюсь при моемъ намѣреніи никогда не возвращаться въ Римъ.

— Мессэре,—молвилъ Джисмондо,—говорю вамъ теперь не какъ посланный его блаженства, а какъ человѣкъ, желающій добра великому художнику, славѣ и гордости нашего отечества: исполните волю папы. Святой отецъ разгнѣванъ, но готовъ простить и оказать вамъ новыя, еще бо́льшія милости. Я знаю, что онъ велѣлъ заплатить двѣсти дукатовъ, которые вы въ прошлую субботу заняли въ банкѣ мессэра Галли.

— Благодарю за добрый совѣтъ, рыцарь,—съ усмѣшкой возразилъ Буонаротти,—но, къ сожалѣнію, вы имѣете дѣло съ человѣкомъ не менѣе своевольнымъ и упрямымъ, чѣмъ его святѣйшество папа Юлій. Не тратьте же словъ даромъ: воля моя столь же неизмѣнна, какъ воля папы, и счеты мои съ нимъ кончены.

— Мессэръ Буонаротти, какъ мнѣ ни прискорбно, но я долженъ предупредить вашу милость, что въ случаѣ, если бы вы не пожелали добровольно вернуться, я имѣю полномочія употребить крайнія средства. Надѣюсь, что вы не заставите меня...

— Угроза?—перебилъ Микель-Анжело и быстро подошелъ къ окну, открылъ ставни, поднялъ подвижную раму съ тусклыми стеклами и увидѣлъ у воротъ альберго Фе-

дериго Старно съ вооруженными людьми и толпою любопытныхъ.

Утреннее небо свѣтлѣло, колокола св. Петрониллы заливались весело и тонко.

— Мессэръ Буонаротти, послѣднее слово: вы не желаете слѣдовать за нами? — произнесъ Джисмондо.

— Оставьте меня въ покоѣ, увѣряю васъ, это лучше для насъ обоихъ.

— Въ такомъ случаѣ...

По знаку Джисмондо одинъ изъ солдатъ приблизился къ Микель-Анжело и взялъ его за руку. Онъ понялъ, что они хотятъ связать его, и оттолкнулъ солдата съ такою силою, что онъ ударился о стѣну и едва не упалъ. Въ то же мгновеніе Буонаротти схватилъ кинжалъ и, выглянувъ въ окно, привѣтствовалъ своего друга подеста громкимъ голосомъ:

— Добраго здоровья, мессэръ Федериго. Какъ поживаете?.. Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, пока помощь ваша не нужна.

Потомъ, обернувшись къ папскому курьеру, продолжалъ:

— Слушайте, мессэръ, если кто-нибудь изъ вашихъ людей тронетъ меня пальцемъ, я позову стражу подеста, и вамъ будетъ плохо. Мнѣ довольно сдѣлать знакъ, чтобы люди, стоящіе у воротъ, изрубили васъ. Мы здѣсь на свободной землѣ. Я гражданинъ флорентинской республики, и горе тому, кто посмѣетъ наложить на меня руку. Я не хочу, чтобы проливалась кровь. Ступайте же съ Богомъ, пока не случилось бѣды.

Джисмондо понялъ, что Микель-Анжело не шутитъ, перемѣнилъ выраженіе лица и голоса и началъ просить, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, отвѣтилъ на письмо папы.

Художникъ согласился, велѣлъ хозяину принести чернильницу и написалъ короткое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что посланные настигли его въ флорентинскихъ владѣніяхъ, а потому не могли заставить ѣхать въ Римъ, объявилъ, что ни за что не вернется, что за вѣрную службу не слѣдовало оскорблять и выгонять его, какъ негодяя,

и что такъ какъ папа не хотѣлъ дозволить ему окончить гробницу, то онъ считалъ сдѣланныя условія уничтоженными и не желалъ дѣлать новыхъ.

Выставивъ число въ письмѣ, онъ запечаталъ и передалъ его Джисмондо. Рыцарь съ церемонною испанскою вѣжливостью поклонился и молвилъ: «Надѣюсь, до скораго свиданія въ Римѣ», и, такъ какъ дѣлать было больше нечего, вышелъ со своими людьми. Черезъ нѣсколько времени Буонаротти услышалъ удалявшійся стукъ лошадиныхъ копытъ.

Въ тотъ же день, среди милыхъ нѣжныхъ холмовъ, гдѣ извиваются серебряныя кольца Арно, онъ увидѣлъ черепичный, подобный громадному нераспустившемуся цвѣтку, красноватый куполъ Маріи-дель-Фіоре и темно-сѣрую высокую башню палаццо дэлла Синьорія.

VIII.

Въ это время правителемъ Флоренціи, пожизненнымъ гонфалоньеромъ, былъ старый другъ Микель-Анжело, Пьетро Содерини. Онъ принялъ художника подъ свою защиту.

Черезъ три мѣсяца пришла изъ Рима папская булла. «Возлюбленныя чада! — обращался Юлій къ флорентинскимъ сеньорамъ, — прежде всего апостольское наше вамъ благословеніе во здравіе и спасеніе души и тѣла. Микель-Анжело, ваятель, который легкомысленно и необдуманно уѣхалъ отъ насъ, нынѣ, какъ мы слышали, не смѣетъ возвратиться. Мы не гнѣваемся на него, зная нравъ и природу людей, подобныхъ ему. Но для того, чтобы онъ отложилъ всякое подозрѣніе, напоминаемъ вамъ о долгѣ сыновней почтительности и поручаемъ сказать ему, что ежели бы онъ пожелалъ вернуться, то мы не причинимъ ему никакого зла и примемъ съ той же милостью, какую оказывали ему до отъѣзда. Изъ Рима дано 8 іюля 1506, нашего правленія третьяго лѣта».

Микель-Анжело хорошо зналъ, что этимъ великодушнымъ обѣщаніямъ нельзя довѣрять, что святой отецъ не

задумается нарушить слово, что онъ не разъ уже преступалъ клятвы въ дѣлахъ съ людьми болѣе сильными, и что милостивая булла—только хитрость, дипломатическая западня.

Содерини отвѣтилъ Юлію почтительно и уклончиво, что Микель-Анжело такъ напуганъ (impaurito), что, несмотря на увѣренія, заключенныя въ буллѣ, считаетъ возвращеніе въ Римъ небезопаснымъ. Онъ, Содерини, всячески убѣждаетъ и будетъ убѣждать его возвратиться въ Римъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренъ, что если только онъ перестанетъ обращаться съ Микель-Анжело ласково и осторожно, тотъ непремѣнно убѣжитъ. Два раза онъ уже былъ близокъ къ тому.

Гонфалоньеръ не обратилъ большого вниманія на первую буллу, не очень торопилъ Микель-Анжело ѣхать и надѣялся, что гнѣвъ Юлія скоро потухнетъ?

Черезъ нѣсколько дней пришла вторая, еще болѣе милостивая и настоятельная булла.

Тогда Содерини, человѣкъ бузукоризненно честный, но слабый и нерѣшительный, призвавъ Микель-Анжело, молвилъ:

— Ты поступилъ съ папою такъ, какъ не осмѣлился бы поступить съ нимъ король Франціи. Не при противъ рожна. Довольно упорствовать. Мы не хотимъ и не можемъ начинать изъ-за тебя войну съ папою и подвергать городъ опасности, а потому просимъ тебя возвратиться къ его святѣйшеству.

— Лучше я отправлюсь къ великому турку, чѣмъ къ его святѣйшеству, — воскликнулъ Буонаротти, — султанъ сумѣетъ защитить меня отъ папы.

Содерини зналъ, что эти слова въ устахъ Микель-Анжело — не простая угроза. Художникъ давно уже велъ переговоры съ Баязетомъ II черезъ одного, пріѣхавшаго изъ Константинополя, францисканскаго монаха. Чувствуя себя, какъ звѣрь, затравленный въ берлогѣ, Буонаротти готовъ былъ на все, чтобы избавиться отъ страшныхъ когтей папы. Султанъ предлагалъ ему построить мостъ черезъ

одинъ изъ рукавовъ Золотого Рога, чтобы соединить Константинополь съ Перою. Художнику нравилось величіе этого замысла.

Отъ Содерини пошелъ онъ къ монаху францисканцу, съ которымъ велъ переговоры,—къ фра-Тимотео.

Тотъ принялъ его, какъ всегда, съ радостью, сталъ угощать восточнымъ розовымъ вареніемъ, показалъ новыя письма изъ Константинополя и умолялъ поскорѣе рѣшить дѣло, такъ какъ султанъ не хочетъ долѣе ждать и требуетъ окончательнаго отвѣта.

— Фра-Тимотео,—произнесъ Микель - Анжело,—заклинаю васъ, скажите мнѣ правду, какъ передъ Богомъ, не потребуетъ ли султанъ, чтобы я отрекся отъ Христа и поклонился нечестивому Магомету? Я лучше хотѣлъ бы умереть, чѣмъ не только сдѣлать, но даже подумать что-либо подобное.

— О, будьте покойны, мессэръ Буонаротти, клянусь васъ Святою Пасхою, клянусь спасеніемъ души моей, что султанъ не потребуетъ отъ васъ ничего противнаго совѣсти. Повѣрьте мнѣ, судъ Божій не то, что человѣческій. Я жилъ въ Константинополѣ, жилъ въ Римѣ, и, право, мнѣ трудно было бы рѣшить, говорю вамъ по совѣсти, гдѣ больше порочныхъ людей, — при дворѣ его святѣйшества или при дворѣ его величества. Мессэръ Буонаротти, всѣ мы люди, всѣ человѣки. Я знавалъ язычниковъ, которые были милосерднѣе и праведнѣе, чѣмъ тѣ, кто называютъ себя христіанами и повторяютъ мертвыми устами: «Господи, Господи», а въ сердцѣ ихъ дьяволъ.

— Буду ли я свободенъ, фра-Тимотео, свободенъ во всемъ? Позволитъ ли мнѣ султанъ въ искусствѣ дѣлать то, чего я желаю?..

— Слушайте, сынъ мой, я прочелъ однажды, не помню въ какой книгѣ, что древній ваятель задумалъ вырубить изъ цѣлой горы, стоявшей на берегу моря, статую Александра Великаго, такую громадную, чтобы на ладони рукъ ея могъ помѣститься городъ съ площадями, улицами, храмами, съ десятками тысячъ народа. Если бы вы задумали что-нибудь подобное, а я знаю, что великая душа ваша спо-

собна и къ большему, то султанъ пойметъ васъ и ни въ чемъ не откажетъ—ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ. Этотъ всемогущій государь хочетъ, чтобы вы создали произведеніе, достойное васъ и его, необычайное, о какомъ еще ни одинъ человѣкъ на землѣ и подумать не смѣлъ. Султанъ сильнѣе папы, и въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ ожидаетъ отъ васъ, замыслы его святѣйшества ничтожны. У папы есть Браманте. Довольно съ него. Лучшаго не стоитъ. На вашемъ мѣстѣ я бы показалъ флорентинцамъ-купчикамъ и римскимъ папамъ, кто у нихъ былъ и кого они лишились! О, я проучилъ бы ихъ, уѣхалъ бы къ султану уже для того, чтобы долго они помнили, что значитъ оскорблять художника. У меня и теперь душа замираетъ отъ смѣха, какъ подумаю, какое лицо сдѣлаетъ папа, узнавъ, что ваша милость уѣхала къ султану. Святой отецъ будетъ себѣ руки кусать отъ злобы. Да поздно,—птичка улетѣла, не воротишь...Итакъ, мессэръ Буонаротти, по рукамъ, не правда ли? Я дурного не посовѣтую. Черезъ два дня мы выѣзжаемъ отсюда, потомъ на кораблѣ изъ Венеціи. Скажите только «да»—и я сегодня же напишу его величеству.

IX.

Въ глубокомъ раздумьи возвращался Микель-Анжело отъ фра-Тимотео по тихимъ улицамъ Флоренціи. Въ сотый разъ взвѣшивалъ онъ на внутреннихъ вѣсахъ совѣсти: папа или турокъ? Что лучше—папа или турокъ?

— Господи, неужели и вправду нѣтъ на землѣ свободы, неужели нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы я могъ никому не служить—ни папѣ, ни турку, исполняя волю своего сердца и Бога?

Съ тяжелымъ вздохомъ поднялъ онъ глаза къ небу. Недосягаемо высокія облака, круглыя, мелкія, голубыя какъ перламутръ, освѣщались невидимой луной: тамъ былъ вѣчный холодъ, покой и свобода.

— Папа или турокъ?—повторялъ онъ съ горькой усмѣшкой,—монахъ правъ, они стоятъ другъ друга. Не все ли

равно! Нѣтъ свободы, надо быть рабомъ, надо терпѣть и покоряться

Онъ вспомнилъ себя, какимъ былъ въ Поджибонси—безстрашнымъ и надменнымъ. Трехъ мѣсяцевъ мелкихъ оскорбленій, мелкихъ счетовъ съ жизнью довольно было, чтобы обезоружить его сердце, чтобы въ душѣ его не осталось ни капли гордости. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ и слабымъ. Стоило возмущаться, стоило убѣгать изъ Рима, людей смѣшить!..

Поскорѣе вернулся онъ домой, не зажигая свѣчи, раздѣлся, легъ въ постель, съ головою завернулся въ одѣяло такъ, чтобы ничего не видѣть и не слышать, повторяя одно слово: «Скучно, скучно!» Холодъ отвращенія къ жизни, къ людямъ, къ себѣ—пронизывалъ его до сердца, какъ холодъ смертельной тошноты. Обезсиленный и уничтоженный, безъ мысли, безъ чувства, безъ воли, заснулъ онъ мертвымъ сномъ.

На слѣдующій день пришла третья булла.

Гонфалоньеру донесли о новыхъ переговорахъ Буонаротти съ турками. Содерини опять призвалъ его къ себѣ и сталъ увѣрять, что, если онъ уѣдетъ къ султану, Юлій навѣрное отлучитъ его отъ церкви. Лучше умереть отъ руки папы, чѣмъ жить при дворѣ турка. Впрочемъ, художнику нечего опасаться; святой отецъ благосклоненъ и требуетъ его къ себѣ, потому что любитъ, а не потому, что желаетъ причинить ему обиду. Но, если онъ все-таки страшится, флорентинская синьорія готова дать ему титулъ посланника — ambasciadore, дѣлающій лицо неприкосновеннымъ.

Микель-Анжело отвѣтилъ, что согласенъ на все и готовъ ѣхать къ папѣ.

Въ это время его святѣйшество, не какъ смиренный пастырь Христовыхъ овецъ, а какъ римскій военачальникъ, не снимая шлема и панцыря, не сходя съ боевого коня, опустошилъ замки, города и селенія непокорныхъ вассаловъ и бароновъ церкви, завоевалъ Перуджію и тріумфаторомъ при кликахъ народа вступилъ въ Болонью.

Съ титуломъ ambasciadore—посланника флорентинской республики—пріѣхалъ туда Микель-Анжело 15 ноября 1506 года.

Гонфалоньеръ далъ ему письмо къ своему брату, кардиналу Содерини.

«Смѣемъ васъ увѣрить,—писалъ онъ, между прочимъ, брату, — что Микель-Анжело — человѣкъ необыкновенный, первый ваятель въ Италіи, если не въ цѣломъ мірѣ. Мы поручаемъ его вашему вниманію. Вѣжливостью и ласковостью можно съ нимъ сдѣлать все, что угодно. Но слѣдуетъ дать ему замѣтить, что его любятъ и цѣнятъ. Помните, что Микель-Анжело возвращается къ папѣ, довѣрившись нашему слову».

Несмотря на всѣ дипломатическія любезности, Буонаротти, по собственному выраженію въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ, ѣхалъ къ папѣ «съ ремнемъ на шеѣ», т.-е. какъ собака, которую тащатъ насильно.

Онъ передалъ письмо кардиналу Содерини, который былъ боленъ, извинился, что не можетъ лично ходатайствовать и поручилъ одному изъ своихъ епископовъ замолвить слово передъ папою за художника.

Буонаротти пріѣхалъ въ Болонью утромъ и пошелъ слушать обѣдню въ соборъ. По дорогѣ встрѣтили его папскіе конюхи. Они обрадовались и повели его во дворецъ.

X.

Въ торжественной и мрачной залѣ, во дворцѣ шестнадцати (Palazzo desedici), папа, окруженный рыцарями и военачальниками, сидѣлъ подъ тріумфальнымъ балдахиномъ изъ темно-зеленаго бархата, по которому были вышиты золотомъ дубовые листья и жолуди—геральдическій знакъ Юліева дома—делла Ровере.

Епископъ, приближенный кардинала Содерини, встрѣтилъ Буонаротти въ дверяхъ, положилъ руку на его плечо и сталъ успокаивать:

— Какъ вы себя чувствуете, сынъ мой? Главное, не теряйте присутствія духа. Господь милостивъ,—папа се-

годня въ хорошемъ настроеніи. Не бойтесь, ужъ мы за васъ похлопочемъ.

Микель-Анжело взглянулъ на епископа: это былъ вертлявый человѣкъ съ угодливымъ и приторнымъ выраженіемъ лица.

— Главное, присутствіе духа,—повторялъ онъ хлопотливо.—Сложите руки, смотрите его святѣйшеству въ глаза; его святѣйшество любитъ, чтобы ему смотрѣли прямо въ глаза. Изобразите кротость и смиреніе въ лицѣ...

Епископъ подвелъ художника къ престолу папы. Микель-Анжело сталъ на колѣни.

Юлій взглянулъ на него исподлобья и тотчасъ же отвелъ глаза. Въ старческихъ пальцахъ сжималъ онъ костяную ручку своего страшнаго знаменитаго посоха. Наконецъ Юлій проговорилъ тихо и угрюмо:

— In cambio di venir tu a trovar noi, tu hai aspettato che veniamo a trovar te?—Вмѣсто того, чтобы тебѣ явиться къ намъ, ты подождалъ, пока мы сами не пришли къ тебѣ?

Его святѣйшество хотѣлъ этимъ сказать, что Болонья находится ближе къ Флоренціи, чѣмъ Римъ, и такимъ образомъ онъ первый пріѣхалъ къ Микель-Анжело въ Болонью.

Художникъ произнесъ заранѣе приготовленныя слова, — вѣжливо извинялъ свой поступокъ, увѣряя, что не имѣлъ желанія оскорбить его святѣйшество. Онъ позволилъ себѣ покинуть Римъ, полагая, что болѣе не нуженъ папѣ.

Юлій не отвѣчалъ и сидѣлъ, опустивъ голову. Лицо его было гнѣвно, брови нахмурены, и судорожно подергивались углы плотно сжатаго, старческаго, ввалившагося рта. Наступило молчаніе.

Тогда угодливый епископъ рѣшилъ, что пора заступиться, что иначе дѣло можетъ кончиться плохо для Буонаротти. Среди зловѣщаго молчанія онъ произнесъ жалобнымъ и глупымъ голосомъ:

— Ваше святѣйшество, простите бѣднягу, не извольте на него гнѣваться. Такой ужъ народъ всѣ художники: съ нихъ и спрашивать нельзя, это люди невѣжественные, необразованные, ничего не разумѣютъ, кромѣ своего ремесла...

— Дуракъ!—закричалъ папа такимъ голосомъ, что у епископа ноги подкосились отъ испуга, — ты говоришь ему дерзости, которыхъ и мы не говоримъ. Невѣжда не онъ, а ты. Въ мизинцѣ этого человѣка больше ума, чѣмъ въ твоей головѣ. Убирайся къ чорту!

И онъ съ яростью замахнулся костылемъ на епископа, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

Тогда конюхи, лакеи, приспѣшники окружили, затерли, оттѣснили его, сначала потихоньку, подталкивая подъ локти, потомъ уже не церемонясь, выпроваживая въ двери, по выраженію самого Микель-Анжело, который впослѣдствіи нерѣдко разсказывалъ объ этомъ случаѣ друзьямъ своимъ,—«лакейскими толчками».

Папа сорвалъ сердце на епископѣ. Всѣ вздохнули свободнѣе. Юлій велѣлъ художнику приблизиться, поднялъ его и милостиво далъ благословеніе:

— Чудакъ,—молвилъ папа, и улыбка заиграла на его губахъ.—Чего ты струсилъ? Думалъ, я тебя съѣмъ, что ли?

Потомъ лицо его сдѣлалось серьезно, онъ наклонился и сказалъ ему на ухо быстро и тихо, такъ, чтобы окружающіе не могли слышать:

— Не вѣрь клеветникамъ, какъ я не вѣрю, и знай, Буонаротти, сколько бы ты ни жилъ, не найдешь ты другого человѣка, кто бы такъ любилъ тебя, какъ я.

Онъ обнялъ, поцѣловалъ Микель-Анжело въ лобъ, и оба почувствовали, что понимаютъ другъ друга.

XI.

Вскорѣ послѣ этого свиданія, папа, еще находясь въ Болоньѣ, приказалъ художнику вылѣпить съ него громадную статую, отлить изъ мѣди и поставить въ нишѣ надъ

главнымъ входомъ въ церковь св. Петронія. Для исполненія заказа положилъ онъ въ банкъ мессэра Антоніо Марія Леньяно тысячу скуди. Буонаротти съ жаромъ принялся за дѣло, и до отъѣзда Юлія въ Римъ глиняная модель статуи была готова.

Однажды, папа пришелъ къ нему въ мастерскую взглянуть на работу. Святой отецъ былъ изображенъ благословляющимъ народъ правою рукою, но художникъ не зналъ, что дать ему въ лѣвую.

— Не пожелаете ли книгу, ваше святѣйшество?—спросилъ онъ Юлія.

— Книгу!—воскликнулъ папа.—О, нѣтъ, я человѣкъ неученый. Не книгу, а мечъ. Mettivi una spada, che io non so di lettere.

Потомъ, указывая на могучее и грозное движеніе поднятой правой руки, папа, улыбаясь, спросилъ его:

— Что это? Благословеніе или проклятіе?

— Ваше святѣйшество, — отвѣчалъ Микель-Анжело,— вы говорите жителямъ Болоньи, что накажете ихъ, если они будутъ непослушны.

Буонаротти провелъ шестнадцать мѣсяцевъ въ тяжеломъ трудѣ, лишеніяхъ и заботахъ, отливая статую. Наконецъ она была готова: надъ входомъ въ церковь сидѣлъ мѣдный папа, какъ живой, съ грозно поднятою десницею, но въ лѣвой рукѣ держалъ онъ не книгу и не мечъ, а ключи св. Петра.

Эта статуя погибла безслѣдно. Граждане Болоньи, которые нѣкогда встрѣчали восторженными криками Юлія-тріумфатора, по возвращеніи изгнанныхъ папою герцоговъ Бентиволіо, съ яростью, бранью и хохотомъ стащили веревками статую на площадь и разбили ее вдребезги; герцогъ Альфонсо д'Эсте, большой любитель и знатокъ артиллеріи, вылилъ изъ обломковъ громадную пушку, которая получила имя Юлія.

Микель-Анжело, окончивъ работу, вернулся въ Римъ и надѣялся, что папа позволитъ ему продолжать гробницу.

Но враги готовили новыя сѣти. Браманте не могъ успокоиться, придумывалъ средства, чтобы поссорить папу съ Буонаротти, и съ этою цѣлью пригласилъ изъ Урбино своего родственника, юнаго Рафаэля Санціо. Онъ угадалъ, что Рафаэль будетъ единственнымъ соперникомъ, страшнымъ для Буонаротти не въ скульптурѣ, а въ живописи. Браманте рѣшилъ заманить Микель-Анжело въ живопись и сталъ нашептывать папѣ, что слѣдуетъ покрыть фресками потолокъ недавно перестроенной капеллы Сикста и что во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка болѣе способнаго къ столь трудному дѣлу, чѣмъ Микель-Анжело. Браманте надѣялся, что если Буонаротти не приметъ заказа, то возстановитъ противъ себя папу, если же согласится, то славу его, какъ живописца, затмитъ Рафаэль.

Микель-Анжело понялъ намѣреніе враговъ и старался избавиться отъ заказа. Онъ убѣждалъ папу, что слѣдуетъ поручить это дѣло Рафаэлю, что онъ Буонаротти, отвыкъ отъ живописи, не разумѣетъ и не любитъ этого искусства. Но таковъ былъ нравъ Юлія: чѣмъ больше Микель-Анжело упорствовалъ, тѣмъ непреклоннѣе становилась воля папы. Дѣло грозило окончиться новою ссорою. Браманте злорадствовалъ.

— Нашла коса на камень,—говорилъ онъ сообщникамъ своимъ, весело потирая руки.

Наконецъ Микель-Анжело понялъ, что сопротивленіе безполезно, и, скрѣпя сердце, съ отчаяніемъ въ душѣ, началъ подготовительные рисунки.

Сикстинская капелла—узкое, длинное зданіе съ высокими окнами, съ гладкими голыми стѣнами безъ всякихъ украшеній. Продолговатый потолокъ съ дугообразными отвѣсами хорошо освѣщенъ. Желая оставить свободное мѣсто для совершенія службъ церковныхъ, папа не позволилъ загромождать нижней части часовни. Лѣса надо было строить такъ, чтобы безъ подпорокъ они держались на высотѣ, соединяясь съ поломъ только узкими опасными лѣстницами.

Папа поручилъ Браманте постройку лѣсовъ. Онъ долго не зналъ, какъ приступить къ этому трудному дѣлу. Нако-

нецъ придумалъ способъ: продѣлалъ въ крышѣ и потолкѣ небольшія дыры, въ которыя пропустилъ канаты: на нихъ должны были держаться легкіе висячіе мостики. Эта сложная сѣть веревочной паутины—хитрая воздушная постройка, была чудомъ искусства, но чудомъ безполезнымъ.

Микель-Анжело, увидѣвъ ее, разсмѣялся въ лицо Браманте:

— Что же мы будемъ дѣлать съ дырами, когда придется покрывать эти мѣста живописью?

Браманте смутился, пожалъ плечами и отвѣтилъ, что иначе сдѣлать нельзя, если не строить подпорокъ снизу, чего папа не позволяетъ.

Тогда Буонаротти пошелъ къ Юлію и объявилъ, что лѣса Браманте никуда не годятся.

— Ежели онъ не умѣетъ,—возразилъ папа, бросая гнѣвный взглядъ на архитектора,—сдѣлай самъ.

Браманте почувствовалъ, что попалъ въ яму, которую рылъ другому.

Микель-Анжело разобралъ веревочную паутину, задѣлалъ дыры, при чемъ вынутыхъ канатовъ оказалось такое множество, что бѣдный помощникъ его, плотникъ Козимо, которому онъ ихъ подарилъ, на вырученныя за нихъ деньги выдалъ замужъ двухъ дочерей.

Буанаротти постороилъ лѣса безъ помощи веревокъ искусно утвердивъ на карнизахъ выступы бревенъ и досокъ, соединяя ихъ и переплетая такъ, что подмостки становились тѣмъ прочнѣе и надежнѣе, чѣмъ болѣе накладывали на нихъ тяжестей.

Эта постройка открыла глаза Браманте, научила его воздвигать лѣса, и онъ воспользовался урокомъ, когда строилъ подмостки для церкви св. Петра.

Боясь, что собственныхъ силъ не хватитъ для выполненія замысла, Буонаротти пригласилъ изъ Флоренціи живописцевъ—Граначчіо, Буджіардино, Бастьяноди Санъ-Галло.

Но скоро увидѣлъ онъ, что помощники безполезны; они раздражали его упрямствомъ и неумѣлостью. Мало-по-малу онъ началъ ихъ избѣгать, потомъ отпустилъ

совершенно, и они уѣхали домой оскорбленные и негодующіе.

Микель-Анжело принялся за работу одинъ, никого не пуская на лѣса, кромѣ плотника—молчаливаго Козимо. Лицомъ къ лицу съ почти непреодолимыми трудностями Буонаротти отказался отъ всякой помощи.

Окончивъ первыя картины, онъ разобралъ часть подмостковъ, чтобы взглянуть на работу снизу, и убѣдился, что размѣры человѣческихъ фигуръ слишкомъ малы, не соотвѣтствуютъ высотѣ потолка. Онъ долженъ былъ уничтожить все сдѣланное и сызнова начать работу.

Картина потопа была готова, когда за ночь, при сѣверномъ вѣтрѣ «трамонтано», на стѣнахъ, покрытыхъ новою непросохшею известью, выступила плѣсень. Микель-Анжело увидѣлъ бѣлесоватыя уродливыя пятна, подъ которыми краски поблѣднѣли и кое-гдѣ совсѣмъ исчезли. Онъ побѣжалъ къ папѣ.

— Говорилъ я вашему святѣйшеству, что живопись не мое дѣло. Все, что я написалъ, погибло. Если вы не вѣрите, пошлите кого-нибудь.

Папа послалъ Джуліано-ди-Санъ-Галло, который, осмотрѣвъ стѣны, понялъ, что Микель-Анжело накладывалъ слишкомъ влажную известь: сырость, при ночномъ холодѣ, выступила плѣсенью; Санъ-Галло утѣшилъ и научилъ пріятеля снимать плѣсень такъ, чтобы она не причиняла вреда картинѣ.

Это было послѣднею попыткою Буонаротти освободиться отъ ненавистнаго заказа, послѣднею надеждою, за которую онъ ухватился, какъ утопающій за соломинку. Случилось то, чего онъ болѣе всего страшился: работа увлекала его. Она изнуряла, какъ тяжелая болѣзнь. Ему казалось, что онъ умретъ, не окончивъ ея, сойдетъ съ ума. Но онъ не могъ остановиться. Невыполнимое притягивало, какъ бездна, какъ безуміе. Такимъ онъ была созданъ. Душа его презирала возможное. И онъ работалъ поневолѣ, съ отчаянною и безповоротною рѣшимостью, съ неимовѣрною быстротою, съ убійственнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Онъ писалъ лежа, закидывая голову, чтобы видѣть потолокъ. Тѣло его такъ привыкло къ мучительному положенію, что когда становился на ноги, держалъ голову прямо,—онъ почти ничего не видѣлъ. Зрѣніе ослабѣвало; онъ боялся ослѣпнуть, страдалъ безсонницами и головокруженіями. Чтобы читать письма и бумаги, долженъ былъ подымать ихъ выше головы и обращать глаза кверху По цѣлымъ недѣлямъ не сходилъ онъ съ лѣсовъ на землю.

Когда же сходилъ, то, понуривъ голову, угрюмый и одинокій, спѣшилъ по веселымъ улицамъ Рима и чувствовалъ съ отвращеніемъ на своемъ изможденномъ лицѣ любопытные взоры людей. Ему чудилось, что онъ долженъ казаться выходцемъ изъ могилы. Повседневныя человѣческія лица были ему противнѣе и ненавистнѣе, чѣмъ когда-либо. Завидѣвъ издали знакомаго, онъ обходилъ его, чтобы не встрѣтить. Его мучило вѣчное подозрѣніе, что за нимъ подсматриваютъ враги, подосланные Браманте. На вѣжливые поклоны друзей онъ не отвѣчалъ и отвертывался. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ стали говорить, и до папы дошли слухи, что Микель Анжело не въ своемъ умѣ, что онъ страдаетъ черной меланхоліей.

XII.

Однажды, въ жаркій день, когда у потолка на подмосткахъ было нестерпимо душно, Микель-Анжело работалъ съ утра, лежа на своей скамейкѣ, передвижной, катавшейся на колесахъ, съ небольшимъ деревяннымъ изголовьемъ, покрытымъ войлокомъ, чтобы оно не терло шеи. Голова его была закинута: потъ выступалъ на лбу и порою съ потолка прямо ему на лицо падали капли невысохшихъ красокъ, только что положенныхъ кистью. Къ этому онъ давно привыкъ и не обращалъ вниманія. Лицо его въ разноцвѣтныхъ пятнахъ казалось бы смѣшнымъ, если бы не было такимъ уродливымъ и страшнымъ.

Картина изображала созданіе перваго человѣка. Богъ Отецъ въ порывѣ бури, окруженный ангелами, спускается съ неба къ тѣлу Адама, лежащему на голой землѣ, и готовъ

прикоснуться, но еще ни прикоснулся рукой къ его рукѣ, чтобы дать ему жизнь. Микель-Анжело осторожно накладывалъ послѣднія тонкія, почти неуловимыя тѣни, доканчивая руку Адама, безпомощно протянутую къ Создателю, съ могучими, но неоживленными мускулами, поникшую, слабую, какъ у спящаго ребенка, который долженъ и не хочетъ проснуться.

Внизу на лѣстницѣ послышался знакомый скрипъ ступеней. Буонаротти всегда боялся, чтобы его не застали врасплохъ. Онъ всталъ со скамейки и подошелъ къ двери, нарочно устроенной такъ у входа съ лѣстницы на подмостки, чтобы никто не могъ взойти на лѣса, когда Микель-Анжело запиралъ ее изнутри. Надо было выломать дверь, чтобы проникнуть въ эту воздушную крѣпость.

— Кого чортъ несетъ,—подумалъ художникъ со злобою и спрятался за доски, рядомъ съ дверью, расположенныя такъ, чтобы можно было, какъ изъ засады, видѣть, кто идетъ по лѣстницѣ. Тревога оказалась напрасной. Микель-Анжело забылъ, что послалъ Козимо къ ближайшему пекарю «fornaio» за хлѣбомъ и ветчиной на завтракъ.

— Это ты? А я испугался, думалъ опять лѣзутъ. Письмо?

— Почта изъ Флоренціи,—отвѣчалъ угрюмый плотникъ, карабкаясь по лѣстницѣ.

— Давай, давай скорѣе!

Онъ взялъ письмо, но передъ тѣмъ, чтобы распечатать, подумалъ: не лучше ли сперва кончить, наложить послѣднія тѣни, потомъ онъ забудетъ ихъ и не найдетъ; письмо опять разстроитъ его на цѣлый день, лишитъ силы работать. Мысли о семьѣ, письма отъ отца и братьевъ были для него единственнымъ горькимъ разсѣяніемъ, единственнымъ отзвукомъ далекой жизни. Въ послѣднее время онъ имѣлъ дурныя вѣсти изъ Флоренціи: младшій братъ Джіованъ-Симоне, необузданный, легкомысленный юноша, велъ порочную жизнь не слушался отца, разорялъ семью, бросалъ деньги на женщинъ,—эти проклятыя, святыя деньги, которыя онъ, Микель-Анжело, зарабатывалъ съ такими невыразимыми страданіями, его деньги, его кровь и потъ.

Онъ нетерпѣливо распечаталъ письмо, прочелъ, и лицо его потемнѣло, глаза вспыхнули. Онъ злобно оттолкнулъ ногою рабочую скамейку, которая далеко откатилась съ жалобнымъ визгомъ, и негодующими, большими шагами заходилъ взадъ и впередъ по скрипучимъ шаткимъ доскамъ.

Отецъ писалъ ему о братѣ Джіованъ-Симоне, который дошелъ до такой наглости, что недавно, вернувшись домой пьяный, грозилъ старику побоями.

— Подожди, я тебя проучу, негодяй!—восклицалъ Микель-Анжело, размахивая руками, не обращая вниманія на сосредоточеннаго Козимо, который давно привыкъ къ этимъ яростнымъ монологамъ своего господина. Кончивъ скудный завтракъ, плотникъ равнодушно возился въ углу надъ кадкою со свѣжей известью для потолка.

— Ты не человѣкъ, а звѣрь,—продолжалъ Буонаротти, обращаясь къ невидимому собесѣднику—anzi sei una bestia! и я поступлю съ тобою, какъ со звѣремъ. Знаешь ли, несчастный, когда сынъ подымаетъ руку на отца,—дѣло идетъ о жизни и смерти?

Онъ хватался за голову съ отчаяніемъ:

— О, Господи, да неужели не могутъ они оставить меня въ покоѣ? Я скитаюсь въ Италіи, не нахожу себѣ покоя, терплю лишенія, обиды, подвергаю себя безчисленнымъ, опасностямъ, изнуряю тѣло и душу—и все для нихъ, все для отца и братьевъ. И вотъ, когда мнѣ удалось немного устроить и поддержать ихъ, этотъ полоумный хочетъ уничтожить все, что я пріобрѣлъ такими усиліями. Клянусь плотью и кровью Христовой, не быть тому вовѣки! Если бы десять тысячъ братьевъ пришли ко мнѣ, я сумѣлъ бы съ ними расправиться, какъ слѣдуетъ. Довольно на плечахъ моихъ тяжести, я больше не возьму на себя ни одного золотника.

Нѣсколько разъ онъ пытался преодолѣть волненіе и приняться за работу: ложился на скамью, привычнымъ движеніемъ закидывалъ голову и упиралъ затылокъ въ деревянную перекладину. Но каждый разъ вскакивалъ, бросалъ кисти и опять начиналъ ходить взадъ и впередъ. Онъ такъ

привыкъ къ своимъ лѣсамъ, что, не думая и не замѣчая, въ одномъ мѣстѣ на ходу разставлялъ ноги шире, какъ и слѣдовало, чтобы перешагнуть и не провалиться въ дыру между досками. Злоба душила его. Теряя самообладаніе, онъ кричалъ и грозилъ кулакомъ.

— Покажу я тебѣ, молокососъ, что значитъ бросать на вѣтеръ чужія деньги, поджигать свой домъ и свое добро. Вотъ ужо пріѣду во Флоренцію, погоди, щенокъ, доберусь я до тебя. Не посмотрю я на вашу гордость, мессэръ Джіованъ-Симоне, завоете вы у меня, какъ дѣти воютъ подъ розгами. На отца поднялъ руку!.. О, мерзавцы, всѣ мерзавцы!..

Козимо, не отнимая рукъ отъ кадки, обернулъ къ Микель-Анжело равнодушное лицо.

— Это вы правду изволили сказать, мессэръ, что всѣ мерзавцы. Изгадились людишки. Смотрѣть тошно... Давеча Браманте опять подсылалъ: денегъ даетъ, сколько хочу, только бы я позволилъ ему, когда васъ не будетъ, взглянуть на потолокъ. Я отвѣтилъ, что съ лѣстницы спущу его и этого молодчика изъ Урбино, Брамантова прихвостня, Рафаэля, если они осмѣлятся притти сюда. Мерзавцы!

Козимо выражался кратко и невразумительно. Но слуга и хозяинъ понимали другъ друга съ полуслова, даже безъ словъ.

— Козимо, есть у тебя чернильница и перо?

— Есть, какъ не быть. Все у насъ есть, кромѣ птичьяго молока.

Онъ гордился хозяйствомъ своего воздушнаго жилища. Не торопясь пошелъ Козимо въ уголъ, гдѣ стояли двѣ постели, порылся среди домашняго скарба, стараго платья, кухонной посуды, бутылокъ съ виномъ, горшочковъ съ жидкими красками, запаса кистей, плотничьихъ и столярныхъ инструментовъ, ящиковъ съ известью, нашелъ чернильницу, перо, бумагу и подалъ ихъ Микель-Анжело.

И тутъ же, присѣвъ на доски передъ рабочею скамьею, художникъ рѣшительно и быстро написалъ брату, котораго, несмотря ни на что, любилъ больше другихъ братьевъ, въ буйныхъ выходкахъ Джіованъ-Симоне находя душу, подобную собственной душѣ.

Но на этотъ разъ онъ высказалъ все, что думалъ, не смягчая выраженій: anzi sei una bestia! Онъ грозилъ брату жестокою расправою, если онъ не одумается. Микель-Анжело, отправивъ письмо, вздохнулъ свободнѣе.

На слѣдующій день онъ опять принялся за картину. Когда художникъ взглянулъ на нее, онъ почувствовалъ радость. Онъ зналъ, что это не надолго, что стоитъ кончить произведеніе, чтобы оно ему опротивѣло. Но мгновенія этой обманчивой радости были единственной наградою, безъ которой онъ бы не принялъ и не вынесъ муки творчества.

Микель-Анжело радовался, думая, что въ дѣйствительности все было такъ, какъ онъ изобразилъ, и не могло быть иначе.

Блаженные духи, первозданные херувимы, которые прячутся въ бурныхъ складкахъ ризы Господней, съ неудоумѣніемъ, любопытствомъ и ужасомъ смотрятъ на человѣка, на своего новаго брата, а въ лицѣ Создателя—благость, которая есть совершенное знаніе. Но если Онъ благъ и знаетъ все, то зачѣмъ создаетъ обреченнаго грѣху и смерти?

XIII.

Наступали сумерки. Художникъ собирался оставить работу, когда снова услышалъ внизу ненавистный скрипъ ступеней и чужіе голоса.

— Мессэръ Буонаротти! Эй, мессэръ Буонаротти,—звали его такъ, какъ будто ничуть не боялись помѣшать.

— Опять! О черти! — проворчалъ художникъ и хотѣлъ крикнуть ругательство непрошенному гостю, но, выглянувъ изъ засады, увидѣлъ внизу у подножія лѣстницы папу Юлія въ сопровожденіи двухъ конюховъ.

— Поскорѣе, мессэръ Буонаротти. Развѣ вы не видите? Его святѣйшество ожидаетъ васъ.

— Отправилъ бы я ко всѣмъ дьяволамъ ваше святѣйшество,—подумалъ Микель-Анжело, и только тогда отперъ дверь, когда убѣдился, что ни самого Браманте, ни Рафаэля Санціо не было съ Юліемъ.

Онъ сошелъ, поздоровался и попросилъ благословенія у папы съ такимъ злобнымъ видомъ, что старикъ невольно улыбнулся: онъ былъ въ хорошемъ настроеніи.

— Святой отецъ,—молвилъ Микель-Анжело,—я не совѣтую вамъ подыматься. Одна ступенька сломана, плотникъ не успѣлъ починить. Не дай Богъ свалиться, костей не соберешь. Къ тому же темнѣетъ, и вы все равно ничего не увидите.

Но папа уже толкалъ его нетерпѣливо на лѣстницу.

— Ну, ну, не упрямься же,—полѣзай впередъ и давай мнѣ руку. Если свалимся, оба расшибемся,—вмѣстѣ умремъ, какъ вмѣстѣ жили.

Дѣлать было нечего; папу не переспоришь. Микель-Анжело медленно и осторожно сталъ подниматься, помогая и держа за руку старика, который безстрашно карабкался по узкой головокружительной лѣстницѣ безъ перилъ.

— Одичалъ ты, мессэръ Буонаротти, — подсмѣивался Юлій надъ спутникомъ,—совсѣмъ одичалъ на своихъ подмосткахъ. Приступу къ тебѣ нѣтъ, волкомъ смотришь, того и гляди укусишь.

Микель-Анжело молчалъ и думалъ:

— Хорошо бы сбросить съ лѣстницы этого болтуна.

Они лѣзли все выше и выше: тѣ, кто смотрѣли снизу, должны были закидывать голову, и, казалось, что художникъ уводитъ папу въ недосягаемую бездну, въ самое небо, гдѣ въ сумракѣ исчезали ихъ соединенныя тѣни.

Наконецъ вышли они на подмостки: старикъ, запыхавшись отъ подъема, тяжело дышалъ и опирался на плечо Микель-Анжело.

Потомъ онъ сталъ молча обходить лѣса и разсматривать картины. Иногда съ любопытствомъ приподнималъ куски грубой холстины, которыми были завѣшаны неоконченныя фрески. Микель-Анжело страдалъ, но долженъ былъ водить его святѣйшество за руку, вѣжливо предупреждая, гдѣ надо поставить ногу и перешагнуть дыру между досками.

Папа нетерпѣливо жевалъ старческими губами; художникъ видѣлъ, что онъ собирается что-то сказать.

— Ну, вотъ,—подумалъ Буонаротти съ отвращеніемъ и скукою,—начнутся совѣты.

Юлій приблизилъ лицо къ Сибиллѣ Кумской, чтобы разсмотрѣть страшныя мышцы загорѣлой руки, которою старуха-исполинша поддерживала на колѣняхъ открытую книгу, читая въ ней пророчество.

— Да, терпѣніе, дьявольская анатомія!—произнесъ папа и обернулъ лицо къ художнику.—Клянусь спасеніемъ души моей, я ничего подобнаго не видѣлъ. Но это невозможно,—слышишь?

— Что невозможно, ваше святѣйшество?

— Я говорю, Буонаротти, невозможно такъ работать. Ты хочешь того, что выше силъ человѣка. Когда ты думаешь кончить потолокъ, если будешь выписывать каждый мускулъ, каждую жилку?..

— Я не могу иначе,—произнесъ Микель-Анжело.

— Да для кого, скажи на милость, для кого? Когда снимутъ лѣса, потолокъ будетъ на такой высотѣ, что всѣхъ этихъ твоихъ морщинокъ, мускуловъ и складочекъ все равно никто не увидитъ. Надо стоять здѣсь, на подмосткахъ и смотрѣть въ упоръ, чтобы оцѣнить эти подробности. Зачѣмъ же тратить время и силы? Это сумасшествіе.

— Я не могу иначе,—повторилъ Микель-Анжело, не скрывая досады.

— Затвердилъ, какъ попугай, не могу иначе, не могу иначе, а ты моги. Слушай Буонаротти, я старъ, смерть у меня за плечами. Я хочу чтобы ты кончилъ работу прежде, чѣмъ я умру. Ты долженъ кончить. Скорѣе, слышишь? Не выписывать,—я такъ хочу,—скорѣе!

— Въ такомъ случаѣ, ваше святѣйшество,—произнесъ Микель-Анжело тихо и злобно, — слѣдовало поручить работу кому-нибудь другому, напримѣръ, этому ловкому молодому человѣку, Рафаэлю изъ Урбино, любимцу Браманте и вашему. Они бы живо расписали потолокъ и уже, конечно, не постѣснялись бы складочками и мускулами, которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, чернь, глазѣющая

снизу, не оцѣнитъ. Я согласенъ уничтожить работу, но испортить ее никому не позволю...

Юлій застучалъ костылемъ о звонкія доски пола.

— Что, что ты сказалъ? Повтори. Не хочешь ли, чтобы я велѣлъ тебя сбросить съ подмостковъ.

— Если вамъ угодно, я могу повторить,—произнесъ Микель-Анжело невозмутимо,—я сказалъ, что не двину пальцемъ скорѣе, чѣмъ нужно для моей работы, и кончу ее не ранѣе, чѣмъ буду въ силахъ.

— Буду въ силахъ! Буду въ силахъ!—произнесъ папа, дрожа отъ злости и наступая на него,—подожди, негодный, научу я тебя, какъ должно говорить со своимъ отцомъ и благодѣтелемъ!..

Онъ два раза ударилъ его палкою.

Микель-Анжело молча посмотрѣлъ ему въ глаза. Подъ этимъ взглядомъ Юлій притихъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже раскаивался. Когда они спустились съ подмостковъ, старикъ обернулся къ Микель-Анжело и хотѣлъ ему что-то сказать на прощаніе, но, увидѣвъ лицо художника, смѣшался, опять разсердился на себя и, какъ виноватый поскорѣе ушелъ въ сопровожденіи конюховъ.

Въ тотъ же вечеръ къ Буонаротти пришелъ папскій любимецъ, молодой Аккорзіо, и, объяснивъ, что онъ посланъ его святѣйшествомъ, съ невиннымъ безстыдствомъ передалъ кошелекъ, туго набитый золотомъ,—въ немъ оказалось пятьсотъ дукатовъ,—просилъ позабыть обиду и старался, какъ могъ и умѣлъ, извинить своего господина. Аккорзіо былъ такъ очарователенъ, говорилъ съ такою вкрадчивою улыбкою и женственною граціей, что Микель-Анжело не пробовалъ возражать, не могъ сердиться, взялъ подарокъ, поцѣловалъ мальчика въ лобъ и отпустилъ съ миромъ, сказавъ, что прощаетъ обиду его святѣйшеству.

Микель-Анжело понялъ: Юлій готовъ былъ на все, только бы съ нимъ помириться, боясь, чтобы Буонаротти снова не покинулъ его и не убѣжалъ во Флоренцію.

XIV.

Наконецъ наступилъ день, котораго Юлій ожидалъ нетерпѣливо. Потолокъ былъ готовъ. Микель-Анжело велѣлъ сломать лѣса въ 1512 г., въ день Всѣхъ Святыхъ. Облака пыли отъ сброшенныхъ досокъ и бревенъ не успѣли улечься, когда пришелъ папа въ сопровожденіи прелатовъ, епископовъ и кардиналовъ. Косые лучи солнца падали сквозь узкія окна часовни, пронизывая голубыми снопами клубившуюся пыль. И сквозь нее, какъ бы сквозь дымку, въ недосягаемой высотѣ папа увидѣлъ созданіе Буонаротти. Юлію казалось, что стѣны и потолокъ раздвинулись, и онъ созерцаетъ лицомъ къ лицу открывшуюся бездну.

Посрединѣ было девять картинъ, изображавшихъ твореніе неба и земли изъ хаоса, солнца и луны, водъ и растеній, перваго человѣка, жены его, выходящей по слову Бога изъ ребра Адама, грѣхопаденіе, жертву Авеля и Каина, потопъ, насмѣшку Сима и Хама надъ наготою спящаго отца.

Вокругъ девяти среднихъ картинъ, не думая о тайнахъ, заключенныхъ въ нихъ, вѣчно свободные и безпечные, играли юные боги первозданныхъ стихій, сопровождая равнодушной пляской и хоромъ трагедію вселенной.

Подъ ними—пророки и сибиллы, гиганты, оттягченные скорбью и мудростью.

Еще ниже—предки Іисуса Назареянина, рядъ поколѣній, покорно передававшихъ другъ другу безцѣльное бремя жизни, томившихся въ мукахъ рожденія, питанія и смерти. Они не участвовали въ мудрости пророковъ и сибиллъ, не слышали бури Господней, которая волновала веселые хороводы стихійныхъ боговъ. Въ домашнемъ сумракѣ, въ семейной тишинѣ, они только любили, укрывали и грѣли дѣтей своихъ, ожидая пришествія невѣдомаго Искупителя.

Такъ Микель-Анжело изобразилъ три ступени бытія: веселіе боговъ, мудрость пророковъ, любовь матерей къ своимъ дѣтямъ. Но трагедія Бога и человѣка, тайна бытія не разрѣшилась ни веселіемъ, ни любовью, ни мудростью.

Осмотрѣвъ потолокъ, Юлій обнялъ Микель-Анжело.

— Слава тебѣ, Буонаротти, — произнесъ папа, и слезы блеснули на его глазахъ,—слава тебѣ и мнѣ, ибо если бы не мое упорство, если бы я не стоялъ надъ тобою, не понукалъ тебя и не надоѣдалъ, ты никогда не кончилъ бы.

Кардиналъ, считавшій себя знатокомъ живописи, указывая на потолокъ, произнесъ:

— Ваше святѣйшество, не находите ли вы, что слѣдовало бы протрогать эту картину золотомъ и аквамариномъ. А то простому народу потолокъ покажется бѣднымъ. Золото въ церкви никогда не мѣшаетъ.

Папа съ улыбкой обернулся къ Буонаротти.

— Что ты скажешь?

— Скажу, блаженный отецъ, что болѣе не прикоснусь къ потолку: что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ. Конечно, легко разукрасить живопись золотомъ и аквамариномъ по церковному обычаю. Но зачѣмъ? Люди, изображенные въ моихъ картинахъ, были не изъ тѣхъ, которые украшаются золотомъ и пышными одеждами.

Толпами сходились римляне въ часовню Сикста. Повсюду говорили о новыхъ фрескахъ; рыночныя торговки болтали и спорили о живописи. Лаисы Имперіи, Анжелики, даже знаменитая своимъ легкомысліемъ «Мадреманонъ-вуоле», всѣ модныя римскія куртизанки разсуждали о томъ, кто изъ двухъ живописцевъ выше, Рафаэль или Микель-Анжело.

А самъ Буонаротти ходилъ какъ потерянный. За двадцать мѣсяцевъ онъ такъ успѣлъ привыкнуть къ своей работѣ, что, лишившись ея, чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо. Вмѣсто заслуженной радости въ душѣ его были холодъ, пустота и скука.

Въ часовню онъ почти не заходилъ, чтобы не слышать нелѣпыхъ сужденій о себѣ или еще болѣе нелѣпыхъ восторговъ.

XV.

Однажды, понадобилась ему кожаная сумка съ бумагами и письмами, забытая въ ящикѣ среди хлама и сброшенныхъ лѣсовъ, которые не успѣли убрать изъ капеллы. Къ счастію,

въ этотъ день народу было мало: всѣ пошли на большой праздникъ въ церковь св. Петра.

Микель-Анжело рылся въ ящикѣ; никто его не видѣлъ. Нагроможденныя доски и бревна сваленныхъ подмостковъ закрывали его. Художникъ съ тайнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на пыльныя развалины своей неприступной крѣпости, гдѣ онъ провелъ столько памятныхъ дней.

Отыскивая нужную сумку и разбирая хламъ, тщательно сложенный бережливымъ Козимо, онъ услышалъ вблизи споръ двухъ посѣтителей. Судя по говору, одинъ изъ нихъ былъ чужеземецъ, пріѣхавшій въ Италію съ далекаго сѣвера, вѣроятно, фламандскій художникъ. Въ другомъ Буонаротти узналъ венеціанца, ибо тосканское g онъ выговаривалъ подѣтски смѣшно и мягко, какъ z. Мессэра Джіорджіо, своего собесѣдника, онъ называлъ мессэромъ Зіорзіо.

Буонаротти старался не обращать вниманія на ихъ разговоръ, но отдѣльныя слова и выраженія споривших поразили его, и онъ съ любопытствомъ прислушался къ бесѣдѣ.

— Какъ? И вы еще спорите, мессэръ Зіорзіо,—горячился венеціанецъ,—нѣтъ, нѣтъ, всѣми комментаріями Аверроэса къ Аристотелю вы не докажете, что когда-либо Рафаэль создастъ что-нибудь подобное этому потолку.

— Почемъ вы знаете, мессэръ Федериго, что онъ создастъ? Рафаэль молодъ,—возразилъ медлительный и хладнокровный фламандецъ.

— Да, молодъ годами, мессэръ Зіорзіо. Но онъ себя показалъ до конца. Онъ тутъ весь, какъ на ладони. Рафаэль всегда подражаетъ.

— Подражаетъ природѣ, тѣмъ лучше!—возразилъ Джіорджіо.

— Въ томъ-то и дѣло, что не одной природѣ. Сперва онъ подражалъ своему учителю Перуджино, потомъ Леонардо да-Винчи, потомъ древней живописи, которую отыскалъ въ римскихъ подземныхъ гротахъ. Теперь,—увидите, какъ усердно начнетъ онъ подражать Микель-Анжело: Рафаэль беретъ у всѣхъ.

— Беретъ у всѣхъ и всѣмъ возвращаетъ сторицею,— перебилъ Джіорджіо,—старое дѣлаетъ новымъ, чужое—своимъ.

— О, я не спорю, это—великій художникъ, самый великій и неподражаемый изъ подражателей... А кстати, слышали вы, мессэръ Зіорзіо, что, когда потолокъ еще не былъ оконченъ, онъ хлопоталъ черезъ Браманте, чтобы его святѣйшество отнялъ работу у Буонаротти и поручилъ расписать другую половину потолка ему, Рафаэлю... Видите ли, онъ чувствуетъ свою слабость и боится,—иначе онъ не сталъ бы прибѣгать къ такимъ средствамъ!

— Вы говорите о человѣкѣ, не о художникѣ. Какое мнѣ дѣло до человѣка, мессэръ Федериго?

— Каковъ человѣкъ, таковъ художникъ. Рафаэль осквернилъ себя корыстью. Онъ любитъ искусство и славу, но еще больше любитъ жирные куски со стола кардиналовъ, свой роскошный палаццо, построенный для него Браманте, своихъ лошадей и наложницъ. Онъ пишетъ Мадоннъ и живетъ какъ язычникъ изъ стада Эпикура. Обманываетъ простодушныхъ, прикидывается неземнымъ созданіемъ, самымъ невиннымъ изъ мечтателей, но этотъ fortunato garzon, по выраженію моего друга Франчіа, этотъ херувимъ, слетѣвшій къ намъ съ высотъ Урбино, удивительно ловко устраиваетъ свои дѣла. Впрочемъ, онъ имѣетъ то, чего хотѣлъ и чего заслуживаетъ; да, у Рафаэля—«счастливаго мальчика»—безсмертная слава. Чего же больше? Онъ останется навѣки идоломъ людей, любящихъ въ искусствѣ пріятное, доступное и поверхностное, людей чувствительныхъ и мало думающихъ, богомъ живописи для толпы.

— А кто же богъ избранныхъ?—спросилъ фламандецъ.

Мессэръ Федериго указалъ на потолокъ часовни.

— Тотъ, кто это создалъ, съ кѣмъ счастливому мальчику я посовѣтовалъ бы никогда не соперничать.

— Въ словахъ вашихъ много правды, Федериго, но я хотѣлъ бы нѣчто сказать,—только не знаю, сумѣю ли выразить мою мысль: я плохо говорю по-итальянски, и у меня нѣтъ привычки говорить о такихъ предметахъ....

Микель-Анжело давно забылъ о томъ, зачѣмъ туда пришелъ и пересталъ рыться въ ящикѣ; съ жаднымъ вниманіемъ приблизилъ онъ ухо къ тонкимъ доскамъ, чтобы не потерять ни слова, и, не понимая причины своего волненія, чувствовалъ, какъ сердце бьется все чаще. Съ трепетомъ боязни ожидалъ онъ, что возразитъ мессэръ Джіорджіо.

— Видите ли, Федериго,—началъ фламандецъ медлительно, путаясь въ словахъ и запинаясь,—вы говорите, мысль... Конечно, я съ этимъ спорить не могу: у Микель-Анжело—мысль. Онъ думаетъ и знаетъ, чего хочетъ. И потомъ—сила, это главное. Такой силы нѣтъ ни у кого. Когда смотришь, все время удивляешься и видишь, какъ онъ старается сдѣлать хорошо, такъ хорошо какъ до него никто не дѣлалъ. Думаешь, какъ ему трудно и какая сила. Буонаротти ничего не получаетъ даромъ, сколько заработаетъ, столько возьметъ. А у Рафаэля не такъ. Не видно, чтобы онъ работалъ, кажется само сдѣлалось нечаянно, онъ не старается, чтобъ вышло хорошо, а выходитъ лучше, чѣмъ когда стараются. Ему легко—у него все даромъ. Когда смотришь на греческія статуи, которыя выкапываютъ изъ-подъ земли, тоже думаешь, не трудно бы такъ сдѣлать. А пусть кто-нибудь попробуетъ! Это легкое — есть трудное, послѣднее въ искусствѣ, то что безъ Бога невозможно, какъ чудо. И это важнѣе мысли, потому что оттуда всѣ мысли и туда идутъ. Я говорю не ясно, мессэръ Федериго, но, можетъ-быть, вы поймете. Микель-Анжело — противъ Бога. А Рафаэль съ Богомъ. Вотъ почему ему легко, и душа у него ясная, какъ зеркало. Вы говорите о деньгахъ, о лошадяхъ, о женщинахъ. Это—маленькое, житейское. Зачѣмъ объ этомъ говорить? Рафаэль можетъ дѣлать злое, жить какъ язычникъ, а все-таки душа у него—ясная. Микель-Анжело дѣлаетъ доброе, живетъ какъ святой, а душа у него темная, страшная, и никогда въ ней не будетъ свѣта. Я знаю, что Микель-Анжело сильнѣе Рафаэля, но вспомните, мессэръ, слово священнаго писанія: Богъ не въ буряхъ, а въ тишинѣ. . . . . .

. . . . . .

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого разговора, 24 октября 1542 года, изъ Рима Буонаротти, въ заключеніе одного письма къ монсиньору Синегельскому, епископу Марку Вигерію, писалъ слѣдущее:

«Всѣ несогласія, происшедшія между папою Юліемъ и мною, произошли отъ зависти Браманте и Рафаэля Урбинскаго. Вотъ причина, по которой папа не продолжалъ заниматься гробницею и разорилъ меня. Что касается до Рафаэля, то онъ имѣлъ причину завидовать мнѣ, потому что всѣ познанія въ искусствѣ онъ пріобрѣлъ отъ меня».

Чувствуя, что эти слова несправедливы, Микель-Анжело все-таки написалъ ихъ, потому что завидовалъ Рафаэлю, счастливому и ничтожному мальчику.

XVI.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Буонаротти окончилъ потолокъ Сикстинской капеллы. Старость приближалась, но, несмотря на страданія и труды, здоровье его не ослабѣвало, а какъ будто крѣпло. Онъ говаривалъ шутя, что люди, всю жизнь имѣющіе дѣло съ камнями, подъ конецъ сами каменѣютъ. Только лицо покрывалось морщинами, кожа темнѣла, сохла,—онъ дѣлался все уродливѣе. Когда маленькимъ дѣтямъ случалось его встрѣтить неожиданно въ сумеркахъ на пустынной улицѣ, они убѣгали съ плачемъ и разсказывали матерямъ, что видѣли чорта.

Витторія Колонна, вдова маркиза Пескарскаго, дочь надменнаго Фабриція Колонна, со смерти мужа, жила вдали отъ свѣта, какъ монахиня, но въ благочестіи сохраняла гордость древняго рода. Витторія чтила геній Микель-Анжело, позволяла ему любить себя, но онъ никогда не забывалъ, что она принадлежитъ другому, покойному мужу своему, единственному человѣку, котораго маркиза всю жизнь любила.

Такъ они оба состарѣлись, и за долгіе годы Микель-Анжело ни разу не сказалъ ей, что любитъ ее. Даже въ стихахъ боготворилъ ее издалека, мадригалы и сонеты его были полны

не страстью, а модною въ то время платоническою риторикой.

«Ваятель,—писалъ онъ ей,—задумавъ статую, лѣпитъ ее сначала изъ глины, потомъ уже молотомъ высѣкаетъ изъ мрамора. Такъ я былъ несовершенною глиняною формой, пока вашъ рѣзецъ, о, мадонна, не сдѣлалъ изъ меня новаго человѣка. Но какая мука ожидаетъ мое непокорное сердце, если вы захотите до конца научить и наказать его?

Однажды, ненастнымъ вечеромъ, въ концѣ февраля 1546 года, Микель-Анжело направлялся изъ своего маленькаго дома у подножія Монте-Кавалло въ монастырь Санта Анна-дей-Фунари, куда пригласила его только что пріѣхавшая въ Римъ изъ Витербо маркиза Колонна.

Шелъ мелкій дождь; на улицахъ было холодно, грязно и темно. Онъ думалъ о предстоящемъ свиданіи. Одной изъ мукъ его любви было то, что онъ не могъ вообразить себѣ ея лица, когда не видѣлъ: помнилъ каждую отдѣльную черту, но не умѣлъ соединить ихъ.

Онъ слышалъ, что маркиза въ послѣдніе годы постарѣла. Ее преслѣдовали несчастія. Родственники погибли въ смятеніяхъ. Надменный родъ Колонна былъ униженъ и низвергнутъ папами Фарнезе. Витторія осталась одна, покинутая, окруженная врагами. Онъ зналъ, что недавно она перенесла тяжелую болѣзнь.

Подымаясь по монастырской лѣстницѣ и спрашивая сестеръ бенедиктинокъ, въ какомъ покоѣ остановилась маркиза, онъ чувствовалъ, что колѣни его дрожатъ, и ему было стыдно, что, шестидесятилѣтній старикъ, онъ робѣетъ передъ свиданіемъ, какъ влюбленный мальчикъ.

Его привели въ большую келью съ бѣлыми стѣнами. Огней еще не зажигали. Сквозь стекла оконъ, сѣрыхъ, мутныхъ отъ дождя, какъ будто заплаканныхъ, падалъ свѣтъ зловѣщихъ сумерекъ. Angelus звучалъ, какъ похоронный колоколъ. Среди монахинь, на креслѣ, увидалъ онъ маркизу Витторію. Сердце его сжалось. Передъ нимъ была старая женщина. Въ черномъ шелковомъ платьѣ, не опираясь на высокую спинку кресла, держалась она прямо, и въ ея осанкѣ была гор-

дость древняго рода вдовы маркиза Пескарскаго, дочери Фабриція Колонна, которая одно время должна была сдѣлаться неаполитанской королевой. Сквозь кисею вдовьяго покрывала, спускавшагося низко на лобъ, закрывавшаго плечи, грудь и шею, онъ увидѣлъ сѣдые волосы. Выраженіе спокойствія и печали было вокругъ увядшаго рта, въ глазахъ, все еще прекрасныхъ; но онъ замѣтилъ въ нихъ покорную доброту,—признакъ старости.

Онъ подошелъ и привѣтствовалъ ее почтительно. Слабый румянецъ покрылъ ея щеки. Послѣ первыхъ незначительныхъ словъ, когда монахини отошли въ другой конецъ комнаты, Витторія, наклонившись, произнесла тихимъ голосомъ, съ робкою и стыдливою улыбкою:

— Вы удивились, мой другъ, увидѣвъ меня такою, не правда ли? Я очень постарѣла...

Онъ хотѣлъ сказать, что для него она не можетъ быть старою, что онъ любитъ, какъ всегда, еще больше, чѣмъ всегда, но не посмѣлъ и только взглянулъ на нее глазами, полными такой боязливой нѣжности, что она поняла все и отвѣтила ему долгимъ, благодарнымъ взглядомъ. Въ этотъ день, прощаясь, маркиза Колонна первый, единственный разъ въ жизни взяла его за руку, и Микель-Анжело нѣсколько дней, вспоминая это прикосновеніе, ходилъ, какъ потерянный, отъ радости и удивленія.

Онъ сталъ посѣщать монастырь святой Анны. Въ присутствіи монахинь разсуждали они подолгу о текстахъ священнаго писанія, о Богѣ, о смерти, о будущей жизни. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ Витторіи, чѣмъ когда-либо, писалъ ей, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, пламенные, благоговѣйные и риторическіе сонеты, въ которыхъ, сравнивая ее съ Беатриче, съ Лаурой, прославлялъ ея безсмертную молодость.

Она опять заболѣла. Въ Римѣ съ еще большею силою возобновилась изнурительная лихорадка. На глазахъ его она ослабѣвала и таяла. Онъ думалъ о концѣ, но не вѣрилъ въ него: смерть Витторіи казалась ему невозможной. По мѣрѣ того, какъ приближалась вѣчная разлука, улыбка ея становилась все прекраснѣе и прекраснѣе.

«Она обѣщаетъ мнѣ такъ много,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,— что когда я смотрю на нее, мнѣ кажется, я дѣлаюсь прежнимъ, молодымъ, хотя я очень старъ, и уже поздно. Смерть между нами, и я могу любить ее прежнею любовью только въ тѣ краткія мгновенія, когда забываю о смерти. Но мысль моя все чаще возвращается къ ней, и жаръ любви остываетъ отъ смертельнаго холода — dal mortal ghiaccio è spento il dolce ardore».

Предчувствіе Микель-Анжело исполнилось. Въ началѣ 1547 года Витторія умерла. Онъ не плакалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и былъ похожъ на сумасшедшаго. Лицо его выражало недоумѣніе, усиліе и невозможность понять то, что случилось.

Но онъ не умеръ и не сошелъ съ ума, только внутри все въ немъ еще болѣе окаменѣло.

Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Витторіи, Микель-Анжело разсказывалъ однажды событія своей долгой и печальной жизни молодому художнику, одному изъ немногихъ своихъ учениковъ, Асканіо Кондиви, который записывалъ ихъ, чтобы передать потомству. Рѣчь зашла о маркизѣ Пескарской. Микель-Анжело говорилъ о ней мало, но спокойно. Вдругъ измѣнившимся тихимъ голосомъ онъ произнесъ:

— Асканіо, я скажу тебѣ то, чего никому не говорилъ. Когда она лежала въ гробу, и я пришелъ проститься, я поцѣловалъ ея руку и не осмѣлился поцѣловать въ лобъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ это мучаетъ меня, сынъ мой...

И, забывъ о присутствіи ученика, онъ долго сидѣлъ неподвижно, въ забытьи. Медленныя слезы струились изъ глазъ его по старымъ щекамъ съ глубокими, безобразными морщинами.

XVII.

Папа Юлій II передъ смертью завѣщалъ Микель-Анжело окончить гробницу и оставилъ для этого деньги душеприказчикамъ своимъ, кардиналамъ Санти-Кварто и Аджиненси. Съ особенною любовью возобновилъ Буонаротти работу

своей молодости. Но преемникъ Юлія, Левъ X, заставилъ бросить начатое дѣло, чтобы ѣхать во Флоренцію, гдѣ вздумалось папѣ украсить мраморомъ фасадъ церкви своего прихода—Санъ Лоренцо. Микель-Анжело умолялъ, чтобы его оставили въ покоѣ, напоминая условія, сдѣланныя съ душеприказчиками Юлія, но Левъ не слушалъ и говорилъ:

— Предоставь мнѣ окончить это дѣло: я берусь удовлетворить всѣхъ.

И,ославъ за обоими кардиналами, велѣлъ имъ освободить Микель-Анжело отъ исполненія условій. Со слезами на глазахъ покинулъ художникъ злополучную гробницу и отправился во Флоренцію исполнять прихоть новаго господина.

По смерти Льва, враги Микель-Анжело распространили слухъ, что Буонаротти отъ папы Юлія за гробницу получилъ впередъ шестнадцать тысячъ скуди и, ничего не сдѣлавъ, положилъ ихъ въ карманъ. Началась нескончаемая тяжба, которая съ каждымъ годомъ запутывалась, не давала ему ни минуты покоя, и, наконецъ, такъ опротивѣла, что онъ началъ раскаиваться, что не перенесъ клеветы молча.

«Въ меня ежедневно бросаютъ каменьями, какъ будто я распиналъ Христа,—писалъ онъ въ 1542 году синегельскому епископу, прося у него защиты,—этотъ гробъ Юлія скоро сдѣлается моимъ собственнымъ гробомъ. Излишняя вѣрность, которую не хотѣли оцѣнить, погубила меня. Такъ угодно моей судьбѣ... Меня называютъ воромъ и ростовщикомъ, многіе утверждаютъ, что я отдалъ въ ростъ деньги папы Юлія и обогатился ими. Если ваша милость найдетъ возможнымъ сказать слово въ мою защиту — скажите его, потому что я пишу вамъ правду. Не только передъ Богомъ, но и передъ людьми я считаю себя честнымъ человѣкомъ, потому что никогда никого не обманывалъ и потому также, что, защищая себя отъ негодяевъ, иногда, какъ видите, мнѣ можно «съ ума сойти»

И нѣсколько разъ онъ повторялъ въ письмѣ съ отчаяніемъ:

«Я пишу правду. Я былъ бы радъ, если бы папа и весь свѣтъ прочли это письмо. Я не воръ, не ростовщикъ, не разбой-

никъ, но флорентійскій гражданинъ, благородный сынъ честнаго человѣка».

При жизни папы Климента, Буонаротти началъ расписывать хоръ Сикстинской капеллы. Онъ приказалъ отштукатурить стѣну и закрыть лѣсами отъ пола до потолка. Климентъ хотѣлъ, чтобы Микель-Анжело написалъ Страшный судъ, послѣднее дѣйствіе трагедіи, изображенной на потолкѣ часовни. Но на многіе годы художникъ былъ отвлеченъ отъ работы тяжбою. Папа Павелъ, принявъ къ себѣ на службу Буонаротти, требовалъ, чтобы онъ окончилъ Страшный судъ.

Работа была готова на три четверти, когда Павелъ пожелалъ взглянуть на нее, увидѣлъ, что громадная стѣна, передъ которой стоялъ алтарь и должно было совершаться богослуженіе, вся сверху донизу покрыта голыми тѣлами. Ни ангелы, ни праведники, ни грѣшники не стыдились наготы своей: земные покровы упали, и люди должны были голыми, какими вышли изъ чрева метери, предстать передъ лицомъ Божественной Справедливости. Испуганный и растерянный папа не зналъ, что сказать.

Наконецъ обратился онъ къ своему церемоніймейстеру мессэру Біаджіо-ди-Чезепа, котораго Вазари называетъ «persona scrupulosa», и спросилъ, что онъ думаетъ.

Біаджіо отвѣтилъ:

— Это безстыднѣйшая изъ картинъ, какія я когда-либо видѣлъ, блаженный отецъ. Она достойна не папской капеллы, а общественной бани или остеріи! Non opera di capella di papa ma da stufe e d'osterie!

Буонаротти, услышавшій эти слова, продолжая работу, своему адскому судьѣ Миносу, у котораго туловище дважды обвито змѣевиднымъ холстомъ, придалъ сходство съ Біаджіо.

Церемоніймейстеръ пожаловался папѣ, но тотъ отвѣтилъ ему съ улыбкой:

Видишь ли, другъ мой, если бы онъ помѣстилъ тебя въ чистилищѣ, я могъ бы что-нибудь сдѣлать, но ты въ аду, откуда уже никто не можетъ извлечь тебя, ибо тамъ, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ помилованія,—«nulla est redemptio».

XVIII.

Въ это время въ Венеціи жилъ знаменитый писатель Пьетро Аретино. Онъ былъ сыномъ продажной женщины въ Ареццо, отъ которой мальчикомъ убѣжалъ, обокравъ ее, поперемѣнно дѣлался переплетчикомъ, монахомъ, уличнымъ бродягой, лакеемъ, терпѣлъ нужду, голодъ, побои, безчисленныя оскорбленія, но, наконецъ, перомъ своимъ и, по собственному выраженію, «потомъ чернильницы» пріобрѣлъ славу и богатство. Клеветой и лестью, угрозой пасквилей и обѣщаніемъ панегириковъ выманивалъ онъ деньги и почести у сильныхъ міра сего. Не только многіе итальянскіе государи, но и самъ императоръ выплачивалъ Аретино ежегодную пенсію. Христіаннѣйшій король Франціи подарилъ ему золотую цѣпь съ изображеніемъ змѣиныхъ языковъ, эмблемою ядовитыхъ сатирическихъ жалъ. Въ честь его была выбита медаль съ головой поэта, увѣнчанною лаврами, съ латинскою надписью: «Divus Petrus Aretinus Iagellum principum»—«Божественный Петръ Аретинъ, бичъ королей», и на обратной сторонѣ: «Veritas odium parit»—«Истина рождаетъ ненависть». Подъ самыми злыми и наглыми изъ своихъ пасквилей, направленныхъ противъ государей, медлившихъ подарками, онъ подписывался: Divin agratia homo libero»—«Божіей милостью свободный человѣкъ». Съ легкостью и быстротой сочинялъ онъ по заказу все, что угодно. По порученію Витторіи Колонны писалъ благочестивыя размышленія и житія святыхъ, по просьбѣ ученика Рафаэля Маркантонія—сонеты къ такимъ безстыднымъ гравюрамъ, что папа, несмотря на заступничество многихъ кардиналовъ, посадилъ за нихъ художника въ тюрьму. Въ прекрасномъ палаццо на Canale Grande, въ знаменитой Casa Bolani, жилъ Аретино съ царственнымъ великолѣпіемъ, окруженный постоянно смѣнявшимся гаремомъ красивыхъ женщинъ и рѣдкими произведеніями искусства. Тиціанъ ухаживалъ за нимъ, писалъ съ него портреты, дарилъ ему свои произведенія. Со всѣхъ концовъ Италіи стекались къ нему картины, рисунки, барельефы, медали,

бронзы, античные мраморы, камни, маіолики, рѣзные камни, драгоцѣнныя вазы. Когда его дворецъ такъ переполнялся, что больше не было мѣста, онъ дѣлился художественною добычею съ тѣми изъ вельможъ и государей, которые заслужили его милость: по собственному выраженію, поэтъ отдавалъ царямъ крохи со своего стола.

Изъ тщеславія столько же, какъ изъ враждебной любви къ прекрасному, Аретино давно горевалъ, что въ его музеѣ нѣтъ ни одного произведенія Микель-Анжело. Черезъ клевретовъ своихъ Бенвенуто Челлини и Джіорджіо Вазари нѣсколько разъ намекалъ онъ Буонаротти, что очередь за нимъ; но тотъ не удостоивалъ его отвѣтомъ.

Тогда писатель рѣшилъ самъ закинуть удочку.

Въ 1537 году обратился онъ къ Буонаротти съ однимъ изъ знаменитыхъ посланій своихъ, которыя распространялись по Италіи въ тысячахъ списковъ.

Сначала привѣтствовалъ художника, потомъ объяснялъ ему, какія свойства его таланта онъ, Аретино, болѣе всего цѣнитъ. Главная часть письма начиналась обращеніемъ: «Итакъ, я, чьи похвалы и порицанія имѣютъ такую силу, что слава или позоръ людей въ настоящее время создаются единственно мною, я, тѣмъ не менѣе, малый и, можно сказать, ничто, привѣтствую вашу милость, на что не дерзнулъ бы, если бы мое имя не достигло нѣкотораго блеска, благодаря тому уваженію, которое оно внушаетъ величайшимъ государямъ нашего вѣка. Но передъ Микель-Анжело мнѣ остается только благоговѣть. Королей на свѣтѣ много, Микель-Анжело одинъ, и онъ затмилъ славою имена Фидія, Апеллеса и Витрувія»,—письмо продолжалось въ этомъ духѣ, пока рѣчь не заходила о «Страшномъ судѣ»: тутъ Аретино давалъ совѣты и училъ художника, какъ слѣдуетъ писать картину. Въ заключеніе—новыя предложенія услугъ и готовность прославлять его имя.

Буонаротти отвѣтилъ краткой и вѣжливой запиской, въ которой чувствовалась иронія сквозь преувеличенныя похвалы.

Аретино предпочелъ не замѣтить ироніи и въ новомъ письмѣ просилъ на память хотя бы самаго маленькаго

рисунка, одного изъ тѣхъ, которые художникъ бросаетъ въ печку. Микель-Анжело не отвѣтилъ, и Аретино въ теченіе пяти лѣтъ оставилъ его въ покоѣ.

Въ 1544 году онъ извѣстилъ Буонаротти, что императоръ Карлъ V только что оказалъ ему, Аретино, неслыханныя почести—stupendi onori—позволилъ ѣхать на конѣ по правую руку отъ себя. Челлини пишетъ, что Буонаротти благоволитъ къ Аретино. Это всего дороже поэту. Онъ любитъ и чтитъ Микель-Анжело. Онъ плакалъ отъ умиленія, увидѣвъ снимокъ со «Страшнаго суда». Его другъ Тиціано также чтитъ Буонаротти и восторженно прославляетъ его.

Микель-Анжело продолжалъ безмолвствовать. Черезъ два мѣсяца поэтъ напомнилъ черезъ римскихъ друзей объ ожидаемомъ рисункѣ. Никакого отвѣта. Аретино подождалъ годъ и напомнилъ снова. Наконецъ получилъ онъ изъ Рима жалкія отрепья, вмѣсто рисунка—бумажные клочки, которые были скорѣе насмѣшкою, чѣмъ подаркомъ. Онъ написалъ Микель-Анжело, что считаетъ себя неудовлетвореннымъ и ожидаетъ большаго. Опять молчаніе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда терпѣніе Аретино истощилось. Онъ послалъ Челлини угрожающее письмо. Буонаротти долженъ стыдиться; пусть онъ отвѣтитъ ему прямо, намѣренъ ли исполнить свое обѣщаніе или нѣтъ; онъ требуетъ объясненій, иначе любовь его превратится въ ненависть.

Угроза подѣйствовала такъ же мало, какъ лесть. Въ это время Тиціанъ, бывшій въ Римѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ насплетничать покровителю своему Аретино на соперника своего Микель-Анжело и поссорить ихъ окончательно.

XIX.

Въ ноябрѣ 1545 года Буонаротти получилъ слѣдующее письмо изъ Венеціи:

«Мессэре, теперь, когда я увидѣлъ снимки «Страшнаго суда», я узнаю въ немъ, что касается до исполненія и замысла, знаменитую прелесть Рафаэля. Но какъ христіанинъ, какъ человѣкъ, принявшій святое крещеніе я стыжусь необуз-

данной свободы, съ которой вашъ духъ посягнулъ на то, что должно быть послѣднею цѣлью христіанской добродѣтели и вѣры.

Итакъ, этотъ Микель-Анжело, столь могущественный въ своей славѣ, этотъ Микель-Анжело, которому мы всѣ удивляемся, показалъ людямъ, что онъ столь же далекъ отъ благочестія, сколь близокъ къ совершенству въ искусствѣ. Какъ могло случиться, что художникъ, самъ себя уподобляющій Богу и потому прекратившій почти всякія сношенія съ обыкновенными смертными, осмѣлился такимъ произведеніемъ осквернить храмъ Бога Всевышняго, первый изъ алтарей христіанскихъ, первую капеллу міра, гдѣ великіе кардиналы, досточтимые пресвитеры, гдѣ самъ намѣстникъ Христа въ божественныхъ и страшныхъ таинствахъ пріобщаются плоти и крови Господней?

Если бы не казалось почти преступнымъ сравнивать такія вещи, то я позволилъ бы себѣ напомнить вамъ, какъ въ моихъ легкомысленныхъ діалогахъ изъ жизни куртизанокъ я сумѣлъ облечь безстыдное содержаніе благородными и нѣжными словами. Тогда какъ вы, имѣя дѣло съ такими возвышенными предметами, лишаете ангеловъ ихъ небесной славы, праведниковъ—ихъ земной стыдливости. Но даже язычники облекали Діану въ покровы, и когда изображали нагую Венеру, то заботились о томъ, чтобы цѣломудренное движеніе руки замѣняло ей одежды. А вы, христіанинъ, дошли до такого безбожія, что дерзаете оскорблять въ часовнѣ папы стыдливость мучениковъ и святыхъ дѣвъ... Воистину, для васъ было бы лучше вовсе отречься отъ Христа, чѣмъ, будучи вѣрующимъ, глумиться надъ вѣрою своихъ братьевъ. Но знайте, что Небо не потерпитъ, чтобы преступная смѣлость вашего необычайнаго искусства оставалась безнаказанной. Чѣмъ удивительнѣе эта картина, тѣмъ вѣрнѣе будетъ она гробомъ вашей славы».

Потомъ Аретино переходилъ къ своимъ собственнымъ счетамъ: напоминалъ художнику, что онъ не исполнилъ обѣщанія, не прислалъ рисунка.

«Впрочемъ, если горы золота, полученныя вами отъ папы Юлія, не побудили васъ исполнить вашего долга—построить обѣщанную гробницу, то на что можетъ надѣяться такой человѣкъ, какъ я?.. А все-таки, положивъ въ карманъ чужія деньги и нарушивъ слово, вы сдѣлали то, чего не слѣдовало сдѣлать, и это называется воровствомъ».

Въ заключеніе онъ совѣтовалъ папѣ уничтожить «Страшный судъ», показавъ примѣръ такой же благочестивой ревности, съ какой нѣкогда папа Григорій разрушалъ изображенія языческихъ боговъ, какъ бы они ни были прекрасны.

«Если бы послѣдовали моему совѣту,—обращался онъ къ Буонаротти,—если бы вы исполнили указанія, которыя я вамъ далъ въ моемъ письмѣ, нынѣ всему міру извѣстномъ, гдѣ я подробно и научно объясняю устройство неба, ада и рая, то природѣ не пришлось бы стыдиться, что столь великимъ геніемъ одарила она такого человѣка, какъ вы. Напротивъ, письмо мое оградило бы ваше произведеніе отъ всякой вражды и зависти до скончанія вѣковъ.

Вашъ слуга Аретино».

Посланіе было переписано чужой рукой для того, чтобы Микель-Анжело не могъ сомнѣваться, что оно обнародовано и распространяется по всему міру, но въ концѣ были слѣдующія строки, написанныя рукой самого Аретино:

«Теперь, когда я отчасти излилъ мою ярость, причиненную грубостью, съ которою вы отвѣтили на мою доброту, и когда, смѣю надѣяться, вы имѣете достаточное доказательство того, что если вы—божественный di-vino—изъ вина, то и я, съ своей стороны, не изъ воды (dell'aqua), — разорвите это письмо такъ же, какъ я готовъ его разорвать, и признайте, что, во всякомъ случаѣ, я достоинъ получать отвѣты на свои письма даже отъ императоровъ и королей».

XX.

Папа, прочтя одну изъ безчисленныхъ копій этого письма, испугался. Первою мыслью его было послѣдовать совѣту Аретино и уничтожить «Страшный судъ». Теперь ему было

не до шутокъ. Святой отецъ самъ боялся попасть въ то мѣсто, гдѣ, «nulla est redemptio». Не могло быть никакихъ сомнѣній: письмо было доносомъ инквизиціи.

Но, немного успокоившись, папа рѣшилъ, что можно поправить дѣло такъ, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы: по совѣту кардинала Караффа, онъ призвалъ къ себѣ Буонороттн и велѣлъ прикрыть одеждами нагія тѣла въ «Страшномъ судѣ».

— Главное, ангеловъ,—говорилъ папа.—Чертей ты можешь оставить на половину голыми. Но ангеловъ и праведниковъ изволь одѣть совершенно. Не то, что тамъ по бедрамъ какими-нибудь лоскутами, а въ длинныя пристойныя одежды... Анатоміи не жалѣй и крылья не забудь придѣлать, кому слѣдуетъ...

Микель-Анжело отказался. Тогда папа поручилъ это дѣло ученику его Даніэле-да-Вальтерра, который ревностно принялся за работу, и черезъ нѣсколько дней, къ немалому утѣшенію Павла, св. мученикъ Біаджіо со скребницей и св. Катерина съ колесомъ были одѣты. Вальтерра получилъ хорошія деньги за то, что согласился обезобразить созданіе учителя. Буонороттн молча покорился и даже съ ученикомъ своимъ не поссорился.

Тогда не только враги, но и лучшіе друзья возстали на него, увѣряя, что онъ выжилъ изъ ума отъ старости, такъ какъ иначе не могъ бы вынести безропотно такого поруганія своей картины.

Буонароттн былъ равнодушенъ ко всему, потому что въ это время умиралъ послѣдній другъ, старый вѣрный слуга его, плотникъ Козимо Урбино. Въ одномъ письмѣ къ Джіорджіо Вазари Микель-Анжело разсказывалъ объ этой смерти.

«Мнѣ трудно писать, однакоже въ отвѣтъ на ваше письмо скажу кое-что. Вы знаете, какъ умеръ Урбино. Это событіе было для меня великою божескою милостью, но оно причинило мнѣ много вреда и горя. Милость заключается въ томъ, что онъ, оживлявшій меня въ продолженіе моей жизни, умирая, научилъ меня умирать безтрепетно, съ любовью къ смерти. Онъ прожилъ у меня двадцать шесть лѣтъ и всегда былъ рѣдкимъ, вѣрнымъ человѣкомъ. Теперь, когда я обо-

гатилъ его и надѣялся, что онъ будетъ костылемъ, успокоителемъ моей старости, онъ исчезъ, и мнѣ осталась только надежда видѣть его въ раю. Эту надежду внушилъ мнѣ Создатель его счастливою смертью,—тѣмъ, что онъ, умирая, не столько жалѣлъ о томъ, что умиралъ, сколько о томъ, что оставлялъ меня одного въ этомъ предательскомъ мірѣ, среди всевозможныхъ горестей. Большую часть меня онъ унесъ съ собою и мнѣ оставилъ однѣ безчисленныя непріятности. Поручаю себя вашему вниманію».

Микель-Анжело пережилъ царствованіе шести папъ—Юлія II, Льва X, Климента VII, Павла III, Юлія III, Павла IV. Всѣ современники и товарищи его умерли. Онъ былъ окруженъ новыми, чуждыми поколѣніями. Весною въ 1549 году онъ тяжело заболѣлъ. Доктора успокаивали, но не помогали. Онъ не спалъ ночей, стоная отъ боли. Ему было 75 лѣтъ. Всѣ думали, что это конецъ, но онъ выздоровѣлъ.

Съ каждымъ днемъ душа его становилась мрачнѣе: онъ думалъ только о смерти.

— Я старъ,—говорилъ онъ ученику своему Кондива,—смерть отняла у меня всѣ юношескія мысли, а кто не знаетъ, что̀ такое старость, долженъ имѣть терпѣніе дожить до нея. Прежде этого ее нельзя узнать».

Онъ вспоминалъ свою любовь къ Витторіи, но надежда встрѣтиться съ нею въ другомъ мірѣ не утѣшала его.

И онъ писалъ въ дневникѣ: «На утлой ладьѣ черезъ бурное море жизни я достигъ того предѣла, гдѣ мы должны дать отчетъ во всемъ. И теперь я узнаю, какимъ обманомъ была моя прихоть къ искусству, ибо всякое желаніе человѣка на землѣ—обманъ. И съ любовными грезами, нѣкогда такими суетными и веселыми, что сталось теперь, когда я приближаюсь къ двумъ смертямъ, одной—тѣлесной, неминуемой, другой—духовной, угрожающей? Ни живопись, ни ваяніе болѣе не утоляютъ моего сердца, обращеннаго къ той Любви, которая на крестѣ, чтобы принять насъ, открываетъ руки».

Онъ молился, но въ душѣ его не было свѣта Христова, и ему казалось, что онъ осужденъ Богомъ на вѣчную погибель.

«Горе мнѣ, горе; вспоминая столько прошедшихъ годовъ, я не нахожу среди нихъ ни одного дня, который я могъ бы назвать моимъ. Мнѣ знакомы всѣ человѣческія страсти: я плакалъ, любилъ, горѣлъ, желалъ, не сдѣлавъ ничего добраго въ моей жизни. И вотъ я ухожу мало-по-малу. Тѣни растутъ; солнце заходитъ, и я готовъ упасть, утомленный, изнемогающій»

Онъ продолжалъ работать, безъ цѣли, безъ радости, по привычкѣ. Однажды, въ концѣ августа 1561 г., онъ упалъ среди работы на полъ и лишился сознанія. Когда домашніе сбѣжались и привели его въ чувство, художникъ объяснилъ обморокъ тѣмъ, что всталъ рано утромъ, не одѣвая обуви и чулокъ, и три часа простоялъ за рабочимъ столомъ босыми ногами на голомъ полу. Черезъ два дня онъ поправился, могъ уже ѣздить верхомъ и опять принялся за работу, за архитектурные рисунки и планы для собора св. Петра. Ему было 86 лѣтъ. Казалось, что онъ никогда не умретъ.

Но раннею весною 1564 года обнаружились признаки близкаго конца. Силы покидали его медленно. Цѣлые дни и ночи онъ чувствовалъ ознобъ,—никакія одежды не могли его согрѣть отъ изнуряющаго внутренняго холода. Имъ овладѣла смертная тоска. Онъ пересталъ работать. Молодой флорентинскій врачъ Федериго Донати ухаживалъ за нимъ.

XXI.

Однажды вечеромъ, 14 февраля, Федериго подъѣзжалъ на мулѣ къ дому Буонаротти: въ то время онъ жилъ на площади древняго форума Траяна, рядомъ съ церковью Санта Марія ди-Лорето. Передъ домомъ былъ маленькій садъ, окруженный стѣною, гдѣ росли лавры. Дулъ холодный трамонтано; по небу ползли унылыя, низкія тучи. Врачъ удивился, увидѣвъ, что Микель-Анжело прохаживается въ саду подъ дождемъ. Мертвые прошлогодніе листья лавровъ шуршали подъ его ногами. Ворона уныло каркала на мокрыхъ черепицахъ сосѣдней крыши.

— Мессэре Буонаротти,—замѣтилъ Федериго,—вамъ не слѣдуетъ выходить изъ дома въ такую погоду.

— Что же дѣлать,—отвѣтилъ Микель-Анжело,—мнѣ дурно... Я не нахожу себѣ мѣста. Дома хуже. Вотъ, вышелъ погулять. Скучно, мессэръ Федериго, я не могу вамъ сказать, какъ скучно...

И онъ продолжалъ торопливо ходить взадъ и впередъ, отъ стѣны до стѣны, по крошечному саду, попадая ногами въ грязныя лужи, шурша гнилыми мокрыми листьями лавровъ. Онъ говорилъ безсвязно, съ трудомъ находилъ слова.

Только предъ самымъ концомъ онъ легъ въ постель; его причастили и, когда спросили о послѣдней волѣ, онъ сказалъ:

— Душу мою—Богу, тѣло—землѣ, имущество—роднымъ.

Потомъ попросилъ, чтобы его похоронили на родинѣ во Флоренціи. 18 февраля, въ часъ Ave Maria, онъ скончался. Смерть была спокойной. Просьбы Микель-Анжело не исполнили: онъ былъ погребенъ въ Римѣ, въ церкви св. апостоловъ.

Но флорентинскій герцогъ Козимо Медичи пожелалъ, чтобы прахъ Буонаротти покоился во Флоренціи. Посланные ночью тайно вырыли тѣло Микель-Анжело, зашили его въ мѣшокъ, какъ зашиваютъ товары, и отправили во Флоренцію.

Флорентинская академія рисованія рѣшила устроить торжественныя похороны. Народу на улицахъ собралось такъ много, что академики не безъ труда внесли тѣло въ церковь. Чтобы послѣдній разъ увидѣть учителя, открыли гробъ. Ожидали найти полуразвалившійся трупъ, такъ какъ со дня смерти прошло двадцать пять дней. Но, къ всеобщему удивленію, тѣло было нетронуто тлѣніемъ: онъ лежалъ въ гробу маленькій, почернѣлый, высохшій, какъ мощи. Вокругъ безобразнаго широкаго рта были все тѣ же надменныя, злыя морщины. Ихъ не разгладила смерть.

* * *

Академики, желая почтить память художника, превратили церковь въ музей, наполнили ее аллегорическими фигурами, статуями и картинами тогдашнихъ художниковъ, учениковъ и послѣдователей Микель-Анжело. Эти произ-

веденія казались жалкими карикатурами на созданія учителя. Достаточно было взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться, что искусство погибаетъ. Но печальныя мысли не приходили въ голову академиковъ. Въ особенности торжествовалъ, несмотря на свою любовь къ покойному, знаменитый художникъ, почетный депутатъ академіи Джіорджіо Вазари. Лицо его сіяло самодовольствомъ. Въ тотъ же вечеръ описывалъ онъ эти блестящія похороны своему покровителю, герцогу Козимо Медичи:

«Свѣтлѣйшій и превосходнѣйшій государь мой:

Сего утра, то-есть 14-го текущаго мѣсяца, было совершено погребеніе божественнаго Микель - Анжело Буонаротти, вполнѣ удовлетворившее здѣшнюю публику, толпившуюся въ церкви Санъ-Лоренцо, которая была такъ наполнена важными лицами, благородными дамами и множествомъ иностранцевъ, что нельзя было не удивляться. Вице-президентъ академіи сидѣлъ посреди церкви противъ каѳедры, члены академіи и общества рисованія сидѣли въ порядкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Ниже членовъ академіи сидѣло до двадцати пяти юношей, изучающихъ рисунокъ. Нѣкоторые изъ этихъ юношей имѣютъ достоинство. Сегодня утромъ, увидѣвъ въ соборѣ восемьдесятъ человѣкъ живописцевъ и скульпторовъ, публика пришла въ восторгъ. Кажется, никогда не было такъ много и такихъ отличныхъ мастеровъ, какъ теперь.

Какъ удачно былъ исполненъ катафалкъ, какъ онъ былъ пышенъ, великолѣпенъ, и какое впечатлѣніе производили стоящія на немъ статуи,—передать невозможно! Каждый изъ молодыхъ людей старался выказать свои достоинства, и всѣ они такъ хорошо исполнили свое дѣло, что статуи, послѣ того, какъ ихъ выбѣлили и поддѣлали подъ мраморъ, кажется, выросли и сдѣлались гораздо изящнѣе. Вся церковь была уставлена скелетами, которые обрѣзали стебли, увѣнчанные тремя лиліями, означавшими три искусства. Скелеты, казалось, выражали сожалѣніе, что были обязаны обрѣзать цвѣты и не могли измѣнить порядокъ, установленный природою. Между скелетами была помѣщена Вѣчность, стоявшая надъ Смертью.

Поистинѣ, государь мой, я съ моими начальниками благословляю труды и время, употребленные на устройство похоронъ, потому что эти похороны были причиною того, что ваша свѣтлость осчастливила академію своимъ посѣщеніемъ, за что академія приноситъ вамъ покорнѣйшую и чувствительную благодарность. Она видитъ, какъ ваша свѣтлость цѣнитъ заслуги, и горитъ желаніемъ служить вамъ. А я, съ своей стороны, желаю, чтобы вы помогали художникамъ, и всячески буду стараться оживлять искусства».

. . . . . .

Таково было послѣднее оскорбленіе, послѣдняя насмѣшка жизни надъ великимъ художникомъ. Но онъ уже ничего не чувствовалъ, и маленькое, уродливое, окаменѣлое лицо его въ гробу хранило печать спокойнаго презрѣнія.

Святой сатиръ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Изъ *А. Франса.*

Consors paterni luminis,
Lux ipse lucis et dies,
Noctem canendo rumpimus,
Assiste postulantibus;
Aufer tenebras mentium;
Fuga catervas daemonum;
Expelle somnolentiam,
Ne pigritantes obruat
(Breviarium romanum.
Feria tertia; ad matutinum).

Фра Мино превосходилъ смиреніемъ своихъ братьевъ и, несмотря на молодость, мудро управлялъ обителью Санта-Фіора. Онъ былъ набоженъ, любилъ предаваться долгимъ созерцаніямъ и молитвамъ. Иногда бывали у него экстазы. Подобно святому Франциску, своему духовному отцу, сочинялъ онъ пѣсни на языкѣ простонародномъ о совершенной любви, которая есть любовь къ Богу. И эти гимны не погрѣшали ни противъ размѣра, ни противъ смысла, потому что онъ учился семи «artes liberales» въ Болонскомъ университетѣ.

Однажды вечеромъ, гуляя подъ аркадами монастыря, Мино вдругъ почувствовалъ, какъ его сердце наполнилось смятеніемъ и печалью при воспоминаніи объ одной флорентинской дамѣ, которую онъ нѣкогда любилъ, въ цвѣтѣ первой юности, когда одѣяніе св. Франциска еще не охраняло его плоти. Онъ обратился къ Богу съ молитвой, прося отогнать грѣшный образъ. Но сердце его осталось печальнымъ.

«Колокола,—подумалъ онъ,—поютъ, какъ ангелы: Ave Maria; но голосъ ихъ умираетъ въ вечернемъ туманѣ. На стѣнѣ монастыря художникъ, которымъ прославился городъ Перуджія, изобразилъ искусно святыхъ Женъ Мироносицъ, созерцающихъ съ несказанною любовью гробъ Спасителя. Но сумерки застилаютъ ихъ слезы, заглушаютъ ихъ плачъ, и я не могу рыдать вмѣстѣ съ ними. Этотъ колодецъ посреди двора только что былъ покрытъ голубями, прилетавшими напиться, но они улетѣли, не найдя воды въ углубленіяхъ каменной ограды. И моя душа, о, Господи, безмолвствуетъ, подобно колоколамъ, омрачается, подобно Женамъ Мироносицамъ, изсыхаетъ, подобно колодцу. Зачѣмъ же, Іисусе сладчайшій, сердце мое такъ сухо, мрачно и нѣмо, когда Ты для него—и заря, и пѣніе птицъ, и ключъ живой воды?»

Онъ убоялся вернуться въ келью и, думая, что молитва разсѣетъ печаль и успокоитъ тревогу, вошелъ черезъ дверь монастыря въ общую церковь. Нѣмой мракъ наполнялъ зданіе, построенное великимъ Маргаритономъ болѣе ста пятидесяти лѣтъ тому назадъ, на развалинахъ древняго римскаго капища. Фра Мино, пройдя церковь, сталъ на колѣни въ часовнѣ алтаря, посвященной Архангелу Михаилу, чье повѣствованіе изображено было на стѣнѣ. Но тусклый свѣтъ лампады, подвѣшенной къ своду, не позволялъ видѣть Архангела, сражающагося съ дьяволомъ и взвѣшивающаго на вѣсахъ души людей. Только луна, сіяя въ окно, озаряла блѣднымъ лучомъ гробницу св. Сатира, которая находилась подъ аркадой, справа отъ алтаря. Эта гробница, продолговатая и круглая, наподобіе чана, была болѣе древней, чѣмъ церковь, и во всемъ походила на языческіе саркофаги, за исключеніемъ креста, который высѣченъ былъ трижды на ея мраморныхъ стѣнахъ.

Фра Мино долго лежалъ, простертый ницъ передъ алтаремъ; но не могъ молиться и въ серединѣ ночи почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ то оцѣпенѣніе, которое удручало Христовыхъ учениковъ въ саду Геѳсиманскомъ. И между тѣмъ, какъ онъ лежалъ, недвижимый, лишенный всякаго мужества и бдительности, онъ увидѣлъ какъ бы нѣкое бѣлое об-

лако, подымавшееся надъ гробомъ св. Сатира, и скоро замѣтилъ, что это большое облако состояло изъ множества меньшихъ, и каждое изъ нихъ было женщиной. Онѣ рѣяли въ темномъ воздухѣ; сквозь легкія туники блистали легкія тѣла; среди нихъ были козлоногіе юноши, которые преслѣдовали женщинъ. Въ наготѣ ихъ видна была страшная необузданность желаній. Но нимфы убѣгали, и подъ ихъ быстрыми шагами рождались цвѣтущіе луга и ручьи. И каждый разъ, какъ юноша съ козлиными ногами протягивалъ руку, чтобы схватить одну изъ нихъ, вдругъ вырастала ива и скрывала нимфу въ дуплѣ, глубокомъ и черномъ, какъ пещера и бѣлокурая листва наполнялась легкимъ шелестомъ и насмѣшливымъ хохотомъ.

Когда всѣ женщины спрятались въ ивахъ, то козлоногіе, усѣвшись на травѣ, стали играть на тростниковыхъ дудкахъ, извлекая такіе звуки, которые могли бы повергнуть въ смущеніе всякую тварь. Нимфы, очарованныя музыкой, выставляли головы изъ вѣтвей и, мало-по-малу, покидая тѣнистыя убѣжища, приблизились, привлекаемыя непобѣдимою свирѣлью. Тогда люди-козлы бросились на нихъ со священною яростью. Въ объятіяхъ дерзкихъ юношей нимфы еще одно мгновеніе пытались шутить и смѣяться, потомъ смѣхъ умолкъ. Закинувъ голову, съ глазами, мутными отъ блаженства и ужаса, онѣ призывали своихъ матерей или кричали: «я умираю!» или сохраняли грозное молчаніе.

Фра Мино хотѣлъ отвернуть лицо свое, но не могъ, и противъ воли глаза его остались открытыми.

А нимфы, обвивая руками чресла козлоногихъ, кусали, ласкали, раздражали косматыхъ любовниковъ и, предаваясь имъ, облекали, обливали ихъ своею плотью, болѣе волнующейся и живою, чѣмъ вода ручья, который у ногъ ихъ струился подъ ивами.

При такомъ зрѣлищѣ Фра Мино намѣреніемъ и мыслями впалъ въ грѣхъ. И пожелалъ онъ быть однимъ изъ демоновъ—полулюдей, полузвѣрей, чтобы держать, подобно имъ, на своей груди флорентинскую даму, которую онъ нѣкогда любилъ, въ цвѣтѣ своей юности, и которая умерла.

Но люди-козлы уже разсѣялись въ поляхъ. Одни собирали медъ въ дуплистыхъ дубахъ, другіе дѣлали изъ тростника свирѣли или, съ разбѣга прыгая одинъ на другого, стукались рогатыми лбами. И неподвижныя тѣла нимфъ, нѣжные останки любви, покрывали весь лугъ. Фра Мино стоналъ, лежа на каменныхъ плитахъ, потому что желаніе было въ немъ такъ сильно, что теперь онъ уже чувствовалъ весь стыдъ грѣха.

Вдругъ одна изъ нимфъ, случайно обернувшись въ его сторону, закричала:

— Человѣкъ! Человѣкъ!

И пальцемъ указала на него подругамъ.

— Посмотрите, сестры, вѣдь это—не пастухъ. У него нѣтъ тростниковой свирѣли. Онъ и не хозяинъ одного изъ окрестныхъ владѣній, чьи крохотные сады, повисшіе на склонѣ холмовъ, надъ виноградниками, охраняются богомъ Пріапомъ, выточеннымъ изъ буковаго дерева. Что же онъ дѣлаетъ среди насъ, если онъ не пастухъ, не погонщикъ быковъ, не садовникъ? Онъ имѣетъ видъ мрачный и суровый, и я не замѣчаю въ его взорахъ любви къ богамъ и богинямъ, населяющимъ великое небо, и лѣса, и горы. На немъ одежда варваровъ. Можетъ-быть, это—скиѳъ. Приблизимся къ чужестранцу и узнаемъ, не пришелъ ли онъ къ намъ, какъ врагъ,— чтобы возмутить наши источники, срубить наши деревья, проникнуть въ нѣдра горъ, открывая жестокимъ людямъ тайну нашихъ блаженныхъ обителей. Пойдемъ, Мнаисъ, пойдемъ, Эгле, Нэера и Мелибея!

— Пойдемъ,—отвѣчала Мнаисъ,—съ оружіемъ!

— Пойдемъ!—воскликнули всѣ вмѣстѣ.

И Фра Мино увидѣлъ, что, поднявшись, онѣ начали срывать и собирать розы пригоршнями и приблизились къ нему, вооруженныя розами и шипами. Но разстояніе отдѣлявшее ихъ и казавшееся ему сперва такимъ ничтожнымъ, что, повидимому, онъ могъ прикоснуться къ нимъ и чувствовать на своемъ тѣлѣ ихъ дыханіе вдругъ стало увеличиваться, и ему показалось, что онѣ идутъ какъ изъ далекаго лѣса. И угрозы вылетали изъ ихъ цвѣтущихъ устъ. И по мѣрѣ того,

какъ онѣ подходили, перемѣна совершалась въ нихъ. И съ каждымъ шагомъ теряли онѣ частицу своей прелести и своего блеска, и цвѣтъ ихъ юности увядалъ такъ же, какъ розы, которыя онѣ держали въ рукахъ. Сначала глаза впали, углы губъ опустились. Шея, недавно чистая и бѣлая, покрылась глубокими складками, и пряди сѣдыхъ волосъ упали на морщинистый лобъ. Онѣ подходили, и вѣки глазъ краснѣли, и губы, втягиваясь, морщились на беззубыхъ деснахъ. Онѣ подходили, держа сухія розы въ рукахъ, почернѣлыхъ и узловатыхъ, какъ старыя лозы, сжигаемыя поселянами Кіанти въ зимнія ночи на кострахъ. Онѣ подходили съ трясущейся головой, прихрамывая на дряхлыхъ ногахъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ Фра Мино оцѣпенѣлъ отъ ужаса, онѣ окончательно превратились въ страшныхъ вѣдьмъ, лысыхъ и бородатыхъ, съ носомъ до подбородка, съ пустыми и повисшими сосцами. Онѣ столпились надъ нимъ:

— О, какой хорошенькій!—молвила одна,—онъ блѣденъ, какъ полотно, и сердечко бьется у него, какъ у зайца, затравленнаго гончими. Эгле, сестрица, что же намъ дѣлать съ нимъ?

— Милая Нэера,—отвѣчала Эгле,—слѣдуетъ разорвать ему грудь, вынуть сердце и вложить губку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала Мелибея,—это было бы слишкомъ жестокое наказаніе за любопытство и удовольствіе подсматривать наши игры. На этотъ разъ не будемъ такъ строги. Посѣчемъ его только розгами.

И тотчасъ, окруживъ монаха, сестры засучили ему одежду на голову и стали сѣчь связками колючихъ шиповъ, оставшихся у нихъ въ рукахъ.

Нэера дала имъ знакъ остановиться, когда показалась кровь.

— Довольно!—сказала она,—это—мой милый! Я только что замѣтила, какъ онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжностью.

Она улыбнулась: такой длинный и черный зубъ выставился изо рта, что онъ щекоталъ ей ноздри. Она шептала:

— Приди ко мнѣ, Адонисъ!

Потомъ вдругъ съ бѣшенствомъ:

— Что это? Не хочетъ? Онъ холоденъ? Какая обида! Онъ презираетъ меня. Сестры, отомстите! Мнаисъ, Эгле, Мелибея, отомстите за вашу подругу!

При этомъ воззваніи всѣ подняли колючія розги и стали сѣчь несчастнаго Фра Мино такъ жестоко, что скоро тѣло его превратилось въ сплошную язву. Онѣ останавливались на мгновеніе, чтобы откашляться и плюнуть, и потомъ опять, съ еще большимъ усердіемъ, принимались бить его. Перестали, только совсѣмъ выбившись изъ силъ.

Тогда Нэера сказала:

— Надѣюсь, въ слѣдующій разъ онъ не окажетъ мнѣ незаслуженнаго презрѣнія, отъ котораго я до сихъ поръ краснѣю. Пощадимъ ему жизнь. Но если онъ откроетъ тайну нашихъ игръ и наслажденій, мы умертвимъ его. До свиданія, красавчикъ.

Молвивъ такъ, старуха присѣла надъ монахомъ и облила его зловонною жидкостью. Всѣ подруги поочередно сдѣлали то же, потомъ вернулись одна за другою къ гробницѣ св. Сатира и проникли въ нее сквозь узкую щель крышки, покинувъ жертву, распростертую въ зловонной лужѣ.

Когда исчезла послѣдняя, пѣтухъ пропѣлъ. Фра Мино очнулся и всталъ. Разбитый усталостью и болью, оцѣпенѣлый отъ холода, дрожа въ лихорадкѣ, полузадушенный отвратительнымъ запахомъ, онъ поправилъ одежду и доплелся до своей кельи на разсвѣтѣ.

Съ этой ночи Фра Мино не находилъ нигдѣ покоя. Воспоминаніе о томъ, что ему довелось видѣть въ часовнѣ Санъ-Микеле, надъ гробомъ святого Сатира, смущало его среди службъ церковныхъ и благочестивыхъ занятій. Объятый трепетомъ, сопутствовалъ онъ своимъ братьямъ, когда они вступали въ храмъ. И между тѣмъ, какъ, по правиламъ, онъ долженъ былъ цѣловать каменныя плиты въ часовнѣ, губы его чувствовали съ ужасомъ слѣды нимфъ, и онъ шепталъ: «Спаситель, или не слышишь Ты, что я говорю Тебѣ, какъ Ты самъ говорилъ Отцу своему: Не введи насъ во искушеніе!» Сначала думалъ онъ послать владыкѣ-епископу отчетъ обо

всемъ видѣнномъ. Но, по зрѣломъ размышленіи, счелъ за лучшее сперва самому на досугѣ разсудить о необычайныхъ явленіяхъ и повѣдать ихъ міру, обслѣдовавъ все въ точности. Къ тому же случилось тогда, что владыка-епископъ, вступивъ въ союзъ съ гвельфами Пизы противъ гибелиновъ Флоренціи, велъ войну съ такимъ жаромъ, что за цѣлый мѣсяцъ ни разу не развязалъ ремней своей желѣзной брони. Вотъ почему, не говоря ни съ кѣмъ, Фра Мино произвелъ глубокія изысканія о гробѣ св. Сатира и о часовнѣ, въ которой этотъ гробъ находился. Искушенный въ премудрости книжной, перелистывалъ онъ страницы древнихъ и новыхъ писателей, но нигдѣ не находилъ указаній.

Однажды утромъ, проведя, по своему обыкновенію, всю ночь въ работѣ, пожелалъ онъ утѣшить сердце свое прогулкою въ поляхъ, и пошелъ по горной тропинкѣ, которая, извиваясь среди виноградныхъ лозъ, висѣвшихъ гирляндами между вязами, вела къ миртовой и оливковой рощѣ, называемой римлянами въ былыя времена священною. Погружая ноги въ мокрую траву, освѣжая чело каплями росы, падавшими съ остролистыхъ гордовинъ, Фра Мино долгое время шелъ по лѣсу, какъ вдругъ замѣтилъ источникъ, надъ которымъ тамарисы тихо колебали легкую листву и пухъ своихъ розовыхъ кистей. Ниже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей расширялся, виднѣлись неподвижныя цапли. Маленькія птицы пѣли въ миртовыхъ вѣтвяхъ. Благоуханіе влажной мяты подымалось отъ земли, и въ травѣ блистали тѣ самые цвѣты, о которыхъ Господь сказалъ, что царь Соломонъ, во славѣ своей, не одѣвался такъ, какъ каждый изъ нихъ. Фра Мино сѣлъ на мшистый камень и, хваля Бога, началъ размышлять о тайнахъ, заключенныхъ въ природѣ.

Такъ какъ воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ въ часовнѣ, никогда его не покидало, то онъ сидѣлъ, сжимая лобъ руками, въ тысячный разъ обдумывая, что означаетъ этотъ сонъ: «потому что такое видѣніе,—говорилъ онъ себѣ,—должно имѣть нѣкоторый смыслъ, должно имѣть даже нѣсколько смысловъ, которые слѣдуетъ открыть или внезапнымъ наи-

тіемъ, или точнымъ примѣненіемъ правилъ схоластики. И я полагаю, что въ этомъ частномъ случаѣ поэты, которыхъ я изучалъ въ Болоньи, какъ, напр., Горацій-сатирикъ, или Стацій, должны бы оказать мнѣ также не малую помощь,такъ какъ многія истины примѣшаны къ ихъ баснямъ».

Въ теченіе долгаго времени, взвѣшивая въ умѣ своемъ такія мысли и другія, еще болѣе утонченныя, Фра Мино поднялъ, наконецъ, глаза и замѣтилъ, что онъ—не одинъ. Прислонившись спиною къ дуплистому стволу древняго каменнаго дуба, нѣкій старецъ смотрѣлъ въ небо сквозь листву и усмѣхался. Надъ его сѣдой головой возвышались два маленькихъ притупленныхъ рога. Курносое лицо обрамляла бѣлая борода, и сквозь нее виднѣлись мясистые наросты на шеѣ. Жесткіе волосы щетинились на груди, ляжки были покрыты косматою шерстью, и ноги кончались раздвоеннымъ копытомъ. Приложивъ губы къ тростниковой свирѣли, извлекъ онъ слабые звуки. Потомъ запѣлъ чуть слышнымъ голосомъ.

Засмѣялась, убѣжала,
Гроздья спѣлыя кусая.
Но, обвивъ ее руками,
Поцѣлуемъ въ алыхъ губкахъ
Раздавилъ я виноградъ!

Увидѣвъ и услышавъ это, Фра Мино сотворилъ крестное знаменіе. Но оно ничуть не смутило старика, который остановилъ на монахѣ лукавый взоръ. Среди глубокихъ морщинъ лица его, голубые и прозрачные глаза блестѣли, какъ вода источника между корнями старыхъ дубовъ.

— Человѣкъ или звѣрь,—воскликнулъ Фра Мино,—повелѣваю тебѣ именемъ Господа Іисуса Христа, скажи, кто ты!

— Сынъ мой,—отвѣтилъ старикъ,—я—св. Сатиръ! Но говори тише, чтобы не спугнуть птицъ.

Фра Мино продолжалъ менѣе громкимъ голосомъ:

— Старикъ, такъ какъ ты не бѣжалъ отъ святого и страшнаго знаменія крестнаго, то я не могу допустить, чтобы ты былъ демономъ или духомъ нечистымъ, вышедшимъ изъ ада.

Но если ты, какъ утверждаешь, воистину человѣкъ, или, лучше сказать, душа человѣка, освященнаго трудами праведной жизни и благодатью Господа нашего Іисуса Христа, то объясни мнѣ—прошу тебя—чудо твоихъ козлиныхъ роговъ и волосатыхъ ногъ, которыя кончаются чернымъ и раздвоеннымъ копытомъ.

При этомъ вопросѣ старикъ поднялъ руку свою къ небу и сказалъ:

— Сынъ мой, природа людей, животныхъ, растеній и камней есть тайна безсмертныхъ боговъ, и я не болѣе, чѣмъ ты, знаю, почему мой лобъ украшенъ рогами, вокругъ которыхъ нимфы обвивали нѣкогда цвѣточныя гирлянды. Я не знаю, зачѣмъ на шеѣ моей эти мясистые наросты и почему мнѣ даны ноги отважнаго козла. Я могу тебѣ только повѣдать, сынъ мой, что въ былые дни въ этихъ лѣсахъ были и жены, которыя имѣли такъ же, какъ я, рога на лбу и косматыя икры. Но груди у нихъ были бѣлыя и круглыя. Ихъ чрева, ихъ бедра блистали гладкою кожей. Солнце, тогда еще молодое, любило, сквозь листья, осыпать ихъ золотыми стрѣлами. Онѣ были прекрасны, сынъ мой! Увы, съ тѣхъ поръ онѣ исчезли изъ лѣсовъ—всѣ до единой. И мои товарищи погибли такъ же, какъ онѣ; и вотъ я—послѣдній изъ моего племени... Я очень старъ.

— Старикъ, скажи мнѣ, сколько тебѣ лѣтъ, и кто твои родители, и гдѣ твоя родина?

— Сынъ мой, я родился изъ земли гораздо ранѣе, чѣмъ Юпитеръ низвергъ съ престола Сатурна, и глаза мои видѣли цвѣтущую молодость міра. Тогда родъ человѣческій еще не созданъ былъ изъ глины. И со мною однѣ сатирессы въ хороводныхъ пляскахъ ударяли о звонкую землю раздвоеннымъ копытомъ. Онѣ были большаго роста, силы и красоты, чѣмъ нимфы и женщины; и чресла ихъ, болѣе широкія, обильно принимали сѣмя первенцевъ земли.

«Въ царство Юпитера нимфы поселились въ родникахъ, горахъ и лѣсахъ. Фавны соединялись съ ними въ легкіе хороводы въ глубинѣ лѣсовъ. Между тѣмъ я жилъ, счастливый, услаждаясь вволю и кистями дикаго винограда, и устами ве-

селыхъ подругъ моихъ. Я вкушалъ отъ мирнаго сна въ глубокой травѣ. Я пѣлъ на сельской флейтѣ хвалу Юпитеру послѣ Сатурна, потому что душѣ моей свойственно прославлять боговъ, властителей міра.

«Но—увы!—и я состарился, ибо я—только богъ, и вѣка посеребрили волосы на головѣ и на груди моей, вѣка потушили жаръ моихъ чреслъ. Я уже обремененъ былъ столѣтіями, когда умеръ Великій Панъ, и Юпитеръ, испытывая ту же участь, на которую некогда обрекъ Сатурна, низвергнутъ былъ съ престола Галилеяниномъ. Съ тѣхъ поръ я влачилъ такіе жалкіе дни, что, наконецъ, умеръ и положенъ былъ во гробъ. И, въ самомъ дѣлѣ, я теперь лишь собственная тѣнь. Если я еще немного существую, то только потому, что ничто не исчезаетъ и никому не надо умереть до конца. Смерть не болѣе совершенна, чѣмъ жизнь. Существа, потерянныя въ океанѣ міра, подобны волнамъ, которыя, какъ ты можешь видѣть, о, дитя мое, подымаются и опускаются въ морѣ Адріи. Нѣтъ у нихъ ни конца, ни начала, онѣ рождаются и погибаютъ неуловимо. Неуловимо, какъ онѣ, умираетъ и душа моя. Блѣдное воспоминаніе о сатирессахъ золотого вѣка еще оживляетъ глаза мои, и на устахъ витаютъ древніе гимны безшумно.

Онъ сказалъ и умолкъ. Фра Мино взглянулъ на старика и увидѣлъ, что онъ—только призракъ.

— Что ты рожденъ козлоногимъ,—отвѣтилъ онъ ему,—не будучи, однако, демономъ, я, пожалуй, могу допустить. Твари, созданныя Богомъ и лишенныя имъ участія въ наслѣдіи Адама, не могутъ ни спастись, ни быть осужденными. Я не думаю, чтобы кентавръ Хиронъ, который мудростью превосходилъ всѣхъ людей, обреченъ былъ на вѣчныя муки въ пасти Левіаѳана. Нѣкій старикъ, проникнувшій въ царство тѣней, утверждаетъ, что онъ видѣлъ Хирона, сидящимъ на злачныхъ лугахъ и бесѣдующимъ съ Риѳеемъ, справедливѣйшимъ изъ троянцевъ. Другіе же увѣряютъ, что райскія врата открылись Риѳею Троянцу. И сомнѣніе дозволено по этому предмету. Но, тѣмъ не менѣе, ты солгалъ, странникъ, утверждая, что ты—святой, ты, который не рожденъ человѣкомъ.

Козлоногій отвѣтилъ:

— Сынъ мой, въ юности моей я не болѣе лгалъ, чѣмъ овцы, чье молоко я сосалъ, чѣмъ козлы, съ которыми я бодался, радуясь своей силѣ и красотѣ. Въ тѣ времена ничто не лгало, и тогда еще не умѣли красить лживыми красками шерсть овецъ. И душа моя съ тѣхъ поръ не измѣнилась. Видишь, я—нагъ, какъ въ золотые дни Сатурна. И на умѣ моемъ нѣтъ никакихъ покрововъ такъ же, какъ и на тѣлѣ. Нѣтъ, я не лгу. И почему же ты удивляешься, сынъ мой, что я сдѣлался святымъ предъ лицомъ Галилеянина, не будучи рожденъ отъ той матери, которую одни называютъ Евою, другіе Пиррою и которую должно чтить подъ обоими именами? Св. Михаилъ тоже родился не отъ женщины. Я его знаю, и мы иногда бесѣдуемъ съ нимъ. Онъ разсказываетъ мнѣ о тѣхъ временахъ, когда былъ пастухомъ быковъ на горѣ Гарганъ...

Фра Мино прервалъ сатира:

— Я не могу позволить, чтобы св. Михаила называли пастухомъ быковъ за то, что онъ нѣкоторое время охранялъ стада человѣка по имени Гарганъ на горѣ того же названія. Но разскажи мнѣ, старикъ, какъ сдѣлался ты святымъ?

— Слушай,—отвѣтилъ козлоногій,—и любопытство твое будетъ удовлетворено.

«Люди, пришедшіе съ Востока, возвѣстивъ въ сладостной долинѣ Арно, что Галилеянинъ низвергъ съ престола Юпитера, срубили дубы, на которыхъ поселяне вѣшали маленькихъ богинь изъ глины и заповѣдныя таблички изъ воску; и водрузили кресты надъ священными родниками, и запретили пастухамъ приносить въ пещеры нимфъ дары изъ вина, молока и ячменныхъ лепешекъ. Племя фавновъ, пановъ и сильвановъ почувствовало себя оскорбленнымъ такою несправедливостью. Во гнѣвѣ своемъ возстали они на возвѣстителей новаго бога. Ночью, когда проповѣдники спали на своихъ ложахъ изъ сухихъ листьевъ, нимфы, подкрадываясь, дергали ихъ за бороду, и молодые фавны, проникая въ стойла святыхъ мужей, выщипывали волосы изъ хвоста ихъ ослицы. Тщетно пытался я обезоружить злобу братьевъ и совѣтовалъ

имъ покориться. «Дѣти мои,—говаривалъ я,—время легкихъ игръ и лукаваго смѣха прошло».—Неосторожные не послушали меня. И бѣда постигла ихъ.

«Но я, видѣвшій, какъ царство Сатурна кончилось, находилъ естественнымъ и справедливымъ, чтобы и Юпитеръ погибъ въ свою очередь. Я съ покорностью ждалъ паденія великихъ боговъ. Я не противился вѣстникамъ Галилеянина и даже оказывалъ имъ маленькія услуги. Зная лучше ихъ лѣсныя тропинки, я собиралъ ежевику и ягоды терновника и клалъ ихъ на свѣжіе листья у входа въ пещеры, гдѣ обитали святые мужи. Я предлагалъ имъ также яйца ржанки. И если они строили хижину, таскалъ на плечахъ вѣтви и камни. Въ награду они окропили мою голову водою и благословили меня во имя Христа Іисуса.

«Я жилъ съ ними, подобно имъ. Тотъ, кто ихъ любилъ, любилъ и меня. Я участвовалъ въ почестяхъ, воздаваемыхъ имъ, и святость моя казалась равной ихъ святости.

«Я сказалъ тебѣ, сынъ мой, что въ тѣ времена я былъ уже очень старъ. Солнце едва могло согрѣть мои оцѣпенѣлые члены. И я былъ подобенъ дряхлому дуплистому дереву, потерявшему свой пѣвучій, зеленый вѣнецъ. Каждая новая осень ускоряла мое разрушеніе. Однажды, въ зимнее утро, нашли меня распростертымъ безъ движенія на краю дороги.

«Епископъ, сопутствуемый іереями и народомъ, совершилъ надо мной похоронный обрядъ. Потомъ меня положили въ большую гробницу изъ бѣлаго мрамора, отмѣченную трижды крестнымъ знаменіемъ съ именемъ *Святого сатира*, начертаннымъ на передней стѣнѣ, въ гирляндѣ виноградныхъ кистей.

«Въ тѣ времена, сынъ мой, гробницы воздвигались вблизи дорогъ. Моя находилась въ двухъ тысячахъ шаговъ отъ города, по дорогѣ во Флоренцію. Молодая чинара выросла на могилѣ и покрыла ее тѣнью, пронизанной солнцемъ, полной пѣнія птицъ, ропота, свѣжести и радости. Вблизи журчалъ родникъ по дну, покрытому зеленою жерухой,—и туда приходили отроки и дѣвушки, чтобы вмѣстѣ купаться. Это оча-

ровательное мѣсто было священнымъ. Молодые матери приносили маленькихъ дѣтей и заставляли прикоснуться къ мрамору саркофага для того, чтобы они получили силу и красоту во всѣхъ членахъ. Таково было вѣрованіе, распространенное въ народѣ,—что новорожденные, которыхъ приносили на мою могилу, должны были превзойти другихъ людей здоровьемъ и мужествомъ. Вотъ почему ко мнѣ приводили цвѣтъ благороднаго тосканскаго племени, приводили также и ослицъ своихъ поселяне, въ надеждѣ, что я сдѣлаю ихъ плодовитыми. Память мою чтили. Каждый годъ, съ возвращеніемъ весны, приходилъ епископъ въ сопровожденіи клира и совершалъ молебствіе надъ моимъ тѣломъ, и я видѣлъ какъ издалека, сквозь травы луговъ, приближаясь, блестѣло шествіе съ крестами и свѣчами, съ пунцовымъ балдахиномъ, съ пѣніемъ псалмовъ. Все это происходило, сынъ мой, во времена добраго царя Берендея.

А между тѣмъ сатиры и сатирессы, фавны и нимфы влачили жизнь бездомную и жалкую. Больше не было для нихъ ни алтарей изъ свѣжаго дерна, ни цвѣточныхъ гирляндъ, ни жертвоприношеній изъ молока, муки и меда. Развѣ только изрѣдка козій пастухъ положитъ тайно маленькій сыръ на порогѣ священнаго грота, заросшаго колючими шипами и терновникомъ. Но и эту скудную пищу поѣдали бѣлки и дикіе кролики. Нифмы, обитательницы лѣсовъ и темныхъ пещеръ, были изгнаны проповѣдниками, пришедшими съ Востока. Бѣдные сельскіе боги уже не находили пріюта въ священныхъ лѣсахъ своихъ. Хороводъ косматыхъ сатировъ, нѣкогда ударявшихъ звонкою ногою о материнскую землю, превратился въ облако блѣдныхъ и безгласныхъ тѣней, влачившихся по склонамъ холмовъ, подобно утренней мглѣ, которую солнце разсѣиваетъ.

Пораженные гнѣвомъ Божіимъ, какъ бы яростнымъ вѣтромъ, призраки эти кружились днемъ въ пыльныхъ вихряхъ по дорогамъ. Ночь была для нихъ немного менѣе враждебной. Ночь не всецѣло принадлежитъ Богу Галилейскому. Онъ раздѣляетъ власть надъ нею съ демонами. Когда тѣнь спускалась съ холмовъ, фавны и фавнессы, нимфы и паны садились

на корточки, прижимаясь къ саркофагамъ, обрамлявшимъ дороги, и здѣсь, подъ сладостными чарами темныхъ силъ, вкушали покой ненадолго. Прочимъ гробницамъ предпочитали они мою, какъ могилу почтеннаго прадѣда. Скоро соединились они всѣ подъ тою частью мраморнаго карниза, которая восходя на югъ, не была покрыта мхомъ и всегда оставалась сухою. Туда неизмѣнно каждый вечеръ прилетало ихъ легкое племя, какъ стая голубей въ голубятню. Въ этомъ уголкѣ имъ нетрудно было всѣмъ найти мѣсто, потому что они сдѣлались маленькими и подобными пустому зерну, вылетающему изъ вѣялки. Я самъ, выходя изъ моего тихаго убѣжища, садился среди нихъ подъ сѣнью мраморныхъ черепицъ и пѣлъ имъ слабымъ голосомъ о вѣкѣ Юпитера и Сатурна, и воспоминались имъ прежнія радости. Подъ взороми Діаны изображали они другъ передъ другомъ свои древнія игры, и запоздалому путнику казалось, что туманъ въ долинѣ подъ луною принимаетъ формы, подобныя тѣламъ соединяющихся любовниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, они были теперь легкимъ туманомъ. Холодъ причинялъ имъ много вреда. Однажды ночью, когда снѣгъ покрылъ поля, нимфы Эглея, Нэера, Мнаисъ и Мелибея проникли сквозь щели мрамора въ темное, тѣсное убѣжище, въ которомъ я обиталъ. Ихъ подруги толпою послѣдовали за ними, и фавны, кинувшись въ погоню за нимфами, скоро настигли ихъ. Мой домъ сдѣлался ихъ домомъ. Мы никуда не выходили изъ него только развѣ на прогулку въ лѣсъ, когда ночь была тиха и ясна. Но съ первымъ крикомъ пѣтуховъ спѣшили вернуться домой. Ибо ты долженъ знать, сынъ мой, что изъ всего рогатаго племени, мнѣ одному позволено являться на этой землѣ при свѣтѣ дня. Таково преимущество, дарованное моей святости.

Гробница моя, болѣе, чѣмъ когда-либо, внушала почтеніе жителямъ окрестныхъ селеній, и каждый день молодыя матери приносили ко мнѣ грудныхъ дѣтей, которыхъ онѣ подымали голыхъ на рукахъ своихъ. Когда сыновья св. Франциска пришли въ это мѣсто и построили монастырь на склонѣ холма, то они испросили разрѣшенія у владыки епископа перенести въ монастырскую церковь мою гробницу,

чтобы тамъ хранить ее. Владыка соизволилъ, и вотъ съ большою пышностью я былъ перенесенъ въ часовню св. Михаила, гдѣ и донынѣ покоюсь. Мое семейство, выросшее въ поляхъ, послѣдовало за мною. Мнѣ оказали не малую честь. Но, признаюсь, я все-таки жалѣлъ о моемъ прежнемъ мѣстѣ на большой дорогѣ, гдѣ я видѣлъ раннимъ утромъ поселянокъ, которыя несли на головѣ корзины съ виноградомъ, фигами и демьянкой. Время не утѣшило меня, и мнѣ все еще хотѣлось бы лежать подъ платанами на Священной Дорогѣ.

Такова моя жизнь,—добавилъ старый сатиръ,—она протекаетъ смѣющаяся, сладкая и тайная черезъ всѣ вѣка. Если нѣкоторая скорбь примѣшивается къ радости, значитъ, на то воля боговъ. О, сынъ мой, воздадимъ хвалу богамъ, владыкамъ вселенной!»

Фра Мино въ теченіе нѣкотораго времени пребывалъ въ раздумьи. Потомъ онъ сказалъ:

— Теперь я понимаю смыслъ того, что видѣлъ въ ту грѣховную ночь въ часовнѣ св. Михаила. Тѣмъ не менѣе, одна подробность остается темною. Скажи мнѣ, старикъ, почему нимфы, которыя живутъ съ тобою и предаются фавнамъ, превратились въ отвратительныхъ старухъ, приблизившись ко мнѣ?

— Увы, мой сынъ,—отвѣтилъ св. Сатиръ,—время не щадитъ ни людей, ни боговъ. Боги безмертны только въ воображеніи недолговѣчныхъ людей. На самомъ же дѣлѣ, они также чувствуютъ тяжесть времени и склоняются съ теченіемъ столѣтій къ неотвратимому упадку. Нифмы старѣютъ, какъ и женщины. Нѣтъ розы, которая не превратилась бы въ тернъ. Нѣтъ нимфы, которая не превратилась бы въ вѣдьму. Любуясь забавами моего маленькаго семейства, ты долженъ былъ видѣть, какъ воспоминаніе о прошедшей юности дѣлаетъ прекрасными фавновъ и нимфъ въ минуту страсти, какъ жаръ воскресшей любви воскрешаетъ ихъ увядшую прелесть. Но тотчасъ же опять обнаруживается разрушительное дѣйствіе вѣковъ. Увы! увы! Племя нимфъ отцвѣло и одряхлѣло.

Фра Мино задалъ еще вопросъ:

Старикъ, если это правда, что ты достигъ блаженства неисповѣдимыми путями, если это правда,хотя оно и кажется нелѣпымъ, что ты — святой, то какъ же ты живешь въ гробницѣ съ этими тѣнями, которыя не умѣютъ хвалить Бога и которыя оскверняютъ блудодѣйствомъ домъ Господень? Отвѣчай, старикъ!

Но святой козлоногій, безъ отвѣта, тихо разсѣялся въ воздухѣ.

Сидя на мшистомъ камнѣ надъ источникомъ, Фра Мино обдумывалъ слышанныя рѣчи и находилъ въ нихъ, среди глубокаго мрака, неожиданные проблески.

— Этого святого Сатира,—размышлялъ онъ,—можно сравнить съ древнею сибиллой, которая, во времена ложныхъ боговъ, возвѣщала народамъ Спасителя. Тина старинной лжи еще прилипла къ его козлинымъ копытамъ, но чело уже озаряется свѣтомъ, и уста исповѣдуютъ истину.

Такъ какъ тѣнь буковъ уже удлинялась на травѣ холмовъ, то монахъ всталъ съ камня и спустился по узкой тропинкѣ, которая вела въ монастырь сыновей св. Франциска. Но онъ не смѣлъ глядѣть на цвѣты, спавшіе на водахъ, потому что они напоминали ему нимфъ. Онъ вернулся въ келью въ тотъ часъ, когда колокола звонили *Ave Maria*. Она была маленькая и бѣлая: все убранство состояло изъ ложа, скамьи и одного изъ тѣхъ высокихъ аналоевъ, которые употреблялись для писанія. На стѣнѣ нищенствующій братъ изобразилъ нѣкогда, во вкусѣ Джіотто, святыхъ женъ у подножія Креста. Подъ этою фрескою, на деревянной полкѣ, темной и лоснившейся, какъ доски точилъ, стояли книги, изъ коихъ однѣ были священныя, другія—свѣтскія, такъ какъ Фра Мино изучалъ древнихъ поэтовъ для того, чтобы воздавать хвалу Господу во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и благословлялъ Виргилія за то, что онъ предрекъ пришествіе Спасителя въ томъ знаменитомъ стихѣ, которымъ Мантуанецъ возвѣщаетъ народамъ: *Jam redit et Virgo*.

На подоконникѣ изъ фаянсовой вазы грубой работы подымалась лилія на тоненькомъ стеблѣ. Фра Мино любилъ читать имя Маріи Дѣвы, начертанное на ея бѣлыхъ лепест-

кахъ золотою пылью. Очень высокое открытое окно было узко, но изъ него виднѣлось небо надъ лиловыми холмами.

Затворившись въ этой сладостной могилѣ своей жизни и своихъ желаній, Мино присѣлъ къ узкому аналою съ двумя наклонными дощечками, за которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе писать. И здѣсь, обмакивая тростникъ въ чернильницу, прикрѣпленную сбоку къ ящику, въ которомъ хранились пергаментъ, кисти, трубочки съ красками и золотой порошокъ, онъ попросилъ мухъ именемъ Господа Бога не досаждать ему и началъ записывать точный разсказъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ часовнѣ св. Михаила, въ нехорошую ночь, а также въ этотъ самый день, въ лѣсу, на берегу источника. Справа начерталъ онъ на пергаментѣ слѣдующія строки:

«Вотъ повѣствованіе о томъ, что Фра Мино, ордена нищенствующихъ братьевъ, видѣлъ и слышалъ, записанное для поученія вѣрныхъ. Во славу Іисуса Христа и блаженнаго, нищаго угодника Господня святого Франциска. Аминь».

Потомъ изложилъ письменно и по порядку, ничего не пропуская, все, что видѣлъ: и то, какъ нимфы превратились въ колдуній, и какъ старикъ съ рогами бесѣдовалъ съ нимъ въ лѣсу голосомъ, подобнымъ послѣднему вздоху древней свирѣли и первымъ звукамъ священной арфы. Между тѣмъ, какъ онъ писалъ,—птицы щебетали, ночь подкралась, и прелестныя краски дня потухли. Монахъ зажегъ лампаду и продолжалъ писать. Разсказывая о чудесахъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, Фра Мино въ то же время изъяснялъ ихъ значеніе прямое и духовное, по всѣмъ правиламъ схоластики. И, подобно тому, какъ башнями и стѣнами окружаютъ города, чтобы ихъ укрѣпить, такъ и онъ подтверждалъ свои доказательства изреченіями, заимствованными изъ священнаго писанія. И онъ вывелъ слѣдующія заключенія изъ этихъ необычайныхъ явленій: во-первыхъ, что Іисусъ Христосъ есть Господь и Владыка всякой твари земной, и что Онъ есть Богъ сатировъ и фавновъ такъ же, какъ людей. Вотъ почему св. Іеронимъ видѣлъ въ пустынѣ кентавровъ, которые исповѣдывали имя Христа; во-вторыхъ, что Богъ открылъ язычникамъ нѣкото-

рые проблески истины для того, чтобы они могли спастись. Вотъ почему сибиллы какъ, напримѣръ, Кумская, Египетская и Дельфійская, предвозвѣщали во мракѣ невѣрія Ясли, Бичи, Тростниковый Скипетръ, Терновый Вѣнецъ и Крестъ. Вотъ почему также Августинъ сиббилу Эритрейскую допускаетъ въ Градъ Господень. Фра Мино возблагодарилъ Бога, открывшаго ему эти тайны. Великая радость наполнила сердце при мысли, что и Виргилій также находится среди избранниковъ Божіихъ. И онъ начерталъ съ веселіемъ въ концѣ послѣдняго листа:

«Вотъ апокалипсисъ брата Мино, нищаго во Христѣ. Я видѣлъ свѣтлое сіяніе на рогатомъ челѣ Сатира, какъ предзнаменованіе милосердія Господня, исторгшаго изъ пламени ада мудрецовъ и поэтовъ древности»

Была уже поздняя ночь, и Фра Мино прилегъ на постель, чтобы нѣсколько отдохнуть. Когда онъ начиналъ уже дремать, въ окно влетѣла старая женщина въ лунномъ лучѣ. Онъ узналъ въ ней самую страшную изъ вѣдьмъ, которыхъ видѣлъ въ часовнѣ св. Михаила.

— Дружокъ мой,—сказала она,—что ты надѣлалъ? Вѣдь мы предостерегали, я и мои милыя сестры, чтобы ты не открывалъ нашихъ тайнъ. Ибо, если ты предашь насъ,—мы задушимъ тебя. А мнѣ тебя жаль, потому что я люблю тебя съ нѣжностью!

Она обняла его, назвала своимъ небеснымъ Адонисомъ, своимъ маленькимъ, бѣлымъ осликомъ и ласкала его пламенными ласками.

Но, увидѣвъ, что онъ отталкиваетъ ее съ отвращеніемъ, сказала:

— Дитя мое, ты презираешь меня, потому что вѣки мои красны, ноздри мои изъѣдены острымъ, зловоннымъ дыханіемъ, и въ деснахъ моихъ остался единственный зубъ, черный и громадный. Правда, что такова нынѣ—Нэера твоя. Но если ты только полюбишь меня, я сдѣлаюсь тобою и для тебя снова тѣмъ, чѣмъ была въ золотые дни Сатурна, когда юность моя цвѣла въ цвѣтущей юности міра. О, мой отрокъ, мой богъ, вѣдь это любовь дѣлаетъ прекраснымъ все. Чтобы

возвратить мнѣ красоту, тебѣ нужно только немного храбрости. Ну же, Мино, будь смѣлѣе!

При этихъ словахъ, сопровождаемыхъ движеніями, Фра Мино, объятый ужасомъ и омерзѣніемъ, ослабѣлъ и соскользнулъ съ постели на каменный полъ своей кельи. И между тѣмъ, какъ монахъ падалъ, ему показалось, что онъ видитъ сквозь вѣки, уже полураскрытыя, нимфу совершенной прелести, голое тѣло которой обливало его, какъ пролитое молоко.

Мино проснулся при яркомъ свѣтѣ дня, совершенно разбитый паденіемъ. Листья пергамента, которые онъ исписалъ ночью, покрывали аналой. Онъ перечелъ ихъ, сложилъ, запечаталъ собственной печатью, спряталъ подъ одежду и, не заботясь объ угрозахъ, дважды повторенныхъ вѣдьмами, отнесъ эти разоблаченія владыкѣ-епископу, дворецъ котораго высоко подымалъ зубцы свои посреди нѣ города. Онъ засталъ его въ большомъ залѣ въ то время, какъ владыка надѣвалъ шпоры, окруженный ландскнехтами. Ибо первосвященникъ велъ войну съ гибеллинами Флоренціи. Епископъ спросилъ монаха, за какою надобностью онъ пришелъ, и когда узналъ, то пригласилъ тотчасъ же прочесть ему донесеніе. Фра Мино повиновался. Владыко-епископъ выслушалъ чтеніе до конца. Что касается до призраковъ, то онъ не имѣлъ объ этомъ предметѣ особенно точныхъ свѣдѣній, но былъ исполненъ пламенною ревностью къ величію церкви. Не медля ни одного дня, несмотря на военныя заботы, поручилъ онъ двѣнадцати знаменитымъ докторомъ теологіи и каноническаго права изслѣдовать дѣло, чтобы они поскорѣе дали свое заключеніе. По зрѣломъ размышленіи, допросивъ неоднократно Фра Мино, доктора пришли къ тому выводу, что должно открыть гробницу св. Сатира въ часовнѣ св. Михаила и произнести надъ нею самыя сильныя очистительныя заклятія. Относительно догматическихъ вопросовъ, поднятыхъ Фра Мино, они не пришли къ опредѣленному заключенію, склоняясь, однако, къ тому, что доказательства францисканца слишкомъ смѣлы, легкомысленны и необычайны.

Согласно съ рѣшеніемъ докторовъ и по изволенію владыки-епископа, гробница св. Сатира была открыта. Въ ней нашли горсть пепла, которую священники обрызгали святою водой. И тогда изъ могилы поднялся бѣлый паръ, и въ немъ послышались тихіе стоны.

Ночью, послѣ совершенія этого обряда, Фра Мино приснилось, что вѣдьмы, наклонившись надъ его ложемъ, вырываютъ ему сердце. Онъ всталъ на разсвѣтѣ, мучимый острою болью и пожираемый жаждой. Дотащился до монастырскаго колодца, въ которомъ пили голуби. Но только что омочилъ губы въ водѣ, наполнявшей углубленіе по краямъ колодца, какъ почувствовалъ, что сердце у него въ груди распухло, подобно губкѣ, и, прошептавъ: «Господи!», палъ бездыханнымъ.

Дафнисъ и Хлоя.

ПОВѢСТЬ ЛОНГУСА.

Поэма *Дафнисъ и Хлоя такъ хороша*, что въ наши скверныя времена нельзя сохранить въ себѣ производимаго ею впечатлѣнія, и, перечитывая ее, изумляешься снова. Какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! Ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что только было написано. Требуется написать цѣлую книгу, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобы научаться изъ нея и вновь чувствовать впечатлѣнія ея большой красоты

Гете.

О символизмѣ „Дафниса и Хлои".

Кто написалъ эту удивительную поэму или романъ, представляющій маленькій, замкнутый, ни на что другое не похожій міръ,—произведеніе, такъ одиноко стоящее не только въ древне-греческой, но и во всемірной литературѣ? Изъ какой почвы, изъ какой среды, изъ какого быта и времени выросъ этотъ рѣдкій, даже, повидимому, единственный, нѣжный до болѣзненности и все-таки свѣжій цвѣтокъ поздней Эллады? Или короче—когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ написана поэма *Дафнисъ и Хлоя*, которая, начиная съ XVI вѣка, пріобрѣла извѣстность во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и о которой, однако, нигдѣ, ни однимъ словомъ, не упоминается ни у греческихъ, ни у римскихъ, ни у позднѣйшихъ византійскихъ авторовъ?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы исторія литературы не даетъ никакого отвѣта. На книгѣ стоитъ ничего не гово-

рящее имя автора — Лонгусъ. За этимъ именемъ, а можетъ-быть, псевдонимомъ, скрывается тайна, которую, вѣроятно, не суждено освѣтить никакими литературными изслѣдованіями. Высказываютъ предположеніе, что поэма написана не ранѣе II вѣка, не позже IX—того мрачнаго монашескаго вѣка, когда государство уже предписываетъ разрушать и низвергать созданія олимпійскаго многобожія. Какъ видите, промежуточныя семь столѣтій—весьма и даже слишкомъ широкое поле для всякихъ догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ

За недостаткомъ внѣшнихъ указаній, мы принуждены обратиться къ самому произведенію, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо внутреннихъ указаній и свидѣтельствъ, по которымъ можно бы судить объ условіяхъ его возникновенія. Но и здѣсь наша надежда въ значительной мѣрѣ обманута. Поэма какъ будто нарочно задумана такъ, чтобы нельзя было опредѣлить съ историческою точностью время дѣйствія: пастушескій романъ, въ которомъ, несмотря на нѣкоторыя внѣшнія фантастическія подробности, много смѣлаго натурализма, представляетъ совершенный и самодовлѣющій кругъ, изъ котораго во внѣшній историческій міръ почти нѣтъ выходовъ. Авторъ избѣгаетъ намековъ на время, когда происходитъ дѣйствіе поэмы. Кажется, что онъ хочетъ самъ забыть, хочетъ чтобы и читатели забыли о времени, о *своемъ* времени, быть-можетъ, объ одномъ изъ тѣхъ безнадежныхъ, душныхъ и гнетущихъ временъ, когда люди прежде всего ищутъ въ поэтическомъ вымыслѣ *сладости забвенія;* вотъ почему онъ какъ будто убаюкиваетъ насъ, неуловимо и безболѣзненно отрѣшаетъ, отрываетъ отъ вѣчно-жестокой и оскорбительной дѣйствительности и, какъ волшебникъ, заманиваетъ, все глубже и глубже втягиваетъ въ заколдованный кругъ пастушеской поэзіи, сладкой и легкой, какъ сонъ.

Но, несмотря на высокую степень отрѣшенности произведенія отъ всѣхъ низшихъ мѣстныхъ и временныхъ условій, несмотря на полную объективность, которая свидѣтельствуетъ о художественной зрѣлости, несмотря, наконецъ, на

волшебную яркость видѣнія, за которымъ поэтъ скрывается отъ насъ, какъ бы сливаясь, претворяясь въ немъ, такъ что дѣйствительная жизнь и личность поэта исчезаютъ безслѣднѣе, чѣмъ сонъ, а сонъ дѣлается дѣйствительнѣе, чѣмъ жизнь,— несмотря на все это, отъ внимательнаго взора не ускользаетъ въ поэмѣ то, что выше всѣхъ условій мѣста и времени— живая душа поэта.

Правда, здѣсь нѣтъ никакихъ внѣшнихъ историческихъ намековъ: съ бытовой точки зрѣнія, то, что происходитъ въ *Дафнисѣ и Хлоѣ*, могло происходить и въ эпоху Аѳинской гегемоніи, и Македонскаго владычества, и Римскаго завоеванія, и въ позднѣйшія времена упадка императорскаго Рима, и даже на самомъ рубежѣ византійскаго христіанства. Таково свойство древней культуры, что главные общественные устои жизни, какъ, напримѣръ, рабство, прикрѣпощенность сельскаго жителя къ землѣ, муниципальная автономія отдѣльныхъ городовъ, остаются почти неизмѣнными и неподвижными въ теченіе многихъ столѣтій

Но, съ другой стороны, чѣмъ внимательнѣе разсматриваешь поэму, тѣмъ очевиднѣе становится, что это—произведеніе поздней, утонченной культуры, что она написана не эллиномъ, а *эллинистомъ*, т.-е. человѣкомъ, для котораго Эллада, веселіе, полнота и прелесть языческой жизни, языческаго духа, является уже не дѣйствительностью, а призракомъ, не настоящимъ, а болѣе или менѣе далекимъ прошлымъ, не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что было и должно быть. Именно такою, т.-е. неизъяснимо-печальною и чѣмъ болѣе печальною, тѣмъ болѣе прекрасною, какъ бы озаренною лампадным свѣтомъ вечерняго солнца, обвѣянною предсмертнымъ благоуханіемъ осеннихъ цвѣтовъ, именно такою являлась Эллада Филострату, Либанію и другимъ сообщникамъ великаго, непонятаго императора, — того, кто въ IV вѣкѣ уже дерзнулъ сдѣлать попытку эллинскаго Возрожденія,— я разумѣю Флавія Клавдія Юліана, котораго злорадные византійцы хотѣли заклеймить, а на самомъ дѣлѣ, украсили,—какъ бы таинственнымъ, темнымъ вѣнцомъ увѣнчали,— прометееевымъ именемъ *Отступника*». Быть-можетъ, одинъ

изъ этихъ эллинистовъ, окружавшихъ Юліана, одинъ изъ этихъ утонченныхъ и одинокихъ мечтателей, безнадежно влюбленныхъ даже не въ бездыханное тѣло, а только въ прекрасную тѣнь умершей Эллады, создалъ нѣжное, грустное видѣніе пастушеской любви Дафниса и Хлои — двухъ невинныхъ дѣтей, покинутыхъ въ уютномъ солнечномъ уголкѣ блаженнаго Лезбоса. Не оттого ли въ душѣ возникаетъ такая сладкая, томительная грусть, когда читаешь поэму, что невольно думаешь: такой красоты нѣтъ, или *уже* нѣтъ на землѣ, и кто знаетъ, будетъ ли она еще когда-нибудь? Невольно чувствуешь, что самъ авторъ не вѣритъ въ дѣйствительность и возможность того, что изображаетъ, а если и вѣритъ, то все-таки не такъ простодушно какъ, напримѣръ, Гомеръ—въ мужество Гектора, вѣрность Пенелопы. Поэтъ убаюкиваетъ насъ, чтобы мы забыли мрачное время, въ которое имѣли несчастіе родиться,—убаюкиваетъ—но не до конца, заставляетъ повѣрить въ правду и счастье простой человѣческой любви—но не совсѣмъ. Безпокойство и недовѣріе, о которомъ онъ, впрочемъ, не говоритъ ни словомъ, остается въ его душѣ и въ нашей, и быть-можетъ, эта тревога тѣмъ сильнѣе, тѣмъ мучительнѣе, что она—безмолвная. Такъ иногда бываетъ, когда заснешь съ тяжелымъ горемъ или угрызеніемъ на сердцѣ: сквозь сонъ, какъ бы онъ ни былъ сладокъ и тихъ, чувствуешь смутно горечь дѣйствительной жизни, какъ будто сквозь легкую ткань прощупываешь холодъ скрытаго лезвея.

«Умеръ, умеръ Великій Панъ!» — этотъ вопль уже прозвучалъ изъ края въ край по всей опечаленной и потемнѣвшей землѣ боговъ, по волнамъ, омывающимъ блаженный берегъ Лезбоса. Какое очарованіе поэзіи, какое убаюкиваніе нѣжными звуками пастушеской свирѣли заставятъ насъ забыть, что умеръ Великій Панъ, что съ пустыннаго холма Палестины, отъ позорнаго орудія римской пытки—двухъ деревянныхъ перекладинъ, положенныхъ крестъ-накрестъ — протянулась такая черная и длинная тѣнь по всему міру, что отъ нея нельзя уже спастись и въ самомъ тепломъ солнечномъ уголку блаженнаго острова.

Но для насъ, людей XIX вѣка, ожидающихъ въ таинственныхъ сумеркахъ новаго, еще невѣдомаго солнца, предчувствующихъ, что *Великій Панъ*, умершій пятнадцать вѣковъ назадъ, скоро долженъ воскреснуть, эта вѣщая, сладкая грусть дѣлаетъ поэму Лонгуса особенно близкой, понятной и плѣнительной.

Да, они похожи на насъ, эти странные, одинокіе и утонченные эстеты, риторы, софисты, гностики IV вѣка. Они такъ же, какъ мы, люди глубоко-раздвоенные, люди прошлаго и будущаго—только не настоящаго, дерзновенные въ мысляхъ, робкіе въ дѣйствіяхъ, среди мрака и холода носящіе въ себѣ зародыши новой жизни, стоящіе на рубежѣ стараго и новаго, люди Упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ Возрожденія, или, говоря современнымъ, общепринятымъ и все-таки почти никому непонятнымъ языкомъ, это—въ одно и то же время и *декаденты*, т.-е. гибнущіе, доводящіе утонченность дряхлаго міра до болѣзни, до безумія, до безвкусія, и *символисты*, т.-е. возрождающіеся, предрекающіе знаменіями и образами то, что *еще* нельзя сказать словами, потому что оно еще не наступило, а только вѣетъ и чуется,—пришествіе Новаго Міра. Въ самомъ дѣлѣ, тогда именно, около IV вѣка, александрійскими неоплатониками и гностиками, восточными риторами и эллинистами, окружавшими Флавія Клавдія Юліана—съ одной стороны, а съ другой—такими великими учителями церкви, какъ Василій, Григорій Назіанзинъ и позже Іоаннъ Златоустъ, была сдѣлана величавая, хотя и неудавшаяся, слишкомъ ранняя попытка *Rinascimento*. Возрожденія эллинскаго языка и эллинскаго духа, гармоническаго сліянія древняго олимпійскаго и новаго галилейскаго начала въ одну, еще никѣмъ на землѣ неиспытанную и невиданную культуру, того сліянія, о которомъ уже мечталъ Климентъ Александрійскій. Эта попытка IV вѣка не удалась. Но она была повторена въ Италіи черезъ тысячелѣтіе, при чемъ сущность *Rinascimento* осталась та же въ XV вѣкѣ, какъ въ IV и V: сущность эта заключается въ наивномъ или преднамѣренномъ сопоставленіи двухъ началъ—христіанскаго и языческаго, Голгоѳы

и Олимпа, въ страстной, хотя и неутолимой жаждѣ разрѣшить это противорѣчіе, слить эти два начала въ новую, невѣдомую гармонію. И въ XV и XVI вѣкахъ такъ же, какъ въ V и VI—попытка возрожденія не удалась, противорѣчіе эллинства и христіанства не было разрѣшено, окончательно примиряющая гармонія двухъ началъ не была найдена. Чрезмѣрныя надежды, которыя опьяняли юношескою отвагою и радостью наивныхъ кватрочентистовъ, не оправдались, — и первые лучи восходящаго и уже омраченнаго солнца потухли въ душномъ кровавомъ сумракѣ, въ церковной инквизиціи второй половины XVI вѣка, въ холодной пошлости и академичности XVII. И вотъ теперь, на рубежѣ XX вѣка, мы стоимъ передъ тѣмъ же великимъ и неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ Олимпа и Голгоѳы, язычества и христіанства, опять и надѣемся, и опять ждемъ новаго *Rinascimento*, чей первый, смутный лепетъ называютъ Символизмомъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ наукой не опредѣлены законы этихъ громадныхъ историческихъ волнъ, этихъ *перевало*въ, періодическихъ спусковъ и подъемовъ человѣческаго духа,—неизмѣнно слѣдующихъ другъ за другомъ, взаимодѣйствующихъ упадковъ и возрожденій. Но даже простой эмпирическій взглядъ открываетъ въ нихъ общія глубоко родственныя черты, повторяющіяся и въ IV вѣкѣ, и въ XV, и теперь, наканунѣ символическаго возрожденія XX вѣка: въ такія эпохи каждый разъ въ роковой и демонической борьбѣ выступаютъ все яснѣе, все неумолимѣе *двѣ* силы, *два* начала, *два* теченія, вѣчно враждебныя другъ другу и вѣчно стремящіяся къ новымъ примиреніямъ, къ новымъ невѣдомымъ союзамъ и сочетаніямъ: я разумѣю Христіанство и Язычество. Не только въ главномъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ вѣка Rinascimento иногда поражаютъ насъ удивительными сходствами, какъ будто изъ народа въ народъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе братскіе голоса перекликаются и подаютъ другъ другу вѣсть, что странники идутъ по одному пути, къ одной цѣли черезъ всѣ историческіе перевалы, черезъ всѣ долины и горы—Упадки (Décadences) и Возрожденія (Renaissances).

Чтобы вернуться къ *Дафнису и Хлоѣ*, я укажу на это удивительное сочетаніе порочнаго съ цѣломудреннымъ, болѣзненно-утонченнаго, того, что мы теперь обозначаемъ опошленнымъ словомъ «декадентное» — съ наивнымъ, чистымъ, робкимъ, какъ самое раннее, даже еще не душистое, а только свѣжее вѣяніе весны. И это же самое своеобразное сочетаніе новаго и стараго, трудно объяснимое словами, но столь же явственное, какъ особенный запахъ цвѣтка—сочетаніе, которое придаетъ неподражаемую прелесть пасторали IV вѣка,—повторяется въ произведеніяхъ итальянскихъ художниковъ XV вѣка, въ дѣтски-наивныхъ и соблазнительныхъ картинахъ, быть-можетъ, величайшаго изъ раннихъ *quatrocentist*'овъ — того, котораго не даромъ въ послѣднее время такъ прославили англійскіе прерафаэлиты,—я разумѣю Сандро Боттичелли. Въ его *Prima Vera* такъ же, какъ въ «Дафнисѣ и Хлоѣ», невинная игра любви и величайшее цѣломудріе граничатъ съ опаснымъ и утонченнымъ соблазномъ. Что можетъ быть чище и дѣвственнѣе граціозныхъ пляшущихъ нимфъ, обвитыхъ воздушными туниками, или пастушковъ, не знающихъ даже имени любви? Но вы невольно чувствуете, что если герои еще и не знаютъ любви, то поэтъ уже слишкомъ хорошо, слишкомъ безнадежно позналъ, что такое любовь. Быть-можетъ, нѣтъ книги болѣе сладострастной, чѣмъ «Дафнисъ и Хлоя», такъ же какъ нѣтъ картины болѣе сладострастной, чѣмъ рождающаяся изъ моря *Венера* Боттичелли. А между тѣмъ, и здѣсь и тамъ—какая весенняя непорочная свѣжесть, какое незнаніе грѣха, какое дѣтское, непобѣдимое цѣломудріе! Но пастушескія, неопытныя игры въ любовь у Лонгуса, грустныя, какъ будто заплаканныя очи таинственной средневѣковой Афродиты у Боттичелли—болѣе обольстительны, чѣмъ грубая, здоровая и откровенная нагота Тиціана и Рубенса, чѣмъ буржуазная, добродѣтельная чувственность Аріосто и Боккаціо. Какъ будто поэтъ IV вѣка и живописецъ XV—утонченные демоны-обольстители, предлагающіе намъ вкусить отъ запретнаго плода новой красоты, новаго грѣха, соблазняютъ насъ, сами оставаясь невинными, соблазняютъ насъ нехотя и нечаянно. Но иногда спрашиваешь

себя съ улыбкой: дѣйствительно ли эти символисты-художники весеннихъ, цѣломудренныхъ игръ такъ невинны и простодушны, какъ желаютъ казаться? Быть-можетъ, они и сами уже отравлены ядомъ, которымъ хотятъ отравить наше сердце?

Вотъ въ чемъ трагизмъ такихъ людей, какъ Лонгусъ и Боттичелли. У нихъ нѣтъ настоящей мужественной силы, которая позволила бы имъ преодолѣть зародыши смерти, зародыши тлѣна и упадка, и достигнуть свѣтлыхъ, горныхъ вершинъ Возрожденія; у нихъ нѣтъ титаническаго дерзновенія, которое создаетъ героевъ-художниковъ, истинныхъ пророковъ новой жизни, подобныхъ Эсхилу и Леонардо да-Винчи. Эти первые ранніе обольстители сами боятся своихъ новшествъ, своихъ, повидимому, невинныхъ, на самомъ дѣлѣ опасныхъ и глубокихъ созданій. Они дерзаютъ, грѣшатъ, чтобы раскаяться, не выдерживаютъ до конца и отступаютъ. Такъ Боттичелли раскаялся, услышавъ громовый голосъ доминиканца, и вернулся отъ Афродиты, выходящей изъ пѣны морской, къ плачу постарѣвшей отъ горя Маріи Дѣвы надъ гробомъ Спасителя. Кто знаетъ, можетъ-быть, и авторъ «Дафниса и Хлои», какъ многіе въ тѣ времена, покаявшись подъ черной одеждой византійскаго монаха, съ угрызеніемъ вспоминалъ объ этой обольстительной книгѣ, которую написалъ во дни своей языческой молодости, на зло «галилеянамъ», и которая черезъ много вѣковъ должна была воскреснуть, чтобы соблазнить наши сердца своей неувядаемой цѣломудренно-грѣшною прелестью!

Не надо терять изъ виду, что Дафнисъ и Хлоя—не настоящіе пастухи и поселяне, какими они кажутся, а дѣти городскихъ, богатыхъ родителей. Конечно, сельская жизнь очистила, укрѣпила, вернула ихъ душу къ первобытной ясности, сдѣлала болѣе здоровыми и способными къ простой, естественной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, божественной любви. Но все-таки, даже здѣсь, въ природѣ, наслѣдственный опасный ядъ поздней культуры остался въ ихъ крови, и онъ то и дѣло проявляется въ ихъ чрезмѣрной, утонченной, почти болѣз-

ненной чувствительности. Она облагораживаетъ ихъ страсть, углубляетъ и одухотворяетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаетъ всякой силы, всякаго мужества. Дафнисъ—мужчина только тѣломъ, не духомъ: кожа у него темнѣе, мускулы крѣпче, но по характеру онъ такая же дѣвушка, какъ Хлоя. Въ его словахъ, такъ же какъ во всемъ романѣ, нѣтъ *ни одной черты мужества*. Онъ не выноситъ вида вооруженныхъ людей. Въ опасности только плачетъ, молитъ или дрожитъ. Отъ враговъ убѣгаетъ, какъ трусливый ланенокъ; какъ овцы Хлои, прячется въ дуплѣ стараго бука отъ страха, даже забываетъ о судьбѣ своей подруги. И потомъ при каждомъ удобномъ случаѣ плачетъ, заливается слезами, какъ дѣвушка, отъ любви, отъ горя, отъ радости. Когда, послѣ долгой разлуки, Дафнисъ встрѣчается съ Хлоей, онъ едва держится на ногахъ, едва не падаетъ въ обморокъ. И у Хлои—такая же изнѣженная чувствительность городской утонченной культуры, несмотря на то, что она одѣвается не въ пурпуръ, а въ овечій мѣхъ, ѣстъ грубый хлѣбъ, пьетъ козье молоко, смѣшанное съ виномъ и дикимъ медомъ. У нея нѣтъ и слѣда женской силы, женскаго упорства и безстрашія любви. Она даже не ревнуетъ, не возмущается, не возстаетъ при мысли, что Дафнисъ можетъ ее разлюбить, а только умираетъ съ безпомощной покорностью, въ тихомъ отчаяніи, какъ нѣжное растеніе увядаетъ отъ холода. Они оба не выносятъ никакого страданія, и каждое прикосновеніе грубой жизни къ ихъ обнаженной, беззащитной и страстной душѣ почти смертельно. Если бы Нимфы, Панъ и Эросъ немного меньше заботились о нихъ, эти слишкомъ прекрасныя робкія дѣти неминуемо должны бы погибнуть. Ибо что они знаютъ? что они могутъ? Съ такимъ безоружнымъ и покорнымъ сердцемъ нельзя жить, нельзя любить въ этомъ мірѣ. Умъ, сердце, воля, все существо ихъ изнемогаетъ, истаеваетъ отъ любви, какъ воскъ отъ огня. И жало страсти, которой они, бѣдныя и невинныя, даже не умѣютъ назвать, проникаетъ въ ихъ душу и уязвляетъ съ пронзительной болью и наслажденіемъ, подобнымъ смерти. Они не сопротивляются, только молятся и плачутъ, отдаваясь этой дикой силѣ, и она поглощаетъ ихъ, уноситъ,

какъ весенній потокъ—лепестки цвѣтовъ. Настоящіе эллины такъ не любили, такъ не страдали—у Гомера, у Эсхила, Софокла и Еврипида. Тамъ надъ всѣмъ вѣетъ благодатное дыханіе Рока, свѣжее и грозное. Тамъ и на самой нѣжной любви у Антигоны, у Алькестисъ—печать героизма,—суроваго могущества и величія.

Когда Федра или Медея вопятъ отъ оскорбленной, ревнивой страсти, то въ этомъ воплѣ слышится львиное рыканье, отъ котораго даже сердца героевъ трепещутъ. Страшно, когда эти жены титановъ кричатъ отъ любви или молчатъ, замышляя въ сердцѣ недоброе, но еще страшнѣе, когда онѣ, обманывая и притворяясь побѣжденными, плачутъ, ибо въ эллинскихъ трагедіяхъ слезы женъ предвѣщаютъ кровь мужей.

Въ поэмѣ Лонгуса священный огонь древняго эллинскаго мужества потухъ. Вотъ они, послѣдніе потомки сильныхъ, суровыхъ мужей, создателей «Скованнаго Прометея», побѣдителей при Марѳонѣ—влюбленныя слабыя дѣти, пастушокъ и пастушка на островѣ Лезбосѣ! Вмѣсто ледяного блеска горныхъ вершинъ, вмѣсто грозового и укрѣпляющаго дыханія Рока—только благовоніе опасныхъ ядовитыхъ цвѣтовъ, только обольстительная нѣга и зной. Я почти готовъ сказать, что въ этомъ дѣтскомъ и безпомощномъ смиреніи передъ волею Рока, въ этихъ слишкомъ частыхъ молитвахъ и слезахъ, въ этомъ постоянномъ вмѣшательствѣ слишкомъ добрыхъ и доступныхъ боговъ, въ этомъ безоружномъ терпѣніи и кротости Дафниса и Хлои есть уже что-то совсѣмъ наше, непонятное и враждебное истому греку, что-то христіанское и средневѣковое. Чрезмѣрная, какъ будто лихорадочная, чувствительность, сложная и утонченная психологія любви, впослѣдствіи, въ эпоху рыцарскихъ нравовъ и христіанскаго мистицизма будутъ увеличены, доведены до послѣднихъ предѣловъ провансальскими трубадурами, и черезъ *Vita Nuova* Данте, черезъ томные вздохи и слезы о Лаурѣ, черезъ сентиментальную идиллію *Новой Элоизы* переданы XIX вѣку въ его психологическій, любовный романъ. Въ «Дафнисѣ и Хлоѣ» это еще только

первое слабое колебаніе свѣта и тѣни, только утренняя сумеречная двойственность—та самая, которая плѣняетъ и смущаетъ насъ въ картинахъ Боттичелли,—но тамъ, въ XV вѣкѣ—переходъ обратный, не отъ язычества къ христіанству, а отъ христіанства къ новому эллинизму *Rinascimento*—та двойственность, которая составляетъ сущность и необходимую черту *всякаго* Возрожденія. И здѣсь, и тамъ—и у поздняго эллина, и у ранняго флорентійца—та же болѣзненная утонченность, та же вѣщая, напряженная чуткость. И здѣсь и тамъ—неуклюжая грація невинности, гибкость и непрочность слишкомъ тонкихъ, слишкомъ хрупкихъ стеблей, которые жадно тянутся къ солнцу,—дѣвственная худоба еще почти дѣтскаго и уже страстнаго тѣла,—все это одинаково чувствуется въ уличномъ флорентійскомъ мальчикѣ изъ бронзы, котораго Донателло почему-то назвалъ Іоанномъ Крестителемъ, въ простодушныхъ, удивленныхъ мадоннахъ Филиппино Липпи, въ неправильныхъ, невозможныхъ, но очаровательныхъ тѣлахъ Боттичелли. Такъ же, какъ въ неумѣлыхъ ласкахъ Дафниса и Хлои, въ ихъ любовныхъ играхъ, есть уже соблазнъ и грѣхъ,—не потому, что эти невинныя дѣти знали, что̀ такое зло, а потому, что природѣ человѣческой отъ вѣка свойственно любить соблазнъ и грѣхъ, подобно тому, какъ тайнымъ корнямъ самыхъ чистыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ свойственно любить сырость и мракъ земли.

Если бы Лонгусъ могъ прочесть то, что я о немъ пишу, онъ, вѣроятно, очень удивился бы, не понялъ, а если бы и понялъ, то сказалъ бы, что въ его произведеніи ничего подобнаго нѣтъ, что онъ желалъ только написать пастушескую идиллію во вкусѣ Ѳеокрита, обычный романъ, съ памятными знаками, съ покинутыми и найденными дѣтьми, какіе тогда писались во множествѣ. И авторъ былъ бы въ значительной мѣрѣ правъ: я вѣдь до сихъ поръ еще не касался здороваго, крѣпкаго ядра поэмы; а такое ядро истинно эллинское, неистребимое никакими вѣками, сочное и свѣжее, несомнѣнно есть въ ней, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Пока я говорилъ не о сущности, а объ оттѣнкѣ, о первомъ намекѣ, о первомъ проблескѣ того страннаго, сумеречнаго, двойственнаго, что̀

особенно любопытно и дорого намъ, современникамъ общеевропескаго символическаго движенія, которое одни называютъ упадкомъ (Décadence), другіе возрожденіемъ,—въ которомъ, на самомъ дѣлѣ, есть и то и другое,—и упадокъ и возрожденіе, и конецъ стараго и начало новаго, и спускъ и подъемъ, и тлѣнъ и воскресеніе, и декадентство и символизмъ, какъ, впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ движеніяхъ, что́ я старался подтвердить примѣромъ ранняго, дорафаэлева, флорентійскаго Rinascimento.

Замѣчательно, что Гёте, отличавшійся такой вѣщей проницательностью, вовсе не замѣчалъ, или, по крайней мѣрѣ не хотѣлъ замѣтить этой болѣзненной утонченности слишкомъ поздней культуры, этой мягкости и сладости черезчуръ зрѣлыхъ осеннихъ плодовъ, этой глубоко скрытой двойственности въ «Дафнисѣ и Хлоѣ», которая такъ замѣтна и понятна для насъ, наканунѣ XX вѣка, для насъ, отошедшихъ съ утомленіемъ отъ знойнаго рафаэлева полдня и влюбленныхъ въ свѣжія утреннія сумерки первоначальныхъ флорентійцевъ. Вотъ отрывокъ изъ его разговоровъ съ Эккерманномъ:

«Воскресенье 20 марта, 1831.

Сегодня Гёте за обѣдомъ сказалъ мнѣ, что на-дняхъ перечелъ «Дафниса и Хлою».

— Поэма такъ хороша,—сказалъ онъ,—что въ наши скверныя времена нельзя сохранить производимаго ею впечатлѣнія и, перечитывая ее, изумляешься снова. Въ ней все освѣщено яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, и кажется, будто видишь картины изъ Геркуланума; равно эти картины оказываютъ обратное дѣйствіе на книгу и при чтеніи приходятъ на помощь фантазіи.

— Мнѣ нравится извѣстная замкнутость, выдержанная въ поэмѣ,—сказалъ я (т. е. Эккерманнъ).—Почти нѣтъ чуждыхъ намековъ, которые выводили бы насъ изъ счастливаго круга. Изъ боговъ дѣйствуютъ только Панъ и Нимфы, другіе едва упоминаются, и ясно, что потребности пастуховъ ограничиваются этими божествами.

— И, однако, несмотря на значительную замкнутость,— сказалъ Гёте, передъ нами раскрывается цѣлый міръ. Мы видимъ всякаго рода пастуховъ, земледѣльцевъ, садовниковъ, виноградарей, корабельщиковъ, разбойниковъ, воиновъ и именитыхъ гражданъ, важныхъ господъ и рабовъ.

— Мы видимъ также людей на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ отъ рожденія до старости; равно передъ нашими глазами проходятъ различныя домашнія занятія, которыя приносятъ съ собою перемѣняющіяся времена года.

— А ландшафтъ!—сказалъ Гёте.—Онъ немногими чертами обозначенъ такъ ясно, что позади дѣйствующихъ лицъ мы видимъ: вверху—виноградники, нивы, плодовые сады, внизу—луга съ рѣчкой и небольшой рощицей, а вдали разстилается море, и нѣтъ слѣда пасмурныхъ дней, тумана, облаковъ и сырости; всегда голубое чистое небо, пріятный воздухъ и постоянно сухая почва, гдѣ можно лечь безъ одежды. Вся поэма,—продолжалъ Гёте,—свидѣтельствуетъ о высокомъ искусствѣ и образованности. Она такъ обдумана, что въ ней нѣтъ ни одного недостающаго мотива, и всѣ они какъ нельзя болѣе основательны: напримѣръ, кладъ, найденный на берегу моря въ гніющемъ трупѣ дельфина. И какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! Ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что только было написано. Все отвратительное, вторгающееся извнѣ въ счастливую область поэмы, какъ-то: нападеніе, грабежъ и война, всегда разсказано самымъ краткимъ образомъ и не оставляетъ почти никакого слѣда. Порокъ является вслѣдствіе вліянія горожанъ, и притомъ не въ главныхъ лицахъ, а въ аксессуарныхъ. Все это первостепенныя красоты.

— И еще,—замѣтилъ я,—мнѣ очень понравилось, какъ рисуются отношенія между господами и слугами. Первые обходятся по-человѣчески, а послѣдніе, при всей наивной свободѣ, почтительны и желаютъ всемѣрно угодить своимъ господамъ. И молодой горожанинъ, котораго Дафнисъ возненавидѣлъ за предложенія противоестественной любви, и тотъ, когда Дафнисъ признанъ сыномъ господина, старается

снова снискать его милость, отнимая у коровьихъ пастуховъ похищенную Хлою и возвращая ее ему.

— Во всемъ этомъ виденъ большой умъ,—сказалъ Гёте.— Прекрасно также, что Хлоя до конца романа сохраняетъ невинность и любящіеся не знаютъ ничего лучшаго, какъ, раздѣвшись, спать другъ подлѣ друга; все это къ тому же такъ отлично мотивировано, что при этомъ говорится о величайшихъ человѣческихъ дѣлахъ. Требуется написать цѣлую книгу, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить всѣ достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобы поучаться изъ нея и вновь чувствовать впечатлѣнія ея большой красоты» [1]).

Итакъ, великій язычникъ смотритъ на поэму, какъ на одно изъ безупречныхъ созданій эллинскаго духа. Онъ говоритъ о «Дафнисѣ и Хлоѣ» почти такъ же, какъ могъ бы говорить о произведеніи Гомера и Софокла. Онъ не видитъ ни одной тѣни, ни одного недостатка въ этой классической книгѣ, въ которой онъ совѣтуетъ намъ—и не безъ глубокаго основанія—«искать поученія», т.-е. высшей мудрости Эллиновъ. Но, оцѣнивая отзывъ Гёте, не слѣдуетъ забывать объ одной удивительной особенности этого человѣка, подобнаго которому природа, можетъ-быть, никогда не создавала: душа его обладала способностью вбирать, впитывать въ себя изъ жизни только свѣжее и свѣтлое, только здоровое и прекрасное, извлекать, даже изъ ядовитыхъ цвѣтовъ, только чистѣйшій нектаръ. Объ остальномъ онъ умалчивалъ, не замѣчалъ или не удостоивалъ замѣтить. И эту естественную способность онъ увеличилъ эстетическою и нравственною выучкой, укрѣпилъ величайшимъ самообладаніемъ и привычкой поддерживать себя въ постоянно хорошемъ и бодромъ настроеніи, въ свѣжемъ здоровьи духа и тѣла. Къ старости онъ достигъ въ этомъ отношеніи рѣдкаго совершенства, нечуждаго, однако, нѣкоторой окаменѣлости. Онъ не допускаетъ въ свой обиходъ ничего темнаго, тревожнаго и двусмысленнаго, ничего, что могло бы возмутить его бо-

---

[1]) Переводъ Д. В. Аверкіева.

жественное спокойствіе, купленное цѣною такихъ страшныхъ усилій и бореній, ничего, что могло бы нарушить его олимпійскую гигіену. Замѣчательно, что даже Эккерманнъ своимъ неумнымъ, безтактнымъ замѣчаніемъ о благородныхъ отношеніяхъ рабовъ и господъ, т.-е. крѣпостныхъ и помѣщиковъ въ поэмѣ Лонгуса, не вызвалъ Гёте на возраженія, не вывелъ его изъ терпѣнія. Вообще здѣсь должно сказать, что, помимо всѣхъ своихъ другихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, книга Эккермана отличается и такимъ, котораго почтенный авторъ, вѣроятно, въ ней не подозрѣвалъ: она учитъ насъ тому, съ какимъ трогательнымъ терпѣніемъ геніальнѣйшіе люди умѣютъ переносить человѣческую глупость и даже пользоваться ею для своихъ возвышенныхъ цѣлей: ибо воистину нужно было героическое терпѣніе Гёте, чтобы такъ благодушно переносить тѣ глупости и пошлости, которыми Эккерманнъ осыпаетъ своего великаго покровителя.

Но, если бы у Гёте былъ другой, болѣе проницательный и умный собесѣдникъ, то онъ могъ бы, заведя рѣчь именно объ отношеніи господъ и рабовъ въ поэмѣ, указать на нѣкоторыя зловѣщія тѣни, свидѣтельствующія, впрочемъ, не о промахахъ автора, а лишь о томъ, что это—не произведеніе цвѣтущей эпохи, а поздней культуры, склоняющейся къ упадку и вырожденію, что́, кажется, Гёте не хотѣлъ принять въ расчетъ.

Сначала мы не замѣчаемъ, но, по мѣрѣ движенія и развитія поэмы, все съ большей и большей ясностью чувствуемъ, что Дафнисъ и Хлоя — не свободные люди, а рабы, крѣпостные богатаго помѣщика. Вовсе не поверхностной и мимолетной, а, напротивъ, страшной и глубокой въ своей наивности, кажется мнѣ та сцена, когда образованный и добрый юноша Астилъ, братъ Дафниса, соглашается подарить хорошенькаго пастушка своему развратному нахлѣбнику для удовлетворенія его противоестественной похоти. Съ какимъ легкимъ сердцемъ они объ этомъ говорятъ, какъ шутятъ, какъ смѣются! Астилъ отдаетъ Дафниса блюдолизу въ награду за нѣсколько смѣшныхъ и

льстивыхъ словъ, какъ отдаютъ собаку или вещь. Здѣсь чувствуется возможность ужасающей трагедіи; правда, идиллія только скользитъ по ней, почти не касаясь; но неизгладимое впечатлѣніе остается въ душѣ читателя. И невольно приходитъ на умъ, что это вовсе—не простая случайность, какъ, повидимому, утверждаетъ Гёте, напротивъ, только простая случайность спасаетъ Дафниса отъ гибели: а именно — памятные знаки, обычная и банальная подробность всѣхъ греческихъ романовъ — то, что Дафнисъ оказался не рабомъ, а сыномъ помѣщика.

Не случайная подробность въ романѣ — этотъ непобѣдимый, суевѣрный, преслѣдующій бѣдныхъ влюбленныхъ дѣтей во снѣ и наяву, страхъ передъ господами, которые скоро должны пріѣхать въ деревню, которые могутъ сдѣлать съ ними все, что вздумается, обидѣть ихъ, разлучить или соединить. Дафнисъ молитъ Нимфъ, чтобы онѣ защитили его и Хлою отъ господъ, какъ отъ разбойниковъ или враговъ. Не случайность также — этотъ ужасъ стараго садовника Ламона передъ господами, который увѣренъ, что его повѣсятъ, а Дафниса засѣкутъ за нѣсколько испорченныхъ цвѣточныхъ грядокъ въ любимомъ саду помѣщика. И Хлоя видитъ уже кровавые рубцы на спинѣ Дафниса отъ господскаго бича.

Должно отмѣтить такую же характерную черту нравовъ въ откровенномъ и наивномъ признаніи Дафнисова отца: онъ покинулъ своего маленькаго сына на произволъ судьбы только потому, что ему казалось достаточнымъ число бывшихъ у него дѣтей; Дафнисъ родился лишнимъ сверхъ счета, и отецъ выбрасываетъ его изъ дому, какъ щенка. Также поступаетъ отецъ съ Хлоей, извиняясь, впрочемъ, бѣдностью и невозможностью приличнымъ образомъ воспитать свою дочь и выдать замужъ. Вотъ черты семейнаго вырожденія и поздняго византійскаго варварства, которыя такъ прихотливо переплетаются съ болѣзненной утонченностью нравовъ, какъ во всѣ эпохи упадка. Это — не языческая патріархальная суровость, которая встрѣчается у Гомера и у трагиковъ, а скорѣе одичалость, огрубѣлость

нравовъ вырождающейся культуры. Конечно, было бы нелѣпо обвинять автора: онъ только взялъ изъ жизни то, что нашелъ, а украшать жизнь препятствовала ему глубокая художественная объективность. Напротивъ, должно удивляться великому искусству, съ которымъ онъ сумѣлъ скрыть, стереть эти невыгодныя черты эпохи, насколько было возможно при сохраненіи жизненнаго реалистическаго фона картины, — тѣмъ болѣе, что, повторяю, подобныя черты языческой жестокости въ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ встрѣчаются и у Гомера, и у трагиковъ; но тамъ онѣ производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе: тамъ онѣ проистекаютъ изъ первобытной величавой суровости духа, еще полудикаго и неукрашеннаго никакими человѣческими цѣпями, сопровождаются чертами высокаго, безсознательнаго героизма, который все оправдываетъ, все очищаетъ и превращаетъ самую кровь въ жертвоприношеніе, угодное богамъ, столь же веселымъ и безпощаднымъ, какъ люди. А здѣсь, на фонѣ безконечно-утонченной нѣжности, въ очаровательной поэмѣ любви, черты жестокости выдѣляются съ особенной рѣзкостью и оставляютъ въ душѣ читателя болѣзненный, глубокій слѣдъ, какъ дисгармонія, какъ нестерпимое противорѣчіе. Замѣчательно, что эта же самая жестокость среди византійской утонченности встрѣчается также въ христіанскихъ легендахъ и житіяхъ святыхъ, близкихъ по времени въ «Дафнису и Хлоѣ»: мрачныя черты грубаго монашескаго изувѣрства, мелочная и варварская жестокость Юстиніанова законодательства, — а рядомъ болѣзненно-утонченная, почти современная чувствительность, сложная и глубокая психологія страстей, та новая, невѣдомая древнимъ грекамъ поэзія, изъ которой выросли весенніе золотые цвѣты итальянскаго XIII вѣка, «*Fioretti*» св. Франциска. И въ этой характерной особенности Лонгуса проявляется сумеречная двойственность, борьба двухъ началъ — Вырожденія и Возрожденія, которую всегда можно отыскать въ такія переходныя времена, на такихъ великихъ историческихъ перевалахъ.

И, тѣмъ не менѣе, Гёте правъ. Онъ первый почувствовалъ огромное эстетическое и философское значеніе этой книги, которою до тѣхъ поръ только забавлялись не понимая, которую любили, какъ сладострастную и драгоцѣнную игрушку, не придавая ей особеннаго значенія. Гёте осмѣлился сказать, что мы должны благоговѣйно перечитывать эту простодушную сказку любви, какъ одинъ изъ недостижимыхъ классическихъ образцовъ, что мы должны искать въ ней поученія и мудрости. Такова сила эллинскаго духа: она побѣждаетъ все, даже старость, и, среди глубокаго византійскаго упадка и одряхлѣнія, неожиданно даетъ новые весенніе ростки, показываетъ міру неподражаемую красоту, которой суждено быть восторгомъ и отчаяніемъ послѣдующихъ вѣковъ. Есть отдѣльныя страницы въ поэмѣ Лонгуса, которыя дышатъ юношескою, неувядаемою свѣжестью Гомера. Черезъ тысячелѣтія опять вѣетъ въ нихъ этотъ упоительный, крѣпкій и соленый запахъ Іоническаго моря, какъ будто бы ни разочарованій, ни упадка, ни старости, ни варварства, ни Рима, ни христіанства вовсе не было въ мірѣ, — и божественный странникъ Одиссей все еще плаваетъ, гонимый Посейдономъ и Герой, по волнамъ необъятнаго моря. Люди могутъ создать что-нибудь иное, столь же великое, но болѣе прекраснаго ничего никогда не создадутъ. Съ вѣчно-новымъ и новымъ изумленіемъ, перечитывая нѣкоторыя простѣйшія описанія простѣйшей природы у Гомера и Лонгуса, чувствуешь безнадежность, какъ передъ совершенствомъ самой природы, — такъ что у современнаго художника руки опускаются, и еще долго потомъ послѣ сладкаго не хочешь горькаго, послѣ этихъ описаній всѣ попытки изобразить словами внѣшній міръ, даже у величайшихъ новыхъ поэтовъ, кажутся блѣдными и грубыми. И чѣмъ больше думаешь, тѣмъ меньше постигаешь, въ чемъ же, наконецъ, тайна этой эллинской прелести. Они описываютъ легко, почти небрежно, точно мимоходомъ, едва касаясь предмета, и въ ихъ краскахъ есть воздушная, нѣжная тусклость, которая заставила Гёте такъ остроумно сравнить пейзажи Лонгуса съ живописью Гер-

куланума. Они не искали, не думали, не скорбѣли, какъ мы, и отъ рожденіе, по какому-то счастливому дару боговъ, знали мѣру вещей, ту золотую мѣру всего, которую мы называемъ красотою. Они ничего не исчерпываютъ до дна, до горькаго, темнаго дна, они умѣютъ останавливаться вовремя и не любопытствовать, и не углубляться, удовлетворяясь великимъ, но не безмѣрнымъ. А мы, увлеченные христіанскою жаждой безграничнаго и безмѣрнаго, переступили какіе-то заповѣдные пороги, мы нарушили навѣки гармонію человѣческаго существа и утратили эту золотую эллинскую мѣру, такъ что ищемъ ее и не можетъ найти и, какъ изгнанники, сидимъ на холодныхъ берегахъ варварской чужбины, плачемъ и молимъ боговъ, и простираемъ руки къ той единственной землѣ, гдѣ люди были, какъ боги.

Ничего не можетъ быть проще замысла поэмы. И въ то же время, какъ онъ глубокъ въ своей простотѣ и ясности! Богъ любви принялъ участіе въ дѣтяхъ, покинутыхъ людьми на произволъ судьбы. Богамъ угодно то, что отвергнуто, презрѣно и забыто людьми. Здѣсь уже чуется вліяніе и близость новаго, не рокового, а болѣе человѣчнаго и глубокаго міросозерцанія, изъ котораго вышло христіанство. Эти обездоленныя, покинутыя дѣти, которыя, повидимому, обречены на голодную смерть, оказываются избранниками боговъ, баловнями природы. Міръ божественный именно потому принимаетъ ихъ, что они исторгнуты изъ міра человѣческаго. Панъ, грозный Панъ, отъ котораго храбрѣйшіе воины бѣгутъ въ «паническомъ» ужасѣ, покровительствуетъ обиженнымъ дѣтямъ; Нимфы заботятся о нихъ; сама Природа замѣняетъ имъ мать,— коза кормитъ мальчика, овца — дѣвочку, и надъ всѣмъ витаетъ невидимая всепроницающая власть бога Любви. Въ сущности, поэма Лонгуса есть не что иное, какъ одна хвалебная пѣснь могуществу любви. Эросъ владычествуетъ надъ всѣми богами, и въ этой исключительной власти бога Любви чувствуется переходъ отъ олимпійскаго многобожія къ новому религіозному и философскому едино-

божію. Наибольшей метафизической высоты поэма достигаетъ въ VII гл. второй книги, въ разсказѣ стараго Филетаса о видѣніи Эроса,—разсказѣ, который по вдохновенному лиризму можно сравнить только съ лучшими хорами въ трагедіяхъ Софокла и Эсхила.

Филетасъ говоритъ Дафнису и Хлоѣ:

«Дѣти мои, любовь есть богъ юный, прекрасный и окрыленный... Такова его сила, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ стихіями, онъ царствуетъ надъ свѣтилами. Онъ царствуетъ надъ прочими богами съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы Любовью, и Любовь вызвала на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растенія. Любовью движутся рѣки, Любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленнаго быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ».

И самъ богъ Любви говоритъ о себѣ:

«Я по виду дитя; на самомъ же дѣлѣ болѣе старъ, чѣмъ Сатурнъ, болѣе старъ, чѣмъ всѣ вѣка».

Христіане утверждали, какъ Лонгусъ: Богъ есть Любовь. Но христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ — сочетаніе мужского и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ *геніемъ рода*—сладострастіе.

Любовь есть вѣчное дѣтство міра, вѣчное веселіе Эроса. Все, что живетъ и умираетъ,—только безцѣльная и упоительная игра божественнаго ребенка. И забавы его важнѣе великихъ дѣлъ человѣческихъ. Это дитя старѣе, чѣмъ Сатурнъ, сильнѣе, чѣмъ Громовержецъ. Вѣчный шалунъ, насмѣхающійся надъ всякою властью, преступающій всѣ законы, онъ забавляется то кровавыми ужасными играми, то невинными и пастушескими, и переходитъ отъ однѣхъ къ другимъ съ безпечною легкостью: онъ—внѣ добра и зла.

Любовь Дафниса и Хлои — только одна изъ его безчисленныхъ игръ, одна изъ его очаровательныхъ прихотей. Маленькій богъ играетъ неопытными сердцами покинутыхъ дѣтей, такъ же какъ въ саду стараго Филетаса, вмѣстѣ съ бабочками и птицами, играетъ онъ недолго-

вѣчными розами и золотыми плодами осени. Смыслъ міровой жизни, міровой трагедіи — не рокъ, не скорбь, не борьба, а только игра и веселіе вѣчно юнаго бога, ибо *«любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры»*.

Люди большихъ городовъ, удалившись отъ природы, утратили вѣчный смыслъ жизни; занятые тѣмъ, что считаютъ своими важными и серьезными дѣлами, — деньгами, войнами, славою, книгами, — они забываютъ единственно важное и серьезное дѣло — божественную, безцѣльную игру любви. Они воображаютъ, что слишкомъ хорошо знаютъ любовь, и потому не любятъ. Они омрачили любовь порокомъ, лицемѣрною стыдливостью, скукою, тяжестью семейныхъ обязанностей, тщеславіемъ, выгодой, платонизмомъ; и Эросъ съ отвращеніемъ уходитъ отъ этого уродства, которымъ мы гордимся, какъ высшей степенью культуры, уходитъ изъ городовъ въ тихія поля къ пастухамъ, козамъ и овцамъ, въ запущенные сады, гдѣ слышно жужжаніе пчелъ и паденіе спѣлыхъ плодовъ сквозь листву, на пустынные берега моря, въ забытые уголки природы, гдѣ до сихъ поръ еще люди живутъ, какъ боги и звѣри. И здѣсь онъ опять заводитъ свою дѣтскую непонятную игру, въ которой открывается тайный смыслъ міровой жизни; сладострастный Панъ и чистыя Нимфы помогаютъ ему; овцы и козы, совокупляясь, учатъ дѣтей любви: «здѣсь любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры».

Въ сущности Дафнисъ и Хлоя, это — новые Адамъ и Ева въ древнемъ, вѣчно-дѣвственномъ раю природы. Они такъ же невинны, такъ же не знаютъ ни грѣха, ни стыда, какъ наши библейскіе прародители. Среди культуры, склоняющейся къ упадку, Лонгусъ въ своемъ романѣ показываетъ опытъ первобытной человѣческой любви, освобожденной отъ всѣхъ условностей и предразсудковъ, отъ всѣхъ покрововъ и цѣпей. Въ этомъ — онъ истинный эллинъ; онъ не побоялся наготы и, кажется, одинъ изъ всѣхъ, писавшихъ о любви, осмѣлился показать намъ любовь въ ея первоначальной наготѣ. Вотъ почему эллинскій натурализмъ Лонгуса гораздо глубже и дерзновеннѣе нашего

современнаго натурализма, въ которомъ чувствуется порывистая рѣшимость отчаянія и страха. Лонгусъ показалъ намъ любовь, какъ верховную силу природы, любовь— внѣ добра и зла, выше добра и зла, любовь, какъ высшую свободу и познаніе міра въ красотѣ.

Есть еще одна особенность, которая дѣлаетъ эту поэму доступной намъ и близкой, — я разумѣю возвращеніе къ природѣ отъ лицемѣрія, лжи и условностей культуры. Въ сущности это и есть главная философская тема во всѣхъ великихъ поэмахъ любви, начиная отъ *Пѣсни пѣсней* Саломона и *Сакунталы* Калидасы. Любовь возвращаетъ человѣка къ природѣ, и это даетъ случай поэту изобразить прелесть сельской, наивной и здоровой жизни въ ея противоположности съ утонченной, болѣзненной культурой большихъ городовъ. Пастушка Суламита, чью любовь Соломонъ не можетъ купить за всѣ сокровища, — тоскуетъ отъ любви къ пастуху, изливаетъ въ жалобныхъ пѣсняхъ простодушное горе въ такой же цвѣтущей пустынѣ, какъ Дафнисъ и Хлоя. Сакунтала, воспитанница буддійскихъ монаховъ, въ тропическомъ лѣсу, обнимаетъ на прощаніе любимую лань и цѣлуетъ ее съ такою же нѣжностью, какъ Дафнисъ и Хлоя — своихъ козъ и овецъ. Здѣсь мы затрагиваемъ глубочайшія свойства нашего сердца: ибо, одинаково у арійцевъ и семитовъ, у древнихъ евреевъ, грековъ и индійцевъ природа присоединяетъ свои безчисленные братскіе голоса къ пѣснопѣнію человѣческой любви? Любовь не отдѣляется отъ природы, какъ будто страсть мужчины и женщины есть только вѣчное возвращеніе человѣческаго существа къ природѣ, въ лоно безсознательной жизни. Любовь и природа— одно и то же; любовь — страстное бѣгство души къ первобытному стихійному здоровью отъ искусственно привитой болѣзни, которую мы называемъ культурой. Такова любовь Дафниса и Хлои, и вотъ почему послѣдняя книга поэмы, въ которой разсказывается возвращеніе влюбленныхъ пастуховъ въ городскую жизнь, въ покинутую, культурную среду, производитъ впечатлѣніе тягостное и болѣзненное. Вы не вѣрите поэту, когда онъ говоритъ, что па-

стушка Хлоя сдѣлалась прекраснѣе въ городскихъ роскошныхъ одеждахъ, и вамъ кажется, что лучше бы Дафнису умереть, чѣмъ забыть свою любовь, хотя бы на одно мгновеніе, какъ онъ ее забываетъ въ упоеніи богатствомъ и почестями, т.-е. въ пошлости. Вообще конецъ—самая слабая и банальная часть романа: онъ выигралъ бы въ значительной мѣрѣ, если бы послѣдняя, четвертая, книга была вовсе потеряна, и надо удивляться тому, что Гёте при своей художественной проницательности этого не почувствовалъ.

Самая сильная часть — та, въ которой изображается новая, невѣдомая древнимъ грекамъ, любовь къ природѣ. Впрочемъ, нельзя даже сказать, чтобы Дафнисъ и Хлоя любили природу въ томъ смыслѣ, какъ мы ее любимъ: они съ нею—одно. Козы и овцы, о которыхъ влюбленные пастухи такъ нѣжно заботятся, за которыхъ они готовы умереть, принимаютъ не меньшее участіе въ дѣйствіи поэмы, чѣмъ люди. Козы и овцы прыгаютъ отъ радости, когда Дафнису и Хлоѣ весело, стоятъ, понуря голову, и не щиплютъ травы, когда имъ грустно; слушаютъ ихъ музыку и какъ будто понимаютъ разумную жизнь. Здѣсь уже предчувствуется новое братство между человѣкомъ и животнымъ, которое получаетъ такое огромное значеніе въ средневѣковыхъ легендахъ. Здѣсь побѣждена древне-библейская и древне-греческая гордыня, которая ставила человѣка внѣ міра животныхъ, на высотѣ, какъ одинокаго царя природы и полубога. Человѣкъ уже не презираетъ звѣря, потому что вспоминаетъ, что они оба — дѣти одной матери; онъ спускается ко всѣмъ живымъ тварямъ съ благосклоннымъ любопытствомъ, и въ ихъ ласковыхъ, глубокихъ, лишенныхъ мысли очахъ, въ ихъ безсознательной жизни находитъ вѣщіе проблески и откровенія. И здѣсь, въ этой братской любви къ животнымъ, проникающей поэму Лонгуса и придающей ей такую плѣнительную нѣжность, мы встрѣчаемся, въ самой глубинѣ древне-эллинскаго духа, съ первымъ предвѣстіемъ новаго, средневѣковаго и христіанскаго міросозерцанія, новой чрезмѣрной и болѣзненно-утонченной чувствительности. Въ добромъ пастухѣ Дафнисѣ есть что-то,

напоминающее нѣкоторые образы въ римскихъ катакомбахъ. Духъ пасторали вѣялъ тогда надъ міромъ, одинаково проявляясь и въ душной темнотѣ катакомбъ, и на солнечномъ Лезбосѣ. И эти умныя, кроткія, послушныя музыкѣ овцы Хлои—всегда казались мнѣ предками той средневѣковой овечки, которая, какъ повѣствуетъ *Fioretti di S. Francesco*, однажды въ церкви, вмѣстѣ съ монахами, при звукахъ торжественнаго органа, вся бѣлая и чистая, въ солнечномъ сіяніи, преклоняла колѣни предъ Францискомъ Ассизскимъ. И эта древне-эллинская цикада, милая пѣвунья, которая, спасаясь отъ ласточки, разбудила Хлою, и когда дѣвушка положила ее къ себѣ подъ одежду на грудь, продолжала пѣть, — должно-быть, близкая родственница той итальянской цикады, которую однажды въ жаркій лѣтній день св. Францискъ взялъ къ себѣ на руки, тихонько гладилъ по зеленой спинкѣ, и, въ поученіе монахамъ, хвалилъ за то, что она не лѣнится прославлять Создателя ни днемъ, ни ночью, — и цикада продолжала пѣть на исхудалой, блѣдной рукѣ святого такъ же безбоязненно и радостно, какъ на цвѣтущей груди Хлои.

Дафнисъ и Хлоя

Охотясь однажды на островѣ Лезбосѣ, я увидѣлъ въ лѣсу, посвященномъ Нимфамъ, самое прекрасное, что когда-либо видѣлъ во всю мою жизнь: произведеніе живописи, исторію любви. Роща, сама по себя была прекрасна. Тѣнистыя деревья, разнообразные цвѣты, журчащія воды. Источникъ питалъ и цвѣты и деревья. Но ничто не могло сравниться съ картиною, очаровательнымъ произведеніемъ художника, изображеніемъ любви. Многіе люди, даже изъ чужихъ земель, приходили туда на поклоненіе Нимфамъ, желая увидѣть эту картину. На ней художникъ изобразилъ женщинъ, рожавшихъ, другихъ, облекавшихъ дѣтей пеленами, младенцевъ, покинутыхъ на произволъ, животныхъ, которыя питали ихъ, пастуховъ, которые принимали ихъ, юношей и дѣвъ, соединявшихся въ любви, разбойниковъ на морѣ, паденіе враговъ на сушѣ.

Эти образы и многіе другіе, тоже любовные, наполнили меня такимъ изумленіемъ и радостью, что я пожелалъ написать о нихъ повѣсть. Итакъ, я попросилъ, чтобы мнѣ подробно объяснили картину, и, выслушавъ все со вниманіемъ, сочинилъ эти четыре книги, которыя посвящаю, какъ жертву, богу Любви, Нимфамъ и Пану. Это произведеніе да будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокровищемъ полнымъ прелести для всѣхъ людей: болящій найдетъ въ немъ исцѣленіе, огорченный — усладу, тотъ, кто любилъ, — воспоминаніе, тотъ, кто еще не зналъ любви, — посвященіе въ ея таинства. Ибо никто не избѣгъ или не избѣгнетъ любви, пока на землѣ будетъ красота и глаза, чтобы видѣть ее. Но да позволитъ мнѣ богъ Любви ,— описывая чужія страсти, самому оставаться свободнымъ и мудрымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Митилены — большой и красивый городъ на Лезбосѣ. Онъ пересѣченъ каналами, въ которые тихо вливается морская вода, и украшенъ мостами изъ бѣлаго гладкаго камня. Онъ кажется не городомъ, а островомъ. Въ сосѣдствѣ, приблизительно въ двухстахъ стадіяхъ отъ Митиленъ, богатый человѣкъ владѣлъ землею. Это было прекрасное мѣсто: горы, обильныя дичью, поля пшеницы, холмы, покрытые лозами, луга для пастбищъ, море окружало владѣніе, и нѣжныя волны набѣгали на тонкій песокъ побережья.

II.

На этой землѣ козій пастухъ, по имени Ламонъ, нашелъ однажды ребенка, котораго кормила коза. Вотъ, какъ это случилось. Подъ кустами терновника, обвитаго побѣгами густого плюща, зеленѣлъ мягкій дернъ. На немъ лежалъ ребенокъ. Туда часто бѣгала коза; она, то и дѣло, исчезала, покидая своего козленка, чтобы провѣдать младенца. Ламонъ это замѣтилъ и сталъ жалѣть покинутаго сосунка. Разъ, въ самый полдень, онъ пошелъ по слѣдамъ козы и увидалъ, что она подходитъ съ осторожностью, чтобы нечаянно не ранить копытомъ лежащаго на травѣ ребенка, который выжимаетъ молоко изъ сосцовъ козы, какъ будто сосетъ грудь матери. Пастухъ съ удивленіемъ приблизился

и увидѣлъ мальчика, красиваго, здороваго, въ пеленкахъ изъ болѣе роскошной ткани, чѣмъ та, которая соотвѣтствовала его несчастному положенію. Ибо ткань была пурпуромъ съ пряжкою изъ чистаго золота. Рядомъ лежалъ маленькій ножъ съ ручкою изъ слоновой кости.

III.

Сначала онъ подумалъ, не взять ли съ собой памятные знаки, покинувъ ребенка, но потомъ устыдился при мысли, что онъ менѣе сострадателенъ, чѣмъ коза. Итакъ, дождавшись ночи, взялъ онъ съ собою все — драгоцѣнные предметы, вмѣстѣ съ ребенкомъ, и даже привелъ козу къ женѣ Мирталѣ. Миртала весьма изумилась и спросила его, не рождаютъ ли нынѣ козы мальчиковъ. Ламонъ разсказалъ ей съ подробностями, какъ нашелъ покинутаго ребенка, какъ увидѣлъ, что коза его кормитъ, и какъ ему было стыдно оставить его на произволъ судьбы. Миртала вполнѣ одобрила дѣйствія мужа. Они заперли на замокъ предметы, найденные съ ребенкомъ, стали говорить всѣмъ, что онъ—ихъ собственный, и дали ему козу въ кормилицы. Для того, чтобы самое имя его звучало по-сельски, рѣшили назвать его Дафнисомъ.

IV.

Два года спустя, съ пастухомъ овецъ, пасшимъ стадо свое по сосѣдству, случилось то же самое. Поблизости былъ гротъ, посвященный Нимфамъ,—огромная скала, пустая внутри, закругленная снаружи. Въ самомъ камнѣ утеса были изваяны статуи нимфъ, съ босыми ногами, съ руками, голыми до плечъ, съ локонами, вьющимися вокругъ шеи, съ улыбкой на губахъ,—какъ бы пляшущія въ хороводѣ. Входъ въ пещеру занималъ середину скалы. Оттуда струился ключъ, и воды его, стекая, образовали цѣлый ручей. Передъ гротомъ зеленѣла ясная луговина, на которой влажность питала мураву, нѣжную и обильную. Здѣсь

висѣло множество деревянныхъ чашъ для молока, флейтъ бога Пана, флейтъ изъ неровныхъ сложенныхъ тростниковъ и свирѣлей—жертвоприношеній пастуховъ былыхъ временъ.

V.

Въ это убѣжище Нимфъ овца, которая только что родила ягненка, хаживала такъ часто, что пастухъ нѣсколько разъ думалъ, что она заблудилась и больше не вернется. Рѣшившись наказать ее и отучить отъ дурной привычки, взялъ онъ ивовую зеленую вѣтвь, согнулъ ее наподобіе силка, и пошелъ къ утесу, чтобы поймать бѣглянку. Но, войдя въ пещеру, пастухъ нашелъ то, чего не ждалъ: увидѣлъ, какъ овца съ материнскою нѣжностью даетъ сосать ребенку вымя, полное молокомъ. А тотъ весело и жадно прикладываетъ то къ одному сосцу, то къ другому свои губки, розовыя и чистыя, потому что каждый разъ, какъ, насытившись, онъ переставалъ сосать, овца заботливо вытирала ему лицо языкомъ. Ребенокъ былъ дѣвочкой. Рядомъ лежали пеленки и памятные знаки: золотая сѣтка для волосъ, золоченые полусапожки и туфельки, шитыя золотомъ.

VI.

Полагая, что въ этой находкѣ есть нѣчто божественное, наученный овцою состраданію, Дріасъ взялъ дѣвочку на руки, положилъ памятныя примѣты въ кожаный мѣшокъ и, обращаясь къ Нимфамъ съ молитвой, просилъ, чтобы онѣ послали ему счастья за его заботы о маленькой ихъ дочкѣ Когда пришла пора отводить стадо въ овчарню, вернулся онъ въ хижину, сообщилъ женѣ то, что видѣлъ, показалъ находку и посовѣтовалъ ей смотрѣть на ребенка, какъ на собственную дочь,—такъ ее и воспитывать, никому не открывая тайны. Напэ — таково было имя жены Дріаса—съ того самаго дня сдѣлалась матерью: баловала и любила ребенка, какъ будто боялась, чтобы овца не превзошла ее нѣжностью, и для болѣе вѣрнаго сохраненія тайны, выбравъ имя тоже сельское, назвала дѣвочку Хлоей.

VII.

Мальчикъ и дѣвочка скоро выросли, и оба были такъ прекрасны, что мало походили на прочихъ поселянъ. Уже Дафнису было пятнадцать лѣтъ, а Хлоѣ на два года меньше, когда Дріасу и Ламону приснился одинъ и тотъ же сонъ: Нимфы пещеры, откуда вытекалъ ключъ, и гдѣ Дріасъ нашелъ дѣвочку, передавали Дафниса и Хлою отроку, столь же прекрасному, какъ и блаженному, имѣвшему крылья за плечами и маленькія стрѣлы съ маленькимъ лукомъ. Отрокъ, прикоснувшись къ обоимъ одной и той же стрѣлой, приказалъ ему — пасти козъ, ей—овецъ.

VIII.

Сновидѣніе опечалило стариковъ. Имъ было грустно, что дѣтямъ также назначено судьбою только пасти стада, потому что до тѣхъ поръ они думали, что роскошь младенческихъ одеждъ предрекаетъ имъ болѣе завидную участь. И, надѣясь на эту участь, они дали пріемнымъ дѣтямъ болѣе нѣжное воспитаніе, научили ихъ чтенію и всему, что сельская жизнь представляетъ добраго и благороднаго. Тѣмъ не менѣе, Ламонъ и Дріасъ рѣшили поступить такъ, какъ боги повелѣвали, съ тѣми, кого боги спасли. Разсказавъ другъ другу сновидѣніе и пренеся жертву въ присутствіи Нимфъ окрыленному Отроку,—имени его они еще не знали,—Ламонъ и Дріасъ послали своихъ питомцевъ, новыхъ пастуховъ, пасти стада и научили ихъ тому, что слѣдовало дѣлать: какъ выгонять стада на пастбище до полудня, затѣмъ когда полуденный жаръ спадаетъ, въ какой часъ водить на водопой, и когда загонять обратно въ хлѣвъ; къ какихъ случаяхъ употреблять посохъ, въ какихъ—голосъ. Они же, исполнившись великою радостью, какъ будто имъ довѣрили важное дѣло, начали съ того, что полюбили своихъ козъ и овецъ болѣе, чѣмъ ихъ любятъ обыкновенные пастухи, потому что Хлоя была обязана овцѣ спасеніемъ жизни, а Дафнисъ не забывалъ, что коза вскормила его, покинутаго людьми.

IX.

Была ранняя весна. Всюду рождались цвѣты—въ рощахъ, на лугахъ и по горнымъ склонамъ. Воздухъ былъ полонъ жужжаніемъ пчелъ, щебетаніемъ птицъ, блеяніемъ новорожденныхъ ягнятъ. Овцы прыгали по холмамъ, пчелы гудѣли на травѣ, птицы наполняли пѣніемъ листву. Между тѣмъ какъ все, такимъ образомъ, слѣдовало сладостнымъ законамъ природы, они, юные и нѣжные, подражали тому, что видѣли и слышали: слыша пѣніе птицъ—пѣли, видя, какъ овцы прыгаютъ,—прыгали съ легкостью и, подобно пчеламъ, наслаждались цвѣтами: срывая, одни клали себѣ на грудь, изъ другихъ плели вѣнки, которые приносили въ жертву Нимфамъ.

X.

Между тѣмъ какъ они пасли стадо по очереди, все было у нихъ общее. Нерѣдко Дафнисъ отыскивалъ заблудившихся овецъ. Нерѣдко Хлоя сгоняла съ вершины обрывистаго утеса слишкомъ отважную козу. Иногда одинъ охранялъ оба стада, пока другой забавлялся веселыми играми. То были игры пастуховъ и дѣтей: дѣвочка, собирая сухія былинки камыша, плела западню для кузнечиковъ и, погруженная въ это занятіе, забывала о своихъ овцахъ; мальчикъ срѣзалъ тонкіе стебли тростника, прокалывалъ ихъ узловатыя связки, склеивалъ мягкимъ воскомъ и нерѣдко до поздняго вечера учился играть на флейтѣ. Они пили вмѣстѣ вино, молоко, и соединяли въ общей трапезѣ то, что приносили съ собою изъ дому на обѣдъ. Скорѣе ты увидѣлъ бы, что овцы и козы пасутся отдѣльно, чѣмъ Дафниса и Хлою—разъединенныхъ.

XI

Между тѣмъ какъ они предавались младенческимъ играмъ, богъ Любви уже готовилъ имъ нѣкоторыя заботы. Волчица по сосѣдству кормила волчатъ своихъ и похищала изъ стадъ немало жертвъ, потому что для пропитанія дѣ-

тенышей ей нужно было много добычи. Замѣтивъ это, поселяне сошлись ночью и вырыли нѣсколько ямъ, шириною въ одну огрію, глубиною—въ четыре. Они унесли и разсѣяли бо̀льшую часть вырытой земли, но не всю; потомъ, прикрывъ ямы сверху длинными, тонкими вѣтвями, усыпали ихъ оставшейся землей, такъ что яму нельзя было видѣть, и все мѣсто осталось совершенно гладкимъ. Даже заяцъ, пробѣжавъ, сломалъ бы вѣтви, непрочныя, какъ солома, и обнаружилъ бы, что здѣсь не твердая земля, а только обманчивый видъ земли. Но хотя они и надѣлали довольно этихъ ямъ и на холмахъ и въ полѣ, волчица не попалась: она, должно-быть, учуяла западню. Зато провалилось много овецъ и козъ, и даже въ одной изъ нихъ едва не погибъ самъ Дафнисъ. Вотъ какъ это случилось.

XII.

Два козла, исполнившись ревностью, кинулись другъ на друга и ударились лбами. Ударъ былъ такъ силенъ, что рогъ у одного изъ нихъ сломался, и, подстрекаемый болью, раненый пустился бѣжать съ жалобнымъ блеяніемъ. Побѣдитель бросился въ погоню и преслѣдовалъ его нещадно. Дафнисъ, огорченный сломаннымъ рогомъ, разсерженный буйствомъ козла, схватилъ ручку длиннаго посоха и устремился въ погоню за преслѣдователемъ. Увлеченные, одинъ—бѣгствомъ, другой—яростной погоней, они, конечно, не имѣли времени смотрѣть себѣ подъ ноги. И оба упали въ яму: сначала козелъ, потомъ Дафнисъ. Къ счастью, Дафнисъ упалъ на козла, ударъ былъ смягченъ, и это спасло мальчика. Онъ сидѣлъ въ ямѣ и плакалъ, ожидая, не подойдетъ ли кто-нибудь, чтобы вытащить его. Хлоя, видѣвшая издалека все, что произошло, подбѣжала къ западнѣ: убѣдившись, что онъ живъ, она позвала на помощь пастуха быковъ, жившаго по сосѣдству. Пастухъ прибѣжалъ, сталъ искать длинной веревки, за конецъ которой Дафнисъ могъ бы ухватиться, чтобы такимъ образомъ вытащить его изъ ямы. Но веревки не нашлось. Тогда Хлоя вынула изъ волосъ своихъ шнурокъ,

которымъ они были связаны, и отдала пастуху, чтобы онъ опустилъ одинъ конецъ Дафнису; другой они держали, стоя на краю западни, и общими силами стали тащить. Дафнисъ ухватился руками за шнурокъ, вскарабкался и, наконецъ, вылѣзъ. Злополучнаго козла также вытащили. Оба рога оказались у него при паденіи сломанными; такова была тяжкая и быстрая месть, постигшая недавняго побѣдителя. Они подарили его пастуху въ награду за оказанную помощь, чтобы онъ принесъ его въ жертву, и условились сказать, что волкъ похитилъ козла — въ томъ случаѣ, если бы дома замѣтили его отсутствіе. Потомъ вернулись къ стадамъ. Видя, что оба стада, и овцы и козы, пасутся мирно,—сѣли подъ тѣнью дуба и стали смотрѣть, не раненъ ли Дафнисъ при паденіи. Не было ни слѣдовъ ушиба, ни крови. Но волосы и тѣло запачканы были землею и грязью. Дафнисъ рѣшилъ вымыться, чтобы Ламонъ и Миртала не увидѣли того, что съ нимъ случилось.

XIII.

Итакъ, придя въ святилище Нимфъ, онъ отдалъ Хлоѣ на сохраненіе верхнюю одежду и сумку и, стоя надъ родникомъ, началъ омывать свои кудри и тѣло. Кудри были черные и обильные, тѣло смуглое отъ солнечнаго загара, и казалось, что волосы кидали эту смуглую тѣнь на кожу. Хлоя смотрѣла и находила, что Дафнисъ прекрасенъ. Такъ какъ до тѣхъ поръ дѣвушка не замѣчала его красоты, то вообразила, что это воды ручья одарили его прелестью. Она сама омыла ему плечи и, чувствуя подъ рукою мягкую гладкую кожу, нѣсколько разъ прикасалась украдкою къ собственной кожѣ, чтобы убѣдиться, у кого изъ нихъ тѣло болѣе нѣжное. Солнце склонялось къ закату, и они вернулись домой со стадами. Но съ этого дня у Хлои была только одна мысль, одно желаніе: снова увидѣть Дафниса купающимся въ родникѣ

На слѣдующій день, когда они возвратились на пастбище, Дафнисъ сѣлъ на обычное мѣсто, подъ тѣнью дуба; играя на флейтѣ, онъ смотрѣлъ на козъ, а онѣ, лежа у ногъ его,

какъ будто прислушивались къ звукамъ флейты. Хлоя, сидя рядомъ съ нимъ, также смотрѣла на овецъ, но чаще—на Дафниса. И опять, во время игры на флейтѣ, онъ показался ей прекраснымъ, и она подумала, что это музыка одарила его такою прелестью, и взяла флейту изъ рукъ его, чтобы убѣдиться, не можетъ ли и она, играя, сдѣлаться такой же прекрасной. Хлоя попросила его выкупаться еще разъ и увидѣла его въ водѣ—увидѣла и прикоснулась къ нему. И потомъ, возвращаясь, думала о его красотѣ, и эта мысль была началомъ любви. Того, что чувствовала, она не сумѣла бы назвать, бѣдная дѣвушка, воспитанная въ сельской простотѣ, никогда не слышавшая имени любви. Но душа ея томилась, взоры были разсѣянны; часто произносила она имя Дафниса; почти не ѣла, проводила безсонныя ночи и забывала стадо. То смѣялась, то плакала. Засыпала и пробуждалась внезапно. Лицо ея то сразу покрывалось блѣдностью, то вспыхивало румянцемъ. Кажется, меньшей тревогою объята телка, ужаленная оводомъ, Нерѣдко, оставшись одна, говорила она себѣ:

XIV.

«Я больна. Но не знаю—чѣмъ. Я страдаю, а на тѣлѣ моемъ нѣтъ раны. Я тоскую, но ни одна изъ овецъ моихъ не потерялась. Я вся пылаю, даже въ прохладной тѣни. Сколько разъ царапалъ меня колючій терновникъ—я не плакала. Сколько разъ пчелы жалили меня—я отъ того не теряла охоты къ пищѣ. Значитъ, сильнѣе, чѣмъ все это—боль, которая теперь пожираетъ сердце мое. Дафнисъ прекрасенъ, но и цвѣты прекрасны. Флейта его издаетъ нѣжные звуки, но и соловьи поютъ не хуже. А между тѣмъ я о нихъ не вспоминаю. Зачѣмъ я не флейта,—тогда бы я чувствовала его дыханіе! Зачѣмъ я не коза,—тогда бы онъ берегъ меня! О злой ручей! Ты сдѣлалъ прекраснымъ только Дафниса; я же напрасно погружалась въ твои воды. Простите, сладостныя Нимфы! Вы также покидаете меня! Не хотите спасти ту, которая вскормлена была среди васъ. Кто-то послѣ меня

будетъ плести для васъ вѣнки? Кто накормитъ моихъ бѣдныхъ ягнятъ? Кто позаботится о моемъ болтливомъ кузнечикѣ? Я поймала его съ такимъ трудомъ и посадила въ тростниковую клѣтку, чтобы онъ усыплялъ меня въ этой пещерѣ своимъ пѣніемъ, подъ жаркими лучами солнца. Теперь Дафнисъ лишилъ меня сна—и напрасно поетъ мой кузнечикъ!»

XV

Такъ вздыхала и томилась Хлоя, не умѣя назвать любовь по имени. Но Дарконъ, волопасъ, который вытащилъ изъ ямы Дафниса и козла, юноша, съ подбородкомъ, уже опушеннымъ бородой, знавшій любовь и по имени и на дѣлѣ,—съ того самаго дня чувствовалъ сильное влеченіе къ Хлоѣ. Время усилило его желаніе. Мало заботясь о Дафнисѣ, котораго считалъ ребенкомъ, Дарконъ рѣшилъ добиться своего или подарками, или хитростью. Сначала подарилъ Дафнису пастушью свирѣль, девятиствольную, скрѣпленную не воскомъ, а желтою мѣдью; Хлоѣ—кожу молодой лани, усѣянную бѣлыми пятнами—нарядъ Вакханокъ. Когда же они подружились, Дарконъ понемногу сталъ пренебрегать Дафнисомъ и въ то же время приносилъ каждый день Хлоѣ то свѣжій сыръ, то красивый вѣнокъ, то спѣлые плоды, а то и кубокъ, украшенный золотомъ, или молодыхъ птицъ, взятыхъ въ силки на холмахъ. Она же, довѣрчивая, неискушенная въ хитростяхъ любви, принимала подарки съ радостью. Но еще сильнѣе была ея радость, когда чѣмъ-нибудь могла она подѣлиться съ Дафнисомъ. Скоро и онъ долженъ былъ извѣдать мученія любви. Однажды, Дафнисъ вступилъ въ споръ съ Дарконом о томъ, кто изъ нихъ прекраснѣе. Судьей была Хлоя; награда побѣдителю—поцѣлуй Хлои. Дарконъ началъ первый и молвилъ такъ:

XVI

«Посмотри, Хлоя, ростомъ я выше Дафниса. Онъ козій пастухъ, я а—волопасъ; занятіе мое настолько же благороднѣе его, насколько волъ больше козла. Я бѣлъ, какъ мо-

локо; волосы мои бѣлокуры, подобно колосу, ожидающему серпа. Кормила меня собственная мать, а не коза. Онъ же малъ ростомъ; безъ бороды, какъ женщина; черенъ, какъ волкъ. Онъ пасетъ козловъ, а отъ нихъ дурно пахнетъ. Онъ такъ бѣденъ, что и собаки не прокормитъ. Говорятъ, Дафнисъ сосалъ вымя козы: вотъ почему онъ и вышелъ козленкомъ!»

Послѣ этихъ и другихъ подобныхъ рѣчей волопаса Дафнисъ заговорилъ въ свою очередь:

«Правда, коза вскормила меня, такъ же какъ Зевса. Я пасу козъ и не промѣнялъ бы ихъ на самыхъ большихъ изъ его коровъ. Запахъ козлиный ко мнѣ не пристаетъ, какъ и къ богу Пану, у котораго, однако, большая часть тѣла козлиная. Сыръ, полубѣлый хлѣбъ, свѣтлое вино — вотъ мое сельское богатство. Большаго не нужно мнѣ. Я—безбородый, какъ богъ Діонисъ; я черенъ, какъ цвѣтъ гіацинта. Но вѣдь богъ Діонисъ выше сатировъ, гіацинтъ благороднѣе лилій. Дарконъ рыжъ, какъ лисица, борода у него, какъ у козла; онъ бѣлъ и толстъ, какъ жены городскія. Если ты поцѣлуешь меня, то встрѣтишь губы, а у него щетину, которая покрываетъ ему весь подбородокъ. Вспомни, Хлоя, что и тебя вскормила овца, а между тѣмъ, ты прекрасна!»

XVII.

Хлоя дольше не могла терпѣть. Гордясь его похвалой и давно уже сгорая желаніемъ поцѣловать Дафниса, вскочила она и обняла его. То былъ поцѣлуй простодушный и безыскусственный, но воспламенявшій сердце. Дарконъ, опечаленный, убѣжалъ и рѣшился прибѣгнуть къ другому средству, чтобъ утолить свои желанія. А Дафнису казалось, что его не поцѣловали, а укусили. На одно мгновеніе сдѣлался онъ унылымъ и задумчивымъ. Иногда вздыхалъ, сердце билось неудержимо, и онъ не могъ побѣдить волненія. Ему хотѣлось смотрѣть на Хлою, но когда онъ подымалъ глаза, лицо его горѣло отъ стыда. И въ первый разъ замѣтилъ онъ съ восторгомъ, что волосы у нея бѣлокурые, глаза большіе,

какъ у телки, и кожа бѣлѣе козьяго молока,—какъ будто онъ только что прозрѣлъ, а до тѣхъ поръ былъ слѣпъ. Теперь, поднося пищу ко рту, онъ едва отвѣдывалъ; когда пилъ, едва касался губами краевъ чаши. Былъ тихъ и мраченъ—нѣкогда болѣе говорливый, чѣмъ полевыя цикады. Былъ неподвиженъ—нѣкогда болѣе рѣзвый, чѣмъ козы. Стадо было забыто; флейта лежала беззвучная. И лицо его поблѣднѣло, какъ травы на поляхъ во время зноя. И когда она уходила, и онъ оставался одинъ, то говорилъ про себя, будто бредилъ:

XVIII.

«Что сдѣлалъ со мной поцѣлуй Хлои? Губы ея нѣжнѣе розъ,прикосновеніе ихъ слаще меда; а между тѣмъ, ея поцѣлуй больнѣе пчелинаго жала. Много разъ цѣловалъ я козлятъ моихъ, много разъ цѣловалъ я только что родившихся овечекъ Хлои и даже теленка, подареннаго ей Даркономъ. Но этотъ поцѣлуй совсѣмъ не то: дыханіе мое прерывисто, сердце бьется, душа изнемогаетъ; а все-таки я хотѣлъ бы еще разъ поцѣловать ее. О, злая побѣда! О, страшная болѣзнь, которой я и назвать не умѣю! Не отвѣдала ли Хлоя ядовитаго напитка прежде, чѣмъ меня поцѣловать? Но почему же она не умерла? О, какъ поютъ соловьи! Какъ пестрѣютъ цвѣты! А я уже не плету вѣнковъ. Фіалка и гіацинтъ распускаются, а Дафнисъ увядаетъ. Кажется, скоро Дарконъ будетъ, въ самомъ дѣлѣ, красивѣе меня!»

XIX.

Такъ вздыхалъ и томился бѣдный Дафнисъ, не посвященный въ таинства любви. А между тѣмъ Дарконъ, пастухъ быковъ, влюбленный въ Хлою, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Дріасъ сажалъ дерево рядомъ съ виноградной лозой, поднесъ ему нѣсколько круговъ сливочнаго сыру и сказалъ, что это подарокъ на память объ ихъ старинной дружбѣ, которая началась въ тѣ дни, какъ

Дріасъ также ходилъ со стадами на пастбище. Послѣ такого вступленія, завелъ онъ рѣчь о замужествѣ Хлои, обѣщая Дріасу, въ качествѣ богатаго пастуха, много прекрасныхъ и цѣнныхъ подарковъ—пару воловъ для паханія, двѣ пары пчелиныхъ ульевъ, пятьдесятъ яблоневыхъ черенковъ, кожу бычачью для выдѣлки обуви и каждый годъ прекраснаго теленка, отнятаго отъ матки. Дріасъ, соблазненный обѣщаніями, едва не согласился и не ударилъ по рукамъ. Но потомъ, сообразивъ, что молодую дѣвушку ждетъ болѣе завидная участь, и боясь навлечь на себя гнѣвъ неизвѣстныхъ родителей Хлои въ томъ случаѣ, если бы истина открылась, не посмѣлъ согласиться на бракъ, попросилъ у Даркона извиненія и отказался отъ предложенныхъ подарковъ.

XX.

Потерпѣвъ во второй разъ неудачу и отдавъ безъ всякой пользы свои лучшіе сыры, Дарконъ рѣшилъ овладѣть Хлоей насильно, когда она будетъ одна. Замѣтивъ, что они водятъ стадо на водопой по очереди—одинъ день Дафнисъ другой—Хлоя, придумалъ онъ хитрость, достойную пастуха. Взялъ шкуру большого волка, которому нѣкогда быкъ, сражавшійся во главѣ стада, распоролъ брюхо рогами, и, накинувъ себѣ на плечи, завернулся въ нее съ ногъ до головы: руки вдѣлъ въ перднія лапы, въ заднія—ноги до пятъ, голову вложилъ въ волчью морду, какъ воинъ въ шлемъ. Такимъ образомъ, нарядившись и сдѣлавъ все, чтобы походить на волка, онъ спрятался вблизи источника, куда овцы и козы каждый день приходили съ пастбища на водопой. Источникъ протекалъ въ глубокомъ оврагѣ, и кругомъ были заросли терновника, кустовъ ползучаго можжевельника и чертополоха; здѣсь могъ спрятаться настоящій волкъ. Дарконъ притаился и, выглядывая, ожидалъ часа, когда стадо приходитъ къ источнику. Онъ разсчитывалъ сперва напугать Хлою волчьей шкурой, потомъ броситься на нее и безъ труда овладѣть ею.

XXI.

Прошло нѣкоторое время, и Хлоя появилась: она вела стадо къ источнику и была одна. Дафнисъ въ это время срѣзалъ нѣжные побѣги молодыхъ вѣтвей, чтобы дать ихъ козлятамъ дома, послѣ пастбища. Псы, стражи козъ и овецъ, слѣдовали за нею. По своему обыкновенію, нюхая воздухъ, учуяли они Даркона, который шевелился въ кустахъ, приготовляясь напастъ на дѣвушку, и, залаявъ съ яростью, бросились на него, какъ на волка. Прежде чѣмъ, растерявшись отъ неожиданности, онъ успѣлъ вскочить, собаки окружили его и впились зубами, стараясь прокусить волчью кожу. Ему стыдно было открыться и, охраняемый шкурой, которая скрывала его, онъ сперва не выходилъ изъ кустовъ и молчалъ, но когда Хлоя, уже немного оправившись отъ испуга, закричала и позвала Дафниса на помощь, когда собаки, разорвавъ кожу, впились ему въ тѣло, онъ сталъ изо всей силы кричать, умоляя о помощи молодую дѣвушку и Дафниса, уже подбѣгавшаго къ нимъ. Скоро успокоили они псовъ обычнымъ свистомъ; потомъ отвели къ источнику бѣднаго Даркона, у котораго бедра и плечи были искусаны. Омывъ кровавые слѣды собачьихъ зубовъ, перевязали раны жеваннымъ листомъ вяза. И такова была ихъ невинность въ отважныхъ хитростяхъ любви, что они сочли все это за сельскую шутку. Не думая сердиться, старались даже утѣшить его и передъ тѣмъ, чтобы разстаться, прошли съ нимъ часть дороги рука въ руку.

XXII.

Послѣ такого опаснаго приключенія, Дарконъ, спасенный не изъ пасти волчьей, по пословицѣ, а изъ псиной, пошелъ залѣчивать раны. Дафнису же и Хлоѣ стоило не малаго труда собрать до ночи козъ и овецъ. Испуганныя волчьей шкурой, встревоженныя лаемъ собакъ, однѣ вскарабкались на вершины утесовъ, другія разсѣялись въ долинѣ до самаго

моря. А, между тѣмъ, онѣ привыкли слушаться голоса, весело прибѣгать на звукъ флейты и даже собираться, когда хлопали въ ладоши. Но волкъ такъ напугалъ ихъ, что онѣ все забыли. Дафнису и Хлоѣ пришлось отыскивать ихъ по слѣдамъ, какъ зайцевъ. Когда же, наконецъ, они загнали ихъ въ овчарню,—въ эту ночь, первый разъ, послѣ многихъ дней, оба уснули глубокимъ сномъ и въ усталости нашли лѣкарство отъ любви. Но когда утро забрезжило, снова начались тѣ же мученія—та же радость свиданія, та же печаль разлуки. Они тосковали, хотѣли чего-то и не знали—чего. Знали только, что причина страданій—для нея ручей, въ которомъ онъ купался, для него—поцѣлуй. А время года еще болѣе воспламеняло ихъ сердца.

XXIII.

То былъ конецъ весны, начало лѣта. Все дышало силою и полнотою жизни. Наливался плодъ на деревьяхъ, колосъ на поляхъ. Всюду—сладкое стрекотаніе цикадъ, благоуханія лѣта, нѣжное блеяніе молодыхъ овецъ. Рѣчныя струи, казалось, пѣли тихую пѣснь въ мирномъ теченіи. Вѣтеръ въ соснахъ шумѣлъ, и звукъ его подобенъ былъ звуку далекой свирѣли. Яблоки, желая поцѣловать землю, полныя нѣги срывались и падали. Солнце, любящее красоту, заставляло каждаго обнажать прекрасное тѣло. Все воспламеняло Дафниса: погружаясь въ холодные ручьи, то плескался онъ въ водѣ, то преслѣдовалъ рыбъ, которыя играли вокругъ него; и часто съ жадностью пилъ, какъ будто для того, чтобъ потушить внутренній огонь. А Хлоя, выдоивъ овецъ и большую часть козъ, переливая молоко изъ подойниковъ въ чанъ, долго не могла кончить работы, потому что мухи надоѣдали ей и, когда она отмахивалась, жалили. Потомъ умывала лицо, украшала голову вѣнкомъ изъ сосновой зелени, набрасывала на плечи пятнистую шкуру лани и наполняла чашу виномъ и молокомъ, чтобъ раздѣлить ее съ Дафнисомъ.

XXIV.

Но особенно въ полуденный часъ глаза ихъ испытывали чары любви. Тогда Хлоя видѣла Дафниса нагимъ, созерцала красоту его въ полномъ цвѣтѣ, и страдала, и все въ немъ казалось ей совершеннымъ. Любовался и Дафнисъ, какъ дѣвушка подъ шкурой лани, увѣнчанная сосновою зеленью протягивала ему полную чашу, и пастуху казалось, что это одна изъ Нимфъ священнаго грота. Онъ снималъ сосновыя вѣтви съ ея головы и, поцѣловавъ ихъ, увѣнчивался ими самъ. Въ то время, какъ онъ купался, она одѣвалась въ его тунику, тоже сперва поцѣловавъ ее. Иногда, играя, они перекидывались яблоками, или украшали голову, заплетали волосы другъ другу. Она сравнивала съ миртовыми ягодами его кудри, потому что они были черны, а онъ—лицо ея—съ золотисто-розовымъ яблокомъ. Онъ училъ ее играть на флейтѣ; и когда она прикладывала губы къ отверстіямъ,—бралъ у нея флейту, искалъ губами того мѣста, котораго она коснулась, дѣлая видъ, что хочетъ показать, какой звукъ она взяла невѣрно—и флейта была скромной посредницей поцѣлуевъ.

XXV.

Однажды, въ полуденный зной, пока онъ игралъ на флейтѣ и стадо дремало въ тѣни, Хлоя, незамѣтно для себя, уснула. Дафнисъ, видя ее спящей, отложилъ флейту, любуясь на нее съ жадностью, не могъ насытить взоровъ, потому что теперь уже не стыдился смотрѣть на нее, и шепталъ:

— Какъ спятъ ея глаза, какъ дышитъ ея грудь! Ароматъ яблокъ и боярышника менѣе сладокъ, чѣмъ ея дыханіе. А между тѣмъ я не смѣю обнять ее. Поцѣлуй ея жалитъ сердце и, какъ новый медъ, дѣлаетъ безумнымъ. И я боюсь разбудить ее. О, болтливыя цикады! Онѣ помѣшаютъ ей спать оглушительнымъ крикомъ. А вотъ еще козлы подрались и стукаются рогами. О, волки, болѣе трусливые, чѣмъ лисицы, зачѣмъ вы ихъ не похитите?

XXVI

Между тѣмъ, какъ онъ такъ говорилъ, цикада, преслѣдуемая ласточкой, прыгнула на грудь Хлои, чтобы найти въ ней убѣжище. Ласточка не успѣла поймать бѣглянки, но, увлеченная погоней, пролетѣла такъ близко отъ лица Хлои, что коснулась его однимъ крыломъ. Хлоя, не понимая, что случилось, громко вскрикнула и проснулась. Но когда увидѣла ласточку, кружившуюся надъ ея головой, Дафниса, смѣющагося надъ ея испугомъ, успокоилась и протерла сонные глаза. Въ это мгновеніе цикада, спрятавшаяся на груди Хлои, запѣла, подобно молящей, нашедшей пріютъ во храмѣ боговъ и возглашающей имъ благодарственный гимнъ. Хлоя снова вскрикнула, а Дафнисъ засмѣялся. Пользуясь этимъ предлогомъ, онъ опустилъ руку подъ одежду Хлои, чтобы снять съ груди ея бѣдную цикаду, которая, даже подъ его пальцами, не переставала пѣть. Хлоя взглянула на нее, улыбнулась, взяла на ладонь, поцѣловала, и, все еще поющую, снова положила себѣ на грудь.

XXVII.

Въ это время горлица заворковала въ чащѣ лѣса, и они заслушались нѣжнаго голоса. Хлоя спросила его, что она говоритъ, и Дафнисъ разсказалъ ей сельскую басню:

«Въ былые дни, Хлоя, жила пастушка, прекрасная, какъ ты, и такая же юная. Она пасла большое стадо коровъ. Голосъ былъ у нея нѣжный. И коровы любили ея пѣсни слушали, такъ что она никогда не ударяла ихъ посохомъ, не колола острою палкою. Сидя подъ соснами, увѣнчанная зеленью сосенъ, прославляла она пѣснями Пана и Питисъ, богиню луговъ. Коровы не отходили, очарованныя пѣніемъ. Вблизи этихъ мѣстъ водилъ быковъ на пастбище отрокъ, такой же прекрасный, такой же пѣвецъ, какъ она. Соперничая съ дѣвушкой, имѣлъ онъ голосъ мужественный, болѣе сильный, хотя и нѣжный, какъ у дѣтей. Однажды, выманилъ онъ пѣніемъ изъ ея стада восемь лучшихъ коровъ

и увелъ ихъ за собою на другія пастбища. Пастушка, горюя о потерѣ, стыдясь пораженія, умолила боговъ превратить ее въ птицу, чтобы больше не возвращаться домой и не терпѣть насмѣшекъ. Боги услышали молитву и превратили ее въ горлицу, такую же обитательницу горъ, такую же пѣвицу, какъ она. И до сихъ поръ бѣдная дѣвушка поетъ о своемъ горѣ, и жалуется, что не можетъ найти похищенныхъ коровъ».

XXVIII.

Таковы были радости лѣта. Приближалась пышная осень, и гроздья винограда начинали зрѣть, когда морскіе разбойники изъ города Тира, плывшіе, чтобы прослыть за варваровъ, на легкомъ Карійскомъ кораблѣ,—причалили неподалеку. Высадившись, въ полубронях и съ мечами, начали они грабить все, что попадало имъ подъ руку—душистыя вина, пшеницу, медовые соты. Увели и нѣсколькихъ быковъ изъ Дарконова стада. Дафнисъ игралъ на морскомъ берегу. Они схватили его. Хлою же Дріасъ не отпускалъ въ поле въ такой ранній часъ утра, боясь, чтобы другіе пастухи, рѣзвые и буйные, не причинили вреда молодой дѣвушкѣ. При видѣ юноши, рослаго, красиваго—добычи болѣе драгоцѣнной, чѣмъ все, что они могли найти въ поляхъ—разбойники не тронули козъ, перестали грабить и поторопились отвезти на корабль несчастнаго, который кричалъ, плакалъ, призывалъ Хлою. Потомъ отвязали канатъ, взялись за весла и поплыли въ открытое море. Въ это время появилась Хлоя, погоняя стадо и держа новую флейту въ рукахъ, которую предназначала въ подарокъ своему другу. Увидѣвъ разбѣжавшихся козъ, слыша крикъ Дафниса, все болѣе громкій, Хлоя покинула стадо, бросила флейту и побѣжала къ Даркону за помощью.

XXIX.

Дарконъ лежалъ на землѣ, истекая кровью, пронзенный мечами разбойниковъ. Онъ едва дышалъ. Но при видѣ Хлои воспоминаніе прежней любви оживило блѣдное лицо его, и онъ сказалъ:

— Кончено! Я умираю, Хлоя. Проклятые воры зарѣзали меня, какъ быка, за то, что я охранялъ мое стадо. Слушай: спаси Дафниса, отомсти за меня и погуби разбойниковъ. Я пріучилъ быковъ внимать флейтѣ и прибѣгать на зовъ ея, какъ бы они далеко ни паслись. Возьми ее, сыграй, на ней пѣсню, которой въ былые дни научилъ я Дафниса, а онъ—тебя; остальное сдѣлаетъ флейта и быки на кораблѣ. Я дарю тебѣ ее; ею побѣдилъ я въ состязаніяхъ многихъ пастуховъ. Ты же въ награду поцѣлуй меня, пока я живъ, а когда умру, поплачь, и если увидишь, что другой пастухъ ведетъ на пастбище быковъ, вспомни обо мнѣ».

XXX.

Дарконъ не могъ больше говорить. И когда она обняла его, душа улетѣла съ послѣднимъ поцѣлуемъ, съ послѣднимъ словомъ.

Хлоя взяла флейту, приложила къ губамъ и заиграла такъ сильно, какъ могла. На звукъ пѣсни, которую они узнали, быки ринулись съ громкимъ мычаніемъ въ воду. Сильный толчокъ накренилъ корабль на-бокъ; море разступилось подъ тяжестью спрыгнувшихъ быковъ; корабль опрокинулся, пучина сомкнулась—и все исчезло. Находившіеся на кораблѣ выброшены были въ море, но не всѣ одинаково могли надѣяться на спасеніе: у разбойниковъ мечъ привѣшенъ былъ къ поясу, тѣло сжато кольчугою, ноги обуты по колѣно въ мѣдныя поножія. Тогда какъ Дафнисъ имѣлъ босыя ноги, ибо водилъ стада по мягкой травѣ луговъ, и на тѣлѣ мало одежды, такъ какъ осень стояла жаркая. Вотъ почему пираты не могли долго держаться на поверхности и скоро потонули, увлекаемые ко дну тяжестью вооруженія. А Дафнису не стоило никакого труда освободиться отъ платья. Правда, сперва ему нелегко было плыть, потому что онъ привыкъ купаться только въ рѣкахъ. Но скоро нужда научила его: выбравъ мѣсто между двумя быками, ухватился онъ за рога обоихъ и, такимъ образомъ, поплылъ, безъ труда и утомленія, какъ будто управляя колесницею.

Вообще быкъ плаваетъ лучше и дольше самаго сильнаго человѣка; уступаетъ только водянымъ птицамъ и рыбамъ, и никогда не потонулъ бы, если бы рогъ его копытъ не тяжелѣлъ, разбухая въ водѣ. Эта способность быковъ къ плаванію доказывается названіемъ Босфора, Волоноснаго, которое до сихъ поръ дается нѣкоторымъ морямъ.

XXXI.

Таково было чудесное избавленіе Дафниса отъ двойной опасности—разбойниковъ и кораблекрушенія. Выйдя изъ воды, онъ нашелъ на берегу Хлою, которая и плакала и смѣялась. Онъ кинулся ее обнимать и спросилъ, зачѣмъ она играла на флейтѣ. Хлоя разсказала ему все: какъ прибѣжала къ Даркону, какъ быки его были пріучены слушаться флейты, какъ онъ приказалъ ей играть и какъ умеръ. Объ одномъ лишь не сказала, потому что ей было стыдно—о поцѣлуѣ. Они рѣшили отдать послѣдній долгъ благодѣтелю и присоединились къ родителямъ несчастнаго Даркона, совершавшимъ похоронный обрядъ. Сдѣлали могильную насыпь, посадили вокругъ много садовыхъ деревьевъ, на которыхъ повѣсили въ честь его первые начатки плодовъ. Надъ могилой пролили чашу молока, раздавили гроздья, разбили флейту. Быки, издавая жалобное мычаніе, безпокойно бѣгали и не находили себѣ мѣста. По увѣренію пастуховъ, они оплакивали умершаго хозяина.

XXXII.

Послѣ погребенія Даркона Хлоя отвела въ священный гротъ къ Нимфамъ и обмыла Дафниса. Молодая дѣвушка обмыла также, въ первый разъ, въ присутствіи Дафниса, свое тѣло, бѣлое и чистое, сіявшее прелестью, не нуждавшееся въ омовеніяхъ, чтобы казаться прекраснымъ. Они нарвали цвѣтовъ, всѣхъ, какіе можно было найти въ это время года, наплели вѣнковъ Нимфамъ и привѣсили къ скалѣ, какъ жертвенный даръ, флейту Даркона. Потомъ вер-

нулись къ овцамъ и козамъ. Бѣдныя лежали на землѣ неподвижно, не щипали травы и не блеяли. Должно-быть, тосковали о Дафнисѣ и Хлоѣ. Но только что они появились, позвали ихъ обычнымъ возгласомъ и заиграли на флейтѣ, овцы начали пастись, козы—прыгать и блеять, словно радуясь спасенію хозяина.

Дафнисъ ничему не имѣлъ уже силы радоваться съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Хлою обнаженной и созерцалъ ея тайную красоту безъ покрововъ. Сердце его ныло, снѣдаемое отравой. Дыханіе дѣлалось то быстрымъ и прерывистымъ, какъ будто онъ бѣжалъ отъ погони, то медленнымъ и слабымъ, какъ будто онъ умиралъ отъ усталости. Ему казалось купаніе въ ручьѣ болѣе опаснымъ, чѣмъ кораблекрушеніе; ему казалось, что душа его все еще во власти разбойниковъ. Бѣдный юноша, бѣдный сынъ полей не зналъ, что нѣтъ большаго разбойника, чѣмъ Любовь!

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Была середина осени. Наступило время жатвы винограда. Полевыя работы въ полномъ разгарѣ: одни приготовляютъ точило, другіе поправляютъ бочки, тѣ плетутъ корзины, тѣ налаживаютъ гладкій круглый камень, чтобы давить сочныя гроздья, срываютъ кору съ высушенныхъ ивовыхъ вѣтвей и дѣлаютъ факелы, чтобы зажигать по ночамъ, когда будутъ собирать въ чаны неперебродившій сокъ. Дафнисъ и Хлоя покинули на время стада и помогали виноградарямъ. Дафнисъ приносилъ виноградъ въ корзинѣ, бросалъ въ точило, давилъ, сливалъ вино въ бочки; Хлоя готовила обѣдъ жнецамъ, наливала имъ прошлогодняго вина, срѣзала невысоко висѣвшія гроздья. Ибо на островѣ Лезбосѣ лозы растутъ низко; вмѣсто того, чтобы подыматься вверхъ по деревьямъ, онѣ свѣшиваютъ вѣтви до земли и ползутъ по ней, какъ плющъ, такъ что достать до нихъ могутъ и дѣти, у которыхъ руки едва освободились отъ пеленокъ.

II.

По обычаю, соблюдаемому на праздникѣ Вакха, когда рождается вино, — женщины окрестныхъ селеній, приглашены были къ жнецамъ на помощь. Онѣ засматривались на Дафниса, хвалили красоту его, равную, по словамъ ихъ, красотѣ Вакха. Одна, побойчѣе другихъ, поцѣловала его,

что понравилось Дафнису, а Хлою огорчило. Въ свою очередь, юноши, стоя въ точилахъ, шутили и заигрывали съ Хлоей; прыгали съ рѣзвостью, какъ сатиры при видѣ вакханки, и увѣряли, что согласились бы сдѣлаться овцами, чтобы ходить за такою пастушкою. Хлоя смѣялась, а Дафнисъ огорчался. Но оба ждали съ нетерпѣніемъ, когда сборъ винограда кончится, чтобы вернуться въ знакомыя поля и, вмѣсто буйныхъ криковъ, слышать звукъ флейты и блеяніе стадъ. Черезъ нѣсколько дней жатва кончилась, бочки наполнились сладкимъ виномъ, помощь была менѣе нужна, и они снова начали водить стада на пастбище. Съ радостнымъ сердцемъ пошли въ пещеру Нимфъ помолиться и принести гроздья, еще висѣвшія на лозѣ, — какъ жертвенный даръ. Никогда не лѣнились они воздавать Нимфамъ эту почесть. Каждый день, на утренней зарѣ, привѣтствовали богинь; молились имъ и вечеромъ, возвращаясь домой. Всегда приносили какой-нибудь даръ — цвѣты, плоды, поспѣвавшіе къ тому времени года, гирлянды свѣжихъ листьевъ, возліянія изъ овечьяго или козьяго молока. Впослѣдствіи богини вознаградили Дафниса и Хлою. А теперь, подобные веселымъ щенятамъ на свободѣ, прыгали они, играли на флейтѣ, пѣли и боролись другъ съ другомъ, не хуже барановъ и козловъ.

III.

Въ то время, какъ они предавались этимъ веселымъ забавамъ, подошелъ къ нимъ старикъ, одѣтый въ звѣриную шкуру, съ грубою кожаной обувью, съ мѣшкомъ, привѣшеннымъ сбоку, столь же древнимъ, какъ его владѣлецъ. Онъ подсѣлъ къ нимъ и сказалъ:

— Дѣти мои, я—старикъ Филетасъ. Нѣкогда пѣвалъ я пѣсни во славу этихъ Нимфъ, игрывалъ и на флейтѣ въ честь бога Пана, и большое стадо быковъ слѣдовало за голосомъ моимъ. Нынѣ пришелъ я разсказать вамъ то, что видѣлъ и слышалъ. Есть у меня садъ, который я обрабатываю собственными руками. Полюбилъ я его съ тѣхъ поръ,

какъ, состарившись, больше не могу водить быковъ на пастбище. Въ этомъ саду — цвѣты и плоды различныхъ временъ года: весною—розы, лиліи, гіацинты, простыя и двойныя фіалки; лѣтомъ маки, груши, яблоки всѣхъ родовъ; а теперь виноградъ, винныя ягоды, гранаты, зеленые мирты. На зарѣ стаи птицъ прилетаютъ въ мой садъ, однѣ клевать, другія пѣть, потому что онъ уютный, тѣнистый и орошается тремя источниками, и если бы не терновая изгородь, то можно бы подумать, что это цѣлая роща

IV.

Войдя въ него сегодня, около полудня, замѣтилъ я, подъ гранатовыми деревьями и миртами, ребенка, державшаго въ рукахъ ягоды миртовъ и гранатъ, бѣлаго, какъ молоко, златокудраго, какъ огонь, свѣжаго, словно онъ только что выкупался. Онъ былъ нагъ, одинъ, и рвалъ плоды, играя, какъ будто въ собственномъ саду. Я подбѣжалъ, хотѣлъ удержать его, боясь, чтобы рѣзвый шалунъ не поломалъ моихъ миртовъ и гранатовыхъ деревьевъ, но онъ ускользалъ отъ меня неуловимо, — то забѣгалъ въ чащу розовыхъ кустовъ, то прятался въ маки, какъ молоденькій тетеревъ. Не разъ, бывало, гонялся я за молочнымъ козленкомъ, бѣгалъ до усталости за новорожденными телятами. Но и тѣ были менѣе проворны. Наконецъ, утомившись, — потому что я очень старъ, — долженъ я былъ опереться на посохъ и, все-таки посматривая, чтобы онъ не убѣжалъ, спросилъ его, отъ какихъ онъ сосѣдей и зачѣмъ приходитъ рвать плоды въ чужихъ садахъ. Ничего не отвѣтилъ онъ, только подошелъ ко мнѣ и улыбнулся такъ тихо, такъ нѣжно, что сердце у меня смягчилось, и больше я не могъ сердиться. Я сталъ просить, чтобы онъ не боялся и позволилъ обнять себя; клялся ему своими миртами, что отпущу, дамъ яблокъ и гранатъ, позволю во всякое время рвать мои плоды и цвѣты, если только онъ поцѣлуетъ меня.

V.

Мальчикъ громко разсмѣялся, и я услышалъ голосъ болѣе нѣжный, чѣмъ голосъ ласточки, соловья и лебедя передъ смертью, когда онъ старъ, какъ я:

— Что до меня, Филетасъ, дѣло за мною не станетъ: я готовъ тебя цѣловать, потому что я вѣдь только и жажду поцѣлуевъ, не меньше, чѣмъ ты своей утраченной юности. Но, смотри, позволятъ ли тебѣ твои годы принять такой подарокъ? Ибо, какъ ты ни старъ, но когда поцѣлуешь меня, — захочешь и поймать. А настигнуть меня не можетъ ни соколъ, ни орелъ, ни птица съ еще болѣе быстрымъ полетомъ, если есть такая. Я по виду дитя, на самомъ же дѣлѣ болѣе старъ, чѣмъ Сатурнъ, болѣе старъ, чѣмъ всѣ вѣка. Я видѣлъ, какъ во цвѣтѣ юности ты пасъ въ этихъ долинахъ большое стадо—и я былъ съ тобою, когда, влюбленный въ Амариллисъ, ты игралъ на флейтѣ подъ этими буками. Но ты не замѣчалъ меня, хотя я былъ недалеко отъ молодой дѣвушки. Это я тебѣ отдалъ ее, и отъ вашего союза родились дѣти, добрые пастухи и земледѣльцы. Теперь я покровительствую Дафнису и Хлоѣ. Соединивъ ихъ утромъ, вхожу въ твой садъ, играю съ цвѣтами и листьями, купаюсь въ источникахъ. Вотъ почему твои цвѣты и деревья такъ прекрасны: они орошаются водами, въ которыхъ я купаюсь. Посмотри на садъ: есть ли въ немъ хоть одна сломанная вѣтка, хоть одинъ сорванный плодъ, растоптанный цвѣтокъ или замутившійся родникъ! Радуйся! Ибо ты одинъ изъ людей созерцалъ въ старости своей дитя—Любовь.

VI.

Молвивъ такъ, онъ вспорхнулъ на мирты, какъ молодой соловей, и, прыгая съ вѣтки на вѣтку, мелькая сквозь листья, достигъ вершины. Тогда я увидѣлъ крылья за плечами его и въ колчанѣ, между крыльями, маленькія стрѣлы. Потомъ взлетѣлъ онъ еще выше и скрылся. Если опытъ

жизни не даромъ убѣлилъ мнѣ голову, и старость не омрачаетъ моего разума, то вы, о, дѣти, посвящены богу Любви, и онъ охраняетъ васъ.

VII.

Велика была ихъ радость, когда они это услышали, и то, что онъ говорилъ, казалось имъ похожимъ на плѣнительную сказку. Они спросили, что такое Любовь, — дитя или птица, и въ чемъ заключается ея могущество? Филетасъ отвѣтилъ:

— Дѣти, любовь есть богъ, юный, прекрасный и окрыленный. Вотъ, почему любитъ онъ юность, летаетъ за красотой и окрыляетъ душу. Такова сила его, что даже сила Громовержца не можетъ съ нею равняться. Онъ царствуетъ надъ стихіями, онъ царствуетъ надъ свѣтилами. Онъ царствуетъ надъ прочими богами, съ большею властью, чѣмъ вы надъ вашими козами и овцами. Всѣ цвѣты созданы любовью, и любовь вызвала на свѣтъ изъ нѣдръ земныхъ растенія. Любовью движутся рѣки, любовью дышатъ вѣтры. Я видѣлъ влюбленнаго быка: онъ ревѣлъ, какъ ужаленный оводомъ. Я видѣлъ козла, жаждавшаго соединиться съ козою, и всюду онъ слѣдовалъ за нею. Я и самъ былъ молодъ и любилъ Амариллисъ: тогда я не думалъ о пищѣ, забывалъ о питьѣ, не наслаждался отдыхомъ; душа моя изнемогала, сердце билось, тѣло трепетало; я кричалъ, какъ будто меня били, потомъ вдругъ погружался въ молчаніе, какъ мертвый. Кидался въ холодныя рѣки, какъ будто внутренній огонь пожиралъ меня. Призывалъ бога Пана на помощь, ибо онъ также влюбленъ въ богиню Питисъ. Я благодаренъ былъ эхо, которое повторяло за мною имя Амариллисъ. Я разбивалъ съ отчаяніи флейты, потому что онѣ очаровывали послушныхъ телицъ моихъ и не привлекали Амариллсъ. Ибо нѣтъ никакого лѣкарства отъ любви—ни питья, ни ѣды, ни волшебныхъ заклятій. Есть одно только средство — цѣловаться, обнимать другъ друга и обоимъ лежать вмѣстѣ голыми.

VIII.

Филетасъ, послѣ всѣхъ этихъ наставленій, собрался уходить, и они наградили его овечьими сырами и козленкомъ, у котораго на лбу начинали пробиваться рога. Оставшись одни и въ первый разъ услышавъ имя любви, они предались печали и безнадежности. Ночью, по возвращеніи домой, стали сравнивать то, что испытывали, съ тѣмъ, что слышали: влюбленные страдаютъ — и мы страдаемъ; не думаютъ о ѣдѣ—и мы не думаемъ; не спятъ—мы не можемъ уснуть; горятъ—внутренній огонь и насъ пожираетъ; желаютъ видѣть другъ друга — и мы томимся въ ожиданіи слишкомъ медленной зари. О, вѣдь это же и есть любовь—мы любимъ другъ друга, сами того не зная! Но если это любовь, если я любимъ, то почему же мы такъ страдаемъ? Зачѣмъ ищемъ другъ друга? Все, что говорилъ Филетасъ, вѣрно. Этотъ самый мальчикъ съ крыльями приснился нашимъ родителямъ, и велѣлъ, чтобы мы водили стада на пастбище. Какъ же поймать его? Онъ малъ и убѣжитъ. Какъ же спастить? У него крылья. Онъ догонитъ насъ. Надо помолиться Нимфамъ и призвать ихъ на помощь. Но вѣдь Панъ не помогъ Филетасу, когда онъ былъ влюбленъ въ Амариллисъ. Испытаемъ же лѣкарство, которое онъ совѣтовалъ: цѣловать друга друга, обниматься, лежать вмѣстѣ голыми. Правда, теперь холодно, но ужъ мы потерпимъ. Терпѣлъ же до насъ Филетасъ.

IX.

Такъ новою школою была для нихъ ночь. На слѣдующее утро, выгнавъ стадо въ поле, только что увидѣлись, они обняли другъ друга, чего прежде никогда не дѣлали. Переплелись руками, прижались другъ къ другу. Что же касается до третьяго средства—лечь вмѣстѣ голыми—не посмѣли. Это было бы черезчуръ отважно не только для молодой дѣвушки, но и для козьяго пастуха. Слѣдующую ночь

провели также безъ сна, размышляя о томъ, что сдѣлали, и сожалѣя о томъ, чего не посмѣли сдѣлать:

— Что же? Вѣдь вотъ мы и цѣловали другъ друга, а легче не стало. Обнимались, но я не нашелъ утоленія. Значитъ, лежать вмѣстѣ — единственное лѣкарство отъ любви? Дѣлать нечего, надо попробовать. Ужъ вѣрно въ этомъ есть что-нибудь посильнѣе поцѣлуя.

X.

Среди такихъ помысловъ сны ихъ, конечно, были тоже любовные — о поцѣлуяхъ и объятіяхъ. То, чего не дѣлали днемъ, довершали они ночью: лежали вмѣстѣ, голые. Утромъ вставали, еще болѣе влюбленные, и гнали стада на пастбище, торопя ихъ свистомъ, — такъ нетерпѣливо стремились они къ поцѣлуямъ. Только что замѣчали другъ друга, бѣжали, улыбаясь. Потомъ начинались поцѣлуи, объятія съ переплетенными руками. Но третье средство медлило. Дафнисъ не смѣлъ его предложить; Хлоя тоже не хотѣла говорить первая. Наконецъ случай помогъ, и все сдѣлалось само собою.

XI.

Сидя рядомъ, подъ тѣнью дуба, начинали они чувствовать сладость поцѣлуевъ. Страсть уже опьяняла ихъ, но не утоляла. Чѣмъ сильнѣе обнимали они другъ друга перевившимися руками, тѣмъ крѣпче прижимались губы къ губамъ. Въ пылу объятій Дафнисъ привлекъ къ себѣ Хлою слишкомъ порывисто, она склонилась на-бокъ и наполовину легла, онъ—за нею, слѣдуя за ея устами, чтобы не потерять поцѣлуя. Признавъ въ этомъ то, что видѣли во снѣ, оба долго лежали такъ, какъ будто связанные. Но не умѣя ничего большаго, воображая, что это и есть предѣлъ любовныхъ радостей, провели въ напрасныхъ объятіяхъ главную часть дня. Вечеромъ разошлись, проклиная ночь, и погнали свои стада обратно. Можетъ-быть, дошли бы они

и до чего-нибудь болѣе дѣйствительнаго, если бы не приключилась внезапная тревога, которая наполнила смятеніемъ всю страну.

XII.

Богатые юноши изъ Метимны, желая провести въ сельскихъ забавахъ время жатвы, снарядили маленькій корабль взяли слугъ, вмѣсто гребцовъ, и отправились, не слишкомъ удаляясь отъ берега, и проѣзжая мимо Митиленскихъ помѣстій, сосѣднихъ съ моремъ, потому что это прибрежье доступно и покрыто великолѣпными жилищами. Всюду— купальни, сады, рощи, которые непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, одни — даръ природы, другіе — дѣло рукъ человѣческихъ. Прекрасныя мѣста, волшебные пріюты наслажденій! Итакъ, ѣхали они вдоль берега, иногда причаливали и, не дѣлая никому зла, предавались разнообразнымъ увеселеніямъ. То посредствомъ крючковъ, привязанныхъ легкой лесою къ тростнику, съ высоты обрывистаго мыса, нависшаго надъ водою, удили рыбу, которая водится между морскими камнями. То съ гончими и сѣтками ловили зайцевъ, которыхъ спугивали изъ виноградной чащи крики жнецовъ. Или же охотились на птицъ, брали въ силки дикихъ гусей, стрепетовъ, утокъ. Такимъ образомъ, развлекаясь, добывали себѣ и припасы, необходимые для стола. Если же чего-либо недоставало, покупали у поселянъ и за все платили щедро. Впрочемъ, нуженъ былъ только хлѣбъ, вино да ночлегъ, такъ какъ они считали не безопаснымъ въ осеннюю пору ночевать въ морѣ. Корабль же вытаскивали на берегъ, боясь, чтобы ночью не унесла его буря.

XIII.

Случилось однажды, что поселянинъ, имѣвшій надобность въ веревкѣ для подыманія точильнаго камня, такъ какъ его собственная истерлась, сошелъ тайно къ мор-

скому берегу, увидѣлъ корабль, никѣмъ не охраняемый, отвязалъ канатъ и унесъ съ собой желая имъ воспользоваться. Утромъ юноши метимнійцы стали искать веревки. Такъ какъ никто не признавался въ кражѣ, то, сдѣлавъ нѣсколько упрековъ хозяину, отправились они моремъ далѣе. Проѣхавъ стадій тридцать, остановились и причалили къ берегу у тѣхъ полей, на которыхъ Дафнисъ и Хлоя пасли стада свои, потому что казалось имъ, что на окрестныхъ равнинахъ должна быть хорошая заячья охота. Не имѣя веревки для причала, взяли длинныхъ отпрысковъ зеленой ивы, сплели изъ нихъ подобіе каната и привязали корабль къ берегу за верхнюю часть кормы. Потомъ спустили свору гончихъ и разставили тенета на тѣхъ мѣстахъ, которыя показались имъ наиболѣе удобными. Собаки зарыскали въ полѣ съ громкимъ лаемъ и спугнули козъ, которыя, спустившись съ холмовъ, побѣжали къ берегу моря. Но здѣсь, не находя травы на голомъ пескѣ, самыя смѣлыя приблизились къ кораблю и перегрызли отпрыски зеленой ивы, прикрѣплявшіе корабль къ берегу.

XIV.

На морѣ подымалось волненіе отъ вѣтра, вѣявшаго съ прибрежныхъ холмовъ. Волны, въ обратномъ теченіи незамѣтно подняли отвязанный корабль и унесли въ открытое море. Только что увидѣли это метимнійцы, какъ одни побѣжали къ морю, другіе стали звать гончихъ. Всѣ вмѣстѣ кричали такъ долго и сильно, что отовсюду, съ окрестныхъ полей сбѣжались поселяне. Но дѣлать было нечего: вѣтеръ свѣжѣлъ, волны, играя, уносили корабль съ неумолимою быстротою. Метимнійцы, лишенные и корабля и многаго имущества бывшаго на немъ, стали разыскивать пастуха провинившихся козъ. Нашли Дафниса, начали его бить и срывать одежду. Уже одинъ изъ нихъ ремнемъ, на которомъ водятъ собакъ, хотѣлъ связать ему руки. Несчастный вопилъ подъ ударами, молилъ о помощи сосѣдей, въ особенности призывалъ Ламона и Дріаса. Оба, старики еще

бодрые, съ руками, загрубѣлыми и окрѣпшими въ полевыхъ работахъ, прибѣжали, заступились за Дафниса и потребовали, чтобы спорящіе объяснили въ чемъ дѣло.

XV.

Такъ какъ требованіе это всѣми было одобрено, то выбрали посредникомъ волопаса Филетаса. Онъ былъ и годами старше всѣхъ, и въ странѣ считали его за человѣка справедливаго. Метимнійцы первые изложили свою жалобу ясно и подробно передъ судьей-волопасомъ:

— Мы высадились на берегъ, чтобы охотиться. Привязавъ корабль вѣтками ивы, оставили его на берегу и отправились съ гончими искать дичи. Вы не можете себѣ представить, какими драгоцѣнными вещами наполнено было наше судно! какими одеждами! сколько собачьихъ сбруй припасено было тамъ! сколько денегъ! На эти сокровища можно бы купить всѣ ваши поля. Какъ вознагражденіе, требуемъ мы, чтобы вы позволили намъ увезти съ собою этого глупаго пастуха, который, повидимому, пасетъ свои стада въ морѣ.

XVI.

Такъ говорили метимнійцы. Дафнисъ, послѣ испытанныхъ побоевъ, чувствовалъ себя нехорошо. Но, увидѣвъ Хлою, забылъ все и началъ такъ:

— Я стерегу мое стадо, какъ должно. Жаловался ли кто-нибудь изъ окрестныхъ поселянъ, что козы мои испортили ему садъ, сломали хотя одну лозу въ его виноградникѣ? А вотъ эти юноши — дѣйствительно глупые охотники: собаки ихъ, плохо выученныя, бѣгаютъ всюду, лаютъ безъ толку; онѣ, какъ волки, спугнули козъ моихъ съ холмовъ и пастбищъ и загнали къ морю. Вы говорите: перегрызли ивовыя вѣтви. Правда! Но вѣдь на голомъ пескѣ не могли онѣ найти ни дерна, ни тмина, ни толокнянки. Корабль унесенъ вѣтромъ въ море? Но въ этомъ виновны

вѣтеръ и море, а не козы. На кораблѣ были деньги, одежда? Но какой разумный человѣкъ повѣритъ, чтобы судно, нагруженное драгоцѣнными вещами, могло быть привязано ивовыми вѣтвями!

XVII.

Молвивъ такъ, Дафнисъ началъ плакать и пробудилъ жалость въ поселянахъ, такъ что Филетасъ, въ качествѣ посредника, поклялся богомъ Паномъ и Нимфами, что ни Дафнисъ, ни козы его невиновны; виновны же развѣ море да вѣтеръ, за которые пастухъ отвѣчать не можетъ. Метимнійцы, мало убѣжденные доводами Филетаса, бросились въ ярости, снова схватили Дафниса и пытались связать ему руки. Но поселяне, выведенные изъ терпѣнія, напали на нихъ, какъ стая крикливыхъ скворцовъ и сой. Въ одинъ мигъ вырвали изъ ихъ рукъ Дафниса, который, въ свою очередь, не жалѣлъ ударовъ. Скоро, при помощи палокъ, обратили они въ бѣгство метимнійцевъ и преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока не выгнали за межу своихъ владѣній.

XVIII.

Межъ тѣмъ, какъ поселяне заняты были дракою, Хлоя отвела Дафниса къ Нимфамъ. Обмыла ему лицо, запачканное кровью, которая потекла у него изъ носу во время драки; вынула изъ мѣшка кусокъ хлѣба съ ломтемъ сыру и дала ему поѣсть. Но болѣе всего подкрѣпилъ и успокоилъ его поцѣлуй нѣжныхъ губъ, болѣе сладкій, чѣмъ медъ.

XIX.

Такова была опасность, которой избѣгнулъ Дафнисъ. Этимъ дѣло не кончилось. Метимнійцы, вернувшись домой, смиренные пѣшеходы, безъ корабля, покрытые синяками,

потерявшіе охоту къ веселью, созвали народное собраніе, явились гражданамъ, какъ молящіе справедливости, и потребовали возмездія. Они, конечно, не открыли истины, боясь, чтобы ихъ не подняли на-смѣхъ за палочные удары, принятые ими отъ безоружныхъ пастуховъ. Напротивъ, обвинили метимнійцевъ въ томъ, что они отняли корабль и ограбили ихъ, какъ враги во время войны. Метимнійцы, заключивъ по ранамъ, что они говорятъ правду, сочли необходимымъ отомстить за оскорбленіе молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ. Тотчасъ, большинствомъ голосовъ, постановили походъ на митиленійцевъ, безъ объявленія военныхъ дѣйствій, и приказали военачальнику спустить на море десять кораблей, чтобы опустошить берегъ митиленскій, такъ какъ, въ виду наступавшей зимы, считали неблагоразумнымъ посылать въ море много кораблей.

XX.

Заутра стратегъ поднялъ якорь. Съ отрядомъ воиновъ, служившихъ ему гребцами, направился онъ къ морской границѣ Митиленіи. Здѣсь награбилъ много скота, также вина и хлѣба, ибо жатва только что кончалась, и захватилъ въ плѣнъ людей, занятыхъ осенними работами въ поляхъ. Съ наибольшею силою напалъ онъ на ту мѣстность, въ которой жили Дафнисъ и Хлоя, высадился неожиданно и забралъ все, что нашелъ подъ рукою. Дафнисъ въ это время отлучился отъ стада: пошелъ въ лѣсъ нарѣзать зеленыхъ вѣтвей на зимній кормъ козлятамъ. Увидѣвъ издали, какъ враги высаживаются на берегъ, спрятался онъ въ дуплѣ древняго бука. Хлоя была на пастбищѣ; преслѣдуемая врагами, прибѣжала она, молящая, къ Нимфамъ и богинями заклинала воиновъ пощадить ее и овецъ. Но напрасно. Метимнійцы, всячески насмѣявшись надъ изваяніями богинь, увели оба стада и погнали передъ собою пастушку ударами хворостины, какъ беззащитную козу или овцу.

XXI.

Корабли были переполнены разнообразною добычей. Метимнійцы сочли за лучшее не продолжать военныхъ дѣйствій и пустились въ обратный путь, боясь враговъ и зимы. Выѣхали въ море; но двигались медленно, не на парусахъ, а на веслахъ, потому что не было вѣтра. Когда все успокоилось, Дафнисъ вышелъ изъ лѣсу на равнину, гдѣ обыкновенно пасли они стада свои. Но не нашелъ ни козъ, ни овецъ, ни Хлои. Всюду—запустѣніе; разбросанные по землѣ, валялись обломки флейты, на которой играла Хлоя. Онъ громко закричалъ и съ жалобными воплями сталъ подбѣгать то къ буку, подъ тѣнью котораго они сиживали, то къ берегу моря, надѣясь еще увидѣть Хлою, то къ изваяніямъ Нимфъ, у подножія которыхъ напрасно искала она убѣжища отъ враговъ. Здѣсь катался онъ по землѣ и обвинялъ Нимфъ въ предательствѣ.

XXII.

— Хлою оторвали отъ вашихъ алтарей; вы это видѣли—и потерпѣли! Хлою, которая плела для васъ вѣнки, приносила вамъ начатки молока, Хлою, чья флейта виситъ еще здѣсь, какъ жертвенный даръ! Волкъ не унесъ козы—а враги сразу похитили оба стада и пастушку, подругу мою! Они рѣжутъ козъ, убиваютъ овецъ! Ты будешь жить отнынѣ въ городѣ, Хлоя! Какъ покажусь я теперь на глаза отцу и матери, безъ стада, безъ Хлои, чтобы сдѣлаться простымъ поденщикомъ, потому что мнѣ больше некого пасти? Лягу здѣсь и подожду смерти или новыхъ враговъ. О, Хлоя, чувствуешь ли ты такое же горе, какъ я? Помнишь ли ты эти долины, Нимфъ и меня? Или утѣшаютъ тебя въ несчастіи овцы и козы, раздѣлившія съ тобою плѣнъ?

XXIII.

Пока онъ жаловался такъ, глубокій сонъ объялъ его среди плача и стоновъ, и явились ему Нимфы, три жены, высокія и прекрасныя, наполовину обнаженныя, съ босыми

ногами, съ развѣвающимися кудрями, подобныя изваяніямъ! Сперва онѣ какъ будто безмолвно жалѣли Дафниса, потомъ старшая сказала ему, утѣшая:

— Не упрекай насъ, Дафнисъ. Мы болѣе заботимся о Хлоѣ, чѣмъ ты. Это мы сжалились надъ нею, когда она была маленькой дѣвочкой, приняли и вскормили ее въ этой пещерѣ. Она рождена не среди полей и овецъ, такъ же, какъ ты рожденъ не среди козъ Ламона. Впрочемъ, мы уже устроили все къ ея благу. Не привезутъ ее въ Метимны рабыней, не будетъ она военной добычей. Мы умолили бога Пана, чей ликъ ты видѣлъ подъ сосною, и которому, однако, вы ни разу не принесли въ даръ гирлянды цвѣтовъ, — мы умолили Пана притти на помощь Хлоѣ. Ибо лучше насъ умѣетъ онъ сражаться и нерѣдко случалось ему покидать затишье полей для брани. Панъ выступилъ въ путь, Панъ идетъ— грозный воитель, противъ метимнійцевъ. Не горюй же и встань. Покажись Ламону и Мирталѣ, которые, подобно тебѣ, лежатъ и плачутъ, думая, что и тебя взяли въ плѣнъ. Завтра Хлоя вернется съ козами и овцами. И снова будете вы вмѣстѣ водить ихъ на пастбище, снова играть на свирѣли. Остальное богъ Любви довершитъ.

XXIV.

Увидѣвъ и услышавъ это, Дафнисъ внезапно пробудился. Плача отъ скорби и радости, обнялъ подножіе Нимфъ, далъ обѣтъ, если Хлоя спасется, принести въ жертву лучшую въ стадѣ козу. Потомъ побѣжалъ къ соснѣ, подъ которой виднѣлась статуя Пана, козлоногаго, рогатаго, въ одной рукѣ державшаго флейту, другой останавливавшаго козла, который скачетъ. Дафнисъ помолился за Хлою и обѣщалъ заколоть ему козла. Солнце склонялось, когда юноша кончилъ молиться и плакать. Взявъ нарѣзанныя вѣтви, вернулся онъ домой, гдѣ возвращеніе его утѣшило Ламона и Мирталу. Поѣвъ немного, легъ онъ спать, но и во снѣ плакалъ. Умолялъ Нимфъ явиться, тосковалъ въ ожиданіи

дня, который, какъ онѣ обѣщали, долженъ былъ возвратить ему Хлою. Ночь никогда не казалась ему такою длинною. А въ это время вотъ что происходило на корабляхъ.

XXV.

Военачальникъ метимнійцевъ, проплывъ десять стадій, рѣшилъ дать отдыхъ воинамъ, утомленнымъ вылазкой. Замѣтивъ мысъ, выдававшійся въ море и образовавшій двумя концами полукругъ, подобіе новаго мѣсяца, гдѣ воды были спокойнѣе, чѣмъ въ гавани, велѣлъ онъ спустить якорь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, опасаясь, чтобы приморскіе жители не произвели нападенія на корабли; потомъ предоставилъ метимнійцамъ отдыхать и забавляться на свободѣ. Такъ какъ все у нихъ было въ изобиліи, благодаря добычи,—начали они пить, веселиться и праздновать побѣду. Но къ тому времени, когда наступили сумерки и ночь положила конецъ празднику,—земля сдѣлалась какъ бы огненной, по водѣ издалека послышался шумъ веселъ, какъ будто приближался многочисленный флотъ. Они стали звать военачальника, трубили сборъ, перекликались, одни считая себя ранеными, другіе падая, подобно убитымъ. И все являло видъ морского сраженія. А сраженія не было, и не было враговъ.

XXVI.

Послѣ ночи, проведенной въ такомъ безпокойствѣ, наступилъ день, еще болѣе страшный, чѣмъ ночь. На рогахъ у козловъ и козъ Дафниса появились гирлянды плюща съ гроздьями ягодъ. Овцы и бараны Хлои завыли, какъ волки. Голову самой пастушкѣ увѣнчала сосновая зелень. И на морѣ творились чудеса не меньшія: хотѣли поднять якорь—не могли; когда погружали въ воду весла, чтобы грести—они ломались; дельфины, выскакивая изъ волнъ и ударяя хвостами о корабли, расшатывали скрѣпы. На вершинѣ обрывистаго утеса, которымъ увѣнчанъ былъ мысъ, слы-

шалась флейта Пана: звуки были не сладкіе и нѣжные, подобные звукамъ свирѣли, а наводили ужасъ, подобно грому воинской трубы. Флотъ объятъ былъ смятеніемъ, матросы хватались за оружіе и спрашивали, гдѣ врагъ. Ожидали съ нетерпѣніемъ ночи, надѣясь отдохнуть. Тѣ, у кого умъ еще былъ не совсѣмъ помраченъ, поняли, что эти чудеса происходятъ отъ бога Пана, гнѣвнаго и мстящаго. Но никто не могъ догадаться о причинѣ этого гнѣва, потому что среди добычи, награбленной ими, не было ничего посвященнаго Пану. Наконецъ, около полудня, когда военачальникъ уснулъ тоже необычнымъ, а чудеснымъ сномъ, самъ Панъ явился ему и сказалъ:

XXVII.

— О, святотатцы! нечестивѣйшіе изъ людей! кто побудилъ ваши безумныя сердца къ столь великому буйству? Вы опустошили поля, любезныя намъ: похитили стада быковъ, овецъ и козъ, посвященныя нашимъ заботамъ; отторгли отъ жертвенника отроковицу, которую богъ Любви избралъ, дабы на ней явить примѣръ своихъ милостей. Не уважили вы Нимфъ, ни меня, меня—бога Пана! Но съ такою добычей не видать вамъ города Митимны, не избѣгнуть свирѣли моей, которая наводитъ трепетъ на ваши сердца. Я потоплю васъ, отдамъ на съѣденіе рыбамъ, если вы тотчасъ же не возвратите Нимфамъ и Хлои и стада ея, овецъ и козъ. Встаньте же, высадите на берегъ молодую дѣвушку со всѣмъ, что ей принадлежитъ. Тогда я буду сопутствовать вашему плаванію, буду сопутствовать Хлоѣ благовѣющими вѣтрами.

XXVIII.

Пораженный сновидѣніемъ, Бріяксисъ (такъ звали стратега) внезапно пробудился, созвалъ корабельныхъ начальниковъ и приказалъ искать Хлою среди плѣнниковъ. Они скоро нашли ее и привели къ нему, ибо она сидѣла, увѣнчан-

ная сосновою зеленью. Догадываясь по этому знаку, что сновидѣніе относится къ ней, онъ взялъ ее на собственный корабль и высадилъ на берегъ. Только что коснулась она земли, какъ снова съ вершины скалы послышались звуки флейты; но теперь уже не было въ нихъ ничего враждебнаго; флейта играла сельскую пѣсню, подобную тѣмъ, съ которыми пастухи водятъ стада на пастбище. Тотчасъ же овцы бросились на берегъ съ корабля по лѣстницѣ, не спотыкаясь, въ стройномъ порядкѣ, козы—съ еще большею легкостью, потому что онѣ привыкли лазить по горамъ

XXIX.

Потомъ стадо окружило Хлою, образовало подобіе хора, прыгая, блея, какъ бы изъявляя радость. А въ это же время стада другихъ пастуховъ: козы, овцы, коровы, оставались спокойно на днѣ корабля, какъ бы чуждыя призыву флейты. Пока всѣ, удивляясь, прославляли Пана, чудеса, еще болѣе дивныя, появились на морѣ и сушѣ: корабли метимнійцевъ сдвинулись и поплыли прежде, чѣмъ якори были подняты; дельфинъ, прыгавшій по волнамъ, предшествовалъ кораблю военачальника. А передъ стадами слышалась тихая музыка Пановой флейты; овцы и козы шли и паслись, очарованныя звуками.

XXX.

Былъ часъ, когда вторично послѣ полудня выгоняютъ стада на пастбище, Дафнисъ, съ высокаго мѣста, откуда открывался видъ на далекія поля, замѣтивъ стадо и Хлою, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «О Нимфы! О Панъ!», сбѣжалъ внизъ на равнину, бросился въ объятія Хлои и упалъ, теряя сознаніе. Когда, послѣ многихъ усилій, поцѣлуями и ласками она привела его въ чувство, оба пошли къ старому буку, на обычное мѣсто, и, усѣвшись подъ тѣнью, онъ спросилъ ее, какъ удалось ей бѣжать отъ враговъ. Она разсказала ему подробно: гирлянды плюща вокругъ козлиныхъ роговъ, волчій вой овецъ, сосновый вѣнецъ на ея головѣ, огонь на

землѣ, шумъ на морѣ, флейту Пана, по очереди пѣвшую, то брань, то миръ; ужасы ночи, невѣдѣніе дороги, пѣснь, которая указывала путь. Дафнисъ, видя въ этомъ помощь Пана и совершеніе того, что предсказали Нимфы въ сновидѣніи, разсказалъ ей, въ свою очередь, все, что видѣлъ и слышалъ, и какъ, умирающаго отъ скорби, возвратили его Нимфы къ жизни. Потомъ послалъ ее за Дріасомъ, Ламономъ и всѣмъ необходимымъ для жертвоприношенія. Самъ же въ это время выбралъ лучшую въ стадѣ козу, обвилъ ей рога плющомъ, наподобіе того, какъ все стадо явилось непріятелю, пролилъ молока между рогами, закололъ козу въ жертву Нимфамъ, повѣсилъ, содралъ кожу, посвятилъ ее богинямъ и прикрѣпилъ къ скалѣ.

XXXI.

Когда пришла Хлоя съ домашними, Дафнисъ зажегъ огонь, сварилъ одну часть мяса, другую изжарилъ, предложилъ первые куски Нимфамъ и выпилъ въ честь ихъ кубокъ сладкаго вина; потомъ сдѣлалъ застольныя ложа изъ мягкихъ листьевъ. И всѣ возлегли, чтобы ѣсть, пить и веселиться. Въ то же время онъ слѣдилъ за стадами, боясь чтобы волкъ не надѣлалъ бѣды. Пропѣли пэанъ во славу Нимфъ, сочиненный пастухами былыхъ временъ. Когда наступила ночь, легли спать подъ открытымъ небомъ. На слѣдующій день не забыли Пана. Увѣнчавъ сосновою зеленью красивѣйшаго въ стадѣ козла, отвели его къ соснѣ, посвященной Пану. Здѣсь совершили возліянія, помолились Богу, закололи жертву, повѣсили и содрали кожу. Сваривъ и изжаривъ мясо, положили куски поблизости на лиственное ложе, по серединѣ луга. Кожа, сельская жертва пастушьему богу, была подвѣшена за рога, на вѣтвь сосны у изваянія. Сдѣлавъ это, предложили Пану первые куски мяса, пролили большой кубокъ вина; Хлоя пропѣла гимнъ, Дафнисъ сыгралъ на флейтѣ.

XXXII.

Возлегли и начали пиръ, когда случайно подошелъ волопасъ Филетасъ. Онъ принесъ богу Пану гирлянды цвѣтовъ

и гроздья, еще висѣвшія на широколиственной лозѣ. За нимъ слѣдовалъ младшій изъ его сыновей, Титиръ, мальчикъ свѣтлокудрый и румяный, бѣлый и рѣзвый. Онъ шелъ, весело прыгая, какъ молодой козленокъ. Тотчасъ же встали, увѣнчали статую Пана, привѣсили жертвы къ дремучимъ вѣтвямъ сосны; потомъ усадили гостей, приглашая раздѣлить трапезу. Когда старики разгорячились отъ вина, явилось немало предметовъ для бесѣды и разсказовъ: говорили о томъ, какъ пасли стада во дни юности, какъ много разъ спасались отъ морскихъ разбойниковъ. Одинъ хвасталъ, что убилъ волка, другой,—что развѣ Панъ играетъ на флейтѣ лучше, чѣмъ онъ. Этимъ искусствомъ гордился Филетасъ.

XXXIII.

Дафнисъ и Хлоя стали ублажать и упрашивать волопаса, чтобы явилъ онъ образчикъ искусства, сыгралъ на флейтѣ—въ честь того бога, которому флейта мила. Онъ согласился и, хотя жалуясь, что старость уменьшила силу его дыханія, взялъ флейту у Дафниса. Но, пригодная отроку, оказалась она малою для столь великаго искусника. Филетасъ послалъ Титира за собственной флейтой въ своей домикъ, отстоявшій на десять стадій. Мальчикъ сбросилъ верхнюю одежду и побѣжалъ, легконогій, какъ дѣтенышъ лани. Въ это время Ламонъ предложилъ разсказать исторію Пановой флейты, слышанную имъ отъ сицилійскаго козьяго пастуха, который взялъ, какъ плату за разсказъ, флейту и козла.

XXXIV.

«Нѣкогда свирѣль, называемая Сирингой, была не свирѣлью, а молодою дѣвушкой съ благозвучнымъ голосомъ. Она пасла козъ, играла съ Нимфами, пѣла такъ же сладко, какъ теперь. И между тѣмъ, какъ она пасла козъ, играла и пѣла, Панъ подошелъ и хотѣлъ овладѣть ею, обѣщая, что всѣ козы понесутъ двойни. Она же посмѣялась надъ его любовью и отвѣтила, что не хочетъ любви ни козлиной, ни человѣ-

ческой. Панъ устремился къ ней, чтобы овладѣть ею насильно. Она убѣгаетъ отъ его насильственныхъ объятій. Запыхавшись отъ бѣга, прячется въ тростникъ. Панъ, въ ярости, срѣзаетъ стебли тростника, но, не найдя въ нихъ дѣвушки, догадывается о томъ, что случилось, выдумываетъ флейту и соединяетъ воскомъ тростники неравные, образъ неравной любви. И вотъ какъ прекрасная дѣвушка превратилась въ благозвучную Сирингу».

XXXV.

Ламонъ окончилъ разсказъ, и Филетасъ похвалилъ его, увѣряя, что басня эта лучше всякой пѣсни,—когда Титиръ вернулся съ отцовской флейтой. Она была велика, составлена изъ толстыхъ тростниковъ, съ работою желтой мѣди, украшавшею воскъ. Казалось, что это та самая первая флейта, которую придумалъ и сдѣлалъ Панъ. Филетасъ поднялся, сѣлъ на лиственное ложе, сначала испробовалъ поочередно каждый изъ девяти стволовъ, чтобы знать, вѣренъ ли звукъ; потомъ, убѣдившись, что дыханіе проходитъ безпрепятственно, началъ дуть, съ юношескою силою и увлеченіемъ. Чудилось созвучіе нѣсколькихъ соединенныхъ свирѣлей—столь разнообразные звуки извлекалъ онъ изъ отверстій флейты. Затѣмъ, мало-по-малу понижая строй и переходя къ напѣвамъ болѣе тихимъ и сладостнымъ, обнаружилъ передъ ними всѣ тонкости глубокаго искусства. Сыгралъ пѣсни для стада быковъ, другія—для козъ, третьи—любезныя овцамъ; нѣжныя—для овецъ, гордыя и сильныя —для быковъ, острыя и ясныя—для козъ; словомъ, всѣ флейты соединились въ одной.

XXXVI.

Между тѣмъ, какъ слушатели лежали, не двигаясь, очарованные музыкой, Дріасъ всталъ, попросилъ волопаса сыграть вакхическую пѣснь, началъ плясать пляску виноградарей. Можно было видѣть, какъ онъ поочередно то срываетъ виноградъ съ лозы, то несетъ его въ корзинѣ,

то выдавливаетъ гроздья, то наполняетъ бочки и пьетъ сладкое вино,— столь совершеннымъ было искусство, и такъ естественно изображала пляска лозы, точило, бочки и пьющаго Дріаса.

XXXVII.

Третій старикъ, исполнивъ пляску ко всеобщему удовольствію, обнялъ Хлою и Дафниса. Тотчасъ оба встали и начали изображать басню Ламона. Дафнисъ былъ Паномъ, Хлоя— Серингою. Онъ молилъ ее страстно, она отвергала любовь его съ улыбкою; онъ преслѣдовалъ и бѣгалъ за нею на кончикахъ ногъ, подражая козлоногому Пану, она убѣгала. Наконецъ спряталась въ лѣсъ, замѣнившій болото. Дафнисъ взялъ большую флейту волопаса, извлекъ изъ нея жалобные звуки, подобные вздохамъ влюбленнаго, потомъ страстную пѣснь, какъ будто для того, чтобы тронуть сердце гордой, наконецъ призывный крикъ, какъ будто онъ искалъ ее. Восхищенный Филетасъ всталъ, обнялъ его и, поцѣловавъ, подарилъ ему флейту, прося боговъ, чтобъ Дафнисъ передалъ ее такому же достойному наслѣднику, какъ онъ. Дафнисъ посвятилъ богу Пану свою прежнюю маленькую флейту, заключилъ въ объятіяхъ Хлою, какъ будто она, въ самомъ дѣлѣ, возвратилась послѣ бѣгства и отвелъ стадо въ овчарню, играя на свирѣли.

XXXVIII.

Такъ какъ наступала ночь, то Хлоя вернулась домой съ овцами, подъ звуки той же свирѣли. Овцы шли рядомъ съ козами, Хлоя—рядомъ съ Дафнисомъ, и онъ могъ цѣловать ее на свободѣ. Они обѣщали другъ другу утромъ вывести стада на пастбище ранѣе обыкновеннаго часа, что не преминули исполнить. Едва забрезжилъ день, какъ они уже были въ полѣ. Привѣтствовали сначала Нимфъ, потомъ Пана, сѣли подъ дубомъ и начали играть на флейтѣ. Затѣмъ стали цѣловать другъ друга, обниматься, легли на землю, но больше ничего не сдѣлали. Когда встали, то рѣшили поѣсть и выпить изъ общаго кубка вина, смѣшаннаго съ молокомъ.

XXXIX.

Разгорячившись отъ вина и сдѣлавшись смѣлѣе, начали они спорить, кто сильнѣе любитъ, и захотѣлось имъ покляться во взаимной вѣрности. Дафнисъ подошелъ къ соснѣ, призвалъ Пана въ свидѣтели, что онъ не можетъ прожить безъ Хлои ни единаго дня. Хлоя въ пещерѣ Нимфъ поклялась богинямъ жить и умереть съ Дафнисомъ. Такова была невинность Хлои, такова простота ея сердца, что, выйдя изъ пещеры, она пожелала, чтобы Дафнисъ еще разъ поклялся.

— Дафнисъ, — молвила Хлоя, — Панъ-богъ измѣнчивый, непостоянный; онъ любилъ Питисъ, любилъ Сирингу, то и дѣло гоняется за Нимфами лѣсными, не даетъ покоя и Нимфамъ полей, покровительницамъ стадъ. Я боюсь, что, если ты забудешь клятву, онъ и не подумаетъ наказать тебя, хотя бы даже у тебя было не меньше любовницъ, чѣмъ стволовъ у свирѣли. Дай мнѣ настоящую клятву пастуха, поклянись козою, вскормившею тебя, что ты не покинешь Хлои, пока она будетъ вѣрной,—если же нарушитъ клятву, данную тебѣ и Нимфамъ, бѣги отъ нея, возненавидь ее, убей, какъ волка!

Дафнису понравилось это сомнѣніе: стоя среди стада, одну руку онъ положилъ на козла, другую на козу и поклялся любить Хлою, пока будетъ ею любимъ; если же когда-нибудь она измѣнитъ, — убить себя, а не ее. И Хлоя, радостная, болѣе не сомнѣвалась—какъ простодушное дитя, какъ пастушка, считающая овецъ и козъ богами пастуховъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Когда митиленійцы узнали о нападеніи враговъ, когда изъ селъ дошли къ нимъ вѣсти объ опустошеніяхъ, то они порѣшили не оставлять безнаказанной дерзость метимнійцевъ и вооружиться немедленно. Набрали три тысячи гоплитовъ, пятьсотъ всадниковъ и послали ихъ сушею подъ предводительствомъ Гиппаса, такъ какъ море казалось небезопаснымъ въ виду наступавшей зимы.

II.

Гиппасъ, выступивъ въ походъ воздержался отъ опустошенія метимнійскихъ земель; не похищалъ ни стадъ, ни другой добычи у землевладѣльцевъ и пастуховъ, полагая грабежъ болѣе достойнымъ разбойника, чѣмъ военачальника. Поспѣшно направился онъ къ самому городу, надѣясь, что найдетъ ворота безъ стражи и захватитъ городъ врасплохъ. Его отдѣляло отъ Метимны не болѣе, чѣмъ сто стадій, когда явился глашатай, посланный просить перемирія. Метимнійцы, услышавъ отъ плѣнниковъ, что граждане митиленъ ничего не знали о случившемся, и что все вышло изъза ничтожной драки молодыхъ людей съ поселянами и пастухами, пожалѣли о томъ, что не остереглись и безъ достаточнаго повода допустили враждебныя дѣйствія противъ сосѣдняго города. Теперь желали они одного — возвра-

тить добычу, возстановить прежній союзъ между обоими городами на морѣ и сушѣ. Гиппасъ послалъ глашатая метимнійцамъ, хотя имѣлъ, какъ военачальникъ, неограниченую власть. Въ то же время приблизился онъ къ Метимнѣ на разстояніе десяти стадій и расположился лагеремъ, ожидая извѣстій. Черезъ два дня посланный вернулся съ приказаніемъ принять добычу и возвратиться въ городъ, не начиная враждебныхъ дѣйствій. Такъ какъ мителенійцамъ предстоялъ выборъ между войною и миромъ, то они сочли болѣе выгоднымъ миръ.

III.

Война Митиленъ и Метимны кончилась столь же неожиданно, какъ началась. Наступила зима, для Дафниса и Хлои болѣе страшная, чѣмъ война. По дорогамъ нанесло такіе сугробы, что нельзя было выйти изъ дому, и каждый сидѣлъ взаперти. Съ горъ низвергались бурные потоки, вода замерзала, деревья покрылись инеемъ. Земля пряталась подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и только на берегу незамерзающихъ ключей оставалась обнаженной. Стада не ходили на пастбище, пастухъ не смѣлъ переступить порога. Утромъ, съ пѣніемъ пѣтуховъ, всѣ сходились вокругъ большого огня; одни занимались пряжею, другіе ткали козью шерсть и устраивали птичьи силки. Оставалась одна забота: подложить быкамъ соломы въ ясли, козамъ и овцамъ—листвы въ овчарню, свиньямъ — буковыхъ орѣховъ и жолудей въ корыто.

IV.

Невольный плѣнъ былъ пріятенъ прочимъ пастухамъ и земледѣльцамъ. Они отдыхали отъ работъ, хорошо ѣли, много спали. Ни лѣто, ни осень, ни даже весна не казались имъ такой отрадной, какъ зима. Но Дафнисъ и Хлоя не могли позабыть о наслажденіяхъ, которыхъ лишились—о поцѣлуяхъ, объятіяхъ, общихъ обѣдахъ. Проводили ночи, томясь безсонницей, ждали новой весны, которая должна была вернуть ихъ къ жизни. Сердца ихъ сжимались отъ скорби, когда

руки прикасались къ мѣшку, откуда они вынимали припасы, когда взоры падали на кубокъ, изъ котораго они пили вмѣстѣ, и на грустно-покинутую флейту—даръ любви. Они умоляли Нимфъ и Пана положить предѣлъ ихъ мученіямъ, возвратить солнце имъ и стадамъ. Вознося эти молитвы, оба изыскивали предлоги для свиданій, Хлоѣ было труднѣе выйти изъ дома, потому что та, которая считалась ея матерью, не оставляла ея ни на мгновеніе: учила чесать шерсть, вращать веретено, говорила ей о свадьбѣ. Дафнисъ былъ свободнѣе. Менѣе занятый, чѣмъ дѣвушка, придумалъ онъ хитрость, чтобы увидѣть Хлою.

V.

Передъ Дріасовымъ дворомъ, немного пониже стѣны, росли два большихъ мирта и плющъ. Мирты почти касались другъ друга. Плющъ выросъ между ними и, въ обѣ стороны распростирая, подобно лозѣ, тонкіе побѣги, образовывалъ сплетенными вѣтвями тѣнистый сводъ. Кисти ягодъ большихъ, какъ виноградъ, висѣли на вѣтвяхъ; стаи птицъ прилетали сюда, не находя зимой другой пищи. Здѣсь бывало множество черныхъ и сѣрыхъ дроздовъ, голубей, скворцовъ и всякихъ иныхъ птицъ, лакомыхъ до ягодъ плюща. Дафнисъ, чтобы имѣть предлогъ для свиданій, придумалъ охотиться. Отправился съ мѣшкомъ, полнымъ медовыхъ лепешекъ, не забывъ ни птичьяго клея, ни силковъ, чтобы не могли усомниться въ его намѣреніяхъ. Хотя надо было пройти не больше десяти стадій, снѣгъ, еще рыхлый, не успѣвшій затвердѣть, затруднялъ путь. Но ничто не останавливаетъ любящихъ—ни вода, ни огонь, ни скиѳскіе снѣга.

VI.

Ни разу не отдыхая, дошелъ онъ до Дріасова двора. Очистивъ ноги отъ снѣга, разставилъ силки, намазалъ клеемъ длинныя, тонкія вѣтви; потомъ сѣлъ, ожидая съ волненіемъ птицъ и особенно Хлою. Птицы прилетѣли во множествѣ. Онъ поймалъ ихъ столько, что ему стоило большого

труда собрать ихъ, убить и ощипать. Но никто не выходилъ изъ дому—ни мужчина, ни женщина, ни пѣтухъ, ни курица. Всѣ сидѣли въ теплѣ, поближе къ уютному огню. Дафнисъ не зналъ, что придумать, и проклиналъ враждебный рокъ. Долго стоялъ онъ передъ дверью, не находя удобнаго предлога, чтобы войти:

— Я прихожу за огнемъ.—Но развѣ не было ближайшихъ сосѣдей?—Я хотѣлъ попросить хлѣба.—Но мѣшокъ твой полонъ припасами.—У насъ не хватило вина.—Но съ виноградного сбора едва прошло нѣсколько дней.—Я бѣжалъ отъ волка.—Гдѣ же слѣды волка?—Я пришелъ охотиться на птицъ.— Зачѣмъ же не идешь домой, окончивъ охоту? Я хочу видѣть Хлою.—Но развѣ я смѣю въ этомъ признаться отцу и матери дѣвушки?—Не постучаться ли безъ всякаго предлога?—Нѣтъ, это ужъ слишкомъ подозрительно. Самое лучшее—уйти, ничего не сказавъ. Весной увижу Хлою, потому что, чувствую, рокъ не судилъ мнѣ видѣть ее эту зиму.

Разсуждая такъ, онъ уже собралъ птицъ и хотѣлъ удалиться, когда богъ Любви сжалился надъ нимъ. Вотъ что случилось.

VII.

Дріасъ съ домашними возлежалъ за столомъ. Куски мяса были уже распредѣлены, хлѣбъ поданъ, вино смѣшано въ кубкахъ, какъ вдругъ одна изъ овчарокъ, воспользовавшись минутой разсѣянности, схватила кусокъ, выскочила въ дверь и убѣжала. Дріасъ, взбѣшенный, потому что собака унесла его собственную долю, взялъ палку и пустился въ погоню. Преслѣдуя овчарку, пробѣжалъ онъ мимо плюща, замѣтилъ Дафниса съ охотничьей ношей на плечахъ, собравшагося уходить, остановился, сразу забылъ все, и собаку и мясо, крикнулъ ему громкимъ голосомъ: «здравствуй, сынокъ!»— крѣпко обнялъ, поцѣловалъ и повелъ за руку въ домъ. Когда Дафнисъ и Хлоя увидѣли другъ друга, они едва не упали отъ волненія. Но, сдѣлавъ усиліе, чтобы удержаться на ногахъ привѣтствовали другъ друга и обнялись: въ этихъ объятіяхъ нашли они какъ бы взаимную опору.

VIII.

Дафнисъ, осчастливленный тѣмъ, на что не смѣлъ надѣяться—и свиданіемъ и поцѣлуемъ, сложилъ на столъ свою ношу. Разсказалъ, какъ, соскучившись взаперти, пошелъ охотиться на дроздовъ, какъ наловилъ ихъ, однихъ силками, другихъ клеемъ, пользуясь ихъ жадностью къ ягодамъ миртъ и плюща. Его похвалили за умную забаву и пригласили возлечь и взять одинъ изъ кусковъ мяса, оставленнаго собакою. Хлою попросили разлить вино, что̀ она исполнила съ радостью. Дѣвушка услужила сперва всѣмъ прочимъ, Дафнису же—послѣднему. Она притворилась, что сердита на него за то, что онъ хотѣлъ вернуться домой, не повидавшись съ нею. Но прежде чѣмъ подать ему чашу, омочила въ винѣ свои губы. И Дафнисъ, хотя чувствовалъ сильную жажду, пилъ медленными глотками, чтобы продлить наслажденіе.

IX.

Скоро мясо и хлѣбъ исчезли со стола. Тогда, не вставая, возлежавшіе начали его разспрашивать о Мирталѣ и Ламонѣ, называли ихъ счастливыми, потому что они имѣли въ немъ, такую опору старости. Эти похвалы были для него тѣмъ пріятнѣе, что Хлоя слышала ихъ. Когда же хозяева удержали его до слѣдующаго дня, сказавъ, что готовятъ жертвоприношеніе богу Вакху, Дафнисъ въ восторгѣ едва не почтилъ ихъ самихъ, какъ боговъ. Тотчасъ вынулъ изъ сумки много лепешекъ, испеченныхъ на меду, и пойманныхъ птицъ. Приготовили ужинъ. Чаши снова наполнилась: въ огонь подложили хвороста, онъ вспыхнулъ ярче, и только что наступила ночь, опять возлегли за столъ. Часы пролетали за часами въ разсказахъ и пѣсняхъ. Потомъ пошли спать—Хлоя съ матерью, Дріасъ съ Дафнисомъ. Хлоя думала только объ одномъ—о предстоявшей утромъ радости уви-

дѣть Дафниса. А онъ обманывалъ себя призрачнымъ счастіемъ, находя отраду въ томъ, чтобы лежать рядомъ съ отцомъ Хлои; онъ сжималъ его въ объятіяхъ и цѣловалъ съ нѣжностью, думая во снѣ, что обнимаетъ и цѣлуетъ Хлою

X.

Утро было холодное. На дворѣ пронзительный морозный вѣтеръ обжигалъ лицо. Они встали, принесли въ жертву Вакху годовалаго козленка, развели большой огонь и начали готовить пиръ. Между тѣмъ, какъ Напэ пекла хлѣбъ, а Дріасъ жарилъ козленка, Дафнисъ и Хлоя, улучивъ свободную минуту, пошли за ворота къ плющу. Здѣсь разставили силки, расположили палочки съ клеемъ и поймали множество птицъ. Въ то же время не прекращались ни поцѣлуи, ни ласковыя рѣчи.

— Я вѣдь для тебя пришелъ, Хлоя.

— Знаю, Дафнисъ.

— Для тебя убиваю бѣдныхъ дроздовъ.

— Чего же ты хочешь отъ меня, милый Дафнисъ?

— Не забывай меня!

— Я уже поклялась, что не забуду тебя, призвавъ въ свидѣтельницы Нимфъ той пещеры, куда мы вернемся, только что снѣгъ растаетъ.

— Когда-то онъ еще растаетъ! Видишь, какіе сугробы. Боюсь, что я погибну раньше, чѣмъ снѣгъ.

— Мужайся, Дафнисъ. Солнце уже грѣетъ.

— О, если бы Хлоя, солнце было такъ же горячо, какъ тотъ огонь, который пожираетъ мнѣ сердце!

— Ты смѣешься, ты хочешь обмануть меня.

— О, не говори такъ, заклинаю тебя козами, которыми ты заставила меня кляться!

XI.

Хлоя отвѣчала Дафнису, какъ эхо, когда Напэ ихъ позвала. Охотники прибѣжали съ добычей, еще болѣе обильной, чѣмъ намедни. Послѣ возліяній Вакху, пообѣдали,

возложили вѣнки плюща на голову. Когда пришла пора,— возславивъ Вакха и пропѣвъ гимнъ Эвоэ, Напэ и Дріасъ отпустили Дафниса. Наполнивъ ему сумку хлѣбомъ и мясомъ, дали горлицъ и дроздовъ, чтобы онъ отнесъ ихъ въ подарокъ Ламону и Мирталѣ, говоря, что поймаютъ другихъ, пока стоитъ зима и плющъ покрытъ кистями ягодъ. Дафнисъ, прощаясь, поцѣловалъ по очереди всѣхъ, но Хлою—послѣднюю, чтобы поцѣлуй остался на его губахъ несмѣшаннымъ и чистымъ. Съ той поры находилъ онъ разные предлоги для посѣщеній, такъ что зима прошла для нихъ не совсѣмъ безъ любви.

XII.

Въ началѣ весны, когда только что показалась земля сквозь тающій снѣгъ, и трава зазеленѣла, пастухи выгнали въ поле стада; раньше всѣхъ Дафнисъ и Хлоя, какъ служители великаго Пастыря. Сперва побѣжали они въ пещеру Нимфъ, потомъ къ Пану, наконецъ къ дубу и усѣлись на корни его, наблюдая за стадами, цѣлуясь. Затѣмъ пошли взглянуть, не найдется ли цвѣтовъ, чтобы сплести вѣнокъ богамъ. Но цвѣты едва рождались подъ вѣяніемъ зефировъ и нѣжной теплотою солнца. Все же нашлись фіалки, нарциссы, ландыши, всѣ ранніе цвѣты, растущіе первой весной. Послѣ того, какъ Дафнисъ выдоилъ козъ и овецъ, увѣнчали они гирляндами изваянія боговъ и совершили возліяніе весенняго молока. Потомъ сѣли поиграть на свирѣли, какъ будто затѣмъ, чтобы пробудить соловьевъ. А тѣ уже робко щебетали въ кустахъ и снова начинали прославлять богиню Итисъ, какъ будто, послѣ долгаго молчанія, припоминали забытыя пѣсни.

XIII.

Овцы блеяли, ягнята прыгали и, склоняясь подъ брюхомъ матокъ, сосали имъ вымя. Бараны преслѣдовали овецъ, у которыхъ еще не было ягнятъ, подымались и покрывали, одинъ одну, другой другую, каждый въ свою очередь. Козлы,

еще болѣе пламенные, бѣгали за козами, скакали вокругъ нихъ сладострастно и ревновали. У каждаго козла были свои жены, и онъ ревниво оберегалъ ихъ отъ соперниковъ. Такое зрѣлище и въ старикахъ воскресило бы вожделѣніе любви,—тѣмъ болѣе въ Дафнисѣ и Хлоѣ, юныхъ, томимыхъ желаніями, давно уже искавшихъ любви. Все, что они видѣли и слышали, воспламеняло ихъ. Они истаевали, искали большаго, чѣмъ поцѣлуй и объятія. Въ особенности Дафнисъ, который выросъ и возмужалъ во время зимняго отдыха,—цѣловалъ ее съ пылкостью, обнималъ жадно, сдѣлавшись болѣе смѣлымъ и предпріимчивымъ.

XIV.

Онъ молилъ Хлою позволить ему все, чего онъ хочетъ,—полежать съ нимъ рядомъ голою дольше, чѣмъ они до сей поры лежали.

— Вѣдь это—единственное изъ наставленій Филетаса,—убѣждалъ онъ ее,—котораго мы не исполнили, единственное лѣкарство отъ любви!

Когда она его спрашивала, что можетъ быть большаго, чѣмъ цѣловаться, обнимать другъ друга и лежать вмѣстѣ и что хочетъ онъ дѣлать, когда будетъ лежать голый рядомъ съ нею, Дафнисъ отвѣчалъ:

— То самое, что дѣлаютъ бараны съ овцами, и съ козами козлы. Ты видишь, какъ потомъ онѣ затихаютъ, не бѣгаютъ отъ своихъ любовниковъ, а тѣ уже ихъ не преслѣдуютъ. Они мирно пасутся, какъ будто наслаждаясь общею нѣгою. Должно-быть, находятъ они въ этомъ такую сладость, которая побѣждаетъ всю горечь любви,

— Но развѣ ты не видишь, Дафнисъ, какъ дѣлаютъ бараны съ овцами, козлы съ козами?.. А ты хочешь, чтобы мы лежали вмѣстѣ, и притомъ еще голыми: посмотри же, насколько ихъ шерсть гуще и толще ткани нашихъ одеждъ...

Дафнисъ повѣрилъ, легъ рядомъ съ нею и долго сжималъ ее въ объятіяхъ. Но онъ не умѣлъ сдѣлать того, чего такъ томительно хотѣлъ. Тогда юноша сѣлъ на землю и заплакалъ горюя, что въ любви онъ неискуснѣе козловъ.

XV.

По сосѣдству жилъ земледѣлецъ, человѣкъ уже не первой молодости, именемъ Хромисъ, обрабатывавшій наслѣдственную землю. У него жила молоденькая горожанка, бойкая, хорошенькая, болѣе нѣжная и стройная, чѣмъ сельскія женщины. Звали ее Ликеніонъ. Каждое утро видѣла она, какъ Дафнисъ проходилъ мимо ея оконъ, выгоняя козъ на пастбище, каждый вечеръ тою же дорогой возвращался онъ съ поля. И хотѣлось ей сдѣлать пастуха своимъ любовникомъ, обольстивъ подарками. Однажды, Ликеніонъ подстерегла его и, оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, предложила флейту, медовыхъ сотъ, охотничью сумку изъ оленьей кожи. Но сказать ничего не посмѣла, подозрѣвая, что онъ любитъ Хлою, потому что замѣтила, что Дафнисъ занятъ пастушкою, хотя и догадывалась объ этой любви только по ихъ взорамъ, выраженію лицъ и взаимнымъ улыбкамъ. Въ тотъ самый день, сказавъ Хромису, что намѣрена посѣтить сосѣдку-родильницу, съ утра она пошла по ихъ слѣдамъ, спряталась въ засаду такъ, чтобы ее не могли увидѣть, и подслушала все, что они говорили, подсмотрѣла, что они дѣлали. Увидѣла и слезы Дафниса. Сжалившись надъ бѣдными дѣтьми и, подумавъ, что боги посылаютъ ей рѣдкій случай сдѣлать вдвойнѣ хорошее дѣло—помочь имъ въ затрудненіи утолить собственныя желанія, рѣшилась она прибѣгнуть вотъ къ какой хитрости.

XVI.

На слѣдующее утро, снова отлучившись со двора, подъ предлогомъ посѣщенія родильницы, пошла она прямо къ дубу, гдѣ сидѣли Дафнисъ и Хлоя. Съ великимъ искусствомъ притворившись огорченной, Ликеніонъ стала кричать.

— Ко мнѣ, Дафнисъ! Горе, горе! Изъ двадцати гусей моихъ орелъ похитилъ самаго лучшаго. Но, такъ какъ ноша слишкомъ тяжела, онъ не могъ унести ее въ гнѣздо на вершину

скалы и опустился съ добычей въ глубинѣ того лѣса. Заклинаю тебя Нимфами и вотъ этимъ Паномъ, пойдемъ со мною въ лѣсъ, потому что одна я боюсь. Спаси мою птицу! Можетъ-быть, убьешь ты и орла, и онъ больше не будетъ похищать у васъ козлятъ и ягнятъ. Хлоя тѣмъ временемъ посмотритъ за стадомъ: вѣдь козы твои слушаются ея, какъ тебя самого, потому что вы всегда вмѣстѣ.

XVII.

Дафнисъ, ничего не подозрѣвая, всталъ, взялъ посохъ и послѣдовалъ за Ликеніонъ. Она увела его какъ можно дальше отъ Хлои и, достигнувъ темной чащи лѣса, усадила на берегу ручья.

— Дафнисъ,—молвила она,—ты любишь Хлою. Нимфы открыли мнѣ это сегодня ночью; разсказали въ сновидѣніи, какъ ты плакалъ вчера и повелѣли помочь твоему горю, наставивъ въ любовномъ искусствѣ. Знай же, есть нѣчто большее, чѣмъ поцѣлуи, объятія и то, что ты наблюдалъ у барановъ и козловъ: есть иныя ласки, соединеніе болѣе сладостное, чѣмъ все, что ты знаешь. Ибо восторгъ можно продлить. Итакъ, если только ты хочешь утѣшиться въ своемъ горѣ, найдя то самое утоленіе, котораго ищешь, приди, отдайся мнѣ, о нѣжный и радостный ученикъ: въ угоду Нимфамъ я научу тебя всему!

XVIII.

При этихъ словахъ Дафнисъ не могъ удержать своей радости; простодушный поселянинъ, невинный пастухъ, къ тому же юный и влюбленный, припалъ онъ къ ногамъ Ликеніонъ, молилъ, какъ можно скорѣе научить его искусству любви, чтобы онъ могъ, наконецъ, сдѣлать Хлоѣ то, чего желаетъ. И какъ будто бы это было, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторое великое таинство, обѣщалъ ей козленка, только что отнятаго отъ матки, свѣжіе сливочные сыры и самую матку-козу. Ликеніонъ, видя въ пастухѣ простоту еще бо̀льшую, чѣмъ

предполагала, принялась учить его такъ: велѣла сѣсть, какъ можно ближе и, не смущаясь, цѣловать ее точно такъ, какъ они дѣлали съ Хлоей, ничего не упуская—сжимать ее въ объятіяхъ и лечь рядомъ съ нею на землю. Когда юноша сѣлъ, обнялъ ее и легъ рядомъ съ нею,—видя, что онъ достаточно подготовленъ и весь горитъ желаніемъ, она приподняла его тихонько, привлекла и положила на себя. Потомъ, все уже казалось простымъ и легкимъ, и сама природа учила его тому, что онъ долженъ былъ дѣлать.

XIX.

Только что урокъ любви былъ конченъ, Дафнисъ еще сохраняя свое сельское простодушіе, хотѣлъ тотчасъ же бѣжать къ Хлоѣ и сдѣлать съ нею то, что узналъ, какъ будто боялся, откладывая, забыть урокъ. Но Ликеніонъ удержала его и молвила:

— Слушай, Дафнисъ, вотъ, что тебѣ еще слѣдуетъ знать: такъ какъ я уже не дѣвушка, то для меня это было легко. Другой мужчина, ранѣе тебя, научилъ меня любви, и въ награду я отдала ему мою дѣвственность. Но Хлоя, когда въ первый разъ вступитъ съ тобою въ этотъ поединокъ,—будетъ кричать, плакать и сопротивляться... Ты же не бойся. И убѣдивъ ее отдаться, приведи въ это самое мѣсто, чтобы никто не услышалъ, если она будетъ кричать, никто не увидѣлъ, если она будетъ плакать и сопротивляться. Помни также, что я первая, раньше Хлои, сдѣлала тебя мужчиной.

XX.

Ликеніонъ, довершивъ свой урокъ, пошла въ другую сторону лѣса, какъ будто продолжая поиски пропавшаго гуся. Дафнисъ же, размышляя о томъ, что она ему сказала, чувствовалъ, какъ его первая рѣшимость ослабѣваетъ, и не смѣлъ требовать у Хлои большаго, чѣмъ объятія и поцѣлуи. Ему не хотѣлось, чтобы она звала на помощь, какъ будто онъ причинялъ ей вредъ, чтобы она плакала и сопротивлялась, какъ будто онъ ей врагъ. Все это пугало его, неискушеннаго

въ любви. Вотъ почему онъ вышелъ изъ лѣса съ твердою рѣшимостью наслаждаться только обычными ласками. Вернувшись туда, гдѣ она сидѣла, увидѣлъ онъ, что пастушка плететъ вѣнки изъ фіалокъ; чтобы лучше обмануть ее, юноша сказалъ, что вырвалъ гуся изъ орлиныхъ когтей,—обнялъ ее крѣпко и сталъ цѣловать точно такъ, какъ въ любовномъ поединкѣ съ Ликеніонъ, потому что зналъ, что эти ласки не опасны. Она возложила вѣнокъ на его голову, поцѣловала ему кудри, и они казались ей болѣе душистыми, чѣмъ фіалки. Потомъ вынула изъ охотничьяго мѣшка сушеныя фиги и нѣсколько маленькихъ хлѣбовъ, которые дала ему, чтобы подкрѣпить его силы. И когда онъ ѣлъ, брала въ ротъ куски изъ его рта, какъ птенецъ изъ клюва матери.

XXI.

Среди этого угощенія, когда они были заняты болѣе поцѣлуями, чѣмъ ѣдою, появилась рыбачья лодка, плывшая вдоль берега. На морѣ царила тишина, поверхность воды была зеркальной, и рыбакамъ приходилось работать веслами, что̀ они усердно дѣлали, такъ какъ везли въ городъ только что пойманную рыбу для богатаго дома. Гребли и пѣли, по обычаю матросовъ, чтобы обмануть усталость. Хозяинъ запѣвалъ морскую пѣсню, и прочіе гребцы, мѣрно опуская и подымая весла черезъ нѣкоторые промежутки, хоромъ подхватывали. Пока ѣхали въ открытомъ морѣ, звукъ терялся въ необъятности воздуха; когда же, обогнувъ высокій утесъ, въѣхали въ глубокій заливъ, похожій на рогъ новой луны, голоса ихъ сразу сдѣлались громче, пѣсня гребцовъ явственнѣе донеслась къ берегу, потому что глубокій оврагъ въ самомъ концѣ равнины, подобный слуховому рожку, умножающему звукъ, повторялъ, какъ вѣрное эхо, долетавшіе звуки. И эхо было столь ясное, что слышались въ немъ и шумъ веселъ и пѣсня гребцовъ. Соединяясь и не мѣшая другъ другу, они очаровывали слухъ. Только что въ морѣ звукъ умиралъ, какъ земля рождала отзвукъ, который слѣдовалъ за нимъ и умножалъ его, не смѣшиваясь.

XXII.

Для Дафниса въ этомъ не было ничего новаго. Онъ только смотрѣлъ на море, любуясь лодкой, скользившей по влажной равнинѣ быстро, какъ птица, и стараясь запомнить пѣсню, чтобы сыграть ее на флейтѣ. Но Хлоя, слышавшая въ первый разъ отзвукъ, называемый эхо, то устремляла взоры на море, когда гребцы подхватывали хоромъ пѣснь, то оборачивалась къ лѣсу, желая увидѣть, кто отвѣчаетъ. Замѣтивъ, что молчаніе опять воцарилось въ оврагѣ, когда они проѣхали, спросила она Дафниса: нѣтъ ли другого моря за мысомъ, другой лодки, съ другими гребцами, поющими ту же пѣснь, и не сразу ли всѣ замолчали? Дафнисъ, нѣжно улыбнувшись, еще нѣжнѣе поцѣловавъ ее, возложилъ на голову Хлои вѣнокъ изъ фіалокъ и началъ разсказывать басню о нимфѣ Эхо, потребовавъ, какъ платы за разсказъ, десяти поцѣлуевъ.

XXIII.

«Есть множество различныхъ Нимфъ, о, милая Хлоя; однѣ живутъ въ садахъ, другія—въ рощахъ, третьи—въ полѣ; всѣ онѣ прекрасны и любятъ гармонію. Отъ одной изъ этихъ Нимфъ родилась Эхо, смертная по отцу, прекрасная, какъ мать-полубогиня. Нимфы вскормили ее, Музы научили играть на свирѣли, флейтѣ, лирѣ, киѳарѣ и пѣть различныя пѣсни. Достигнувъ цвѣта юности, водила она хороводы съ Нимфами, пѣла пѣсни съ Музами. Но не хотѣла принадлежать ни человѣку, ни богу, потому что возлюбила дѣвственность. Панъ завидовалъ ея пѣнію, досадовалъ на то, что не можетъ насладиться ея красотою и, возненавидѣвъ Эхо, возбудилъ въ пастухахъ безумную ярость. Какъ стая волковъ или жадныхъ собакъ, разорвали они дѣвушку на части, раскидали въ окрестностяхъ члены ея, все еще полные музыки. И земля приняла ихъ и пріютила въ угоду Нимфамъ. Земля сохранила ея пѣсни, и, по милости, дарованной Музами, Эхо все еще говоритъ и вторитъ звукамъ, какъ нѣкогда пѣ-

вунья,—вторитъ голосу людей и боговъ, свирѣли и киѳарѣ, и рыканію хищнаго звѣря. Подражаетъ и Пану, когда онъ играетъ на флейтѣ; козлоногій прыгаетъ, бѣгаетъ по горамъ, и одна у него забота изловить шалуна, который прячется и подражаетъ ему, и дразнитъ».

По окончаніи разсказа, Хлоя подарила Дафнису не десять, а гораздо больше поцѣлуевъ, потому что нимфа Эхо повторила почти каждое слово его, подтверждая, что все это—истина.

XXIV.

Солнце день ото дня становилось жарче, такъ какъ весна кончалась, наступало лѣто. Вмѣстѣ съ тѣмъ ожидали ихъ новыя радости, обычныя спутницы лѣта. Онъ плавалъ въ рѣкахъ; она купалась въ ручьяхъ. Онъ игралъ на флейтѣ, соревнуя съ благозвучнымъ ропотомъ сосенъ; она пѣла, соперничая съ соловьями. Оба охотились на болтливыхъ кузнечиковъ, брали въ плѣнъ пѣвучихъ цикадъ, рвали цвѣты, потрясали деревья и ѣли новые плоды. Потомъ ложились вмѣстѣ, голые, подъ одну козлиную шкуру, и Хлоя легко могла бы сдѣлаться женщиной, если бы Дафниса не удерживалъ страхъ причинить ей боль. И нерѣдко, опасаясь, что не будетъ въ силахъ преодолѣть желаніе, онъ не позволялъ ей снимать одежду. Хлоя удивлялась, но не смѣла спросить, чего онъ боится.

XXV.

Въ теченіе лѣта много было у нея жениховъ. Со всѣхъ сторонъ приходили къ Дріасу сватать Хлою. Одни приносили подарки, такъ что жена Дріаса, Напэ, разсчитывая на хорошую прибыль, совѣтовала поскорѣе выдать Хлою замужъ и не держать въ домѣ взрослой дѣвушки, которая, не сегодня-завтра, гдѣ-нибудь въ полѣ, могла продать свою дѣвственность первому встрѣчному пастуху за корзину яблокъ или розовый вѣнокъ. Лучше же, говорила она, сдѣлаемъ ее

доброю хозяйкою, да и сами получимъ хорошій подарокъ, который сохранимъ для нашего родного сына,—ибо незадолго передъ тѣмъ родился у нихъ мальчикъ. Иногда Дріасъ готовъ былъ уступить этимъ доводамъ и соблазниться предложеніями, болѣе выгодными, чѣмъ могъ ожидать отецъ бѣдной пастушки. А иногда ему приходило на умъ, что Хлоя не создана для мужа поселянина, что если найдутся отецъ и мать ея, то она сдѣлаетъ Дріаса и всѣхъ его родныхъ богачами. И старикъ медлилъ отвѣтомъ, откладывалъ со дня на день, получая тѣмъ временемъ множество подарковъ. Хлоя видѣла это, огорчалась, но долго скрывала отъ Дафниса, чтобы не причинить ему горя. Наконецъ, когда однажды онъ настаивалъ, молилъ и выпытывалъ, Хлоя, подумавъ, что муки сомнѣнія хуже самой горькой правды, разсказала все,—сколько у нея жениховъ, какъ они богаты, и какъ Напэ торопитъ свадьбу, и какъ Дріасъ, не отказывая никому, откладываетъ дѣло до сбора винограда.

XXVI.

Этотъ разсказъ привелъ Дафниса въ негодованіе: онъ сѣлъ, началъ плакать, говоря, что умретъ, если Хлоя не будетъ приходить на пастбище, и не только онъ, но и овцы Хлои, если отнимутъ у нихъ любимую пастушку. Потомъ немного оправился, мужество вернулось къ нему, и онъ подумалъ, нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы Дріасъ выдалъ за него Хлою замужъ. Онъ уже считалъ себя въ числѣ жениховъ и надѣялся легко побѣдить соперниковъ. Одно только его безпокоило. Ламонъ не былъ богатъ, что нѣсколько уменьшало преимущества Дафниса. Тѣмъ не менѣе, рѣшился онъ посвататъ ее, и она одобрила его намѣреніе. Юноша, однако, ничего не посмѣлъ сказать Ламону, но болѣе храбрый съ Мирталой, открылъ ей любовь свою и намѣреніе жениться на Хлоѣ. Миртала сообщила объ этомъ ночью Ламону, которому намѣреніе Дафниса не понравилось. Онъ побранилъ ее за то, что она хочетъ женить на дочери бѣднаго пастуха отрока, которому памятные знаки пророчатъ счастливую долю, ко-

торый, если родители его отыщутся, освободитъ ихъ самихъ, Ламона и Мирталу, отъ рабства и дастъ имъ больше земли во владѣніе, чѣмъ теперь они занимаютъ для обработки. Миртала, боясь, чтобы любовь не довела Дафниса до какого-нибудь опаснаго и неразумнаго поступка, если отнять у него послѣднюю надежду, смягчила отказъ предлогами.

– Дитя мое, мы бѣдны,—сказала она,—и не можемъ ничего давать изъ дому, а, напротивъ, желали бы взять въ домъ дѣвушку съ приданымъ. Устрой это какъ-нибудь, попроси Хлою, а она пусть скажетъ отцу, чтобы онъ согласился на свадьбу, не требуя приданаго. Хлоя, конечно, тоже тебя любитъ и пожелаетъ лучше раздѣлить ложе съ бѣднымъ и красивымъ юношей, чѣмъ съ богатымъ уродомъ.

Миртала была увѣрена, что Дріасъ ни за что не согласится, имѣя подъ рукою болѣе выгодныхъ жениховъ, и думала, что ей удалось ловко обойти вопросъ о женитьбѣ. Дафнисъ, въ свою очередь, ничего не могъ возразить. Но видя себя далекимъ отъ цѣли своихъ желаній, сдѣлалъ то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ несчастные любовники: началъ плакать и призывать Нимфъ на помощь. Онѣ явились къ нему ночью, во снѣ, имѣя тотъ же видъ и обликъ, какъ въ первый разъ. Опять старшая обратилась къ нему и сказала:

— Женитьбу Хлои устраиваетъ богъ иной,—мы же сдѣлаемъ тебѣ подарокъ, который смягчитъ Дріаса. Корабль молодыхъ метимнійцевъ, у котораго козы твои перегрызли ивовый канатъ, цѣлый день носился по прихоти вѣтра, уплывая въ открытое море. Но въ полночь вѣтеръ измѣнился, подулъ съ моря къ берегу и пригналъ корабль на острые камни сосѣдняго мыса. Судно разбилось, грузъ пошелъ ко дну. Только мошну съ тремя тысячами драхмъ выбросили волны на прибрежный песокъ, и до сей поры лежитъ она тамъ, скрытая подъ водяными травами, рядомъ съ падалью дельфина. Зловоніе удаляло всѣхъ прохожихъ—вотъ почему никто не видѣлъ мошны. Поди, возьми ее и отдай. Теперь нужно тебѣ только казаться не бѣднымъ, но время наступитъ, когда ты будешь богатъ.

XXVII.

Молвивъ такъ, богини скрылись вмѣстѣ съ мракомъ ночи. Дафнисъ проснулся, вышелъ изъ дому, радостный, и поспѣшно погналъ стадо на пастбище. Поцѣловавъ Хлою, помолившись Нимфамъ, спустился онъ къ морю, какъ будто для омовенія,—пошелъ по берегу, влажному отъ прибоя, отыскивая три тысячи драхмъ. Не долго пришлось ему трудиться, такъ какъ запахъ гніющаго дельфина, выброшеннаго волнами на песокъ, скоро достигъ до него, указывая путь. Онъ пошелъ прямо къ означенному мѣсту и, разгребая водоросли, увидѣлъ мошну съ деньгами. Взялъ ее, спряталъ въ мѣшокъ и, прежде чѣмъ удалиться, возблагодарилъ Нимфъ и Море. Хотя онъ былъ пастухъ, но море казалось ему теперь болѣе роднымъ и любезнымъ, чѣмъ суша, такъ какъ оно благопріятствовало его любви.

XXVIII.

Имѣя деньги, не сталъ онъ терять времени даромъ. Считая себя самымъ богатымъ, не только изъ окрестныхъ поселянъ, но вообще изъ всѣхъ людей, тотчасъ побѣжалъ къ Хлоѣ, разсказалъ сновидѣніе, показалъ мошну и попросилъ, чтобы она посмотрѣла за козами. Потомъ во весь духъ побѣжалъ къ Дріасу и, увидѣвъ его съ женою (они молотили хлѣбъ на току), прямо повелъ рѣчь о свадьбѣ и молвилъ такъ:

— Выдай за меня Хлою замужъ. Я хорошо играю на флейтѣ, умѣю подрѣзать виноградныя лозы, сажать деревья, пахать и вѣять хлѣбъ. А какой я пастухъ, о томъ спроси Хлою: дали мнѣ стадо въ пятьдесятъ козъ, и я его удвоилъ. Я воспиталъ племя большихъ, красивыхъ козловъ, тогда какъ прежде надо было для случки водить нашихъ козъ въ чужія стада. Къ тому же я молодъ, вашъ сосѣдъ и во всемъ безупреченъ. Коза вскормила меня, такъ же какъ Хлою овца.

Кромѣ всѣхъ этихъ преимуществъ передъ другими женихами, не уступлю я имъ и въ цѣнѣ подарка. Они обѣщаютъ какихъ-нибудь козъ, овецъ, пару тощихъ воловъ, или зерна столько, что развѣ курамъ на кормъ; я же предлагаю тебѣ три тысячи драхмъ,—только пусть объ этомъ не знаютъ даже отецъ мой, Ламонъ.

И онъ отдалъ ему деньги, обнялъ и поцѣловалъ.

XXIX.

Дріасъ и Напэ, удивленные видомъ богатства, обѣщали отдать ему Хлою и выхлопотать у Ламона согласія. Напэ съ Дафнисомъ остались на гумнѣ и продолжали гонять воловъ вокругъ тока, вытряхая зерно изъ колосьевъ молотильными граблями, а Дріасъ, спрятавъ мошну въ тотъ же ларь, гдѣ хранились памятные знаки Хлои, поспѣшилъ къ Ламону и Мирталѣ, чтобы сватать—неслыханное дѣло!—для невѣсты жениха. Онъ засталъ ихъ тоже за работой; они ссыпали въ мѣру только что провѣянный ячмень, жалуясь, что собрали чуть ли не меньше, чѣмъ посѣяли. Ламонъ сказалъ въ утѣшеніе, что вездѣ плохой урожай. Потомъ заговорилъ о женитьбѣ Дафниса, увѣряя, что другіе женихи предлагаютъ бо́льшіе подарки; отъ нихъ же, отъ Ламона и Мирталы, онъ ничего не возьметъ, а, напротивъ, еще дастъ имъ кое-что самъ. Напомнилъ также, что дѣти воспитаны вмѣстѣ, вмѣстѣ водили въ поле стада, и такъ подружились, что ихъ теперь не легко разлучить; наконецъ, что они и по возрасту—мужъ и жена. Къ этимъ доводамъ прибавилъ онъ много другихъ, какъ человѣкъ, получившій три тысячи драхмъ за то, чтобы ихъ убѣдить. Ламонъ не могъ сослаться ни на свою бѣдность, такъ какъ родители невѣсты ничего не требовали, ни на молодость Дафниса, который былъ въ это время взрослымъ юношей. Истинной же причины, то-есть того, что Дафнису прочилъ онъ болѣе завидную долю, чѣмъ бракъ съ его дочерью, старикъ не хотѣлъ открывать. Немного помолчавъ и подумавъ, отвѣтилъ онъ такъ:

XXX.

— Разумно поступаете вы, отдавая преимущество сосѣдямъ передъ чужими, не соблазняясь богатствомъ и уважая честную бѣдность. Да наградятъ васъ Панъ и Нимфы! Что до меня, я былъ бы не менѣе радъ, чѣмъ вы. Ибо годы мои уже преклонные, я нуждаюсь въ опорѣ, а союзъ съ вашимъ домомъ не могу не почесть за великое счастье. Къ тому же и Хлоя будетъ отличной женой,—она прекрасная и добрая дѣвушка, во всемъ безупречная. Но я—рабъ, и все, что есть у меня, принадлежитъ не мнѣ, а господамъ моимъ. Слѣдуетъ, сообщивъ имъ объ этомъ дѣлѣ, испросить согласія. Ежели будетъ на то ваша воля, отложимъ свадьбу до осени. Я слышалъ отъ тѣхъ, кто пріѣзжаетъ изъ города, что господинъ мой будетъ здѣсь къ тому времени. Тогда мы и сыграемъ свадьбу, а пока пусть они любятъ другъ друга, какъ братъ и сестра. Только, молвить правду, ты хочешь сдѣлать своимъ зятемъ того, чья кровь благороднѣе нашей.

Такъ онъ сказалъ, обнялъ его и предложилъ чего-нибудь выпить, ибо часъ былъ полуденный. Потомъ проводилъ, оказывая всяческое вниманіе и стараясь его учествовать.

XXXI.

Дріасъ, который не пропустилъ мимо ушей послѣднихъ словъ Ламона, ушелъ, раздумывая, кѣмъ бы могъ быть Дафнисъ.

— Его кормилицей была коза,—значитъ, боги о немъ заботятся. Онъ красивъ и ничуть не похожъ на этого курносаго старика и его лысую жену. Онъ подарилъ мнѣ три тысячи драхмъ,—легко сказать!—да вѣдь козій пастухъ и орѣховъ столько не найдетъ въ лѣсу, сколько у него оказалось червонцевъ! Кто знаетъ, не подкидышъ ли онъ такъ же, какъ Хлоя? Не нашелъ ли его Ламонъ, какъ я—Хлою? Не было ли при немъ такихъ же памятныхъ примѣтъ, какія нашелъ и я? Да будетъ такъ, о, Панъ и любезныя Нимфы!

Можетъ-быть, когда найдутся его родители, откроется и тайна Хлои.

Такъ размышляя, подошелъ онъ къ своему гумну и увидѣлъ Дафниса, который ожидалъ отвѣта въ большой тревогѣ. Онъ успокоилъ его, назвалъ своимъ зятемъ, сказалъ, что свадьбу сыграютъ по осени и, пожимая руку, далъ ему слово, что Хлоя никому не будетъ принадлежать, кромѣ Дафниса.

XXXII.

Отказавшись закусить и выпить, Дафнисъ полетѣлъ къ Хлоѣ. Она только что выдоила овецъ и приготовляла творогъ для сыра, когда онъ принесъ ей радостную вѣсть. Съ той поры, считая Хлою женой своей, Дафнисъ цѣловалъ ее открыто, какъ невѣсту, и помогалъ ей во всѣхъ работахъ: нацѣживалъ подойники, заквашивалъ молоко на творогъ и сыръ, сажалъ ягнятъ-сосунковъ подъ матку, какъ собственныхъ козлятъ. Потомъ, сдѣлавъ все, что нужно, шли они купаться, ѣли, пили вмѣстѣ, гуляли, искали спѣлыхъ плодовъ. А плодовъ было вдоволь, такъ какъ наступило время года, когда все зрѣетъ: всякія груши, садовыя и лѣсныя, множество яблокъ; одни упали на землю, другія еще висѣли на деревьяхъ; упавшія отличались болѣе нѣжнымъ запахомъ, а тѣ, что на вѣткахъ,—болѣе чистымъ румянцемъ; первыя имѣли вкусъ душистаго вина, вторыя блестѣли, какъ золото. Была одна яблоня, съ которой все уже собрали, такъ что не было на ней ни листьевъ, ни плодовъ; всѣ вѣтки были голыя. И только на самой вершинѣ осталось одно послѣднее яблоко, большое, прекрасное, болѣе душистое и сочное, чѣмъ всѣ прочія. Должно-быть, тотъ, кто собиралъ плоды, побоялся лѣзть такъ высоко и не сорвалъ его, или же судьба сохранила прекрасный плодъ для любящихъ.

XXXIII.

Дафнисъ, только что замѣтилъ яблоко, полѣзъ на дерево, какъ ни разубѣждала его Хлоя. Видя, что онъ не слушаетъ просьбъ ея, она оставила его и вернулась къ стаду.

А Дафнисъ взлѣзъ на вершину дерева, сорвалъ яблоко, поднесъ Хлоѣ и молвилъ:

— Дѣвушка! прекрасные лѣтніе дни вскормили это яблоко. На прекрасномъ деревѣ выросло оно. Солнце его позлатило, судьба сберегла. Могъ ли я допустить, увидѣвъ его, чтобы оно упало на землю, чтобы стада, проходя, растоптали его, чтобы ползучій гадъ осквернилъ его ядомъ, или чтобы, оставшись тамъ, въ высотѣ, на диво всѣмъ, оно было испорчено временемъ? Афродитѣ дано было яблоко, какъ награда за красоту,—и тебѣ я дарю его, какъ залогъ твоей побѣды. Судья богини былъ пастухомъ, и я—пастухъ.

Молвивъ такъ, опустилъ онъ тихонько яблоко за одежду, на грудь ея. Хлоя, видя Дафниса близко, поцѣловала его, и ему не пришлось раскаиваться въ томъ, что онъ лѣзъ такъ высоко на дерево, ибо она отдарила его поцѣлуемъ, болѣе драгоцѣннымъ, чѣмъ золотое яблоко.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ тѣ дни прибылъ изъ Митилены рабъ, посланный къ Ламону господиномъ его, съ вѣстью, что онъ намѣренъ пріѣхать незадолго до виноградnаго сбора, чтобы видѣть, не причинило ли какого-нибудь вреда нападеніе метимнійцевъ. Уже лѣтній зной смѣнила прекрасная осень. Ламонъ готовилъ все къ пріему господина и заботился, чтобы взоровъ его ничто не оскорбило: очистилъ родники, чтобы вода ихъ была прозрачна, очистилъ дворъ отъ навоза, чтобы дурной запахъ не потревожилъ господъ, привелъ въ порядокъ садъ, чтобы онъ услаждалъ ихъ взоры.

II.

Этотъ садъ былъ красоты чудесной, великолѣпія царственнаго. Расположенный на высокомъ мѣстѣ, имѣлъ онъ одну стадію въ длину, четыре плетра въ ширину, образуя продолговатый четырехугольникъ. Здѣсь виднѣлись деревья всевозможныхъ родовъ—яблони, мирты, груши, гранаты, фиги, маслины. Рядомъ вились лозы, свѣшиваясь гирляндами съ яблонь и грушъ, и гроздья, уже янтарныя, соперничали съ другими плодами. Кромѣ плодовыхъ деревьевъ, были кипарисы, лавры, платаны и сосны. По вѣтвямъ ихъ, вмѣсто лозъ, извивались побѣги плюща, и гроздья его, уже черныя, напоминали виноградъ. Плодовый садъ находился внутри и былъ защищенъ отовсюду деревьями, не приносящими плодовъ, которыя окружали и покрывали его, образуя непроницаемую стѣну. И все обнесено было

невысокою каменною оградой. Каждое дерево росло на свободѣ, не мѣшая сосѣдямъ, такъ какъ стволы расположены были правильно, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; и только вверху вѣтви соединялись, смѣшивая листву. Все сдѣлала природа, и все, въ то же время, казалось совершеннымъ произведеніемъ искусства. Здѣсь были и цвѣтники: одни изъ цвѣтовъ выросли сами, другіе были посажены. Садовникъ заботился о розахъ, гіацинтахъ, лиліяхъ; а фіалки, нарциссы, маргаритки росли, никѣмъ не посѣянные. Здѣсь лѣтомъ была тѣнь, весной—цвѣты, осенью—плоды и во всякое время года—неизъяснимое очарованіе.

III.

Между деревьями открывался далекій видъ на равнину, гдѣ можно было отличить пастуховъ, пасущихъ стада. Взоры отрадно покоились на морѣ и корабляхъ, стоявшихъ у берега—новое наслажденіе, которое увеличивало прелесть этого мѣста? Въ самой серединѣ сада, на перекресткѣ двухъ аллей, пересѣкавшихъ его вдоль и поперекъ, возвышался храмъ бога Вакха съ жертвенникомъ. Побѣги плюща обвивали мраморъ алтаря; колонны были затканы виноградными лозами. На внутреннихъ стѣнахъ художникъ изобразилъ подвиги Вакха—рождающую Семелу, уснувшую Аріадну, закованнаго Ликурга, растерзаннаго Пентея. Здѣсь можно было видѣть и пораженіе индійцевъ, и превращеніе Тирренскихъ мореходовъ. Всюду—сатиры, попирающіе гроздья, всюду—вакханки, пляшущія хороводами. Художникъ не забылъ и Пана: козлоногій сидѣлъ на скалѣ, играя на флейтѣ, и подъ мѣрную пѣсню его сатиры скакали въ точилахъ, вакханки плясали.

IV.

Таковъ былъ садъ Ламона. Онъ заботился о немъ усердно, очищалъ отъ сухихъ вѣтвей, подымалъ поникшія лозы, украшалъ изваяніе Вакха цвѣтами. Ключъ, найденный Дафнисомъ, питалъ цвѣтники. То былъ въ самомъ дѣлѣ «ключъ цвѣтовъ», хотя его и называли ключомъ Дафниса.

Ламонъ велѣлъ сыну получше откормить козъ, думая, что хозяинъ, послѣ долгаго отсутствія, пожелаетъ видѣть стадо. Но Дафнису нечего было бояться: онъ зналъ, что достоинъ похвалы, такъ какъ удвоилъ стадо: волкъ не похитилъ ни одной козы, и онѣ были толще овецъ. Тѣмъ не менѣе, желая снискать особое благоволеніе господина, отъ котораго зависѣла женитьба его на Хлоѣ, онъ посвящалъ стаду всѣ свои труды и все свое вниманіе. Раньше обычнаго времени выходилъ съ ними въ полѣ, домой возвращался позже. Два раза въ день водилъ на водопой, отыскивалъ жирныя пастбища. Надѣлалъ также новыхъ подойниковъ, большихъ кадокъ для молока, свѣжихъ плетенокъ для сыру. Такъ заботился онъ о красотѣ своихъ козъ, что масломъ натиралъ имъ рога, гребнемъ расчесывалъ шерсть. И стадо казалось священнымъ стадомъ бога Пана. Хлоя дѣлила съ Дафнисомъ труды и заботы о козахъ, не жалѣя времени, пренебрегая собственнымъ стадомъ. И ему казалось, что, благодаря лишь ей, козы сдѣлались такими красивыми.

V.

Среди этихъ трудовъ, засталъ ихъ второй вѣстникъ изъ города, съ приказаніемъ, какъ можно скорѣе окончить сборъ винограда. Онъ говорилъ, что долженъ остаться, пока не выдавятъ сладкаго вина, потомъ ѣхать въ городъ и вернуться съ господиномъ ко времени сбора послѣднихъ плодовъ. Этому вѣстнику, котораго звали Евдромъ (Быстроногій),— ибо обязанность его состояла въ быстромъ бѣгѣ, — оказали радушный пріемъ. Тотчасъ приступили къ дѣлу: собрали виноградъ, выдавили, слили вино въ бочки. Но лучшія гроздья оставили на вѣткахъ, чтобы городскіе жители могли насладиться какъ бы нѣкоторымъ видомъ и подобіемъ винограднаго сбора.

VI.

Когда Евдрому пришла пора вернуться въ городъ, Дафнисъ сдѣлалъ ему много подарковъ, предложилъ все, что можетъ дать козій пастухъ: прекрасные сыры, молодого

козленка, бѣлую овечью шкуру съ длинною шерстью, чтобы укрываться зимою въ дорогѣ. Евдромъ, восхищенный, поцѣловалъ Дафниса, обѣщалъ похлопотать за него у господина и ушелъ въ дружескомъ расположеніи. Дафнисъ же остался, погруженный въ безпокойное раздумье, вмѣстѣ съ Хлоей. Бѣдный мальчикъ, до сей поры привыкшій видѣть только овецъ, козъ, поселянъ и Хлою, первый разъ долженъ былъ предстать предъ лицо господина, котораго зналъ лишь по имени. Она была тоже не въ малой тревогѣ за Дафниса: чѣмъ-то еще, думала, кончится свиданіе съ хозяиномъ? И свадьба ихъ пробуждала въ ней опасенія: боялась она чтобы все не разсѣялось, какъ дымъ, какъ сонъ. Теперь, цѣлуясь, они такъ прижимались другъ къ другу, какъ будто хотѣли слиться въ одно существо. Но поцѣлуи были печальны, объятія тревожны, словно хозяинъ уже пріѣхалъ, и страшась, желали они укрыться отъ взоровъ его. Скоро новая бѣдъ увеличила ихъ тревогу.

VII.

По сосѣдству жилъ волопасъ, именемъ Ламписъ, который также сваталъ Хлою и поднесъ Дріасу множество подарковъ, чтобы склонить его къ согласію. Догадываясь, что Дафнисъ женится на Хлоѣ, если получитъ согласіе, искалъ онъ средства лишить ихъ милости хозяина. Зная, что господинъ въ особенности любитъ садъ, Ламписъ рѣшилъ осквернить и опустошить его. Рубить деревьевъ не смѣлъ,—стукъ топора могъ бы его выдать. Ламписъ предпочелъ уничтожить цвѣты. Однажды ночью перелѣзъ черезъ ограду и началъ ихъ рвать, ломать, топтать ногами, какъ дикій вепрь. Потомъ скрылся, никѣмъ незамѣченный. Утромъ Ламонъ пошелъ въ садъ полить цвѣты ключевой водой. Когда увидѣлъ онъ обезображенный цвѣтникъ, отчаяніе и запустѣніе—злое дѣло врага, а не вора, то разодралъ свою одежду и сталъ призывать боговъ на помощь, испуская громкіе вопли. Миртала бросила то, что у нея было въ рукахъ, и побѣжала къ нему. Дафнисъ, который уже выводилъ козъ на пастбище, вернулся, и всѣ, при видѣ этого несчастія, начали стонать и плакать.

VIII.

Конечно, по поводу цвѣтовъ такое горе было бы чрезмѣрнымъ: причиной ихъ слезъ былъ страхъ передъ господиномъ. Впрочемъ, даже посторонняго человѣка огорчило бы это зрѣлище: все было разрушено—виднѣлись только черные, влажные комья разрытой земли, да цвѣты, случайно спасшіеся отъ гибели, все еще блестѣли яркими красками, все еще были прекрасны, хотя лежали на землѣ, умирающіе. И пчелы рѣяли надъ ними, съ непрерывнымъ жужжаніемъ, какъ будто оплакивая злое дѣло. Ламонъ стоналъ въ отчаяніи:

— Горе, горе мнѣ! О, мои бѣдныя розы—какъ онѣ сломаны! Мои грядки фіалокъ—какъ онѣ растоптаны! Мои гіацинты и нарциссы вырваны съ корнемъ! Придетъ весна, а они уже не будутъ зеленѣть, придетъ лѣто — они не распустятся; и осенью никто не наплететъ изъ нихъ вѣнковъ. О, Вакхъ, покровитель нашъ, ужель тебѣ не было жаль этихъ бѣдныхъ цвѣтовъ, твоихъ милыхъ сосѣдей, которыми такъ часто мы украшали голову твою? Какъ могъ ты допустить, чтобы на глазахъ у тебя ломали ихъ, топтали ногами? Что теперь дѣлать? Какъ показать господину обезображенный садъ? Что подумаетъ онъ, увидѣвъ это запустѣніе? Повѣситъ бѣднаго старика на сосну, какъ Марсія! Можетъ-быть, повѣситъ и Дафниса, подумавъ, что это козы растоптали цвѣтникъ.

IX.

Такъ воскликнулъ онъ, и слезы полились у него градомъ. Теперь всѣ уже горевали не о цвѣтахъ, а о собственной долѣ. Хлоя была въ отчаяніи, думая, что Дафниса могутъ повѣсить. Она молила боговъ, чтобы хозяинъ не пріѣзжалъ вовсе, проводила дни въ тревогѣ, и ей иногда казалось, что она уже видитъ, какъ Дафниса бичуютъ. Однажды вечеромъ скороходъ Евдромъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что хозяинъ будетъ черезъ три дня, а сынъ его, молодой господинъ—завтра утромъ. Они рѣшили подумать сообща о

томъ, что дѣлать, и попросили у Евдрома совѣта. Дружески расположенный къ Дафнису, посовѣтовалъ онъ сперва сообщить обо всемъ молодому господину, обѣщая, со своей стороны, похлопотать, такъ какъ пользовался у него нѣкоторымъ благоволеніемъ, въ качествѣ молочнаго брата. На слѣдующій день они сдѣлали такъ, какъ онъ имъ сказалъ.

X.

Астилъ пріѣхалъ на конѣ, въ сопровожденіи нѣкоего шута-нахлѣбника, тоже ѣхавшаго верхомъ. Астилъ былъ юноша съ подбородкомъ, едва опушеннымъ бородой. Гнаѳонъ же (такъ звали его спутника—блюдолиза) имѣлъ щеки давно знакомыя съ бритвой. Ламонъ, сопровождаемый Мирталой и Дафнисомъ, вышелъ навстрѣчу, упалъ къ ногамъ Астила и сталъ молить, чтобы онъ сжалился надъ нимъ и спасъ отъ гнѣва отца стараго бѣднаго раба, ни въ чемъ невиновнаго. Онъ повѣдалъ ему все. Астилъ былъ тронутъ; пошелъ въ садъ, увидѣлъ опустошенный цвѣтникъ, обѣщалъ умолить отца и смягчить его гнѣвъ, сказавъ, что во всемъ виноваты его, Астиловы, кони, такъ какъ онъ привязалъ ихъ близъ этого мѣста, а они, играя, оборвали привязь, поломали и растоптали цвѣты. Ламонъ и Миртала пожелали ему благополучія за эту услугу. Дафнисъ поднесъ козлятъ, сыры, красивыхъ птицъ съ птенцами, виноградныя гроздья на лозѣ, яблоки на вѣткѣ, прибавивъ ко всему душистое лезбосское вино, лучшее изъ всѣхъ винъ, какія есть въ мірѣ.

XI.

Астилъ, поблагодаривъ его, пошелъ охотиться на зайцевъ, какъ богатый юноша, который думаетъ о развлеченіяхъ и пріѣхалъ въ деревню въ поискахъ новыхъ забавъ. Гнаѳонъ же, умѣвшій только ѣсть, пить, напиваться и, напившись, развратничать,—увидѣвъ Дафниса, подносившаго подарки, разжегся похотью. Отъ природы любитель красивыхъ отроковъ, восхищенный такой прелестью, какой и въ городѣ не легко найти, рѣшилъ онъ, приступивъ

къ Дафнису, достигнуть своихъ цѣлей, увѣренный, что съ козьимъ пастухомъ дѣло будетъ ему стоить малаго труда. Утвердившись въ этомъ намѣреніи, — вмѣсто того, чтобы сопровождать Астила на охоту, спустился онъ на пастбище, къ Дафнису, говоря, что желаетъ взглянуть на козъ, а въ дѣйствительности, онъ смотрѣлъ только на Дафниса. Чтобы задобрить пастуха, похвалилъ козъ и попросилъ его сыграть на флейтѣ какую-нибудь сельскую пѣсенку. Потомъ сказалъ, что имѣетъ большую власть у господъ и не преминетъ сдѣлать такъ, чтобы они отпустили Дафниса на волю.

XII.

Думая, что мальчикъ прирученъ, онъ подстерегъ его однажды вечеромъ на перекресткѣ, подбѣжалъ и началъ обнимать. . . . . Дафнисъ долго не понималъ, когда же понялъ, изо всей силы оттолкнулъ Гнаѳона, и блюдолизъ, пьяный, безъ того едва державшійся на ногахъ, упалъ и покатился. Тѣмъ временемъ пастухъ убѣжалъ, проворный, какъ ланенокъ, покинувъ нахлѣбника въ положеніи безпомощномъ и плачевномъ. Съ того дня Дафнисъ къ нему не приближался. Переходя со стадомъ съ одного пастбища на другое, избѣгалъ онъ его такъ же старательно, какъ искалъ Хлои. Гнаѳонъ не рѣшался болѣе преслѣдовать отрока, увидѣвъ, что Дафнисъ столь же силенъ, какъ прекрасенъ. Онъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы поговорить съ Астиломъ, надѣясь, что молодой господинъ подаритъ ему мальчика въ полное владѣніе, такъ какъ зналъ, что покровитель ни въ чемъ ему не отказываетъ.

XIII.

Пока нельзя было ничего сдѣлать, такъ какъ Діонисофанъ только что пріѣхалъ съ Клеаристой, и по всему дому слышался стукъ лошадиныхъ копытъ, голоса рабовъ, мужчинъ и женщинъ. Гнаѳонъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы приготовить длинную рѣчь, которою намѣренъ былъ

потѣшить господина при первомъ удобномъ случаѣ. Діонисофанъ, человѣкъ высокаго роста, съ просѣдью въ волосахъ, по красотѣ и здоровью могъ бы еще поспорить съ молодыми людьми; къ тому же былъ онъ богатъ, какъ немногіе, любезенъ, какъ никто. Въ день пріѣзда хозяинъ принесъ жертвы богамъ пастушескихъ и полевыхъ работъ—Деметрѣ, Вакху, Пану, Нимфамъ, и задалъ пиръ всему дому. Въ слѣдующіе дни ходилъ осматривать полевыя работы вмѣстѣ съ Ламономъ; видя земли хорошо воздѣланными, виноградники въ добромъ порядкѣ, садъ благоустроеннымъ (такъ какъ Астилъ принялъ на себя вину въ опустошеніи цвѣтника), онъ былъ очень доволенъ, поздравилъ Ламона и обѣщалъ ему свободу. Затѣмъ пошелъ на пастбище, чтобы взглянуть на козъ и козьяго пастуха.

XIV.

Хлоя убѣжала въ лѣсъ, смущенная и напуганная шумной толпой. Дафнисъ остался, съ длинношерстымъ козьимъ мѣхомъ на плечѣ, съ новымъ мѣшкомъ у бедра, держа въ одной рукѣ свѣжіе сыры, въ другой—молочныхъ козлятъ. Если это правда, что Аполлонъ хранилъ стада Лаомедона, то богъ Солнца былъ, конечно, такимъ, какимъ тогда явился Дафнисъ. Онъ не молвилъ ни слова, только щеки зарумянились,—склонился и поднесъ подарки.

— Господинъ,—произнесъ Ламонъ, — этотъ юноша пасетъ твоихъ козъ. Ты далъ мнѣ пятьдесятъ матокъ и двухъ козловъ; теперь у него сто козъ и десять козловъ. Посмотри, какіе они жирные, какая у нихъ длинная шерсть, и нѣтъ ни одного сломаннаго рога. Онъ пріучилъ ихъ къ музыкѣ: они все умѣютъ дѣлать по звуку свирѣли.

XV.

Клеариста пожелала видѣть, какъ они слушаются музыки. Она велѣла Дафнису поиграть козамъ на флейтѣ, какъ онъ это обыкновенно дѣлаетъ, и обѣщала за трудъ но-

вую тунику и сандаліи. Дафнисъ усадилъ присутствовавшихъ, какъ зрителей въ театрѣ, и, стоя подъ ясенемъ, вынулъ изъ мѣшка свирѣль и сперва заигралъ слабо, чуть слышно. Козы насторожили уши, подняли головы. Потомъ—сильнѣе, какъ бы приказывая имъ пастись, и онѣ начали щипать траву, склонивъ головы къ землѣ; затянулъ сладкую, нѣжную пѣсню, и онѣ сразу улеглись на травѣ. Извлекъ изъ флейты нѣсколько острыхъ пронзительныхъ звуковъ, и онѣ шарахнулись, побѣжали къ лѣсу, какъ будто увидѣли волка. Но только что послышалась призывная пѣсня,—вышли изъ рощи и радостно вернулись къ его ногамъ. Слуги съ большею точностью не исполняютъ приказаній господина. Всѣ удивлялись, но въ особенности Клеариста, которая поклялась, что не забудетъ подарковъ, обѣщанныхъ красивому пастуху, такъ хорошо играющему на флейтѣ. Потомъ вернулась домой обѣдать, и, послѣ трапезы, господа послали Дафнису лакомыхъ кусковъ.

XVI.

Дафнисъ раздѣлилъ угощеніе съ Хлоей, радуясь невѣдомому вкусу городскихъ блюдъ и думая теперь уже съ большею надеждою о томъ, какъ бы получить согласіе господина на свадьбу съ Хлоей. Гнаѳонъ, послѣ всего, что видѣлъ и слышалъ, рѣшилъ, что жизнь потеряетъ для него цѣну, если онъ не будетъ обладать Дафнисомъ, улучилъ удобную минуту, когда Астилъ гулялъ въ саду, повелъ его къ жертвеннику Вакха, облобызалъ ему руки и обнялъ ноги. Молодой господинъ спросилъ, что это значитъ, и велѣлъ открыть все, поклявшись исполнить его желаніе. Тогда нахлѣбникъ воскликнулъ горестно:

— О, господинъ, погибъ, погибъ твой бѣдный Гнаѳонъ! До сихъ поръ всю жизнь я любилъ только ѣсть и пить, клялся, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучше добраго стараго вина, предпочиталъ твоихъ поваровъ всѣмъ милетскимъ отрокамъ,—и что же? Меня уже ничто не радуетъ, кромѣ Дафниса. Я не могу прикоснуться ни къ

одному изъ тонкихъ блюдъ, которыхъ нынѣ каждый день готовятъ такое множество — мясовъ, рыбъ, медоваго пироженнаго. Мнѣ хотѣлось бы сдѣлаться козою, щипать траву и листья, чтобы слышать его флейту, и чтобы онъ водилъ меня на пастбище. Спаси твоего Гнаѳона, сжалься надъ нимъ! А не то, — клянусь великими богами, — въ послѣдній разъ, наполнивъ себѣ чрево яствами, возьму я ножъ и зарѣжусь у двери Дафниса! И ты больше никогда не будешь звать меня своимъ любезнымъ, маленькимъ Гнаѳономъ, какъ всегда зовешь меня, лаская.

XVII.

Блюдолизъ заплакалъ и обнялъ ему ноги. Увидѣвъ это, Астилъ не могъ побѣдить жалости, тѣмъ болѣе, что зналъ, по собственному опыту, страданія любви. Обѣщалъ выпросить Дафниса у отца и увезти его въ городъ, въ качествѣ собственнаго слуги, для того, чтобы отдать его Гнаѳону. Потомъ, желая подразнить шута, спросилъ, какъ ему не стыдно вздыхать о козьемъ пастухѣ, сынѣ простого земледѣльца. И, нарочно притворившись брезгливымъ, выражалъ свое отвращеніе къ дурному запаху козловъ. Гнаѳонъ, какъ человѣкъ, изучившій всѣ басни за обѣденными столами,—не безъ нѣкотораго остроумія отвѣтилъ ему за себя и за Дафниса:

— Гдѣ бы ни была красота, человѣкъ ею плѣненъ. Сохранились разсказы о томъ, какъ люди любили деревья, цвѣты, хищныхъ звѣрей, хотя и достоинъ великой жалости любящій, который принужденъ бояться того, что любитъ. Конечно, Дафнисъ тѣломъ рабъ, но красота его свободна. О, только взгляни на эти кудри, подобные гіацинту, на эти глаза, блестящіе изъ-подъ бровей, подобно драгоцѣнному камню изъ-подъ золотой оправы! Посмотри на щеки его блѣдно-розовыя и пурпурныя, на уста, украшенныя зубами, бѣлыми, какъ слоновая кость. Кто не пожелалъ бы сорвать съ этихъ устъ благоуханный поцѣлуй? Что же касается дружбы къ простому поселянину, примѣръ боговъ

оправдаетъ меня: Анхизъ былъ волопасъ, и Афродита имъ обладала; Бранхій водилъ козъ на пастбище, и Аполлонъ любилъ его; Ганимедъ былъ пастухъ, и самъ Громовержецъ похитилъ его на Олимпъ. Не побрезгаемъ же и мы отрокомъ, котораго слушаются козы, какъ будто онѣ влюблены въ него. Возблагодаримъ Зевесовыхъ орловъ за то, что они не похитили его на небо, не лишили землю такой неземной красоты!

XVIII.

Астилъ, котораго весьма развеселила эта защитительная рѣчь, посмѣялся и сказалъ, что любовь дѣлаетъ изъ людей риторовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ выжидать удобнаго случая, чтобы поговорить съ отцомъ о Дафнисѣ. Но Евдромъ, незамѣченный, услышалъ весь разговоръ. Расположеніе къ Дафнису, котораго онъ считалъ умнымъ и добрымъ юношей, сожалѣніе о цвѣтущей красотѣ, предаваемой на поруганіе пьяному, развратному нахлѣбнику, побудили его, не медля, пойти къ Дафнису и Ламону и открыть имъ все. Дафнисъ, внѣ себя, сперва думалъ бѣжать въ сопровожденіи Хлои или умереть. Но Ламонъ, вызвавъ Мирталу за ворота, сказалъ ей:

— Жена, погибли мы: вотъ, когда откроется, что̀ мы такъ долго скрывали. Теперь, можетъ-быть, Дафнису придется покинуть нашъ домъ, козъ и пастушескую жизнь. Но будь, что будетъ! Клянусь Паномъ и Нимфами, даже если бы я долженъ былъ, какъ говорится, стать воломъ въ стойло, не умолчу о судьбѣ Дафниса. Разскажу, гдѣ нашелъ его, какъ воспиталъ, покажу и памятные знаки, найденные при немъ, — пусть узнаетъ подлый блюдолизъ, кого онъ осмѣлился любить, негодяй! Вынь и приготовь памятные знаки, чтобы они были у меня подъ рукою.

XIX.

Порѣшивъ на томъ, вернулись они къ Дафнису. А въ это время Астилъ, улучивъ свободную минуту, приступилъ къ отцу въ просьбой, чтобы онъ отдалъ ему и позволилъ

увезти Дафниса въ городъ: этотъ пастухъ, по словамъ его, такой красивый юноша, что жалко оставлять его въ деревнѣ; Гнаѳонъ отлично можетъ пріучить его къ полезной городской службѣ. Отецъ охотно согласился, велѣлъ позвать Ламона и Мирталу, чтобы сообщить имъ радостную вѣсть и объявилъ, что отнынѣ Дафнисъ будетъ служить Астилу, вмѣсто того, чтобы пасти козъ и козловъ. Взамѣнъ обѣщалъ дать имъ двухъ пастуховъ. Рабы сбѣжались взглянуть на своего новаго товарища и полюбоваться его красотой, когда Ламонъ, попросивъ позволенія говорить, молвилъ такъ:

— Господинъ, прислушай, что скажетъ тебѣ слуга твой старый и вѣрный. Клянусь богомъ Паномъ и Нимфами, не солгу ни единымъ словомъ. Не я — отецъ Дафниса, и Мирталѣ не дано было счастіе имѣть такого сына. Родители покинули его младенцемъ на произволъ судьбы, быть-можетъ, потому, что у нихъ было много другихъ дѣтей. Когда я нашелъ его, онъ лежалъ покинутый, и мальчика кормила одна изъ моихъ козъ. Я похоронилъ эту козу въ оградѣ нашего сада, въ благодарность за то, что она была ему матерью. При немъ нашелъ я памятные знаки. О, господинъ мой, знай, что я сохранилъ ихъ, и по нимъ можешь ты убѣдиться, что Дафнисъ не намъ чета по крови. Пусть будетъ онъ рабомъ Астила, я противъ этого ничего не скажу. Но не могу допустить, чтобы сдѣлался онъ игрушкою Гнаѳона, который хочетъ увезти его въ городъ.

XX.

Молвивъ такъ, старикъ замолчалъ и горько заплакалъ. Гнаѳонъ въ ярости грозилъ ему побоями. Но Діонисофанъ, пораженный тѣмъ, что услышалъ, приказалъ Гнаѳону замолчать, бросивъ на него гнѣвный взоръ. Затѣмъ началъ разспрашивать Ламона, велѣлъ открыть всю правду и не сплетать басней, такъ какъ хозяинъ полагалъ, что старикъ все это выдумалъ съ тою цѣлью, чтобы у него не отнимали сына. Ламонъ продолжалъ упорствовать, клялся богами,

выражалъ готовность подвергнуться жестокой казни, если бы оказалось, что слова его ложь. Тогда Діонисофанъ, желая посовѣтоваться съ Клеаристой, которая здѣсь же присутствовала, подошелъ къ ней и произнесъ вполголоса:

Зачѣмъ Ламону лгать? Я же сказалъ, что даю ему двухъ пастуховъ взамѣнъ Дафниса. Да простому поселянину и не выдумать столь хитрой басни. Къ тому же съ перваго взгляда видно, что такой красивый мальчикъ не можетъ быть сыномъ стараго Ламона и Мирталы.

XXI.

И они пришли къ тому заключенію, что лучше всего, не тратя времени на пустыя догадки, разсмотрѣть памятные знаки, дабы убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ указаній на болѣе высокое и благородное происхожденіе мальчика. Тѣмъ временемъ Миртала успѣла сходить домой за драгоцѣнными примѣтами, которыя тщательно хранила въ старой сумкѣ. Когда она принесла ихъ, Діонисофанъ началъ разсматривать первый. Только что увидѣлъ онъ пурпурныя пелены, золотую пряжку, ножикъ съ ручкой изъ слоновой кости,— воскликнулъ:

— О, Боже милостивый!

И поскорѣе позвалъ Клеористу, чтобы она, въ свою очередь, взглянула на примѣты. Увидѣвъ ихъ, она воскликнула:

— Что я вижу! Да вѣдь это тѣ самыя вещи, которыя мы оставили съ нашимъ бѣднымъ мальчикомъ! Не въ это ли мѣсто велѣли мы Софрозинѣ отнести его и положить? Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть никакого сомнѣнія: это *мои* примѣты, — я узнаю ихъ. Дитя — наше. О, Діонисофанъ! Дафнисъ — твой сынъ, и онъ водилъ на пастбище козъ отца своего!

XXII.

Между тѣмъ, какъ она еще говорила, и Діонисофанъ, цѣлуя памятные знаки, плакалъ отъ радости,— Астилъ, узнавъ, что Дафнисъ—его братъ, сбросилъ хламиду и пустился

бѣжать черезъ садъ, чтобы первому обнять его и поздравить. Дафнисъ, завидѣвъ, какъ онъ бѣжалъ къ нему съ цѣлою толпою, услышавъ, какъ всѣ кричали: «Дафнисъ! Дафнисъ!»—подумалъ, что они сейчасъ схватятъ и увезутъ его въ городъ, кинулъ на землю сумку, флейту и стремглавъ побѣжалъ къ морю, въ твердой рѣшимости броситься въ пучину съ высокаго берега. И легко могло бы статься, что чудеснымъ образомъ только что найденнаго сына родители снова и навѣки утратили бы, если бы Астилъ, догадавшись о его намѣреніи, не закричалъ:

— Подожди, Дафнисъ! Не бойся! Я—твой братъ! Тѣ, кого ты звалъ господами,—твои родители. Ламонъ разсказалъ намъ обо всемъ—о козѣ и о прочемъ. Онъ показалъ примѣты. Обернись, посмотри, какіе мы радостные, какъ смѣемся! Ну, обними же меня перваго,—клянусь тебѣ Нимфами, что я не лгу.

XXIII.

Дафнисъ остановился послѣ этой клятвы и подождалъ Астила. Тотъ подбѣжалъ и обнялъ его. Тѣмъ временемъ, всѣ вышли изъ дому и поспѣшили къ нему—слуги, служанки, отецъ, мать. Всѣ обнимали его, цѣловали съ восторгомъ и слезами. Дафнисъ выказывалъ особенную нѣжность къ отцу и матери. Онъ прижималъ ихъ къ своей груди, какъ будто зналъ давно, и не могъ оторваться отъ нихъ,—такъ могущественъ голосъ природы. Онъ на одно мгновеніе забылъ даже Хлою. Когда вернулся домой, его облекли въ богатыя одежды, отецъ посадилъ его рядомъ съ собой, и сказалъ:

XXIV.

— Дѣти мои, я женился въ ранней молодости. Скоро родился у меня сынъ, и я былъ счастливъ. Потомъ родилась дочь, и, наконецъ, второй сынъ—Астилъ. Полагая, что трехъ дѣтей довольно, я велѣлъ покинуть на произволъ судьбы четвертаго, который родился послѣднимъ, и приказалъ, чтобы съ нимъ положили эти вещи, не какъ памятные знаки, а

скорѣе, какъ могильныя украшенія. Судьба рѣшила иначе: болѣзнь въ одинъ и тотъ же день похитила у насъ и первенца и дочь. Тебя же, Дафнисъ, боги сохранили, чтобы мы имѣли опору на склонѣ лѣтъ. О, не суди меня, сынъ мой, за то, что я покинулъ тебя: знай, что я сдѣлалъ это противъ собственной воли, побуждаемый волей боговъ. Ты же, Астилъ, не сокрушайся, что долженъ уступить половину имѣнія Дафнису, ибо для сердца благороднаго нѣтъ ничего драгоцѣннѣе брата. Любите же другъ друга, дѣти мои, а что касается богатства, можете считать себя равными царямъ; я оставлю вамъ большія земли, множество искусныхъ рабовъ, золото, серебро и все, что дѣлаетъ людей счастливыми. Только одного желаю, и объ этомъ будетъ упомянуто въ моемъ завѣщаніи,—чтобы въ долю наслѣдства, которую получитъ Дафнисъ, вошли этотъ домъ и земля, вмѣстѣ съ Ламономъ, Мирталой и козами.

XXV.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ Дафнисъ вскочилъ и, молвилъ:

— Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ, отецъ. Я вѣдь еще не поилъ козъ, а между тѣмъ давно пора. Онѣ навѣрное томятся жаждою и ждутъ звука моей свирѣли. А я сижу здѣсь въ праздности!

Всѣ улыбнулись, видя, какъ, сдѣлавшись господиномъ, онъ все еще не пересталъ быть козьимъ пастухомъ, и послали другого позаботиться о козахъ. Потомъ принесли жертву Зевсу-Спасителю и устроили большой пиръ. Одинъ Гнаѳонъ не участвовалъ въ праздникѣ и, дрожа, просидѣлъ весь день, всю ночь, во храмѣ Вакха, какъ преступникъ, умоляющій именемъ бога о помилованіи. Когда распространилась молва, что Діонисофанъ нашелъ потеряннаго сына, что Дафнисъ-пастухъ сдѣлался владѣльцемъ имѣнія, отовсюду прибѣжали сосѣди поздравить счастливца, поднесли подарки отцу. Дріасъ, воспитатель Хлои, пришелъ первый.

XXVI.

Діонисофанъ просилъ всѣхъ принять участіе въ праздникѣ, которымъ долженъ былъ ознаменоваться радостный день. Приготовили множество винъ, пшеничнаго хлѣба, дичи, молочныхъ поросятъ, всякаго пироженнаго. Совершили закланіе безчисленныхъ жертвъ сельскимъ богамъ. Дафнисъ собралъ свою пастушескую снасть и, раздѣливъ ее на нѣсколько частей, посвятилъ Вакху оленій мѣшокъ и ланью шкуру, Пану—свирѣль и многоствольную флейту, Нимфамъ—посохъ и самодѣльные подойники. Но, разставаясь съ этими предметами, не могъ удержаться отъ слезъ: до такой степени привычка сладостнѣе нежданнаго счастья. Онъ не имѣлъ духу проститься съ подойниками, не выдоивъ козъ на прощанье, ни съ ланьей кожей,—не одѣвшись въ нее, ни съ милой флейтой,—не сыгравъ на ней. Осыпалъ ихъ поцѣлуями, привѣтствовалъ козъ на прощанье, назвалъ каждаго изъ козловъ по имени. Пошелъ также напиться въ томъ родникѣ, куда часто хаживалъ съ Хлоей. Что касается любви, то онъ не смѣлъ еще говорить о ней, выжидая удобнаго случая.

XXVII

Въ то время, какъ Дафнисъ занятъ былъ жертвоприношеніями, вотъ что происходило съ Хлоей. Одна, въ поляхъ, сидѣла она, всѣми покинутая, вздыхала и жаловалась:

— Дафнисъ забылъ меня. Онъ думаетъ о богатой нѣвѣстѣ. И зачѣмъ только я заставила его покляться козами, а не сельскими Нимфами! Онъ забылъ своихъ козъ такъ же, какъ Хлою. Принося жертвы Нимфамъ и Пану, не вспомнилъ обо мнѣ, не пожелалъ меня видѣть. Вѣрно, нашелъ въ домѣ матери своей рабынь болѣе прекрасныхъ, чѣмъ я. Ну, что же, будь счастливъ, Дафнисъ! Но Хлоя не будетъ жить безъ тебя!

XXVIII.

Пока она такъ вздыхала и предавалась горю, коровій пастухъ Ламписъ пришелъ съ толпой поселянъ, схватилъ

и унесъ ее, вполнѣ увѣренный, что Дафнисъ болѣе не помышляетъ о женитьбѣ на Хлоѣ, и что теперь Дріасу нѣтъ причины отказывать ему, Лампису. Кто-то изъ сосѣдей увидѣлъ похищеніе, услышалъ пронзительные крики и побѣжалъ извѣстить Напэ; Напэ сказала объ этомъ Дріасу, Дріасъ—Дафнису. Дафнисъ не имѣлъ силы ни открыть свою любовь отцу, ни покориться несчастію. Онъ бѣгалъ по саду, ломая руки и жалуясь:

— Зачѣмъ на бѣду нашелъ я отца моего! Зачѣмъ не остался въ поляхъ попрежнему пасти моихъ козъ! Насколько былъ я счастливѣе въ рабствѣ и бѣдности! Тогда я видѣлъ Хлою, тогда мы любили другъ друга. А теперь Ламписъ схватилъ ее, унесъ; ночь наступитъ, и онъ ляжетъ съ нею на ложе. Напрасно клялся я Паномъ, козами и Нимфами!

XXIX.

Жалобы Дафниса услышалъ Гнаѳонъ изъ своего убѣжища въ храмѣ Вакха. Подумавъ, что наступило время помириться съ новымъ господиномъ, пригласилъ онъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, товарищей Астила, отыскалъ Дріаса, велѣлъ ему указать путь къ дому Ламписа, и всѣ побѣжали туда. Они застали пастуха въ ту минуту, когда онъ входилъ въ свой домъ съ Хлоей, вырвали изъ рукъ его дѣвушку и нещадно избили всѣхъ, помогавшихъ ему въ насиліи. Гнаѳонъ хотѣлъ связать Ламписа и увести его, какъ военноплѣнника съ поля сраженія, но Ламписъ убѣжалъ и скрылся. Совершивъ этотъ подвигъ, Гнаѳонъ, съ наступленіемъ ночи, вернулся домой. Діонисофанъ почивалъ, но Дафнисъ бодрствовалъ и продолжалъ плакать въ саду. Блюдолизъ привелъ къ нему Хлою разсказалъ все, что случилось, умолялъ простить его, считать отнынѣ преданнымъ, вѣрнымъ рабомъ своимъ и не лишать стола, чтобы не умереть ему, бѣдному нахлѣбнику, съ голоду. Дафнисъ, увидѣвъ Хлою и обнявъ ее, забылъ, простилъ все и началъ умолять дѣвушку, чтобы и она простила его безпечность.

XXX.

Посовѣтовавшись, рѣшили пока никому не говорить о свадьбѣ. Дафнисъ тайно будетъ приходить на свиданія съ Хлоей и откроетъ любовь свою только матери. Но Дріасъ не одобрилъ этого рѣшенія, хотѣлъ сказать отцу обо всѣмъ и обѣщалъ получить его согласіе на свадьбу. Раннимъ утромъ положилъ онъ въ сумку памятные знаки, пошелъ къ Діонисофану и Клеаристѣ и увидѣлъ ихъ сидящими въ саду. Тамъ же были Астилъ и Дафнисъ. Когда всѣ умолкли, онъ повелъ рѣчь свою такъ:

— Необходимость, заставившая говорить Ламона, теперь побуждаетъ и меня открыть тайну, которую хранилъ, я донынѣ. Хлоя—не дочь мнѣ, и не жена моя кормила ее своей грудью. Кто родители—не знаю. Она была покинута въ пещерѣ Нимфъ и вскормлена овцой. Я самъ это видѣлъ,—удивленный, взялъ къ себѣ въ домъ и воспиталъ ее. Что слова мои не лживы,—можете убѣдиться по ея красотѣ, ибо она не имѣетъ ничего общаго съ нами. Объ истинѣ свидѣтельствуютъ и памятные знаки: для пастуховъ они слишкомъ богаты. Разсмотрите же ихъ, постарайтесь найти родителей и рѣшите, достойна ли Хлоя сдѣлаться супругой Дафниса.

XXXI.

Не безъ тайнаго намѣренія намекнулъ онъ въ послѣднихъ словахъ на эту свадьбу, и Діонисофанъ не пропустилъ намека мимо ушей. Взглянувъ на Дафниса, увидѣлъ онъ, какъ щеки его вспыхнули, какъ юноша удерживаетъ слезы, и тотчасъ догадался о его любви. Вотъ почему рѣшилъ онъ какъ можно внимательнѣе провѣрить слова Дріаса, правда, болѣе изъ любви къ сыну, чѣмъ изъ участія къ незнакомой дѣвушкѣ. Но, взглянувъ на принесенные Дріасомъ памятные знаки—золоченныя сандаліи, полусапожки, сѣтку для волосъ, велѣлъ позвать Хлою и обнадежилъ ее, сказавъ, что мужъ у нея уже есть, а скоро отыщутся и родители. Клеариста взяла ее къ себѣ и позаботилась, чтобы Хлоя была

одѣта, какъ приличествовало женѣ ея сына. Діонисофанъ въ свою очередь, отвелъ Дафниса въ сторону и спросилъ, сохранила ли Хлоя дѣвственность, на что Дафнисъ отвѣтилъ, что между ними не было ничего, кромѣ поцѣлуевъ и объятій. Отецъ улыбнулся, услышавъ объ ихъ взаимныхъ клятвахъ, и усадилъ ихъ за столъ.

XXXII.

И тогда всѣ увидѣли, что значитъ прекрасная одежда для прекраснаго тѣла: Хлоя въ великолѣпномъ нарядѣ, съ кудрями, красиво заплетенными, съ умытымъ лицомъ, показалась такою прекрасной, что самъ Дафнисъ едва узналъ ее. Если бы вовсе не было памятныхъ знаковъ, и то можно бы побиться объ закладъ, что она—не дочь Дріаса. Со своею женой онъ участвовалъ въ пирѣ, оба возлежали на одномъ ложѣ. Ламонъ и Миртала — противъ нихъ. Въ слѣдующіе дни повторились жертвоприношенія Хлои, и столы снова были накрыты. Хлоя, въ свою очередь, посвятила божествамъ все, что имѣла,—свирѣль, мѣшокъ, козій мѣхъ, подойники. Пролила вино въ ручей, струившійся въ глубинѣ грота, потому что здѣсь была она вскормлена овцой и здѣсь же часто совершала омовенія. Затѣмъ увѣнчала цвѣтами могилу овцы—своей кормилицы. Дріасъ указалъ ей мѣсто. Она захотѣла также въ послѣдній разъ поиграть на флейтѣ своему стаду и, сыгравъ, помолилась Нимфамъ и попросила ихъ, чтобы ея родители, если они когда-нибудь найдутся, оказались достойными ея союза съ Дафнисомъ.

XXXIII.

Насладившись сельскими праздниками, рѣшили они вернуться въ городъ, отыскать родителей Хлои и не откладывать свадьбы. Однажды утромъ, окончивъ приготовленія, сдѣлали Дріасу новый подарокъ въ три тысячи драхмъ; назначили Ламону плоды и жатву съ половины земель, козье стадо съ пастухами, четыре пары воловъ, зимнюю одежду. волю ему и женѣ. Потомъ направились въ Митилены, въ сопровожденіи множества коней и колесницъ. Граждане

не могли узнать объ ихъ прибытіи въ тотъ же день, такъ какъ они пріѣхали ночью. Но на слѣдующее утро передъ воротами собралась толпа мужчинъ и женщинъ. Мужчины поздравляли Діонисофана съ возвращеніемъ потеряннаго сына, и привѣтствія ихъ сдѣлались еще радостнѣе, когда они увидѣли красоту Дафниса. Женщины дѣлили радость Клеаристы, нашедшей сына и невѣсту. И онѣ не могли надивиться несравненной красотѣ Хлои. Весь городъ былъ въ движеніи, всѣ только и говорили, что объ этомъ юношѣ и дѣвушкѣ, громко хвалили прекрасный союзъ. Высказывали пожеланія, чтобы рожденіе Хлои соотвѣтствовало ея красотѣ. Многія изъ богатыхъ женщинъ молили боговъ и думали: о, если бы оказалось, что мать этой прекрасной дѣвушки—я.

XXXIV.

Между тѣмъ Діонисофанъ, послѣ долгаго раздумья о судьбѣ Дафниса и Хлои, уснувъ глубокимъ сномъ, имѣлъ видѣніе: приснилось ему, что Нимфы умоляютъ Эроса, чтобы онъ согласился на этотъ союзъ. Эросъ, ослабивъ тетиву на лукѣ, кладетъ его рядомъ съ колчаномъ и повелѣваетъ Діонисофану пригласить на пиръ именитыхъ гражданъ митиленскихъ, — потомъ, когда послѣдній кубокъ будетъ наполненъ, обнести, показать всѣмъ памятные знаки и пропѣть свадебный гимнъ. Пораженный вѣщимъ сномъ и велѣніемъ бога, онъ всталъ на разсвѣтѣ, приказалъ готовить великолѣпную трапезу, гдѣ соединилъ все изысканное, что производятъ море, земля, озера, рѣки, и пригласилъ на торжество знаменитѣйшихъ гражданъ митиленскихъ. Вечеромъ, когда чаша, изъ которой творятъ возліянія богу Гермесу, была наполнена, одинъ изъ рабовъ принесъ на серебряномъ блюдѣ памятные знаки и сталъ обходить столъ, показывая ихъ, поочередно, каждому ихъ возлежавшихъ.

XXXV.

Всѣ объявили, что не знаютъ ихъ, за исключеніемъ Мегакла, который, по причинѣ своей почтенной старости, возлежалъ на верхнемъ концѣ стола. Только что увидѣлъ онъ

памятные знаки, какъ узналъ ихъ и воскликнулъ голосомъ громкимъ и мужественнымъ.

— Что это? Гдѣ ты, дитя мое? Неужели ты жива еще? Или отъ тебя остались только памятные знаки, сохраненные пастухомъ? Діонисофанъ, откуда у тебя примѣты моей дочери? Не лишай меня радости найти ее такъ же, какъ ты нашелъ Дафниса!

Діонисофанъ попросилъ сначала разсказать, гдѣ и какъ она была покинута. Тогда онъ произнесъ голосомъ, не менѣе твердымъ:

— Въ то время, когда я былъ очень бѣденъ,—такъ какъ истратилъ все, что имѣлъ, на устройство народныхъ игръ, на военныя галеры,—родилась у меня дочь. Боясь, что придется воспитать ее въ нищетѣ, я украсилъ ее этими памятными знаками и покинулъ на произволъ судьбы, ибо зналъ, что есть не мало людей, которые, не имѣя собственныхъ дѣтей охотно берутъ чужихъ на воспитаніе и замѣняютъ имъ родителей. Я велѣлъ положить ее въ пещеру Нимфъ, довѣривъ покровительству богинь. Впослѣдствіи счастье вернулось ко мнѣ, богатства мои возрастали, а наслѣдниковъ не было, такъ какъ боги уже не посылали мнѣ не только сына, но и второй дочери. Между тѣмъ, какъ будто смѣясь надо мной, то и дѣло, они посылаютъ мнѣ сновидѣнія и возвѣщаютъ, что овца возвратитъ мнѣ дочь.

XXXVI.

Услышавъ это, Діонисофанъ воскликнулъ еще громче, чѣмъ Мегаклъ, вскочилъ, велѣлъ позвать Хлою, облеченную въ богатыя одежды, и сказалъ:

— Вотъ дитя, которое ты покинулъ на произволъ судьбы. Овца вскормила ее, благодаря попеченіямъ боговъ, такъ же какъ Дафниса — коза. Прими же эти памятные знаки и дитя твое, прими и отдай ее сыну моему. Мы оба покинули ихъ, оба нашли; мой сынъ и дочь твоя спасены покровительствомъ Пана, Нимфъ и бога Любви.

Мегаклъ согласился, велѣлъ позвать жену свою Родэ и долго держалъ Хлою въ объятіяхъ. Когда наступилъ

часъ отдыха, всѣ остались переночевать въ домѣ Діонисофана, ибо Дафнисъ поклялся, что теперь уже никому не довѣритъ Хлою, ни даже ея собственному отцу.

XXXVII.

На слѣдующій день порѣшили вернуться въ деревню, по настоянію Дафниса и Хлои, которые не могли привыкнуть къ городской жизни. Кромѣ того, хотѣли устроить свадьбу по сельскому обычаю. Итакъ, вернулись къ Ламону, гдѣ Дріасъ былъ представленъ Мегаклу, Родэ познакомилась съ Напэ, и всѣ вмѣстѣ начали приготовленія къ блистательному пиру. Мегаклъ посвятилъ Хлою Нимфамъ, принесъ имъ въ даръ, среди множества другихъ жертвъ, памятные знаки и увеличилъ казну Дріаса до десяти тысячъ драхмъ.

XXXVIII.

Діонисофанъ, пользуясь прекрасною погодою, велѣлъ устроить лиственныя ложа для трапезы, передъ самою пещерою Нимфъ. Онъ пригласилъ на роскошный свадебный пиръ всѣхъ окрестныхъ поселянъ. Здѣсь присутствовали: Ламонъ и Миртала, Дріасъ и Напэ, отецъ и мать Доркона, Филетасъ и сыновья его: Хромисъ и Ликеніонъ. Даже Лампису простили и позволили участвовать въ пирѣ. Все въ этомъ праздникѣ было устроено нарочно такъ, какъ водится у поселянъ и пастуховъ. Одинъ пѣлъ жатвенную пѣсню, другой представлялъ что-нибудь забавное, какъ это дѣлается вокругъ точилъ виноградныхъ; Филетасъ игралъ на свирѣли, Ламписъ—на флейтѣ, Дафнисъ и Хлоя обнимались. Рядомъ паслись козы, какъ будто принимали участіе въ праздникѣ. Молвить правду, это было не совсѣмъ по вкусу горожанамъ, но Дафнисъ звалъ то одну, то другую по имени, угощалъ ихъ свѣжими листьями, бралъ за рога и цѣловалъ.

XXXIX.

На этомъ не кончилась пастушеская жизнь Дафниса и Хлои: до конца дней посвящали они стадамъ большую часть времени и заботъ. Съ особеннымъ усердіемъ чтили Пана, Нимфъ и бога Любви, пріобрѣли множество козьихъ и овечьихъ стадъ и всегда предпочитали тонкимъ блюдамъ плоды и молоко. Когда родился у нихъ сынъ, пожелали они, чтобы коза была ему кормилицей, а дочери, родившейся потомъ,—овца. Сына назвали Филопеменомъ, дочь—Аглеей. Такъ провели они долгіе дни въ поляхъ, украсили пещеру Нимфъ, воздвигли въ ней изваянія и устроили жертвенникъ пастушескому богу Любви. Панъ также не былъ забытъ: вмѣсто сосны, которая осѣняла его нѣкогда, воздвигли храмъ и назвали его храмомъ Пана-Воителя

XL.

Но все это случилось впослѣдствіи. А теперь, съ наступленіемъ ночи, проводили они жениха и невѣсту въ брачный покой, одни возглашая гимны на свирѣли, другіе—на флейтѣ, третьи сопровождали ихъ съ большими горящими факелами. Остановившись передъ дверями дома, голосомъ грубымъ и дикимъ, грянули пѣснь, болѣе похожую на грохотъ Посейдонова трезубца, разсѣкающаго землю, чѣмъ на гимнъ Гименея. Дафнисъ и Хлоя возлегли, голые, на брачное ложе, обняли другъ друга, стали цѣловаться и провели ночь, болѣе безсонную, чѣмъ совы. Дафнисъ показалъ на дѣлѣ, что понялъ урокъ Ликеніонъ, и Хлоя теперь только постигла, что всѣ ихъ прежнія ласки были дѣтскими играми.

Примѣчанія.

Любовь сильнѣе смерти. Впервые появилось въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 8, стр. 99—113. Въ отдѣльномъ изданіи было выпущено книгоиздательстомъ «Скорпіонъ» въ 1902 г., М., 8⁰, стр. 178+1. Второе изданіе (М. В. Пирожкова) появилось въ 1904 г., Спб., 8⁰, стр. 1+152. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Наука любви. Впервые было напечатано въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1896 г., № 8, стр. 89 — 99. Въ отдѣльномъ изданіи появилось вмѣстѣ съ предыдущей новеллой въ 1902 г. (изд. «Скорпіонъ»). Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Желѣзное кольцо. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Всемірная Иллюстрація» за 1897 г. № 1, стр. 5—8; № 2, стр. 32—33; № 3, стр. 52—53.

Рыцарь за прялкой. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Нива» за 1895 г. № 52, стр. 1238—1247.

Превращеніе. *Въ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго появляется впервые въ настоящемъ изданіи.* Напечатано было въ журналѣ «Нива» за 1897 г., № 7, стр. 146—152, № 8, стр. 176—183.

Святой сатиръ. Впервые напечатано было въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» за 1895 г., № 11, стр. 243—257. Вошло въ сборникъ новеллъ книгоиздательства «Скорпіонъ» въ 1902 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

Дафнисъ и Хлоя. Въ отдѣльномъ изданіи (М. М. Ледерле) появилось въ 1896 г. Въ 1904 г. вышло въ изданіи М. В. Пирожкова. Это изданіе повторено было въ 1907 г. Въ изданіи т-ва М. О. Вольфъ помѣщено въ т. VI.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Любовь сильнѣе смерти 5
Наука любви. 24
Желѣзное кольцо. (Новелла XV вѣка.). 38
Рыцарь за прялкой. (Новелла XV вѣка.) 63
Превращеніе. (Флорентинская новелла XV вѣка.) 85
Микель-Анжело. 113
Святой сатиръ. (Флорентинская легенда. Изъ А. Франса.) . . . 179
Дафнисъ и Хлоя. (Повѣсть Лонгуса.) 199
Примѣчанія. 310

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XX.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Къ трагедіи «Эдипъ-Царь»).

Среди греческихъ трагедій есть, можетъ-быть, произведенія болѣе глубокія и сильныя, чѣмъ «Эдипъ-Царь» Софокла (напр., «Скованный Прометей» Эсхила), но нѣтъ ни одного, въ которомъ философская глубина и трагическая сила сочетались бы съ такимъ неподражаемымъ изяществомъ, съ такою благородною граціей и совершенствомъ внѣшней формы. Тѣмъ, кто знаетъ «Эдипа-Царя» въ греческомъ подлинникѣ, вѣроятно, не разъ приходило на мысль, что это—одно изъ самыхъ законченныхъ и безупречныхъ созданій человѣческаго ума, какія только вообще есть у людей.

Не даромъ всеобъемлющій Аристотель, полноправный владыка двухъ міровъ—Науки и Поэзіи, считалъ эту трагедію высочайшимъ образцомъ среди всѣхъ другихъ античныхъ трагедій, которыя до сихъ поръ служатъ неподражаемыми и непревзойденными образцами красоты.

Въ извѣстномъ смыслѣ «Эдипъ-Царь» для греко-римскаго, дохристіанскаго міра является тѣмъ же, чѣмъ «Фаустъ» Гёте для нашего времени, т.-е. наиболѣе глубокимъ и цѣлостнымъ воплощеніемъ религіозно-философскихъ основъ міросозерцанія огромной эпохи въ жизни человѣчества.

Надъ всей трагедіей царитъ, какъ символическая статуя надъ храмомъ, образъ чудовища съ лицомъ женщины, съ крыльями, съ острыми когтями, съ львинымъ туловищемъ, съ опасной и загадочной рѣчью—*Сфинксъ*, воплощеніе Судьбы, того Непознаваемаго, что̀ язычники называли Рокомъ.

Эдипъ, пришлецъ изъ Коринѳа, юный герой, сразу побѣдилъ Сфинкса. Эдипъ спасъ людей отъ его страшнаго и смертоноснаго очарованія, разрѣшилъ его загадку. Такимъ онъ является въ началѣ трагедіи отцомъ и спасителемъ народа, освободителемъ человѣчества отъ темныхъ силъ Рока, героемъ разума и воли. Народъ въ него вѣритъ, и

самъ онъ вѣритъ въ себя, народъ считаетъ его чистымъ и мудрымъ, какъ божество, и самъ онъ себя считаетъ, если не божествомъ, то равнымъ ему.

Но Эдипъ — человѣкъ и только человѣкъ. Побѣда разума и воли надъ Сфинксомъ-Рокомъ—временная. Правда, Сфинксъ бѣжалъ, покинулъ терзаемый народъ, но не совсѣмъ. Попрежнему соблазнительный и насмѣшливый, онъ поселился въ сердцѣ побѣдившаго его героя. Онъ скоро опять будетъ задавать его разуму неразрѣшимыя загадки, опутаетъ его сѣтью хитростей. Тогда для Эдипа его собственная жизнь сдѣлается неразгаданнымъ Сфинксомъ. Вотъ въ чемъ ужасъ, вотъ узелъ этой трагедіи: Сфинксъ уже не извнѣ, не въ природѣ, а внутри, въ душѣ своего побѣдителя. Онъ страшнѣе всякаго хищнаго звѣря, потому что онъ теперь неуловимъ и безплотенъ, какъ призракъ, онъ— тайна жизни, тайна каждой человѣческой совѣсти. Пророкъ Тирезій имѣетъ полное право бросить въ лицо герою эту жестокую, но заслуженную насмѣшку: «Спаситель всего народа, спаси самого себя!»

Умѣешь
Ты хитрыя загадки разрѣшать.

Пусть онъ узнаетъ, кто его мать, кто отецъ, въ чемъ смыслъ жизни — въ побѣдѣ его духа надъ судьбой или въ побѣдѣ судьбы надъ его духомъ. Пусть человѣкъ разгадаетъ загадку своего собственнаго происхожденія,—и окажется, что смыслъ жизни—преступленіе, отчаяніе и ужасъ, что воля ничтожна передъ вѣчнымъ закономъ необходимости. Древній коварный Сфинксъ побѣдилъ своего побѣдителя, перехитрилъ разумъ человѣческій, вовлекъ его въ преступные соблазны и погубилъ.

Но въ томъ, какъ побѣжденный герой гибнетъ, столько величія, что все-таки трудно рѣшить, что безпредѣльнѣе— воля судьбы или воля человѣка: вы сомнѣваетесь, не есть ли побѣжденный побѣдитель, жалѣть ли его за гибель, или, напротивъ, гордиться имъ, благоговѣть передъ его всепобѣждающимъ духомъ.

Вотъ почему «Эдипъ-Царь» и теперь, послѣ двадцати вѣковъ, все еще сохраняетъ свою безсмертную юность, вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что это произведеніе такое же всемірное, общечеловѣческое, какъ «Фаустъ» Гёте или «Гамлетъ» Шекспира, хотя менѣе сложное и разностороннее.

Трагическій образъ побѣдоноснаго героя, спасителя народа, Эдипа, борющагося противъ Сфинкса—загадки собственнаго происхожденія, противъ судьбы,—чудовища, лютаго, какъ звѣрь, окрыленнаго, какъ духъ, обольстительнаго, какъ женщина,—этотъ образъ вѣченъ, подобно Прометею, Фаусту, Гамлету, Донъ-Жуану, Лиру, подобно всѣмъ трагическимъ образамъ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію преслѣдующимъ человѣчество. Герой и судьба, воля и необходимость, разумъ и тайна міра—таковъ смыслъ этой религіозно-философской и, какъ все великое въ искусствѣ, *символической* трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, отнимите у нея символизмъ—и что останется? Трагическая случайность. Съ нашей, современной точки зрѣнія, Эдипъ *ни въ чемъ не виноватъ*. Онъ вѣдь не зналъ, что убиваетъ отца и женится на матери. Ни сознаніе, ни воля его не участвовали въ отцеубійствѣ, въ кровосмѣшеніи. Это въ сущности—не преступленіе, а только несчастіе, только оскверненіе невиннаго человѣка, обманутаго пророчествами боговъ.

Эдипъ гибнетъ не потому, что онъ виноватъ, а потому, что хотѣлъ быть слишкомъ великимъ для человѣческихъ силъ, слишкомъ дерзновеннымъ противникомъ судьбы и разгадчикомъ загадокъ древняго Сфинкса. Онъ стремился къ чрезмѣрному и невозможному, власть его превращалась въ самовластье (какъ это видно въ сценѣ съ Креономъ, съ прорицателемъ Тирезіемъ), онъ стоялъ выше всѣхъ людей, забылъ свою человѣческую природу, издѣвался надъ пророчествами боговъ, онъ самъ хотѣлъ быть богомъ. Здѣсь передъ нами открывается не трагическая случайность, а самая сущность жизни, роковая неизбѣжность гибели всякаго героя, который надѣется только на свою волю, на свою силу, на свое непреклонное и неистребимое «я» при столкновеніи съ тайною міра, съ ког-

тистымъ женоподобнымъ чудовищемъ, предлагающимъ свои вѣчныя загадки. Не такъ же ли гибнутъ и Фаустъ, и Манфредъ, и Гамлетъ, и Донъ-Жуанъ, только потому что они возстали на законъ необходимости и смерти, потому что они возжаждали «*сверхчеловѣческаго*»?

Но и самая гибель героевъ едва ли не прекраснѣйшее, что есть на землѣ.

Кромѣ религіозно-философскаго значенія, эта трагедія обладаетъ неисчерпаемымъ художественнымъ обаяніемъ. По силѣ и тонкости психологическаго анализа, среди всѣхъ другихъ греческихъ трагедій она стоитъ особнякомъ и приближается къ новой европейской драмѣ.

Поэтъ съ изумительнымъ искусствомъ, уже никогда съ тѣхъ поръ неповтореннымъ, сжимая дѣйствіе, сосредоточивая цѣлую жизнь героя въ нѣсколько страшныхъ часовъ, не измѣняя ни разу мѣста дѣйствія, показываетъ намъ послѣдовательно всѣ ступени человѣческаго бытія, начиная отъ высочайшаго блаженства, кончая такимъ несчастіемъ, какое только доступно людямъ на землѣ. Герой становится отверженнымъ, всѣми проклятымъ злодѣемъ; богоравный царь — бездомнымъ бродягой, мудрецъ, прозрѣвавшій въ тайны Сфинкса — жалкимъ слѣпцомъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, ужасъ и очарованіе этой трагедіи, главнымъ образомъ, заключается въ неотвратимой и медленной постепенности, съ которой надвигается разгадка тайны. Это страшное, какъ смерть, приближается шагъ за шагомъ, вырастаетъ изъ крошечнаго зерна незамѣтно и неумолимо, и, наконецъ, охватываетъ и поглощаетъ жертву. Въ началѣ трагедіи Эдипъ на высотѣ славы и могущества: народъ его боготворитъ. Хотя городъ и пораженъ несчастіемъ, моровою язвою, но никто не сомнѣвается, что Эдипъ умилостивитъ боговъ, что онъ, спасшій ихъ отъ чудовищнаго Сфинкса, спасетъ и отъ новой бѣды.

Первая тѣнь, первый намекъ на подозрѣніе мелькаетъ въ словахъ Тирезія. Эдипа раздражаютъ боязливыя недомолвки прорицателя. Между ними разгорается споръ, царь оскорбляетъ пророка, и тотъ называетъ его убійцей стараго царя Лайоса.

Страшный узелъ завязанъ, и никакія человѣческія силы его не распутаютъ.

Эдипъ не чувствуетъ ни малѣйшей тревоги. Онъ возмущенъ оскорбленіемъ, подозрѣваетъ Тирезія и Креона въ заговорѣ противъ его власти, и съ величайшею ревностью самъ передъ лицомъ народа начинаетъ отыскивать истиннаго злодѣя, убійцу Лайоса.

И вдругъ, въ случайномъ намекѣ Іокасты, жены его, мелькаетъ что-то забытое и зловѣщее. Но все опять путается, и нить исчезаетъ. Онъ продолжаетъ искать съ жадностью, со злобой на преграды, но безъ всякаго страха. Что-то неуловимое, напоминающее загадки Сфинкса, то приближается, то отступаетъ, то заглядываетъ ему прямо въ глаза, то совсѣмъ исчезаетъ. Судьба смѣется надъ нимъ, чудовище играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью. Сфинксъ разставляетъ свои хитрыя сѣти; Эдипъ хочетъ разорвать ихъ, борется, и еще болѣе запутываетъ. А между тѣмъ сила уликъ и очевидность преступленія все растутъ и растутъ съ медленной, неотвратимой постепенностью. Эта игра судьбы, эти недомолвки, намеки, засады, насмѣшки, предчувствія, отвратительныя подозрѣнія доводятъ его до бѣшенства, онъ теряетъ самообладаніе, самъ призываетъ окончательную развязку. Лучше упасть, чѣмъ висѣть, зная, что все равно упадешь въ бездну. Въ самой горечи страданія есть опьянѣніе, есть сладкій и мучительный восторгъ, которые увлекаютъ Эдипа впередъ и впередъ, не даютъ ему опомниться. На самомъ краю бездны онъ имѣетъ еще силу бросить судьбѣ вызовъ. И въ это мгновеніе обнажается тайна. Онъ—отцеубійца, онъ осквернилъ ложе матери. Тогда только Эдипъ останавливается, но уже поздно.. Теперь несчастный болѣе не ищетъ разгадки, разгадка сама идетъ къ нему навстрѣчу.

И отвага и гордость ему измѣняютъ.

Онъ хватается за каждый сучокъ на краю бездны, жаждетъ ослѣпить себя, хоть призракомъ защитить отъ ужаса, обмануть свое сердце и совѣсть.

Но спасенья нѣтъ. Когда онъ говоритъ, что вѣритъ надеждѣ, онъ уже ей не вѣритъ.

Еще одинъ послѣдній ударъ, послѣднее слово разгадки, и все кончено. Тогда раздается трагическій плачъ Хора надъ всякою жизнью человѣческой, надъ всякимъ стремленіемъ къ благу, къ истинѣ, къ счастью. Быть-можетъ, во всемірной поэзіи, даже не исключая современной, не высказывалось никогда болѣе безнадежнаго и страшнаго пессимизма. И эти глубокія думы выражены съ дѣтской наивностью, которая дѣлаетъ ихъ еще неотразимѣе.

Послѣдняя сцена отчаянія Эдипа, его ослѣпленія, позора, проклятій богамъ, написана съ такою силою и безпощадностью реализма, что жалость и ужасъ, которые мы испытываемъ, граничатъ съ отвращеніемъ, по крайней мѣрѣ, для нашихъ слабыхъ и болѣзненно утонченныхъ нервовъ.

Но гармонія не нарушается, красота побѣждаетъ ужасъ, и послѣднія сцены трагедіи озарены примиряющей, почти христіанской нѣжностью. Здѣсь выступаютъ граціозные, дѣвственные образы Антигоны и Исмены, дочерей Эдипа. Онъ забываетъ себя, свое горе и свою гордость, думаетъ только о своихъ бѣдныхъ, отверженныхъ и покинутыхъ дѣтяхъ. Здѣсь человѣческая душа является во всей своей красотѣ. Развѣ эта нѣжность—это новое, еще слабо мерцающее счастье любви, послѣ всѣхъ ужасовъ и страданій, не побѣда надъ самой судьбой, надъ древнимъ чудовищнымъ Сфинксомъ. Любовь даетъ истинное безсмертіе человѣческой волѣ, любовь побѣждаетъ слѣпую силу рока.

Авторъ перевода былъ бы вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ, если бы эта работа помогла углубиться въ содержаніе великаго произведенія Софокла и отыскать тотъ именно нравственный смыслъ и красоту, которыя наиболѣе нужны и близки сердцу каждаго изъ русскихъ читателей. Предлагаемое произведеніе только слабый намекъ на возможность отыскать такой смыслъ и такую красоту, которая, несмотря на двадцать вѣковъ, отдѣляющіе насъ отъ Софокла, дѣлаютъ его произведеніе до сихъ поръ живымъ и современнымъ.

ЭСХИЛЪ.

СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Власть.
Сила—нѣмое лицо.
Прометей.
Гефестъ.
Хоръ—нимфъ-океанидъ.
Океанъ.
Іо—дочь Инаха.
Гермесъ.

ВЪ ГОРАХЪ СКИѲІИ.

Входятъ Власть и Сила, двѣ богини; онѣ ведутъ узника Прометея. За ними Гефестъ съ молотомъ и цѣпями.

ВЛАСТЬ.

Мы въ Скиѳіи, мы на краю земли,—
Достигли мы пустынь непроходимыхъ.
Теперь, Гефестъ, исполни приговоръ
Царя боговъ: къ вершинѣ скалъ гранитныхъ
Желѣзными цѣпями ты прикуй
Преступнаго. Вѣнецъ твой лучезарный—
Огонь, укравъ, онъ людямъ въ даръ принесъ.
За то его наказываютъ боги,
Дабы онъ власть Кроніона призналъ
И разлюбилъ людей.

ГЕФЕСТЪ.

О, Власть и Сила,
Исполнили вы Зевсовъ приговоръ.
Но я—увы!—дерзну ли приковать
Къ нагимъ скаламъ возлюбленнаго брата?
Что дѣлать? Рокъ велитъ послушнымъ быть:
Бѣда тому, кто пренебрегъ велѣньемъ
Всевышняго.

(Къ Прометею).

О, мудрый сынъ Ѳемиды,
Наперекоръ желанью моему,
Я прикую тебя, связавъ цѣпями,
Къ пустынному граниту этихъ скалъ,
Гдѣ голоса людского никогда
Ты не услышишь, гдѣ, лучами солнца
Сожженное, твое изсохнетъ тѣло
И почернѣетъ. Темная ли ночь
Отниметъ свѣтъ у жаждущаго свѣта,
Иль высушитъ заря росу полей,
Твоя душа томиться будетъ вѣчно,—
И не рождался тотъ, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вотъ—награда
Твоей любви и состраданья къ людямъ.
Ты самъ былъ богъ и, не боясь боговъ,
Вознесъ людей ты къ почестямъ безмѣрнымъ.
За то теперь, прикованный къ скалѣ,
Одинъ, безъ сна, согнуть колѣнъ не въ силахъ,
Безпомощно стонать ты осужденъ,
Взывать, молить,—но непреклонно сердце
Царя боговъ: такъ новый властелинъ
Всегда жестокъ.

ВЛАСТЬ.

Зачѣмъ же медлишь ты
И сѣтуешь? Ужели врагъ Олимпа,
Похитившій твой собственный огонь,
Тебѣ не врагъ?

ГЕФЕСТЪ.

Священны узы дружбы.

ВЛАСТЬ.

Но Зевсовы велѣнія священнѣй:
Для дружбы ли нарушить ихъ дерзнешь?

ГЕФЕСТЪ.

Ты жалости не знаешь...

ВЛАСТЬ.

Пользы мало
Жалѣть того, кому помочь нельзя.

ГЕФЕСТЪ.

О, ремесло проклятое мое!

ВЛАСТЬ.

Проклятья тщетны: ремесло невинно.

ГЕФЕСТЪ.

Такъ пусть бы кто-нибудь другой, — не я...

ВЛАСТЬ.

Ты выбралъ самъ свой жребій: всѣ вы боги
Свободны; Зевсъ одинъ надъ вами царь.

ГЕФЕСТЪ.

Онъ царствуетъ,—теперь я это знаю!

ВЛАСТЬ.

Скорѣе же свяжи его цѣпями,
Чтобъ медлящимъ тебя не видѣлъ Зевсъ.

ГЕФЕСТЪ.

Вотъ поручи желѣзныя.

ВЛАСТЬ.

Не медли,
Вложи въ нихъ руки и къ скалѣ прикуй.

ГЕФЕСТЪ.

Готово.

ВЛАСТЬ.

Такъ. Ударь еще разъ. Крѣпче,
Чтобъ не ушелъ обманомъ.

ГЕФЕСТЪ.

Вотъ одна
Рука прикована

ВЛАСТЬ.

Теперь другую.
Силенъ титанъ, а Зевсъ еще сильнѣе.

ГЕФЕСТЪ.

Я сдѣлалъ все, чтобъ угодить богамъ.

ВЛАСТЬ.

Возьми осколокъ стали заостренный
И грудь ему пронзи

ГЕФЕСТЪ.

О, братъ мой, плачу!

ВЛАСТЬ.

Ты плачешь надъ врагомъ боговъ,—смотри,
Чтобъ не пришлось и надъ собой поплакать.

ГЕФЕСТЪ.

Ужасное ты видѣла.

ВЛАСТЬ.

Лишь казнь
Заслуженную.—Середину тѣла
Теперь обвей цѣпями.

ГЕФЕСТЪ.

Знаю самъ;
Приказывать не надо.

ВЛАСТЬ.

Все же буду
Приказывать.—Закуй и ноги. Въ кольца
Сначала ихъ продѣнь.

ГЕФЕСТЪ.

Сейчасъ... Готово.

ВЛАСТЬ.

Теперь, смотри, покрѣпче вбей въ нихъ гвозди:
Не забывай, что дашь отчетъ во всемъ.

ГЕФЕСТЪ.

Слова твои съ лицомъ такъ сходны!

ВЛАСТЬ.

Коль самъ ты слабъ, не осуждай другихъ
За твердость духа.

ГЕФЕСТЪ.

Кончено! Пойдемъ:
Онъ изъ цѣпей не вырвется...

ВЛАСТЬ *(къ Прометею)*.

Ну, что жъ, титанъ? Глумись теперь надъ Зевсомъ
И у боговъ воруй огонь для смертныхъ!
Не смертные ль тебѣ помогутъ нынѣ?
Когда-то слылъ ты Прозорливцемъ: гдѣ же
Твое прозрѣнье? Пусть теперь научитъ,
Какъ вырваться тебѣ изъ этихъ узъ.

(Власть, Сила и Гефестъ уходятъ.)

ПРОМЕТЕЙ *(одинъ)*.

Тебя, эѳиръ небесный, васъ, о, вѣтры
Крылатые, и рѣки, и земля.
Всеобщая Праматерь, и валовъ
Подобный смѣху шумъ многоголосый,—

Я всѣхъ васъ, всѣхъ въ свидѣтели зову!
Смотрите: вотъ что терпитъ богъ отъ бога.
Видите: тысячелѣтія
Пыткой истерзанный,
Буду страдать.
Царь небожителей,
Зевсъ, возложилъ на меня
Цѣпи позорныя.
О, я страдаю отъ мукъ
Нынѣшнихъ, будущихъ... Скоро ли
Скорби наступитъ конецъ?
Что говорю? И самъ ли я предвидѣлъ
Грядущее? Нежданная печаль
Не посѣтитъ меня. Нѣтъ, терпѣливо
Перенести я долженъ все, что Рокъ
Назначилъ мнѣ: судьба неотвратима...
Но не могу молчать и разсказать
Свою печаль я не могу. Огонь
Я смертнымъ далъ, и вотъ за что наказанъ.
Похитилъ я божественную искру,
Сокрылъ въ стволѣ сухого тростника:
И людямъ сталъ огонь любезнымъ братомъ,
Помощникомъ, учителемъ во всемъ.
Теперь плачу богамъ за преступленье,
На воздухѣ привѣшенный къ скалѣ.
Увы, увы!
Что за звукъ, что за шелестъ ко мнѣ долетѣлъ?
Это голосъ земной иль небесный?
Кто-нибудь не пришелъ ли къ далекимъ горамъ,
Чтобъ взглянуть на позоръ мой и муки?
Что жъ, смотрите: я—жалкій, закованный богъ,
Олимпійцамъ за то ненавистный,
Что безмѣрно людей я люблю... Но опять
Этотъ шумъ?.. Словно птицы порхаютъ,
Словно воздухъ отъ бьющихся крылій звенитъ?..
Нынѣ все мнѣ бѣдой угрожаетъ.

(На крылатой колесницѣ появляется хоръ нимфъ-океанидъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Нѣтъ, не бойся! Мы съ любовью
Прилетѣли къ этимъ скаламъ,
Мы едва мольбой склонили
Сердце строгаго отца.
Къ намъ донесся громъ желѣза
Въ глубину пещеръ подводныхъ,
И, стыдливость позабывъ,
Не успѣвъ надѣть сандалій,
Мы примчались въ колесницѣ
Съ дуновеньемъ вѣтерка.

ПРОМЕТЕЙ.

Посмотрите, о, дщери
Многодѣтной Тефіи
И отца Океана,
Что шумящимъ потокомъ
Обтекаетъ всю землю,—
Посмотрите: я здѣсь,
На позоръ пригвожденный,
Сторожить буду вѣчно
Острее этихъ скалъ.

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Видимъ, видимъ... Страхъ, какъ туча,
Застилаетъ наши очи,
Отягченныя слезами;
Видимъ, сохнетъ на скалѣ
Изнывающее тѣло
Подъ желѣзными цѣпями.
Новый кормчій правитъ небомъ:
На Олимпѣ Зевсъ насильемъ
Стародавніе законы
Святотатственно попралъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть бы лучше подъ землю меня онъ низвергъ,
Въ черный Тартаръ, пріемлющій мертвыхъ,
Или ниже, подъ своды Аида, и тамъ
Задушилъ бы въ оковахъ желѣзныхъ,
Чтобъ ни смертный, ни богъ не видали меня
И надъ мукой моей не глумились.
А теперь я повѣшенъ на радость врагамъ
Въ высотѣ, какъ игрушка для вихрей!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Развѣ есть такой жестокій
Изъ блаженныхъ, кто бъ надъ мукой
Прометея насмѣялся?
Кто тебѣ не сострадаетъ,
Кромѣ Зевса?—Онъ одинъ,
Дерзкій, гнѣвный, непреклонный,
Всѣхъ боговъ порабощаетъ
И достигнетъ самовластья,
Если кто-нибудь насильемъ
Скиптръ не вырветъ у него.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть я нынѣ въ оковахъ томлюсь,
Пусть ругается врагъ надо мной.—
Будетъ Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговоръ новый открыть,
Что владыку низвергнетъ съ небесъ.
Но тогда ужъ ни льстивая рѣчь,
Ни угрозы меня не смутятъ,
И не выдамъ я тайны, пока
Онъ не сниметъ съ меня эту цѣпь,
Не заплатитъ за весь мой позоръ!

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Ты исполненъ силы гордой,
Не уступишь лютой скорби
Никогда,—но берегись:
Слишкомъ рѣчь твоя свободна.
За тебя во мнѣ трепещетъ
Сердце страхомъ и тоской.
Гдѣ конецъ твоимъ страданьямъ,
Гдѣ прибѣжище отъ бури?
Вѣдь у Кроносова чада
Непреклонная душа.

ПРОМЕТЕЙ.

Знаю. Зевсъ и упрямъ и жестокъ,
Презираетъ законъ;—но судьбой
Будетъ сломлена гордость его,
Онъ жестокое сердце смягчитъ:
Какъ союзникъ къ союзнику, самъ
Онъ мнѣ первый навстрѣчу пойдетъ!

ХОРЪ.

Скажи мнѣ все: открой, за что Зевесъ
Невиннаго такимъ мученьямъ предалъ?
Скажи мнѣ, если можешь...

ПРОМЕТЕЙ.

Тяжело
Мнѣ говорить о скорби безнадежной
И тяжело молчать: во всемъ страданье.—
Когда въ семьѣ боговъ возникъ мятежъ
И запылалъ раздоръ непримиримый,
Одни желали, чтобы Зевсъ царилъ,
Чтобъ Кронос былъ низринутъ, а другіе—
Чтобъ никогда не правилъ ими Зевсъ.
Я былъ въ тѣ дни сообщникомъ титановъ

Но къ мудрости не могъ склонить дѣтей
Земли и Неба: въ буйномъ, дикомъ сердцѣ
Всѣ хитрости лукавыя презрѣвъ,
Они враговъ смирить мечтали силой.
Но мать моя, Земля или Ѳемида
(Единая подъ множествомъ именъ),
Мнѣ предрекла, что должно не насильемъ,
А хитростью могучихъ побѣдить.
И я открылъ пророчество титанамъ;
Но, дерзкіе, отвергли мой совѣтъ.
Тогда, покинувъ ихъ, рѣшилъ я Зевсу
Помочь въ борьбѣ, и съ матерью къ нему
Я перешелъ, къ свободному—свободный.
Лишь съ помощью моею онъ низвергъ
И скрылъ навѣкъ ихъ въ пропастяхъ подземныхъ—
Съ союзниками древняго Кроноса.
И вотъ какимъ предательствомъ за все
Мнѣ отплатилъ владыка Олимпійцевъ!
Не довѣрять ни близкимъ, ни друзьямъ—
Таковъ недугъ тирановъ всемогущихъ?
Но вы хотѣли знать, за что Зевесъ
Казнитъ меня. Я вамъ скажу, внимайте:
На отчій тронъ возсѣвъ, онъ раздѣлилъ
Дары земли и неба межъ богами
И утвердилъ незыблемую власть.
Но въ дѣлежѣ обидѣлъ смертныхъ: не далъ
Имъ ничего, хотѣлъ, ихъ истребивъ,
Создать иное племя, и никто
Среди боговъ за смертныхъ не вступился·
Когда бъ не я—они бы всѣ погибли,
Убиты громомъ Зевса: я возсталъ,
Отъ гибели я смертныхъ спасъ и принялъ
Такую казнь за то,—что страшно видѣть,
Страшнѣй терпѣть. Я пожалѣлъ людей,
Но жалости не заслужилъ отъ бога.
Да будутъ же страданія мои
Уликою, позорящею Зевса!

ХОРЪ.

Нѣтъ, у того въ груди не сердце—камень,
Кто о тебѣ не плачетъ, Прометей!
О, лучше бъ мукъ твоихъ мы не видали,—
Но, увидавъ, не можемъ не скорбѣть!

ПРОМЕТЕЙ.

Мой видъ—увы!—не радостенъ для друга...

ХОРЪ.

Ты что-нибудь не сдѣлалъ ли еще?

ПРОМЕТЕЙ.

Еще я смертнымъ далъ забвенье смерти.

ХОРЪ.

Но какъ могли про смерть они забыть?

ПРОМЕТЕЙ.

Я поселилъ надежды въ нихъ слѣпыя.

ХОРЪ.

То не былъ ли твой величайшій даръ?

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ,—я имъ далъ еще огонь небесный...

ХОРЪ.

Огонь—въ рукахъ такихъ созданій жалкихъ?

ПРОМЕТЕЙ.

И многому научитъ онъ людей.

ХОРЪ.

Такъ вотъ за что разгнѣванный Кроніонъ
Тебя на казнь обрекъ и не щадитъ!
Ужели нѣтъ конца твоимъ страданьямъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Конецъ одинъ—Зевесовъ приговоръ.

ХОРЪ.

О, если такъ,—надежды мало. Видишь,
Ты былъ неправъ. Сказать, что ты неправъ,
Мнѣ—тягостно, тебѣ услышать—горько;
Оставимъ же,—подумаемъ, какъ быть.

ПРОМЕТЕЙ.

Тому, кто самъ не чувствуетъ страданья,
Давать совѣты умные легко.
Вѣдь это все я зналъ и все предвидѣлъ,
Но самъ того хотѣлъ и самъ избралъ
Мою судьбу, чтобъ быть полезнымъ людямъ.
А все жъ не думалъ я, что такъ жестоко
Наказанный, я буду пригвожденъ
Къ нагой скалѣ пустынной, безнадежной...
Но нѣтъ, пока не плачьте надо мной,
Приблизьтесь же, сойдите съ колесницы,
И лишь когда услышите про муки
Грядущія, тогда поймете все.
Узнайте скорбь мою и пожалѣйте!
Грозящая всему живому скорбь
Однихъ—теперь, другихъ постигнетъ завтра!

ХОРЪ.

Мы и такъ тебя жалѣемъ,
Сходимъ на землю, покинувъ
Воздухъ, свѣтлый путь для птицъ.
Посмотри: ногою легкой
Ужъ коснулись мы гранита,
Поскорѣй хотимъ услышать
Повѣсть грустную твою.

(Появляется богъ Океанъ на крылатомъ чудовищѣ.)

ОКЕАНЪ.

Къ тебѣ, Прометей, я примчался
Чрезъ много земель и морей:
Дракономъ крылатымъ по волѣ
Могу безъ узды управлять.
Я мукамъ твоимъ сострадаю,—
Вѣдь ты мнѣ родной; да и такъ
Сильнѣй, чѣмъ родного по крови,
Я сердцемъ тебя полюбилъ.
И вотъ докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привыкъ:
Попробуй, проси, чего хочешь,—
Я сдѣлаю все для тебя,
И знай: не найти тебѣ друга
Вѣрнѣй, чѣмъ старикъ Океанъ!

ПРОМЕТЕЙ.

И ты пришелъ взглянуть на казнь мою!
Но какъ, скажи, рѣшился ты покинуть
Для Скиѳіи, рождающей желѣзо,
И для пустынь чужихъ родныя волны
И влажныя скалистыя пещеры?
Ты говоришь, что поспѣшилъ затѣмъ,
Чтобъ выразить участіе страдальцу?
Смотри же—вотъ, кто Зевсу на престолъ
Помогъ взойти: смотри, какою мукой
Мнѣ отплатилъ союзникъ мой и братъ!

ОКЕАНЪ.

Я вижу, другъ... Хотя и самъ исполненъ
Ты мудрости, послушай старика:
Смирись предъ Зевсомъ, новые законы
Признай, затѣмъ, что нынѣ новый царь
На небесахъ; хоть до него далеко,
Но берегись, онъ можетъ услыхать
Слова твои надменныя, и, горе!—
Тогда твоя теперешняя казнь

Покажется лишь дѣтскою забавой.
Нѣтъ, лучше гнѣвъ безсильный укроти,
Подумай, какъ отъ мукъ спастись. Быть-можетъ,
Совѣтами наскучилъ я тебѣ?
Что жъ? Не взыщи, ты видишь самъ, какъ платимъ
Мы дорого за дерзкія слова.
Зачѣмъ же, другъ, склонить главу не хочешь
И потерпѣть? Вѣдь новую бѣду
Легко навлечь; а если бы ты раньше
Спросилъ меня, я счелъ бы, Прометей,
Безумiемъ противиться такому
Могучему и страшному царю...
Но все жъ теперь пойду и постараюсь
Помочь бѣдѣ, насколько хватитъ силъ.
А ты, о, другъ мой, слишкомъ вольной рѣчи
Остерегись: ты мудръ и знаешь самъ,
Что за нее наказываютъ дерзкихъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Завидую тебѣ: ты невредимъ,
А былъ, какъ я, мятежникомъ когда-то.
Но обо мнѣ не хлопочи и знай,—
Не убѣдишь ты Зевса: онъ упрямъ.
Смотри, опасно быть со мною въ дружбѣ.

ОКЕАНЪ.

Другимъ давать умѣешь ты совѣты,
А самъ себя отъ гибели не спасъ.
Но я иду — не возражай — и буду
Ходатаемъ твоимъ; надѣюсь, Зевсъ
Въ угоду мнѣ съ тебя оковы сниметъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Чтобъ мнѣ помочь, ты сдѣлать все готовъ...
Благодарю за дружбу; но меня
Ты не спасешь,—твои усилья тщетны.

Оставь меня и думай о себѣ:
Гонимый самъ, я не хочу, чтобъ были
Невинные гонимы за меня.
И безъ того уже терзаетъ душу
Мнѣ Атласа, родного брата, скорбь;
Того, кто держитъ на спинѣ могучей
Земли и неба тяжкіе столбы.
И жалко мнѣ чудовища Тифона
Стоглаваго, проклятаго, во тьмѣ
Живущаго въ пещерахъ сицилійскихъ,
Низринутаго съ неба: на боговъ
Возсталъ Тифонъ и, свистомъ оглушая,
Онъ поднялъ къ нимъ зіяющую пасть;
Изъ глазъ его сверкалъ огонь Горгоны,
Олимпъ низвергнуть онъ грозилъ; но Зевсъ
Въ него ударилъ мѣткою стрѣлою,
Громоподобной, огненной; молчать
Бунтующаго молніей заставилъ,
И вдругъ Тифонъ всю силу потерялъ:
Обугленный и въ сердце пораженный,
У волнъ морскихъ лежитъ онъ и донынѣ,
Какъ мертвое, недвижимое тѣло,
Раздавленный корнями Этны. Пышетъ
Кузнецъ Гефестъ на высотѣ горы.
Но лишь тогда, какъ хлынутъ рѣки лавы
Изъ кратера и, жадныя, пожрутъ
Плоды полей Сициліи цвѣтущей,—
Испепеленный Зевсомъ, но живой,
Тифонъ проснется, изрыгая пламя
И ярость. Впрочемъ, знаешь самъ,—ненуженъ
Разсказъ мой. Думай о своемъ спасеньи,
А я—терпѣть готовъ, пока Зевесъ
Не утолитъ безжалостнаго сердца.

ОКЕАНЪ.

Ты вѣдаешь, что мудрыя слова—
Цѣлители души, горящей гнѣвомъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Когда утихнетъ гнѣвъ,—а не тогда,
Какъ яростью еще пылаетъ сердце.

ОКЕАНЪ.

Какой же вредъ ты видишь въ осторожной
Попыткѣ?

ПРОМЕТЕЙ.

Трудъ безцѣльный и безумье.

ОКЕАНЪ.

Порой и мудрость кажется безумьемъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ за тебя придется дать отвѣтъ.

ОКЕАНЪ.

Ты требуешь, чтобъ я тебя покинулъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Не то со мной наказанъ будешь.

ОКЕАНЪ.

Кѣмъ?
Не новымъ ли владыкой Олимпійцевъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Смотри,—его прогнѣвать берегись

ОКЕАНЪ.

Мнѣ казнь твоя урокъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Бѣги, спасайся,
Не медли!

ОКЕАНЪ

Я лечу, крылатый змѣй
Несетъ меня по свѣтлому эѳиру,
И къ морю мчится радостно домой.

(Океанъ улетаетъ)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Горько я плачу о мукахъ твоихъ, Прометей!
Видишь,—изъ глазъ моихъ, полныхъ
Нѣжностью, слезы на щеки
Льются струею обильной.—
Правитъ вселенной
Богъ самовластный,
Богъ безпощадный
Къ древнимъ богамъ.

Антистрофа первая.

Стономъ и плачемъ окрестныя земли полны:
Люди скорбятъ надъ тобою,
Надъ вѣковѣчною славой
Братьевъ титановъ погибшихъ.
Плачутъ народы
Азіи древней,
Всѣ сострадаютъ
Мукамъ твоимъ.

Строфа вторая.

Плачутъ и дѣвы Колхиды,
Неустрашимыя въ битвахъ,
Плачутъ кочевники-скиѳы—
Тамъ, близъ болотъ Меотидскихъ,
Въ чуждой далекой землѣ.

Антистрофа вторая.

Цвѣтъ аравійскихъ народовъ,
Плачутъ и горцы Кавказа,
Дикое племя въ щетинѣ
Копій желѣзныхъ и пикъ.

Эподосъ.

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣпью,
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечахъ могучихъ держитъ
Безпредѣльный сводъ небесъ.
Волны падаютъ на волны,
Плачетъ море, стонутъ бездны,
Подъ землей въ пещерахъ черныхъ
Содрогается Аидъ,—
И текутъ, какъ слезы горя,
Родники священныхъ рѣкъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что я молчу, о, сестры
Изъ гордости. Но вся моя душа
Сознаніемъ обиды нестерпимой
Поглощена. Не я ли даровалъ
Великую побѣду Олимпійцамъ?
Вы знаете о ней. Не буду вамъ
Разсказывать. Но выслушайте повѣсть
О жалкихъ смертныхъ.
Это я имъ далъ,
Безсмысленнымъ, могущественный разумъ!
Не съ гордостью объ этомъ говорю,
Но лишь затѣмъ, чтобъ объяснить причину
Моей любви къ несчастнымъ. Люди долго
И видѣли, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные тѣнямъ, какъ бы во снѣ,

По прихоти случайностей, блуждали,
И было все въ нихъ смутно; и домовъ,
Открытыхъ солнцу, строить не умѣли
Изъ кирпичей иль бревенъ, но въ землѣ,
Какъ муравьи проворные, гнѣздились,
Во тьмѣ сырыхъ землянокъ и пещеръ;
Не вѣдали отличія зимы
Отъ лѣтнихъ дней горячихъ, плодоносныхъ,
Иль отъ весны цвѣтущей; дикари
Творили все безъ размышленья, слѣпо.
Но, наконецъ, я бѣднымъ указалъ
Восходъ свѣтилъ, закатъ ихъ, полный тайны,
Глубокую науку чиселъ, буквъ
Сложеніе и творческую память,
Великую родительницу музъ.
Я въ первый разъ животныхъ дикихъ, вольныхъ,
Поработилъ ярму, чтобъ сдѣлать ихъ
Во всѣхъ трудахъ помощниками людямъ:
Послушнаго браздамъ запрягъ коня,
Красу для глазъ и гордость человѣка,
И съ крыльями льняными изобрѣлъ
Летающія въ морѣ колесницы
Для моряковъ. Но столько дивныхъ тайнъ,
Искусствъ, наукъ открывшій жалкимъ людямъ
Спасти себя ничѣмъ я не могу!

ХОРЪ.

Увы! Отъ мукъ, отъ скорби обезумѣвъ,
Бродя во мглѣ, не можешь ты найти,—
Какъ нѣкій врачъ неопытный,—лѣкарства,
Чтобъ исцѣлить свой собственный недугъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Еще не все: лишь до конца дослушавъ,
Увидите, какъ много я имъ далъ.
И вотъ мой даръ великій: въ дни былые
Не вѣдали они цѣлебныхъ травъ,

Лѣкарственныхъ напитковъ, притираній,
И умиралъ безпомощно больной.
Но я имъ далъ спасительныя травы,
Смѣшеніе лѣкарствъ, чтобъ злой недугъ
Одолѣвать. Искусство прорицаній
Установилъ, и, правду ото лжи
Въ пророческихъ видѣньяхъ отдѣляя,
Я вѣщія примѣты указалъ,
Что путнику встрѣчаются въ дорогѣ,
Что видимъ мы въ полетѣ птицъ съ кривыми
Когтями—знакъ иль добрый, иль дурной;
Воздушныя собранія пернатыхъ,
Ихъ пищу, жизнь, любовь и непріязнь,
Отличія во внутренностяхъ теплыхъ,
И печени, и желчи цвѣтъ желанный—
Всѣ признаки, угодные богамъ;
И части жертвъ, обернутыя жиромъ,
И бедра ихъ широкія сложивъ
Надъ пламенемъ на алтарѣ священномъ,
Я всесожженью смертныхъ научилъ,
И знаменьямъ глубокимъ, сокровеннымъ
Являемымъ въ пылающемъ огнѣ.—
Таковъ мой даръ. И кто сказать посмѣетъ,
Что для людей не я открылъ руду,
Желѣзо, мѣдь, и серебро, и злато?..
Но въ двухъ словахъ—чтобъ кратокъ былъ разсказъ:
Все отъ меня—искусство, знанье, мудрость.

ХОРЪ.

Довольно ты заботился о людяхъ,
И о себѣ подумай: можетъ-быть,
Еще, стряхнувъ позорныя оковы,
Ты будешь вновь могущественъ, какъ богъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ! Рокъ не то судилъ, неумолимый:
Лишь тысячи страданій претерпѣвъ,

Изъ этихъ узъ я вырвусь на свободу.
Мы всѣ—ничто предъ волею Судьбы!

ХОРЪ.

Но кто жъ Судьбы таинственный владыка?

ПРОМЕТЕЙ.

Эриніи и тройственныя Парки.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ слабѣй Богинь Судьбы?

ПРОМЕТЕЙ.

Что суждено, того онъ не избѣгнетъ.

ХОРЪ.

Не суждено ль во вѣкъ ему царить?

ПРОМЕТЕЙ.

Я не могу отвѣтить: не просите.

ХОРЪ.

Ужасное скрываешь ты отъ насъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Молчите же... Пока еще не время
Намъ говорить объ этомъ: до конца
Въ душѣ моей хранить я буду тайну,
Скрывать, молчать, чтобы спастись отъ мукъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Съ волей Всевышняго лучше не спорить во вѣки!
Будемъ же чаще богамъ угождать гекатомбой,
Жертвой, закланной у волнъ необъятнаго моря.
Не согрѣшимъ даже словомъ,
Божій завѣтъ въ нашемъ сердцѣ
Свято храня.

Антистрофа первая.

Сладко намъ дни проводить, если вѣримъ мы въ счастье.
Сладко намъ душу питать непорочной надеждой.—
Гордый титанъ, мы глядимъ на тебя съ содроганьемъ:
Не побоялся ты бога,
Слишкомъ возвысилъ ничтожныхъ,
Слабыхъ людей.

Строфа вторая.

Что въ ихъ любви? Развѣ смертные могутъ помочь?
Развѣ не зналъ ты, что немощью
Сковано племя ихъ бѣдное,
Недолговѣчное,
Грёзамъ подобное?
Не перестроить имъ міра—созданья боговъ

Антистрофа вторая.

Вотъ чему учатъ страданья твои, Прометей —
Пѣсни иныя мы нѣкогда
Пѣли тебѣ, новобрачному,
Пѣсни веселыя,—
Гимны счастливицѣ,
Нашей сестрѣ Гезіонѣ, невѣстѣ твоей!

(На сцену вбѣгаетъ Іо, дочь Инаха, безумная.)

Іо.

Что за край, что за люди? Кто тамъ, на скалѣ,
Обвѣваемой бурями,
Тяжко стонетъ въ цѣпяхъ? О, скажите, за что
Онъ прикованъ безжалостно?
О, скажите, въ какую страну забрела
Я, несчастная?
Увы, увы!
Оводъ пронзилъ меня жаломъ,
Аргуса призракъ! Спасите!..
Страшно мнѣ! Видите, вотъ онъ—
Тысячеглазый,

Вотъ онъ—со взоромъ лукавымъ,
Мертвый возсталъ изъ земли.
Вышелъ изъ ада,
Гонитъ меня по прибрежнымъ пескамъ, исхудалую!

Строфа.

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой,
Гимнъ усыпительный. Горе,
Горе! Куда забрела я, скиталица?
Зевсъ, о, за что ты меня на страданье обрекъ?
Мучишь, преслѣдуешь, полную ужасомъ,
Жалкую дѣву, безумную?
Громомъ убей меня, въ землю укрой,
Брось на съѣденіе гадамъ морскимъ!
Боже, внемли
Стонамъ моимъ!
Я ужъ скиталась довольно.
О, если бы знать мнѣ,
Гдѣ мой пріютъ!
Слышишь ли жалобы бѣдной изгнанницы?

ПРОМЕТЕЙ.

Ко мнѣ достигъ твой голосъ, дочь Инаха.
Я знаю все: Зевесъ тебя любилъ,
И вѣчно ты, преслѣдуема Герой
И оводомъ язвимая, бѣжишь.

10.

Антистрофа.

Имя назвалъ ты отца моего. Отвѣчай мнѣ:
Кто же ты самъ, о, несчастный,
Съ дѣвой несчастною слово промолвившій?
Знаешь ты посланный богомъ мой страшный недугъ,
Жаломъ пронзившій меня и терзающій.
Ревностью Геры гонимая,
Всюду мечусь я, не помню себя,
И, обезумѣвъ отъ боли, бѣгу!

Можно ль страдать
Больше, чѣмъ я!?
Если ты знаешь, открой мнѣ;
Долго ли, бѣдной
Муки терпѣть?
Молви, утѣшь ты меня, одинокую!

ПРОМЕТЕЙ.

Въ простыхъ словахъ, безъ тайнъ и недомоловокъ,
Скажу я все, о чемъ ты хочешь знать,
Какъ добрый другъ, бесѣдующій съ другомъ.
Я — Прометей; я людямъ далъ огонь.

IO.

О, богъ несчастный, благодѣтель смертныхъ!
За что же ты страдаешь, Прометей,

ПРОМЕТЕЙ.

Я только что разсказъ объ этомъ кончилъ.

IO.

Но милостивъ не будешь ли ко мнѣ?

ПРОМЕТЕЙ

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

IO.

Я знать хочу, кто приковалъ тебя?

ПРОМЕТЕЙ.

Велѣніе боговъ, — рука Гефеста.

IO.

Но въ чемъ вина? За что тебя казнятъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Я о себѣ ужъ говорилъ довольно.

ІО.

Прости, еще одно: когда настанетъ
Конецъ моимъ страданіямъ, открой!

ПРОМЕТЕЙ.

Повѣрь: тебѣ не знать объ этомъ лучше.

ІО.

Что бъ ни было въ грядущемъ, — не скрывай!

ПРОМЕТЕЙ.

Я обѣщалъ, и все тебѣ открою.

ІО.

Не медли же, прошу, начни скорѣй.

ПРОМЕТЕЙ.

Сейчасъ начну; — боюсь я опечалить...

ІО.

Мнѣ лучше знать. Не бойся, говори.

ПРОМЕТЕЙ.

Ты требуешь, — да будетъ такъ. Внимай же.

ХОРЪ.

Нѣтъ, погоди: хотѣли мы просить,
Нельзя ль и намъ изъ устъ ея услышать
О горестной судьбѣ ея разсказъ.
Ты ей потомъ грядущее откроешь.

ПРОМЕТЕЙ *(къ Іо)*.

Исполнить ихъ желаніе — твой долгъ:
Вѣдь по отцу онѣ тебѣ родныя.
Повѣствовать о скорби намъ легко,
Когда мы знаемъ, что слезой участья
Почтутъ разсказъ внимающіе намъ.

Я не могу вамъ отказать, о, нимфы,
Узнайте жизнь печальную мою.
Вы видите — я плачу, вспоминая,
Какъ божій громъ ударилъ, какъ навѣкъ
Утратила я образъ человѣка.
Ночные сны летали надо мной,
Ночные сны въ моей дѣвичьей спальнѣ
Шептали мнѣ: къ чѣму ты такъ горда
И дѣвственна? Ты можешь быть супругой
Великаго царя: Зевесъ пронзенъ
Стрѣлой любви, и радости Киприды
Съ тобой, дитя, онъ жаждетъ раздѣлить.
Не отвергай же ты обьятій бога!
Въ цвѣтущій долъ, въ Лернейскія поля,
Сойди къ нему, сойди къ стадамъ отцовскимъ,
Чтобъ Зевсово желанье утолить.—
Мнѣ по ночамъ покоя не давали
Крылатыя видѣнія, пока
Объ этихъ снахъ отцу я не сказала.
Онъ много разъ въ Додону посылалъ.
И къ Пиѳіи, смиренно вопрошая,
Какъ совершить угодное богамъ.
Но всѣ послы, вернувшись, приносили
Неясныя пророчества отцу.
И лишь потомъ пришелъ къ нему понятный,
Прямой отвѣтъ—велѣніе боговъ—
Изгнать меня изъ отческаго дома
Въ безвѣстные и дальніе края;
Не то Зевесъ грозилъ весь родъ Инаха
Стрѣлой громовъ палящихъ истребить,
Родитель внялъ дельфійскимъ прорицаньямъ,
Но не хотѣлъ изгнать свое дитя,
Противился. И богъ заставилъ силой
Безжалостный исполнить приговоръ.
Я образъ мой утратила и разумъ;
Рогатая, пріявъ телицы видъ

И оводомъ гонима съ острымъ жаломъ,
Въ неистовствѣ я бросилась бѣжать.
И по брегамъ Керхнеи тихоструйной,
И по холмамъ Лернейскимъ. Сынъ Земли
За мной слѣдилъ, жестокосердный Аргусъ
Съ несмѣтными очами вѣчный стражъ.
Но онъ погибъ. И подъ бичомъ небеснымъ
Изъ края въ край скитаться суждено
Мнѣ, оводомъ терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее—открой же мнѣ теперь
Грядущія страданья. Но не думай
Баюкать слухъ мой лестью: ничего
Не можетъ быть постыднѣй рѣчи лживой.

ХОРЪ

Подожди, подожди,
Дай намъ мысли собрать.
Іо, Іо,—увы!
Твой нежданный разсказъ
Наше сердце смутилъ.
Насъ пронзилъ, какъ мечомъ,
Твой великій позоръ,
Безпредѣльная скорбь.
О, Судьба, о, Судьба!
Мы дрожимъ предъ тобой!

ПРОМЕТЕЙ.

Вы плачете, пугливыя созданья,—
Внимайте же, внимайте до конца!

ХОРЪ.

Мы слушаемъ. Отрадно знать несчастнымъ
Ихъ горестямъ назначенный конецъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Исполнилъ я охотно вашу просьбу:
Какъ сами вы желали, отъ нея
Услышали страдальческую повѣсть:

Узнайте же, что въ оудущемъ терпѣть
Ей суждено отъ Геры безпощадной.
А ты мои слова запечатлѣй
Въ душѣ, чтобъ знать конецъ своихъ скитаній,
Несчастная.
Къ восходу обратясь,
Сперва пройди невспаханныя земли
И Скиѳіи достигни. Тамъ живутъ
Кочевники въ возахъ съ плетеной крышей,
Съ колесами большими, и у нихъ
Въ колчанахъ спятъ губительныя стрѣлы:
Ихъ нравъ жестокъ и страшенъ,—берегись,
Потомъ придешь ты къ бурному потоку,
Иди все прямо, брода не ищи,
Пока высотъ Кавказа не достигнешь,
Гдѣ истощитъ рѣка въ тѣснинахъ горъ
Свой лютый гнѣвъ. Тогда черезъ вершины,
Что высятся до звѣздъ, спустись на югъ,
И ты полки увидишь амазонокъ,
Воительницъ, не вѣдавшихъ мужей.
(Имъ суждено уйти къ странѣ далекой,
На Термодонъ, гдѣ грозный Сальмидессъ,
Съ утесами заливъ, открытой пастью
Испуганныхъ встрѣчаетъ моряковъ)
И съ радостью укажутъ амазонки
Тебѣ твой путь. Преддверіе болотъ—
Ты Киммерійскій минешь перешеекъ,
И, переплывъ съ отвагою проливъ,
Прославишься навѣки переправой,
И въ честь твою Босфоръ получитъ имя.
Тогда ты вступишь въ Азію.
Итакъ,
Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всѣмъ равно жестокъ: онъ вожделѣлъ,
Безсмертный богъ, со смертной сочетаться,—
И вотъ за что обрушилъ столько бѣдъ
На робкую безпомощную дѣву.

Жестокаго супруга избрала
Ты, бѣдная: вѣдь сказанное мною—
Лишь первое начало мукъ твоихъ.

ІО.

Увы, увы!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты плачешь? Что же будетъ,
Когда ты все узнаешь до конца!

ХОРЪ.

Скажи, какой конецъ ея страданьямъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Пучина слезъ, отчаянья и бѣдъ.

ІО.

На что мнѣ жизнь! Зачѣмъ я лучше въ пропасть
Не кинулась съ вершины этихъ скалъ?
Лежала бы я мертвая въ долинѣ,
Свободная отъ мукъ. Отраднѣй сразу
Намъ умереть, чѣмъ мучиться всю жизнь!

ПРОМЕТЕЙ.

А какъ бы ты мои терпѣла муки?
Мнѣ даже Рокъ и въ смерти отказалъ.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданью нѣтъ конца,
Пока съ Олимпа Зевсъ не будетъ свергнутъ.

ІО.

Что ты сказалъ? Ужели Зевсъ падетъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Ты будешь ли его паденью рада?

ІО.

Подумай самъ: онъ погубилъ меня.

ПРОМЕТЕЙ.

Такъ радуйся: слова мои правдивы.

ІО.

Кто царскій скиптръ отниметъ у него?

ПРОМЕТЕЙ.

Онъ скиптра самъ лишитъ себя безумьемъ.

ІО.

Когда и какъ, не можешь ли открыть?

ПРОМЕТЕЙ.

Отъ брачнаго союза онъ погибнетъ.

ІО.

Съ богиней ли, со смертною—скажи?

ПРОМЕТЕЙ.

Не спрашивай: я не могу отвѣтить.

ІО.

Не будетъ ли супругой свергнутъ Зевсъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Родится сынъ у нихъ сильнѣе Зевса.

ІО.

И гибели ничто не отвратитъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Ничто, пока не буду я свободенъ.

ІО.

Но кто жъ врагу боговъ свободу дастъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Потомокъ твой: такъ суждено Судьбою.

ІО.

Ужель тебя освободитъ мой сынъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Въ тринадцатомъ колѣнѣ правнукъ Іо.

ІО.

Пророчество не ясно для меня.

ПРОМЕТЕЙ

Забудь его: судьба твоя ужасна.

ІО.

Судьбу предречь ты самъ мнѣ обѣщалъ

ПРОМЕТЕЙ.

Одно изъ двухъ я для тебя исполню.

ІО.

Скажи мнѣ, что: я выберу сама.

ПРОМЕТЕЙ.

Я предреку конецъ твоихъ несчастій
Иль день моей свободы; выбирай.

ХОРЪ.

Пускай ты ей одну окажешь милость,
Другую—намъ. Мы молимъ, Прометей:
Ей предскажи конецъ ея страданій,
А намъ—того, кто волю дастъ тебѣ.

ПРОМЕТЕЙ.

Противиться не буду вашей просьбѣ:
Открою же, что вы хотите знать:
Сперва тебѣ—твой путь. Въ скрижаляхъ сердца
Запечатлѣй слова мои. Туда—

Къ сіяющимъ лугамъ, къ восходу солнца
Пройди чрезъ волны — грань материковъ,
И, за собой оставивъ Понтъ ревущій,
Увидишь ты Горгонскія поля,
Кисѳены долъ, гдѣ обитаютъ Парки,
Три страшныхъ дѣвы съ ликомъ лебединымъ:
Единый зубъ у нихъ, единый глазъ;
Сихъ темныхъ дѣвъ не озарялъ вовѣки
Ни солнца лучъ, ни тихій свѣтъ луны.
Вблизи живутъ крылатыя Горгоны.
Не умеревъ, никто еще не могъ
Взглянуть на трехъ сестеръ змѣинокудрыхъ·
Я говорю — страшись, бѣги отъ нихъ.
Но скоро ты увидишь новый ужасъ:
Безжалостныхъ грифоновъ съ острымъ клювомъ,
Кроніона нелающихъ собакъ
И Аримасповъ конныхъ, одноокихъ
На берегу золотоносныхъ волнъ
Плутоновой рѣки. Бѣги оттуда,
Бѣги на югъ, гдѣ черные народы
Вкругъ Солнечныхъ Источниковъ живутъ,
Гдѣ катится потокъ эѳіопійскій.
Библосскихъ горъ увидишь ты хребетъ,
Оттуда Нилъ свергаетъ водопадомъ
Прозрачныя, священныя струи.
По берегамъ придешь ты къ устью Нила
Трехгранному, гдѣ суждено тебѣ
И сыновьямъ твоимъ построить городъ.
Коль что-нибудь въ словахъ моихъ темно,
Я повторю: ты видишь — слишкомъ много
Невольнаго досуга у меня.

ХОРЪ.

О будущихъ скитаньяхъ Іо бѣдной
Докончи твой разсказъ. А если все
Ты ей предрекъ, припомни нашу просьбу
Усердную; ты знаешь самъ — о чемъ.

О будущемъ я кончилъ прорицанья.
Теперь скажу о пройденномъ пути,
И, выслушавъ меня, увидитъ Іо,
Что ей не лгутъ пророчества мои.
Но о началѣ странствія не буду
Я говорить, скажу лишь о концѣ.—
Достигла ты земли Молоссовъ, горы
Додонскія узрѣла, гдѣ живетъ
Во храмѣ Зевсъ, оракулъ Ѳеспротійскій,
И гдѣ шумятъ таинственной листвой
Священные, пророческіе дубы
Ихъ голосомъ была наречена
Ты будущей супругой Олимпійца
Не правда ль—честь завидная для жертвъ
Его любви! — Объятая безумьемъ,
Приморскою дорогою бѣжать
Ты бросилась къ заливу Реи. Скоро
Въ неистовствѣ направила назадъ
Свои шаги. Тѣ волны назовутъ
Во славу Іо моремъ Іонійскимъ
Далекіе потомки.
Но довольно.
Вы видите, что въ сумрачную даль
Я за предѣлъ явленій прозрѣваю.
Теперь къ тому, что прежде говорилъ,
Вернусь опять, и мой разсказъ окончу:
Есть нѣкій градъ Канобъ на устьяхъ Нила,
Построенный на отмеляхъ рѣки,
Тамъ возвратитъ Зевесъ тебѣ твой разумъ,
Дотронувшись ласкающей рукой
До скорбнаго чела. Родишь ты сына,
И черное, могучее дитя
Ты назовешь Эпафомъ. Будетъ жатву
Онъ собирать со всѣхъ полей, что Нилъ
Широкою волною орошаетъ.
И пятьдесятъ цвѣтущихъ дочерей
Изъ пятаго колѣна въ Арголиду

Вернутся вновь, гонимыя стыдомъ,
Чтобъ съ братьями двоюродными ложа
Не раздѣлить. Но похотью полны.
Преслѣдуя союзъ кровосмѣшенья,
Тѣ бросятся за ними по пятамъ,
Какъ соколы за стаей бѣлыхъ горлицъ;
И мстящій богъ ихъ крови будетъ жаждать,
Земля Пелазговъ приметъ жениховъ,
Рукой невѣстъ закланныхъ въ часъ полночный
На ложѣ сна, и каждая изъ дѣвъ
Глубоко въ грудь двуострое желѣзо
Вонзитъ супругу-брату. О, Киприда,
Такую страсть пошли моимъ врагамъ!
Лишь у одной, любовью побѣжденной,
Не хватитъ силъ убить, и пощадитъ,
И, ослабѣвъ, она свое безсилье
Жестокому убійству предпочтетъ.
Произвести весь родъ царей Аргоса
Ей суждено.
Я кончилъ мой разсказъ;
Одно прибавлю: отъ того же корня
Родится въ міръ прославленный герой,
Что сниметъ цѣпь съ меня. Мнѣ предсказала
Объ этомъ мать, родимая Земля,
Кормилица могучая Титановъ;
Но гдѣ и какъ онъ мнѣ свободу дастъ,
О томъ молчу и знать тебѣ не надо.

10.

Защитите, о боги! Я чувствую, вновь
Охватило мнѣ душу безумье.
Я горю, холодѣю. Пронзаетъ меня
Ненасытнаго овода жало.
Сердце въ страхѣ трепещетъ. Нѣмѣетъ языкъ
И вращаются очи. А ярость,
Словно буря былинку, уноситъ меня.
Тонетъ разумъ въ пучинѣ страданій!..
(Іо убѣгаетъ).

ХОРЪ.

Строфа.

Истинно мудрымъ былъ тотъ,
Кто посовѣтовалъ первый всегда заключать
Съ равными равнымъ союзъ.
Бѣдный простой человѣкъ
Дружбы не долженъ искать
Ни богачей, ни вельможъ!

Антистрофа.

Пусть же, о, пусть никогда
Грозныя Парки меня не увидятъ женой
Ни одного изъ боговъ.—
Іо, мы плачемъ, дрожимъ,
Видя страданья твои,
Попранный дѣвичій стыдъ.

Эподосъ.

Мнѣ не страшно быть женою
Тѣхъ, кто равенъ намъ и близокъ.
Только пусть меня вовѣки
Не настигнетъ Олимпійцевъ
Безпощадная любовь.
Это брань, гдѣ нѣтъ спасенья,
Это путь, гдѣ нѣтъ исхода.
Если кинетъ богъ на дѣву
Страсти взоръ неотвратимый,
Что ей дѣлать? какъ несчастной
Отъ всесильнаго бѣжать?

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть нынѣ Зевсъ надмененъ: онъ смирится
И вступитъ въ бракъ, что съ высоты небесъ
Его, могучаго, низринетъ въ бездну.
Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.

Но указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ.
Я знаю тайну. — Пусть же Зевсъ на тронѣ
Пока сидитъ, довѣрившись громамъ
И молнію въ рукѣ своей сжимая.
Онъ со стыдомъ падетъ, — и ужъ ничто
Не защититъ его: боецъ возстанетъ
Невѣдомый гигантъ непобѣдимый;
Онъ обрѣтетъ огонь сильнѣй огня
Кроніона, и громъ — сильнѣе грома
Небеснаго, которымъ раздробитъ
Грозу морей, трезубецъ Посейдона.
И богъ боговъ, привыкшій къ самовластью,
Тогда пойметъ, что значитъ быть рабомъ!

ХОРЪ.

Такъ вотъ — твои мечты, твои желанья.

ПРОМЕТЕЙ.

Дѣйствительность, а не мечты мои.

ХОРЪ.

Ужели Зевсъ предъ кѣмъ-нибудь смирится?

ПРОМЕТЕЙ.

Да будетъ онъ страдать сильнѣй, чѣмъ я.

ХОРЪ.

Что говоришь? О, какъ тебѣ не страшно!

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ? Страшно? Нѣтъ: вѣдь смерть не мой удѣлъ.

ХОРЪ.

Но казнь твою Зевесъ удвоить можетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай удвоитъ: я не все готовъ.

ХОРЪ.

О, благо тѣмъ, кто чтитъ богиню Рока!

ПРОМЕТЕЙ.

Такъ будьте же рабами, покоряйтесь
И льстите всѣмъ богамъ. А для меня
Зевесъ — ничто. Пускай онъ правитъ міромъ, —
Царить ему недолго суждено...
Что вижу? Вотъ глашатай Олимпійца.
Должно-быть, вѣсть принесъ онъ отъ боговъ.

ГЕРМЕСЪ.

Я говорю съ тобой, коварный, злѣйшій
Изъ всѣхъ враговъ Зевеса, воръ огня
Священнаго, ходатай жалкихъ смертныхъ.
Разоблачить отецъ мой повелѣлъ,
Какой союзъ губительнаго брака
Ты, хвастая, дерзнулъ ему предречь?
Но говори яснѣе, безъ загадокъ:
Смотри, титанъ, не заставляй меня
Вернуться вновь. Угрозой ты не можешь
Царя боговъ на милость преклонить.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова надменны и хвастливы;
Такъ говорить прилично слугамъ тѣхъ,
Кто сѣсть едва успѣлъ на тронъ Олимпа.
Вы думаете, новые цари, —
Не можетъ скорбь проникнуть къ вамъ въ чертоги?
Но видѣлъ я паденье двухъ владыкъ,
Сильнѣе васъ, — и очередь за третьимъ:
Онъ гибели позорнѣйшей изъ всѣхъ
Не отвратитъ. — А ты, прислужникъ Зевса,
Надѣялся, что буду я дрожать
Предъ этими ничтожными богами?
О, я не палъ еще такъ низко! Нѣтъ,

Ты отъ меня не вывѣдаешь тайны.
Уйди, вернись къ пославшему тебя!

ГЕРМЕСЪ.

Не этой ли строптивостью безумной
Ты казнь твою и цѣпи заслужилъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Но знай, Гермесъ, что казнь мою и цѣпи
Не промѣнялъ бы я на твой позоръ:
Почетнѣй быть прикованнымъ къ граниту,
Чѣмъ вѣстникомъ проворнымъ у царей
Служить, какъ ты! Обида — за обиду.

ГЕРМЕСЪ.

Ты, кажется, своимъ мученьямъ радъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай судьба пошлетъ такую радость
Врагамъ моимъ — и ты одинъ изъ нихъ!

ГЕРМЕСЪ.

Но въ чемъ же я виновенъ предъ тобою?

ПРОМЕТЕЙ.

Васъ, боги, всѣхъ, платящихъ за добро
Предательствомъ, равно я ненавижу.

ГЕРМЕСЪ.

Отъ горя ты разсудокъ потерялъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Иль ненависть къ мучителямъ безумна?

ГЕРМЕСЪ.

Ты не былъ бы и въ счастіи добрѣй.

ПРОМЕТЕЙ *(стонетъ)*.

Увы!

ГЕРМЕСЪ.

Вотъ крикъ, невѣдомый Зевесу.

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть поживетъ, — научится всему.

ГЕРМЕСЪ.

Быть мудрымъ жизнь тебя не научила.

ПРОМЕТЕЙ.

Да, если бъ я мудрѣе былъ,—не сталъ бы
И говорить съ такимъ рабомъ, какъ ты!

ГЕРМЕСЪ.

Такъ услужить не хочешь Олимпійцу?

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ есть за что ему служить, не правда ль?

ГЕРМЕСЪ.

Какъ съ мальчикомъ, со мной ты говоришь...

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ, ты глупѣй, чѣмъ маленькія дѣти,
Коль думать могъ, что я открою тайну:
Сказать того, что знаю, не заставитъ
Меня мой врагъ ни хитростью, ни злобой,
Пока цѣпей не сниметъ. Пусть же Зевсъ
Испепелитъ меня огнями молній,
Обвѣетъ снѣгомъ бѣлокрылыхъ вьюгъ,
Разрушитъ міръ подземными громами, —
Не покорюсь, не назову того,
Кто власть отниметъ у него.

ГЕРМЕСЪ.

Опомнись!
Тебѣ упрямство не поможетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Знаю.
Я все давно предвидѣлъ и рѣшилъ.

ГЕРМЕСЪ.

О, если бы хоть горе научить
Тебя могло разумному смиренью.

ПРОМЕТЕЙ.

Оставь меня, уйди. Ты думалъ, рабъ,
Что я смирюсь, испуганный угрозой,
Что буду я о милости взывать,
Съ мольбою къ Зевсу простирая руки,
Какъ женщина? Не быть тому вовѣкъ!

ГЕРМЕСЪ.

Я расточалъ слова мои напрасно:
Не слушаешь ни доводовъ ни просьбъ;
Какъ юный конь, уздой непокоренный,
Ты въ ярости кусаешь удила.
Упорство неразумное: повѣрь мнѣ,
Развѣется, какъ пыль, гордыня тѣхъ,
Кто слабъ умомъ, но сердцемъ смѣлъ и буенъ.
Не хочешь ты смириться,—такъ узнай,
Какой тебѣ готовятъ боги жребій:
Сначала Зевсъ въ осколки разобьетъ
Вершины скалъ небеснымъ громомъ. Въ бездну,
Сорвавшись съ нихъ, ты упадешь стремглавъ,
И въ нѣдрахъ горъ, въ объятіяхъ гранитныхъ
Задохнешься. Столѣтья протекутъ,
Пока ты вновь увидишь свѣтъ небесный.
Тогда тебя начнетъ терзать орелъ,
Крылатый песъ Зевеса, ненасытный.
И, прилетая, будетъ каждый день
Онъ вырывать когтями клочья тѣла,
Незванный гость на пиршествѣ кровавомъ,
Питаясь черной печенью твоей.
До той поры не жди конца страданьямъ,

Пока другой не приметъ мукъ твоихъ
Страдалецъ-богъ и къ мертвымъ въ темный Тартаръ,
Во глубину Аида, не сойдетъ.
Мои слова — не тщетная угроза:
Зевесъ не лжетъ, и совершится воля
Всесильнаго. Подумай—говорю
Въ послѣдній разъ—не лучше ли покорность?

ХОРЪ.

Онъ правъ. Смири, смири, титанъ могучій,
Свой гордый духъ и богу покорись!
Послушайся совѣтовъ добрыхъ: стыдно
Упорствовать въ ошибкѣ мудрецу.

ПРОМЕТЕЙ.

Все, что молвилъ Гермесъ, я предвидѣлъ давно!
Но врагу отъ врага не позорно
Пасть въ открытой борьбѣ. Пусть же мечетъ въ меня
Богъ снопами огней смертоносныхъ,
Пусть Эѳиръ поколеблетъ раскатомъ громовъ,
Пусть такую онъ бурю подыметъ,
Что земля содрогнется на вѣчныхъ корняхъ,
Пусть, безумствуя, въ вихрѣ смѣшаетъ
Волны моря съ огнями небесныхъ свѣтилъ,
Увлечетъ въ глубину мое тѣло,
Въ преисподнюю сброситъ,—убить до конца
Онъ не можетъ меня: я безсмертенъ!

ГЕРМЕСЪ.

Это дикій бредъ безумца!
Развѣ могъ бы мужъ разумный
Не смирить въ такихъ страданьяхъ
Буйной гордости своей.
Дѣвы, полныя участьемъ
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сердца
Не потрясъ вамъ грохотъ тяжкій
Оглушительныхъ громовъ.

ХОРЪ.

Неужели совѣтъ исполнимъ?
Слушать больно. Сестры, сестры,
Не измѣнимъ, не покинемъ
Одинокаго страдальца,
Будемъ горе съ нимъ дѣлить,
И покажемъ, что измѣну
Ненавидимъ всей душой!

ГЕРМЕСЪ.

Если такъ, не забывайте
Вы предсказаннаго мною,
Не корите Олимпійца;
Вы избрали добровольно,
Вы предвидѣли бѣду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сѣтями
Неминуемой судьбы.

ПРОМЕТЕЙ.

Исполняется слово Зевеса: земля
Подъ мною трепещетъ.
Загудѣло раскатами эхо громовъ,
Пламя молній сверкаетъ...
Закружилася вихрями черная пыль...
Налетѣли и сшиблись
Всѣ противные вѣтры. Смѣшались въ борьбѣ
Волны моря и воздухъ.
Узнаю тебя, Зевсъ! чтобъ меня ужаснуть,
Ты воздвигъ эту бурю.
О, Земля, моя мать! о, небесный Эѳиръ,
Свѣтъ единый, всеобщій!
Посмотрите, какія страданья терплю
Я отъ бога—невинный!

(Скала съ Прометеемъ обрушивается въ бездну.)

СОФОКЛЪ.

ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эдипъ.
Жрецъ.
Креонъ.
Хоръ старцевъ.
Тирезій.
Іокаста.
Вѣстникъ.
Пастухъ.
Слуга.

Мѣсто дѣйствія: передъ царскимъ дворцомъ въ Θивахъ.

ЭДИПЪ.

О, дѣти, Кадма древняго питомцы,
Зачѣмъ вы такъ стоите предо мной,
Унылые, молящіе — съ вѣтвями?
Весь городъ полонъ дымомъ ѳиміама,
Повсюду вопль и похоронный плачъ.
Я къ вамъ иду, возлюбленныя дѣти!
Хочу про все узнать изъ вашихъ устъ —
Я тотъ, кого зовутъ Эдипомъ славнымъ.
Скажи мнѣ, старецъ,— говорить пристойно
Тебѣ за всѣхъ,—скажи, зачѣмъ пришелъ
Сюда народъ? Боится, иль желаетъ
Чего-нибудь? На помощь къ вамъ спѣшу:
Имѣлъ бы я безжалостное сердце,
Когда бъ не внялъ такой мольбѣ!

ЖРЕЦЪ.

Эдипъ,
О, царь моей отчизны,—видишь,—всѣ мы
Сидимъ, обнявъ подножье алтарей.
Вотъ—слабое дитя,—вотъ старый жрецъ,
Подъ тяжестью годовъ согбенный, отрокъ
Во цвѣтѣ юности, и весь народъ,
Священными вѣтвями осѣненный
Недвижимый на стогнахъ городскихъ,
Вкругъ алтарей пророческихъ Исмена
И предъ двойнымъ святилищемъ Паллады.
Уже главы поднять не можетъ городъ,
Потопленный кровавою волной:

Стада въ поляхъ тоскуютъ, гибнетъ сѣмя
Плодовъ земныхъ, и дѣти умираютъ
Во чревѣ женъ. Проклятая богиня
Пылающая Язва Моровая
Свирѣпствуетъ и, наполняя Адъ
Стенаньями, опустошаетъ городъ.
Мы всѣ пришли сюда не потому,
Чтобы тебя считали равнымъ богу;
Но въ бѣдствіяхъ и испытаньяхъ, свыше
Ниспосланныхъ, ты—первый изъ людей.
Не даромъ же, придя въ обитель Кадма
Священную, ты уничтожилъ дань,
Что мы платили нѣкогда свирѣпой
Пророчицѣ. Безъ помощи людской
Лишь мудростью, дарованной богами,
Ты спасъ намъ жизнь. Такъ думаетъ народъ.
И нынѣ царь, изъ вѣхъ царей, сильнѣйшій,
Къ тебѣ съ мольбой взываетъ: «Заступись!
Скажи, Эдипъ, кто изъ боговъ, иль смертныхъ
Поможетъ намъ? Мы знаемъ, что совѣтъ
Испытанныхъ мужей приводитъ къ счастью.
Не медли же, о, лучшій изъ людей,
Возстанови нашъ городъ! Въ дни былые
Назвалъ тебя спасителемъ народъ:
О, будь же имъ опять, уже спасеннымъ
Тобою разъ—не дай погибнуть вновь.
Освободи отъ бѣдъ родную землю.
Чѣмъ прежде былъ, тѣмъ снова будь для насъ.
Иди, сверши свой подвигъ благодатный.
Не лучше ли народомъ управлять,
Чѣмъ властвовать въ пустой землѣ? Ничтоженъ
Корабль въ волнахъ, и башня крѣпостная,
Лишенные живущихъ въ нихъ людей».

ЭДИПЪ.

О, бѣдныя, возлюбленныя дѣти!
Все вѣдаю; не скрыто отъ меня,

Какая скорбь постигла насъ, и вѣрьте,
Что, какъ бы ни страдали вы,—межъ вами
Нѣтъ никого, чья скорбь равна моей,
Затѣмъ, что каждый за себя страдаетъ,
А я—за всѣхъ, за городъ и себя.
Не спящаго меня вы пробудили—
Нѣтъ, ужъ давно я плачу и скорблю,
И многими путями я блуждаю,
Найти исходъ пытаясь. Есть одно
Спасеніе: обдумавъ все, прибѣгнуть
Я долженъ былъ къ нему: во храмъ Пиѳійскій
Креонъ мной посланъ, братъ моей жены,
Да вопроситъ Менойковъ сынъ у бога,
Какимъ дѣяньемъ, жертвой иль обѣтомъ
Мнѣ мой народъ отъ гибели спасти.
Онъ долѣе положеннаго срока
Отсутствуетъ. Считая день за днемъ,
Въ тревогѣ жду. Когда жъ придетъ съ отвѣтомъ,
Пускай меня преступнымъ назовутъ,
Коль не свершу я всѣхъ велѣній бога.

ЖРЕЦЪ

Царь, во-время о немъ ты вспомнилъ: здѣсь—
Креонъ. Его приходъ мнѣ возвѣстили.

(Креонъ появляется вдали.)

ЭДИПЪ.

Какъ свѣтелъ ликъ его! Дельфійскій богъ,
Да будетъ вѣсть твоя такой же свѣтлой!

ЖРЕЦЪ

Должно-быть, вѣсть отрадная,—смотри—
Креона лавръ вѣнчаетъ плодоносный.

ЭДИПЪ.

Узнаемъ все: онъ слышитъ голосъ нашъ.
О, братъ моей супруги, сынъ Менойка,
Какую вѣсть отъ бога ты принесъ?

КРЕОНЪ.

Счастливую, затѣмъ, что даже скорбь
Я назову счастливой, если къ благу
Ведетъ она.

ЭДИПЪ.

Мы внемлемъ. Объясни,
Что значитъ рѣчь твоя. Еще не знаю,—
Надѣяться бояться ли.

КРЕОНЪ.

Ты хочешь,
Чтобъ говорилъ я здѣсь, передъ народомъ,
Иль во дворцѣ, наединѣ съ тобой?

ЭДИПЪ.

Здѣсь говори, при всѣхъ. За нихъ, о, братъ мой,
Я болѣе скорблю, чѣмъ за себя.

КРЕОНЪ.

Открою все, что слышалъ я отъ бога:
Владыка Фебъ повелѣваетъ намъ
Очиститься отъ древняго проклятья,
Чтобъ нами же питаемое зло
Не сдѣлалось навѣкъ неизлѣчимымъ.

ЭДИПЪ.

Очиститься? Но чѣмъ? Какое зло?

КРЕОНЪ.

Убійцу мы должны изгнать, иль смертью
Смерть искупить невиннаго, чья кровь
Проклятіемъ нашъ городъ осквернила.

ЭДИПЪ.

Но кто злодѣй, изобличенный богомъ?

КРЕОНЪ.

Ты слышалъ ли, что Лайосъ былъ царемъ
До твоего прихода?

ЭДИПЪ.

Слышалъ, братъ мой,
Но самъ его не видѣлъ никогда.

КРЕОНЪ.

Онъ жертвой палъ злодѣевъ: нынѣ Фебъ
Повелѣваетъ отомстить убійцамъ.

ЭДИПЪ.

Кто вѣдаетъ, въ какой они странѣ?
Кто слѣдъ найдетъ столь древняго злодѣйства?

КРЕОНЪ.

Фебъ говоритъ, что здѣсь они, межъ насъ,
Въ родной землѣ: не знаетъ, кто не ищетъ,
А ищущій находитъ.

ЭДИПЪ.

Отвѣчай,
Гдѣ Лайосъ былъ убитъ: въ своемъ ли домѣ,
Иль гдѣ-нибудь за городомъ, въ поляхъ,
Или въ чужой землѣ?

КРЕОНЪ.

Во храмъ Дельфійскій
Онъ путь держалъ и, говорятъ, съ тѣхъ поръ
Ужъ никогда домой не возвращался.

ЭДИПЪ.

Но, можетъ-быть, отъ спутниковъ царя
Отъ слугъ его мы что-нибудь узнаемъ?

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, всѣ погибли, кромѣ одного,
Успѣвшаго бѣжать. О злодѣяньи
Немногое онъ разсказалъ намъ.

ЭДИПЪ.

Что?
Довольно будетъ намъ слѣдовъ немногихъ,
Чтобъ все открыть. Но только бы, друзья,
Была у насъ хоть слабая надежда.

КРЕОНЪ.

Онъ говоритъ, что Лайосъ не однимъ
Злодѣемъ былъ убитъ, а цѣлой шайкой
Разбойниковъ.

ЭДИПЪ.

Безъ подкупа, едва ли
Разбойники отважиться могли
Свершить такое дерзкое убійство.

КРЕОНЪ.

Такъ думали и мы. Но въ скорби новой
О мщеніи забыли.

ЭДИПЪ.

О, Креонъ,
Изобличить такое злодѣянье
Какая скорбь могла вамъ помѣшать?

КРЕОНЪ

Лукавый Сфинксъ, грозя несчастьемъ близкимъ,
Далекое принудилъ позабыть.

ЭДИПЪ.

Но долгъ мой нынѣ—обличить виновныхъ.
И Пиѳіи достойно, и тебя,
Что вспомнили вы о царѣ убитомъ.

Чтобъ отомстить за городъ и боговъ,
И я въ союзъ вступаю съ вами. Вѣрьте,
Что возстаю на месть не за другихъ,
А за себя: кто Лайоса убилъ,
Тотъ, можетъ-быть, поднять посмѣетъ руку
И на меня. Такъ собственную жизнь
Я охраню, изобличивъ злодѣя.
Вставайте же, о, граждане, скорѣй,
Просительныя вѣтви покидая.
Пусть кто-нибудь на площадь соберетъ
Кадмеянъ. Дѣти! съ помощью боговъ
Спасу народъ, иль вмѣстѣ съ нимъ погибну.

ЖРЕЦЪ.

Идемте же, о, граждане. Эдипъ
Исполнитъ то, о чемъ его мы просимъ.
Да будетъ Фебъ, пророческую вѣсть
Пославшій намъ, спасителемъ народа.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Слово боговъ изъ Пиѳійскаго храма, обильнаго
Золотомъ, къ намъ прилетѣло ты, сладко поющее,
Въ городъ нашъ царственный.
Фебъ, предъ тобой, о, владыка божественный Делоса,
Мы содрогаемся.
Въ страхѣ вѣчномъ мы не знаемъ,
Что намъ каждый часъ готовитъ,
Или дней, бѣгущихъ мѣрно,
Возвращающійся кругъ.
Ты мнѣ повѣдай о томъ, о, дитя золотое Надежды,
Слово боговъ амброзійное!

Антистрофа первая.

Къ первой къ тебѣ мы взываемъ, Аѳина безсмертная,
Зевсова дочь, и къ тебѣ, Артемида, Защитница
Нашего города,

Въ шумномъ собраньи народа, на кругломъ блистающемъ
Тронѣ сидящая!
Также къ Фебу съ лукомъ звонкимъ,
Дальномечущимъ,—всѣ трое
Вы придите къ намъ, о, боги,
Исцѣляющіе скорбь!
Ибо спасли уже разъ вы отъ страшнаго бѣдствія городъ:
Сжальтесь и нынѣ, безсмертные!

Строфа вторая.

Не уйти никуда отъ несчетныхъ скорбей.
Ходитъ всюду болѣзнь, люди въ страхѣ нѣмомъ,
О спасеньи не думая, гибнутъ
Благодатныхъ плодовъ не приноситъ земля,
Жены въ мукахъ кричатъ и не могутъ родить.
И, неудержимѣе
Вспыхнувшаго пламени,
Тѣни умирающихъ,
Словно легкокрылыя
Птицы, устремляются
Къ Западному Берегу,
Въ царство вѣчной Тьмы.

Антистрофа вторая.

Нѣтъ могиламъ числа, и гніютъ по землѣ
Груды жалкихъ, никѣмъ не оплаканныхъ тѣлъ.
И рыдаютъ, и бьются о камни
Посѣдѣвшія матери, жены—съ мольбой,
Предъ нѣмымъ алтаремъ безпощадныхъ боговъ
Раздаются мрачныя
Пѣсни похоронныя,
Звуки гимновъ жалобныхъ.
Ты приди, помилуй насъ,
Защити отъ гибели,
О, Тучегонителя
Золотая дочь!

Строфа третья.

Страшнаго бога Повѣтрія,
Бога Арея—безъ мѣднаго
Шлема, меча и брони,
Но съ пожирающимъ пламенемъ,
Съ воплемъ на жертвы сходящаго,
Ты прогони далеко:
Или на ложе великое
Въ домъ Амфитриты лазуревой.
Или на мрачныя
Скалы Ѳракійскія
Скорбь, зачавшуюся ночью,
День нерадостный кончаетъ.—
Зевсъ-Отецъ, владыка молній,
Благодатными громами
Бога смерти опали!

Антистрофа третья.

Гдѣ твои стрѣлы-защитницы,
Неодолимо-разящія,
Громъ тетивы золотой,
Лукъ, твоей силой натянутый;
Гдѣ ты, богъ Солнца прекраснаго?
Гдѣ Артемиды, въ горахъ
Ночью блуждающей,
Свѣточи яркіе?
Эвій-Вакхъ златовѣнчанный,
Другъ неистовыхъ вакханокъ,
Богъ вина румянолицый,
Ты огнемъ своихъ веселій
Бога Смерти опали!

ЭДИПЪ.

О, граждане! молитву вашу боги
Услышали. Исполнивъ мой совѣтъ,
Вы можете избавиться отъ бѣдствій.

Я говорю, еще не зная тѣхъ,
Кѣмъ царь убитъ, и угадать не въ силахъ
Пиѳійскаго велѣнья тайный смыслъ.
Мы ни одной улики не имѣемъ,
Ни одного свидѣтеля; но васъ
Я, позже всѣхъ пришедшій гражданинъ,
О, граждане, на помощь призываю:
Не знаетъ ли межъ вами кто-нибудь,
Кѣмъ Лайосъ-царь убитъ былъ, сынъ Лабдаковъ?
Кто вѣдаетъ, пусть говоритъ безстрашно:
Коль даже самъ себя онъ обличитъ,
Его изъ Ѳивъ мы удалимъ безвредно,
И большаго онъ не потерпитъ зла.
А если кровь пролита чужестранцемъ,
Кадмеяне, не должно вамъ молчать:
Свидѣтели получатъ и награду,
И нашу милость царскую. Но тѣхъ,
Кто, зная все, укроетъ злодѣянье,
За друга ли боясь, иль за себя,—
Внемлите всѣ,—какая ждетъ ихъ кара.
Я, господинъ и царь, повелѣваю:
Кто бъ ни были свершившіе убійство,—
Никто подъ кровъ свой да не приметъ ихъ,
Къ моленіямъ и жертвамъ не допуститъ,
Привѣтствовать ихъ словомъ не дерзнетъ,
Не окропитъ водою очищенья.
Да выгонятъ, какъ прокаженныхъ псовъ,
Съ порога ихъ, молящихъ о пріютѣ.
Такъ совершимъ мы повелѣнье бога
И Пиѳіи священной, и царю
Убитому союзниками будемъ.
Одинъ ли онъ убійство совершилъ,
Со многими ль участниками, боги,
Да будетъ вами проклятъ онъ вовѣкъ,
Чтобъ жизнь его въ мученьяхъ угасала!
И если бъ былъ онъ мой любимый другъ,
И я въ своемъ дому его укрылъ бы,—

То проклялъ бы я самого себя,
Какъ нынѣ я злодѣя проклинаю.
Исполните все это для меня
И для земли, безплодьемъ пораженной,
И для боговъ, затѣмъ, что если бъ даже
Мы воли ихъ не вѣдали, и то
Оставить бы нельзя неотомщенной
Смерть добраго и славнаго царя:
Я — Лайоса убитаго наслѣдникъ,
Я принялъ скиптръ державный отъ него,
Я раздѣлилъ съ его супругой ложе,
И если бы умершій былъ отцомъ,
Дѣтей его назвалъ бы я своими.
Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, какая смерть
Невиннаго постигла, онъ мнѣ дорогъ,
Какъ собственный отецъ. И я найду
Преступнаго убійцу Лабдакида
И отомщу за царственную кровь,
За древняго потомка Полидора,
Агѐнора и Кадма. Горе тѣмъ,
Кто воли нашей не исполнитъ: боги
Да не пошлютъ ему плодовъ земли,
Жена ему дѣтей да не рождаетъ,
Да поразитъ его тотъ злой недугъ
Который насъ постигъ, или страшнѣйшій!
Но тѣхъ изъ васъ, Кадмеяне, кто чтитъ
Слова мои и въ сердце ихъ пріемлетъ,
Да сохранятъ безсмертные на вѣкъ,
Да будетъ имъ союзницею Дикэ!

ХОРЪ.

Ты говорить насъ заклинаешь, царь?..
Не мы убили; кто — не знаемъ. Должно
Пророчицѣ Дельфійской обличить
Виновнаго.

ЭДИПЪ.

Ты правъ, но человѣкъ
Не можетъ тайны у боговъ исторгнуть
Насильно.

ХОРЪ.

Вотъ о чемъ еще тебѣ
Напомнить мы хотѣли.

ЭДИПЪ.

Говорите.

ХОРЪ.

Предсказываетъ будущее мудрый
Тирезій-царь, подобно Фебу: все,
О чемъ его мы просимъ, онъ откроетъ.

ЭДИПЪ.

Ужъ я давно исполнилъ вашъ совѣтъ:
Двухъ вѣстниковъ послалъ къ нему, не медля,
Дельфійское пророчество узнавъ.
Дивлюсь, что царь Тирезій не приходитъ.

ХОРЪ.

Такъ, значитъ, былъ обманчивъ прежній слухъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, какой? Я знать хочу про все.

ХОРЪ.

Царь, въ старину мы слышали, что Лайосъ
Былъ путниками встрѣчными убитъ.

ЭДИПЪ.

И я слыхалъ, но не могу найти
Ни одного свидѣтеля убійства.

ХОРЪ.

Но если страхъ душѣ его доступенъ,
Онъ болѣе скрываться не дерзнетъ,
Испуганный твоей великой клятвой.

ЭДИПЪ.

Кто свершить отважился дѣянье
Преступное, не побоится клятвъ.

ХОРЪ.

Изобличитъ виновнаго Тирезій,—
Сюда ведутъ святого старика.
Такимъ, какъ онъ, не обладаетъ знаньемъ
Никто изъ всѣхъ живущихъ на землѣ.

(Тирезій входитъ).

ЭДИПЪ.

Тирезій-царь! хотя ты слѣпъ, но видишь,
Всезнающій, и небо надъ собой,
И дольній міръ, и тайны Олимпійцевъ.
Ты вѣдаешь, какой недугъ въ Кадмеѣ
Свирѣпствуетъ. Съ моленьями къ тебѣ,
Единственный защитникъ, прибѣгаемъ.
Слыхалъ ли ты отъ вѣстниковъ, что богъ
Намъ вѣрное спасенье обѣщаетъ,
Коль Лайоса убійцъ, изобличивъ,
На вѣчное изгнанье мы осудимъ,
Иль умертвимъ. Друзьямъ своимъ, пророкъ,
Не откажи въ совѣтахъ и гаданьяхъ,
Спаси Эдипа, городъ и себя!
Полезнымъ быть другимъ, насколько можешь,—
Прекраснѣйшій изъ всѣхъ людскихъ трудовъ.

ТИРЕЗІЙ.

Увы! Увы! Какъ тягостно предвидѣть,
Когда нельзя предвидѣньемъ помочь,—
Объ этомъ зналъ и я, но забылъ, иначе
На горе всѣмъ я бъ не пришелъ сюда.

ЭДИПЪ.

Что, что съ тобой? Какую скорбь я вижу
Въ твоихъ чертахъ!..

ТИРЕЗІЙ.

Пусти меня домой.
Повѣрь, Эдипъ, что это будетъ лучше
И для меня, и для тебя.

ЭДИПЪ.

О, другъ,
Неправое, недоброе ты молвилъ.
Коль родину, вскормившую тебя,
Спасительнаго слова ты лишаешь.

ТИРЕЗІЙ.

И за себя боюсь, и ты, Эдипъ,
На голову свою бѣду накличешь.

ЭДИПЪ.

Скорѣй! скорѣй! Пророчествъ не таи!
Мы именемъ безсмертныхъ заклинаемъ
И молимъ всѣ, припавъ къ твоимъ ногамъ!

(Старцы Хора преклоняются и обнимаютъ ноги Тирезія).

ТИРЕЗІЙ.

Не вѣдаютъ, о чемъ, безумцы, молятъ.
Чтобъ и тебя, владыка, и себя
Не погубить, я тайны не открою.

ЭДИПЪ.

Какъ? Зная все, ты хочешь утаить,
Предать меня и погубить отчизну?

ТИРЕЗІЙ.

Не сдѣлаю несчастными, о, царь,
Обоихъ насъ. Не трать же словъ: насильно
Ты не заставишь говорить меня.

ЭДИПЪ.

О, злой старикъ! — и каменное сердце
Довелъ бы ты до бѣшенства, — ужель
Останешься ты глухъ, не молвишь слова?

ТИРЕЗІЙ.

Ты укорилъ меня, Эдипъ, но знай —
Есть многое достойное укора
Въ тебѣ самомъ.

ЭДИПЪ.

Безъ гнѣва не могу
Я слушать тѣхъ, кто оскорбляетъ городъ.

ТИРЕЗІЙ

Поможетъ ли молчанье? Все равно,
Исполнится назначенное рокомъ.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ же ты молчишь? скажи мнѣ все.

ТИРЕЗІЙ.

Не вымолвлю не слова больше. Можешь
Ты предаваться ярости слѣпой

ЭДИПЪ.

Но ярости предавшись все открою,
Что думаю: ты самъ — убійца, самъ...
Старикъ, ты былъ сообщникомъ злодѣевъ,
Хотя убитъ онъ не твоей рукой.
И если бъ дряхлъ и слѣпъ ты не былъ, то тебя.
Назвалъ бы я единственнымъ убійцей!

ТИРЕЗІЙ.

Ты думаешь?.. Заставлю же тебя
Я приговоръ твой собственный исполнить:
Бѣги отъ насъ, не говори ни съ кѣмъ, —
Ты кровью землю осквернилъ, ты—проклятъ!

ЭДИПЪ.

Оклеветавъ меня съ такимъ безстыдствомъ,
Ужели ты надѣешься спастись?..

ТИРЕЗІЙ.

Да, я спасусь, хранимый силой правды!

ЭДИПЪ.

Кто лгать тебя заставилъ? Ужъ не боги ль?

ТИРЕЗІЙ.

Ты самъ меня заставилъ говорить.

ЭДИПЪ.

Понять хочу я, — повтори...

ТИРЕЗІЙ.

Ты понялъ,
Но только хочешь испытать меня.

ЭДИПЪ.

Слова твои неясны: повтори.

ТИРЕЗІЙ.

Ты тотъ, кого мы ищемъ, ты — убійца.

ЭДИПЪ.

На этотъ разъ заслуженную казнь
За клевету безстыдную ты примешь!

ТИРЕЗІЙ.

Царь, берегись, — я то тебѣ скажу,
Что гнѣваться еще сильнѣй заставитъ...

ЭДИПЪ.

Ты можешь все, что хочешь, говорить;
Но только знай: слова твои безсильны.

ТИРЕЗІЙ.

Такъ слушай же: постыднѣйшая связь
Тебя, Эдипъ, соединяетъ съ тѣми,
Кого бы чтить ты долженъ больше всѣхъ,—
И своего позора ты не видишь.

ЭДИПЪ.

Иль казнь тебя, безумецъ не страшитъ?

ТИРЕЗІЙ.

Нѣтъ,—если только есть у правды сила.

ЭДИПЪ.

Повѣрь, она—не для такихъ, какъ ты—
Неслышащихъ, незрячихъ, неразумныхъ.

ТИРЕЗІЙ.

Несчастный! Въ чемъ меня ты укорилъ,
То самому тебѣ укоромъ будетъ.

ЭДИПЪ.

Какъ можетъ тѣмъ, кто видитъ, повредить
Слѣпецъ объятый вѣчной тьмою?

ТИРЕЗІЙ.

Знай же:
Не я, а Рокъ тебя накажетъ. Фебъ
Исполнитъ все, назначенное Мойрой.

ЭДИПЪ.

Ты иль Креонъ придумалъ эту ложь?

ТИРЕЗІЙ.

Ни онъ, ни я—ты самъ себя погубишь.

ЭДИПЪ.

О, мудрость, слава многотрудной жизни,
Сокровища и царственный вѣнецъ,

Безмѣрную внушаете вы зависть!
Креонъ, Креонъ, мой старый, лучшій другъ
Предательски меня низвергнуть хочетъ,
Похитивъ скиптръ мой: не искалъ его,
Но принялъ я отъ васъ, какъ даръ свободный.
Чтобъ замыселъ исполнить, онъ избралъ,
Сообщникомъ злодѣйства лже-пророка,
Волшебника, презрѣннаго лгуна!
Корысть одну Тирезій видитъ ясно,
Въ гаданьяхъ же онъ слѣпъ.—Скажи, старикъ,
Когда твои не лгали предсказанья?
Иль, можетъ-быть, ты гражданъ этихъ спасъ
Тогда, какъ Сфинксъ, съ таинственною рѣчью
Чудовище грозило имъ. Въ тѣ дни
Въ гадателяхъ они нуждались мудрыхъ.
Зачѣмъ же ты безмолвствовалъ? Ни Фебъ,
Ни знаменья, ни вѣщія примѣты
Не помогли тебѣ. Но я пришелъ,
И ничего не зная,—не мольбами,
Не жалкими пророчествами, нѣтъ,—
Лишь разумомъ Эдипъ молчать заставилъ
Чудовище, всѣ тайны обличивъ.
И вотъ, теперь, задумали съ Креономъ,
Похитивъ власть, вы удалить меня,
Какъ изверга, что оскверняетъ землю.
Смотрите же, чтобъ не пришлось вамъ горько
Раскаяться. Когда бы не щадилъ
Я немощи твоей, за эти рѣчи
Ты заплатилъ бы дорого, старикъ!

ХОРЪ.

Намъ кажется вы гнѣваетесь оба,
Эдипъ и ты, гадатель: а межъ тѣмъ,
Какъ совершить Пиѳійское велѣнье,
Въ спокойствіи обдумать мы должны,

ТИРЕЗІЙ.

Хотя ты—царь, но я имѣю право
Отвѣтствовать, какъ равный, и царямъ.
Я не тебя послушаюсь, но бога
Дельфійскаго. Не назоветъ никто
Тирезія наперсникомъ Креона
Смѣешься ты надъ слѣпотой моей,
И собственныхъ злодѣйствъ не видишь, зрячій:
Не видишь ты, ни съ кѣмъ живешь, ни гдѣ;
Кто твой отецъ, кто мать твоя—не знаешь;
Не чувствуешь, что врагъ ты всѣмъ роднымъ,
И на землѣ и подъ землей живущимъ.
Но за отца, за мать твою, Эдипъ,
Съ двуострою сѣкирой, тяжкимъ шагомъ,
Войдетъ, войдетъ Проклятіе въ твой домъ,
И будешь ты, какъ я, слѣпцомъ, о зрячій!
Изгнанникомъ, объятымъ вѣчной тьмой!
И нѣтъ такихъ высотъ на Киѳеронѣ,
Ущелья нѣтъ на берегу морскомъ,
Гдѣ эхо горъ на вопль твой не отвѣтитъ,
Когда узнаешь, съ кѣмъ вступилъ ты въ бракъ,
Когда поймешь, въ какой пріютъ отъ бури
Укрылся ты, блуждающій пловецъ.
Еще другихъ не вѣдаешь страданій
Безчисленныхъ, которыя тебя,
Или дѣтей твоихъ должны постигнуть.—
Вотъ я сказалъ.—Креона обвиняй,
Иль поноси меня, но только помни:
Отъ большаго страданья, чѣмъ твое,
Еще никто не погибалъ изъ смертныхъ.

ЭДИПЪ.

Доколь терпѣть я долженъ эти рѣчи
Безстыдныя? Бѣги, бѣги, старикъ,
Прочь съ глазъ моихъ, чтобъ никогда отнынѣ
Я твоего лица не видѣлъ,—прочь!

ТИРЕЗІЙ

Я бъ не пришелъ когда бъ меня не звали.

ЭДИПЪ.

Когда бы зналъ, что будешь, какъ безумный,
Ты говорить, не звалъ бы я тебя.

ТИРЕЗІЙ.

Для сына я безумный, но отцу
И матери твоимъ казался мудрымъ.

ЭДИПЪ.

Отецъ и мать!.. Что говоришь?.. Постой...
Не уходи. Ты знаешь ихъ?..

ТИРЕЗІЙ.

Я знаю,
Но если ты узнаешь, то умрешь.

ЭДИПЪ.

Слова твои загадочны.

ТИРЕЗІЙ.

Умѣешь
Ты хитрыя загадки разрѣшать.

ЭДИПЪ.

Надъ счастьемъ ли Эдипа ты смѣешься?

ТИРЕЗІЙ.

То счастіе тебя погубитъ.

ЭДИПЪ.

Пусть
Я за народъ, спасенный мной, погибну!

ТИРЕЗІЙ.

Пора!

(Мальчику-проводнику.)

Дай руку мнѣ, дитя; пойдемъ.

ЭДИПЪ.

Да, тягостно присутствіе твое.
Иди же прочь и не смущай мнѣ сердца!

ТИРЕЗІЙ.

Но не уйду я, не сказавъ того,
Зачѣмъ меня призвали. Ты не можешь
Мнѣ сдѣлать зла. Я не боюсь тебя. —
Смотрите, вотъ кого давно мы ищемъ,
Вотъ Лайоса убійца. — Говорятъ,
Что онъ — пришлецъ, но Ѳивы не на радость
Отчизною онъ скоро назоветъ.
Изъ богача онъ сдѣлается нищимъ,
Изъ зрячаго—слѣпымъ и въ чуждый край,
На страннический посохъ опираясь,
Безпомощнымъ изгнанникомъ пойдетъ;
Для собственныхъ дѣтей отцомъ и братомъ
Для матери онъ будетъ мужъ и сынъ,
Кровосмѣсителемъ, отцеубійцей.
Теперь ступай, подумай обо всемъ...
Коль то, что я предрекъ, не совершится,
Тирезія ты назови лжецомъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Кто пророческимъ голосомъ
Изъ Дельфійской пещеры
Обличенъ? Кто изъ насъ
Совершилъ несказанное
Злодѣянье? Спасайся!
Часъ возмездья пришелъ.

Прочь бѣги ты стремительнѣй
Обгоняющихъ вѣтеръ,
Быстроногихъ коней!
А не то на тебя Дія вѣчнаго сынъ,
Громоносный, съ мечомъ и огнемъ, нападетъ,
Кэры страшной толпой побѣгутъ по пятамъ—
Неминуемыя!

Антистрофа первая.

Отъ Парнасса, блестящаго
Бѣлымъ снѣгомъ, примчалось
Къ намъ велѣнье боговъ,
Чтобъ нашли мы виновнаго;
Укрывается въ дебряхъ
Отъ боговъ и людей,
И какъ волъ заблудившійся
Одичалый, онъ бродитъ
По горамъ, по лѣсамъ.
Но не можетъ спастись отъ пророческихъ словъ,
Прилетѣвшихъ изъ Дельфъ, средоточья Земли,
И, крылатыя, всюду витаютъ надъ нимъ—
Вѣчно-мстительныя!

Строфа вторая.

Сердце, мудрый прорицатель,
Ты мнѣ ужасомъ наполнилъ:
Мы и вѣримъ, и не вѣримъ,
И не знаемъ, что сказать.
Мы блуждаемъ, какъ въ туманѣ
Не слыхалъ никто донынѣ,
Чтобъ могучій сынъ Полиба
Лабдакидамъ былъ врагомъ.
На кого же возстану я праведнымъ мстителемъ?
На Эдипа ли, всѣми любимаго?
Ничего мы не вѣдаемъ,
И свидѣтелей нѣтъ

Антистрофа вторая.

Только Зевсъ и богъ Дельфійскій
Полнымъ знаньемъ обладаютъ,
Видятъ всѣ дѣла людскія; —
Человѣку человѣкъ
Силой мудрости неравенъ.
Но не вѣрю, что гадатель,
Смертный, намъ во всемъ подобный,
Знаетъ больше насъ. Я жду.
Пусть убійцъ обличатъ, но спасителя города
Усмирившаго Дѣву Крылатую,
Я въ такомъ злодѣяніи
Обвинить не могу!

КРЕОНЪ.

О граждане! я къ вамъ пришелъ, узнавъ,
Что царь меня въ измѣнѣ обвиняетъ.
Не потерплю, чтобъ мой вѣрнѣйшій другъ
Подумать могъ, что словомъ или дѣломъ
Креонъ вредитъ ему въ несчастьи. Нѣтъ,
Не вынесу столь тяжкаго укора:
Мнѣ умереть отраднѣе, чѣмъ знать,
Что обвиненъ я городомъ въ злодѣйствѣ —
И лучшими друзьями, и тобой!

ХОРЪ.

Но, можетъ-быть, не разумъ эти мысли
Внушилъ царю, а мимолетный гнѣвъ?

КРЕОНЪ.

Какъ могъ Эдипъ подумать, что пророка
Я научилъ тому, что онъ сказалъ?

ХОРЪ.

Я это слышалъ; какъ понять — не знаю.

КРЕОНЪ.

Но здравымъ ли умомъ онъ обладалъ.
Такихъ друзей, какъ я, подозрѣвая?

ХОРЪ.

Не вѣдаю; я не сужу царей
А вотъ и самъ онъ изъ дворца выходитъ.

ЭДИПЪ.

Что вижу я? Креонъ — цареубійца —
Въ моемъ дому? Иль намъ смотрѣть въ глаза
Посмѣешь ты, грабитель нашей власти?
Поди сюда, скажи мнѣ, дерзкій воръ,
Глупцомъ меня считаешь или трусомъ.
Ты думаешь, что не замѣтилъ я,
Какъ ты змѣей подползъ ко мнѣ, предатель?
Нѣтъ! слѣпъ ты самъ, коль ищешь безъ друзей,
Безъ помощи народа высшей власти —
Того, чѣмъ можно только овладѣть
Иль золотомъ, иль силою народной

КРЕОНЪ.

Царь, поступи разумно: мой отвѣтъ
Ты выслушай, потомъ суди.

ЭДИПЪ.

Я знаю.
Искусно ты умѣешь говорить.
Но что могу я отъ тебя услышать —
Отъ злѣйшаго изъ всѣхъ моихъ враговъ!

КРЕОНЪ.

Узнаешь все, когда меня услышишь.

ЭДИПЪ.

Узнать могу одно, что ты — злодѣй!

КРЕОНЪ.

Ты думаешь напрасно, что ко благу
Немудрое упорство приведетъ.

ЭДИПЪ.

Ты думаешь напрасно, что отъ казни
Спасешься ты, похитивъ мой престолъ.

КРЕОНЪ.

Я возражать не буду. Только въ чемъ же
Передъ тобой вина моя, скажи?

ЭДИПЪ.

Не ты ли далъ совѣтъ за этимъ мудрымъ
И праведнымъ гадателемъ послать?

КРЕОНЪ.

Я повторилъ бы мой совѣтъ и нынѣ.

ЭДИПЪ.

А сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лайосъ...

КРЕОНЪ.

Докончи же. Что хочешь ты сказать?

ЭДИПЪ.

Палъ отъ руки невѣдомыхъ злодѣевъ?

КРЕОНЪ.

Ужъ многіе съ тѣхъ поръ промчались годы.

ЭДИПЪ.

Гадателемъ Тирезій былъ въ тѣ дни?

КРЕОНЪ.

Какъ и теперь, прославленнымъ и мудрымъ.

ЭДИПЪ.

По имени онъ называлъ меня?

КРЕОНЪ.

Чтобъ говорилъ онъ о тебѣ, не помню.

ЭДИПЪ.

Пытались ли убійцу вы найти?

КРЕОНЪ

О, да, но всѣ попытки были тщетны.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ пророкъ вамъ тайны не открылъ?

КРЕОНЪ.

Молчать позволь о томъ, чего не знаю.

ЭДИПЪ

Но хоть одно ты долженъ знать, Креонъ.

КРЕОНЪ.

Что? Говори, я ничего не скрою.

ЭДИПЪ.

Коль не былъ бы ты въ заговорѣ съ нимъ,
Не смѣлъ бы онъ назвать меня убійцей.

КРЕОНЪ.

Ты слышалъ то, что онъ сказалъ. Теперь
Позволь и мнѣ тебя спросить.

ЭДИПЪ.

Отвѣчу
Тебѣ на все; въ убійствѣ ты меня
Не обличишь.

КРЕОНЪ.

Скажи, Эдипъ, ты — мужъ
Моей сестры?

ЭДИПЪ.

Я мужъ ея.

КРЕОНЪ.

И съ нею
Ты дѣлишь власть?

ЭДИПЪ.

Я исполняю всѣ
Ея желанья.

КРЕОНЪ.

Вамъ обоимъ равенъ
И я во всемъ?

ЭДИПЪ.

Гы равенъ намъ, Креонъ;
Вотъ почему сказать имѣю право,
Что предаешь ты лучшихъ изъ друзей.

КРЕОНЪ.

Подумавъ, царь, ты этого не скажешь.
Кто предпочелъ бы царственную власть,
Среди тревоги вѣчной и боязни,
Спокойствію при той же власти? Вѣрь,
Подобно всѣмъ, кто мудръ, желалъ бы лучше
Я дѣйствовать, какъ царь, чѣмъ быть царемъ:
Теперь всю власть пріемлю, чуждый страха,
Я отъ тебя, а если бъ самъ царилъ,
То поступать наперекоръ желаньямъ
Пришлось бы мнѣ во многомъ. Неужели
Отраднѣе повелѣвать людьми,
Чѣмъ быть, какъ я, спокойнымъ и могучимъ?
Или глупецъ я, чтобъ отвергнуть то,
Что выгоду приноситъ мнѣ и славу?

Теперь любимъ я всѣми, всѣхъ люблю,
Просящіе тебя ко мнѣ приходятъ,
Нуждаются въ ходатайствѣ моемъ...
И это все презрѣть для царской власти?
Кто не совсѣмъ утратилъ здравый умъ,
Способенъ ли къ столь явному безумью? —
Не заключалъ союза я ни съ кѣмъ,
И самъ въ себѣ не помышлялъ я злого.
А если ты не вѣришь мнѣ, ступай
Въ Дельфійскій храмъ и тамъ узнаешь, такъ ли
Я передалъ тебѣ отвѣтъ боговъ;
И если въ томъ ты уличишь Креона,
Что онъ въ союзъ съ гадателемъ вступилъ,
Не только ты — и самъ я надъ собою
Произнесу мой смертный приговоръ.
Но ни одной улики не имѣя,
Не обвиняй. Кто справедливъ, злодѣемъ
Невиннаго не назоветъ. О, вѣрь —
Отвергнуть друга — все равно, что жизнь —
Сладчайшій даръ боговъ, отвергнуть. Время
Разсудитъ насъ: чтобъ сердце испытать
Правдивое, нужны бываютъ годы;
Чтобъ злыхъ вполнѣ узнать, довольно дня.

ХОРЪ.

Эдипъ! кто зла боится, долженъ мудрой
Такую рѣчь назвать. Ты знаешь самъ:
Нѣтъ мудрости въ поспѣшныхъ приговорахъ.

ЭДИПЪ.

Когда враги поспѣшно строютъ ковы,
И я спѣшу предотвратить ударъ.
Теряя время, я теряю силу;
Бездѣйствуя, я буду побѣжденъ.

КРЕОНЪ.

Но чѣмъ, Эдипъ, грозишь ты мнѣ? Изгнаньемъ?

ЭДИПЪ.

Изгнаньемъ? Нѣтъ, ты обреченъ на смерть,

КРЕОНЪ.

Скажи сперва, за что казнишь?

ЭДИПЪ.

Быть-можетъ,
Ты вздумаешь велѣнью моему
Противиться?

КРЕОНЪ.

Я мудрости не вижу
Въ словахъ твоихъ.

ЭДИПЪ.

Что жъ? Каждый для себя
Да будетъ мудръ.

КРЕОНЪ.

И для другихъ...

ЭДИПЪ.

Злодѣевъ
Нельзя щадить.

КРЕОНЪ.

А если ты не правъ?

ЭДИПЪ.

Я все же царь твой!

КРЕОНЪ.

Царь, но не за тѣмъ,
Чтобъ дѣлать зло...

ЭДИПЪ.

О, граждане! внимайте...

КРЕОНЪ.

Надъ городомъ и я имѣю власть
Не ты одинъ...

ХОРЪ.

Умолкните, молю васъ!
Сюда идетъ Іокаста изъ дворца:
При ней, цари, вашъ гнѣвъ утихнуть долженъ.

(Входитъ Іокаста.)

ІОКАСТА.

Несчастные! Какой безумный споръ
Вы подняли въ столь тяжкую годину
Народныхъ бѣдъ? О, какъ не стыдно вамъ!?
Не во-время семейные раздоры
Вы начали. Креонъ! иди домой —
И ты мой царь, — чтобъ споръ ничтожный не былъ
Причиною великихъ золъ.

КРЕОНЪ.

Сестра!
Эдипъ однимъ изъ двухъ мнѣ угрожаетъ:
Изгнаньемъ иль смертной казнью.

ЭДИПЪ.

Да.
Я уличилъ измѣнника Креона:
Онъ посягнуть хотѣлъ на жизнь мою.

КРЕОНЪ.

Пусть я умру, пусть счастья не увижу,
Коль въ чемъ-нибудь виновенъ предъ тобой.

ІОКАСТА.

О, вѣрь ему, богами заклинаю,
О, вѣрь, Эдипъ! и клятвъ не презирай,
И слезъ моихъ, и голоса народа!

ХОРЪ.

Строфа первая.

Будь разуменъ и благъ!
Умоляемъ тебя,
Пощади его, царъ!

ЭДИПЪ.

Но чего вы хотите?

ХОРЪ.

Онъ и прежде былъ мудръ,
И теперь поклялся
Страшной клятвой боговъ.
Пощади его, царь!

ЭДИПЪ.

Ты знаешь ли, о чемъ ты просишь?

ХОРЪ.

Знаю все.

ЭДИПЪ.

Разумное желанье словомъ вырази.

ХОРЪ.

Друга вѣрнаго, страшной клятвою
Освященнаго, ты не долженъ, царь,
Безъ суда, уликъ, безъ свидѣтелей,
Обрекать на смерть, на безчестіе!

ЭДИПЪ.

Но чтобъ спасти его, должны вы, граждане,
Меня обречь на смерть и на безчестіе!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Нѣтъ! клянемся вѣчнымъ Солнцемъ,
Богомъ первымъ изъ боговъ.

Если мысль такую въ сердцѣ
Я питалъ, то пусть погибну
Самой страшной смертью, проклятъ,
И богами, и людьми!
Но вѣдь душу мнѣ
Разрываетъ скорбь
О землѣ моей
Погибающей,
А теперь еще
Къ прежнимъ новая
Скорбь прибавилась, —
Къ моимъ бѣдамъ и ваши раздоры семейные.

ЭДИПЪ.

Хотя бъ и мнѣ изгнаніе постыдное,
Иль даже смерть грозила, изгоню его.
Не онъ, а вы меня мольбами тронули:
Пока я живъ, онъ будетъ ненавистенъ мнѣ!

КРЕОНЪ.

И уступивъ, ты все-таки безжалостенъ.
Но только что потухнетъ гнѣвъ, раскаешься:
Самимъ себѣ такіе люди тягостны.

ЭДИПЪ.

Оставишь ли въ покоѣ насъ, уйдешь ли ты?

КРЕОНЪ.

Уйду, но, видишь, сострадаютъ граждане
Тобой, Эдипъ, неправедно гонимому.

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

О, царица, зачѣмъ
Ты здѣсь медлишь? Скорѣй
Съ нимъ иди во дворецъ!

ІОКАСТА.

Что случилось? Скажите.

ХОРЪ.

Былъ лишь споръ изъ-за словъ
И не ясныхъ уликъ.
Но и лживый укоръ
Слушать больно порой.

ІОКАСТА.

Другъ друга оба обвиняли?

ХОРЪ.

Да.

ІОКАСТА.

Молю,
Скажите все, что слышали вы, граждане.

ХОРЪ.

Безъ того уже душу скорбь томитъ
О землѣ моей погибающей;
Для чего еще вспоминать ихъ споръ:
Все, что сказано — да забудется!

ЭДИПЪ.

Хотя вы зла мнѣ сердцемъ не желаете,
Но, вижу, скоро отъ меня отступитесь.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Я не разъ, мой повелитель,
Говорилъ уже тебѣ,
Повторю и нынѣ: вѣрь мнѣ,
Былъ бы слѣпъ я и безуменъ,
Если бъ въ день такой печали
Отступился отъ тебя.

Не забылъ народъ,
Что отъ бѣдствія,
Столь же тяжкаго,
Спасъ ты нѣкогда
Землю милую.
Будь и нынѣ намъ
Избавителемъ:
Если можешь, приди и спаси погибающихъ!

ІОКАСТА.

Я именемъ безсмертныхъ умоляю —
Скажи, за что прогнѣвался ты, царь?

ЭДИПЪ.

Скажу (затѣмъ, что больше чту Іокасту,
Чѣмъ тѣ изъ васъ, кто побоялся ей
Отвѣтствовать). Я обличилъ Креона
Въ предательствѣ.

ІОКАСТА.

Но разскажи мнѣ все,
Чтобъ я могла понять причину ссоры.

ЭДИПЪ.

Онъ говоритъ, что я убилъ царя.

ІОКАСТА.

Съ чужихъ ли словъ, иль самъ онъ это видѣлъ?

ЭДИПЪ.

Коварнаго лжеца онъ подослалъ,
Гадателя, невиннымъ притворившись,
Какъ будто самъ не знаетъ ничего.

ІОКАСТА.

Прерви, мой другъ, ты рѣчь свою на время,
И выслушай, что я тебѣ скажу:

У смертныхъ нѣтъ пророческаго дара;
Тебѣ сейчасъ покажетъ мой примѣръ,
Какъ лживы всѣ гадатели. Царь Лайосъ,
Я не скажу отъ Феба самого,
Но отъ жрецовъ услышалъ предсказанье,
Что сыномъ, мной рожденнымъ отъ него.
Убитымъ быть ему судила Мойра.
И что жъ? Молва народная гласитъ,
Что между трехъ дорогъ, на перекресткѣ,
Онъ отъ руки разбойниковъ погибъ.
И не прошло трехъ дней съ рожденья сына,
Какъ, ноги царь связавъ ему, рабамъ
Велѣлъ дитя покинуть въ горныхъ дебряхъ.
Пророчества не совершили боги,
Сынъ не убилъ отца, и все равно,
Когда и какъ — но не рожденнымъ мною,
Чего онъ такъ боялся, — царь убитъ.
Вотъ каково предвидѣніе мудрыхъ
Гадателей. Нѣтъ, вѣрить имъ нельзя:
Лжецы — они. Богъ и безъ нихъ сумѣетъ
Открыть все то, что людямъ должно знать.

ЭДИПЪ.

Какимъ душа смятеньемъ непонятнымъ
И ужасомъ отъ словъ твоихъ полна!

ІОКАСТА.

Какъ вздрогнулъ ты, какъ блѣденъ? что съ тобою.

ЭДИПЪ.

Сказала ты, что Лайосъ былъ убитъ
Тамъ, между трехъ дорогъ, на перекресткѣ?

ІОКАСТА.

Такъ до сихъ поръ гласитъ молва.

ЭДИПЪ.

Въ какой землѣ несчастіе свершилось?

ІОКАСТА.

Фокидою зовутъ ту землю: путь
Изъ Давніи тамъ сходится съ дорогой
Дельфійскою.

ЭДИПЪ.

И сколько лѣтъ прошло?

ІОКАСТА.

До твоего прихода незадолго
Узнали мы о гибели царя.

ЭДИПЪ.

О, что со мной вы дѣлаете, боги!

ІОКАСТА.

Зачѣмъ дрожишь? Чего боишься ты?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай меня... Сперва скажи,
Каковъ былъ видъ царя и ростъ, и годы?

ІОКАСТА.

Онъ былъ высокъ, и волосы его
Недавнею бѣлѣли сѣдиною,
И на тебя онъ походилъ лицомъ.

ЭДИПЪ.

О, горе, горе! Самъ того не зная,
Я надъ собой проклятье произнесъ!..

ІОКАСТА.

Что говоришь? Когда тебѣ въ лицо
Смотрю, Эдипъ, мнѣ страшно:..

ЭДИПЪ.

О, царица!
Предчувствіемъ ужаснымъ я томимъ,
Что правъ слѣпецъ. Но погоди, скажи мнѣ
Одно еще—и ясно будетъ все.

ІОКАСТА.

Мнѣ страшно, царь, но все скажу, что знаю.

ЭДИПЪ.

Немногихъ ли имѣлъ онъ слугъ въ пути,
Иль цѣлую толпу оруженосцевъ,
По древнему обычаю царей?

ІОКАСТА.

Съ глашатаемъ всего ихъ было пять,
И для царя одна лишь колесница.

ЭДИПЪ.

Спасенья нѣтъ! Все ясно... Говори,
Кто вѣсть принесъ?

ІОКАСТА.

Единственный слуга,
Оставшійся въ живыхъ.

ЭДИПЪ.

Онъ здѣсь донынѣ,
Въ моемъ дворцѣ?

ІОКАСТА.

Здѣсь нѣтъ его давно.
Когда принесъ онъ вѣсть о смерти мужа
И услыхалъ, что будешь ты царемъ,—
Онъ умолилъ, руки моей коснувшись,
Чтобъ я ему позволила пасти
Стада въ поляхъ и пастбищахъ далекихъ,
Чтобъ Ѳивъ ему не видѣть никогда.

И отказать я не могла, затѣмъ
Что большей онъ награды былъ достоинъ.

ЭДИПЪ.

Нельзя ль его скорѣй призвать сюда?

ІОКАСТА.

Я призову. О чемъ его ты хочешь
Спросить, Эдипъ?

ЭДИПЪ.

Боюсь, боюсь, жена,
Что сказано здѣсь было слишкомъ много
О томъ, чему свидѣтель—онъ одинъ.

ІОКАСТА.

Онъ будетъ здѣсь. Но раздѣлить, мой царь,
Твою печаль ужель я недостойна?

ЭДИПЪ.

Исполню я мольбу твою затѣмъ,
Что больше всѣхъ другихъ объ этомъ горѣ
Тебѣ, увы, Іокаста, должно знать.
Тебѣ, моя послѣдняя надежда!
Коринѳянинъ Полибъ мнѣ былъ отцомъ,
А матерью Мэропа изъ Дориды.
И въ городѣ меня считали первымъ.
Но, помню, разъ со мной случилось то,
Что болѣе достойнымъ удивленья
Я счелъ сперва, чѣмъ горя и заботъ.
За трапезой, виномъ упившись, кто-то
Назвалъ меня подкидышемъ. Въ ту ночь
Съ трудомъ мой гнѣвъ сдержалъ я, возмущенный;
Когда же день насталъ, пошелъ къ отцу
И матери, чтобъ разсказать обиду.
И, выслушавъ, разгнѣвались они:
Тотъ гнѣвъ меня утѣшилъ не надолго;

Осталось жало въ сердцѣ. Между тѣмъ
Въ Пиѳійскій храмъ, безъ вѣдома отца
И матери, отправился я тайно.
Но богъ на мой вопросъ не отвѣчалъ,
Предрекъ же мнѣ великія несчастья,
Плачевную судьбу: онъ предсказалъ,
Что съ матерью кровосмѣшеньемъ ложе
Я оскверню, на свѣтъ произведу
Дѣтей, богамъ и людямъ ненавистныхъ,
Отца убью, зачавшаго меня.
Пророчество узнавъ, я изъ Коринѳа
Бѣжалъ, по звѣздамъ направляя путь,
Чтобъ не могло предсказанное богомъ
Постыдное свершиться надо мной.
И, странствуя, пришелъ я въ эту землю,
Гдѣ, говоришь ты, Лайосъ былъ убитъ.
Всю истину скажу тебѣ, Іокаста:
Межъ трехъ дорогъ, на перекресткѣ, мужъ
Мнѣ встрѣтился на колесницѣ; кони
Влекли ее, и выступалъ предъ нимъ
Глашатай,—все, какъ ты сказала. Помню,
Что самъ старикъ и тотъ, кто велъ коней,
Столкнуть съ пути меня хотѣли силой.
И, гнѣваясь, ударилъ я раба.
Но между тѣмъ, какъ мимо колесницы
Я проходилъ, старикъ двойнымъ бичомъ
По головѣ хлестнулъ меня. И мщенье
Неравное его постигло: палъ,
Жезломъ моимъ низвергнутый, онъ навзничь.
И всѣхъ его рабовъ я умертвилъ.
Коль что-нибудь межъ Лайосомъ и мужемъ
Убитымъ мной, есть общаго, Іокаста,
Кто изъ людей презрѣннѣе меня?
Кто ненавистнѣе очамъ безсмертныхъ?
Ни въ городѣ ни на чужой землѣ
Проклятаго никто принять не можетъ—
И оттолкнутъ его съ порога прочь...

И не другой, а самъ себя я проклялъ,
И самъ себя обрекъ на эту казнь.
Руками, кровь пролившими, я ложе
Убитаго безчещу... Я—злодѣй,
Весь, съ головы до ногъ, запятнанъ кровью,
Отверженный скиталецъ на землѣ,
Отъ родины бѣжавшій и отъ близкихъ,
Подъ вѣчнымъ страхомъ съ матерью вступить
Въ постыдный бракъ и умертвить Полиба,
Зачавшаго, вскормившаго меня:
Не ясно ли, что Демонъ всемогущій,
Безжалостный преслѣдуетъ меня?
О, защитите, праведные боги!
Не дайте мнѣ увидѣть этотъ день,—
Пусть раньше я съ лица земли исчезну,
Чѣмъ осквернитъ меня такой позоръ!

ХОРЪ.

Какъ ты, о, царь, мы ужасомъ объяты,
Но прежде, чѣмъ увидимъ пастуха,
Не должно намъ, Эдипъ, терять надежды.

ЭДИПЪ.

Вотъ все, на что надѣяться могу;
Слова его мнѣ будутъ приговоромъ.

ІОКАСТА.

Что можешь ты узнать отъ пастуха?

ЭДИПЪ.

Коль подтвердитъ онъ все, что ты сказала,
Царица, я отъ гибели спасенъ.

ІОКАСТА.

Какое же изъ словъ моихъ такъ важно?

ЭДИПЪ.

Ты говоришь: свидѣтельствуетъ рабъ,
Что Лайоса разбойники убили.
Коль скажетъ онъ, что не одинъ, а много
Злодѣевъ было,—царь убитъ не мной:
Вѣдь одного нельзя принять за многихъ;
А если онъ отвѣтитъ, что злодѣй
Одинъ лишь былъ, то, значитъ, я—убійца.

ІОКАСТА.

Ты знаешь все, Эдипъ, что рабъ сказалъ,
И этихъ словъ онъ измѣнить не можетъ:
Не я одна, ихъ слышалъ весь народъ.
Но если бы отъ нихъ онъ и отрекся,
То все-таки царя убилъ не ты,—
Коль правда есть въ словахъ боговъ, предрекшихъ,
Что Лайоса убьетъ рожденный мной.
Ужъ потому не могъ мой сынъ несчастный
Убить отца, что раньше самъ погибъ.
Душа моя чиста, и никакія
Пророчества не устрашатъ меня.

ЭДИПЪ.

Ты говоришь разумно: но не медли
И вѣстника пошли за пастухомъ.

ІОКАСТА.

Пошлю сейчасъ, и все, что ты прикажешь,
Исполню, царь. Войдемъ же во дворецъ.

(Эдипъ и Іокаста уходятъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

О, если бъ Мойра блюсти мнѣ позволила вѣчно
Благочестивую святость въ словахъ и дѣяньяхъ,

Ту, чьи законы высокіе,
Въ горнемъ эѳирѣ рожденные,
Надъ мірозданьемъ царятъ:
Ихъ начало не въ смертной природѣ людей,
Но безсмертный отецъ ихъ—единый Олимпъ;
Усыпить ихъ не можетъ забвеніе.
Въ нихъ живой и великій присутствуетъ Богъ,
Нестарѣющій.

Антистрофа первая.

Гордость рождаетъ тирановъ, и многихъ насытивъ безумьемъ,
Выше, все выше ведетъ ихъ къ обрыву и въ пропасть
Вдругъ съ высоты низвергаетъ ихъ—
Въ сѣти, откуда нѣтъ выхода,
Въ непоправимую скорбь.
Бога, въ сердцѣ моемъ, буду вѣчно молить,
Чтобъ отъ гибели тѣхъ сохранилъ Онъ мужей,
Въ комъ для Города—сила и счастье.
Богъ да будетъ вождемъ до конца моихъ дней
И заступникомъ!

Строфа вторая.

Да постигнетъ злая Мойра
Тѣхъ, кто словомъ или дѣломъ
Попираютъ справедливость,
Грозной Дикэ не боятся
И на тронахъ Олимпійскихъ
Возсѣдающихъ боговъ.
Если жъ неправедной прибыли
Кто-нибудь радъ, богохульствуетъ,
Или преступной рукой
Дерзко святыни касается,—
Сердце сожжетъ нечестивому
Ярости Божьей стрѣла:
Тамъ, гдѣ въ почетѣ—безбожники,
Тщетны всѣ наши моленія,
Гимны во славу боговъ.

Антистрофа вторая.

Не пойду благоговѣйно
Я въ Олимпію святую,
Въ Дельфы, міра средоточье,
Или въ древній храмъ Абезскій,
Ибо люди ужъ не вѣрятъ
Въ прорицанія боговъ.
Но, если ты еще царствуешь,
Боже,—твоей справедливости
Да не избѣгнетъ никто:
Видишь, пророчества древнія,
Данныя Лайосу, презрѣны,
Феба не чтутъ на землѣ;
Видишь, въ душѣ человѣческой
Оскудѣваетъ священная
Совѣсть и вѣра боговъ.

ІОКАСТА.

О, мудрые старѣйшины народа!
Во храмъ, боговъ жилище, я иду,
Чтобъ принести имъ въ даръ благоуханья
И свѣжія гирлянды изъ цвѣтовъ,
Затѣмъ, что царь Эдипъ чрезмѣрнымъ страхомъ
И многими скорбями удрученъ.
О нынѣшнихъ пророчествахъ по старымъ
Не хочетъ онъ судить, а только тѣмъ,
Кто страхъ ему внушаетъ, предается,
Не слушая совѣта моего.

(Обращаясь къ жертвеннику бога.)

И вотъ къ тебѣ, Ликійскій Аполлонъ,
Въ ближайшій храмъ, съ молитвой и дарами
Я прихожу; помилуй насъ, пошли
Намъ, страждущимъ, исходъ благословенный:
Нашъ царь, нашъ кормчій страхомъ пораженъ,
Взирая на него, и мы трепещемъ.

(Входитъ Вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Гдѣ домъ царя, скажите, чужестранцы;
Иль, можетъ-быть, укажетъ кто-нибудь,
Гдѣ самого я отыщу владыку?

ХОРЪ.

Вотъ домъ его; онъ самъ теперь—въ чертогахъ;
А вотъ жена и мать его дѣтей.

ВѢСТНИКЪ.

Властителя прекрасная супруга,
Счастливою да будешь ты во вѣкъ,
Окружена счастливою семьею!

ІОКАСТА.

Достоинъ ты за твой привѣтъ, о, странникъ,
Чтобъ счастіе послали и тебѣ
Блаженные. Но говори скорѣе,
Какую вѣсть и отъ кого принесъ?

ВѢСТНИКЪ.

Отрадную для дома и для мужа.

ІОКАСТА.

Какую же? Откуда?

ВѢСТНИКЪ.

Изъ Коринѳа.
Слова мои обрадуютъ тебя,
Но смѣшана съ печалью будетъ радость.

ІОКАСТА.

О, что за вѣсть съ двойною силой?

ВѢСТНИКЪ.

Мы слышали, что мужа твоего
Провозгласилъ царемъ народъ Истмійскій.

ІОКАСТА.

Какъ? Старый царь Полибъ?..

ВѢСТНИКЪ.

Его ужъ нѣтъ.

ІОКАСТА.

Что говоришь? Онъ умеръ?

ВѢСТНИКЪ.

Если лживы
Слова мои—пускай умру.

ІОКАСТА *(служанкѣ.)*

Иди,
Бѣги скорѣй, про все скажи Эдипу.

(Служанка уходитъ.)

ІОКАСТА.

Пророчества боговъ, гдѣ ваша сила?
Эдипъ бѣжалъ, боясь убить отца;
Межъ тѣмъ Полибъ своею смертью умеръ,
И Фебъ неправъ: не сынъ убилъ отца.

(Эдипъ выходитъ изъ дворца.)

ЭДИПЪ.

Я здѣсь: скажи мнѣ, милая супруга,
Зачѣмъ изъ дома вызвала меня?

ІОКАСТА *(указывая на Вѣстника.)*

Послушай, царь, что молвитъ онъ; увидишь,
Какъ вѣщія пророчества боговъ
Свершаются.

ЭДИПЪ.

Кто этотъ мужъ, Іокаста?
Что говоритъ онъ?

ІОКАСТА.

Изъ Коринѳа вѣсть
Пришла о томъ, что нѣтъ въ живыхъ Полиба,
Что умеръ твой отецъ.

ЭДИПЪ.

О, повтори!
Хочу я самъ все это слышать, Вѣстникъ,
Изъ устъ твоихъ!

ВѢСТНИКЪ.

Я повторяю, царь,
Что только что сказалъ: отецъ твой умеръ.

ЭДИПЪ.

Отъ чьей-нибудь руки, иль отъ болѣзни?

ВѢСТНИКЪ.

Чтобъ жизнь потухла въ тѣлѣ старика,
И слабаго довольно дуновенья.

ЭДИПЪ.

О, повтори, еще разъ—отъ болѣзни
Онъ умеръ?

ВѢСТНИКЪ.

Да, и отъ преклонныхъ лѣтъ.

ЭДИПЪ *(Іокастѣ)*.

Но если такъ, какое дѣло намъ
До Пиѳіи съ треножникомъ священнымъ,
До знаменій, до крика вѣщихъ птицъ?
Пусть нынѣ всѣ гадатели пророчатъ,
Что Рокъ судилъ мнѣ умертвить отца.
Ты слышала: онъ мертвъ, покрытъ землею.
Онъ мертвъ! а я—я здѣсь былъ, я къ нему
И остріемъ меча не прикасался!

Иль онъ погибъ, тоскуя обо мнѣ?
Ужъ не за то ли Фебъ отцеубійцей
Назвалъ меня? Но все равно,—теперь
Въ гробу отецъ, и съ нимъ погребена
Вся эта ложь, всѣ прорицанья бога!

ІОКАСТА.

Не я ль тебѣ давно ужъ говорила:
Гадатели—обманщики!

ЭДИПЪ.

Тебѣ
Я не внималъ, и ужасомъ мой разумъ
Былъ помраченъ.

ІОКАСТА.

Теперь смотри, Эдипъ,
Не допускай боязни новой въ сердце.

ЭДИПЪ.

А съ матерью грозящій мнѣ союзъ?..

ІОКАСТА.

Но если жизнью правитъ только случай
И ничего нельзя предугадать,
Къ чему, скажи, твой ужасъ суевѣрный?
Предайся же судьбѣ, живи, какъ можешь,
Преступнаго союза не страшись.
Вѣдь до тебя ужъ многимъ людямъ снилось,
Что съ матерью они—на ложѣ брачномъ.
Но тѣ живутъ и вольно, и легко,
Кто въ глупыя пророчества не вѣрятъ.

ЭДИПЪ.

Не будь ее въ живыхъ, назвалъ бы мудрой
Я эту рѣчь; но вѣдь она жива.
И чѣмъ бы ты меня ни утѣшала,
Я знаю—Рокъ силенъ. И страшно мнѣ...

ІОКАСТА.

Онъ умеръ—вотъ великая отрада!

ЭДИПЪ.

Великая. А все жъ она жива,
И страшно мнѣ...

ВѢСТНИКЪ.

Но кто же, сынъ мой, та,
Которой такъ боишься ты?

ЭДИПЪ.

Мэропа,
Жена Полиба, старецъ.

ВѢСТНИКЪ.

Чѣмъ она
Внушила страхъ тебѣ?

ЭДИПЪ.

Есть прорицанье
Ужасное...

ВѢСТНИКЪ.

Могу ль о немъ узнать,
Или для всѣхъ оно должно быть тайной?

ЭДИПЪ.

Узнай про все. Предрекъ мнѣ Аполлонъ,
Что обагрю я руки отчей кровью,
Что матери я ложе оскверню.
Вотъ почему далеко отъ Коринѳа
Я много лѣтъ провелъ, и счастливъ былъ,
Хоть вѣдаю, что нѣтъ сладчайшей доли,
Чѣмъ видѣть очи тѣхъ, кто далъ намъ жизнь.

ВѢСТНИКЪ.

И вотъ зачѣмъ бѣжалъ ты изъ Коринѳа?

ЭДИПЪ.

Чтобъ не убить зачавшаго меня.

ВѢСТНИКЪ.

Ужели я, придя къ вамъ, благосклонный,—
Не поспѣшу разсѣять этотъ страхъ!

ЭДИПЪ.

Великую награду ты получишь...

ВѢСТНИКЪ.

Пускай твою любовь я заслужу,
Когда съ тобой вернемся мы въ отчизну.

ЭДИПЪ.

Я никогда отчизны не увижу.

ВѢСТНИКЪ.

Не вѣдаешь, дитя, что говоришь.

ЭДИПЪ.

Открой мнѣ все, богами заклинаю!

ВѢСТНИКЪ.

О, царь, бояться нечего тебѣ.

ЭДИПЪ.

Но если Фебъ исполнитъ прорицанье?

ВѢСТНИКЪ.

Проклятья тѣхъ, кѣмъ ты рожденъ, не бойся.

ЭДИПЪ.

Что дѣлать?.. Въ сердцѣ вѣчно этотъ страхъ.

ВѢСТНИКЪ.

Повѣрь же мнѣ: боязнь твоя—напрасна.

ЭДИПЪ.

Напрасна? Нѣтъ! Мэропа и Полибъ...

ВѢСТНИКЪ.

Они тебѣ—по крови не родные.

ЭДИПЪ.

Какъ? Я не сынъ?

ВѢСТНИКЪ.

Усопшій царь Коринѳа
Не болѣе отецъ тебѣ, чѣмъ я,
Но столько же, и въ этомъ съ нимъ мы равны.

ЭДИПЪ.

Отцу не можетъ равенъ быть чужой.

ВѢСТНИКЪ.

Ни мной, ни имъ ты не рожденъ.

ЭДИПЪ.

О, боги!
Зачѣмъ же звалъ меня онъ сыномъ?

ВѢСТНИКЪ.

Знай,
Что въ даръ тебя изъ рукъ моихъ онъ принялъ.

ЭДИПЪ.

Онъ такъ дитя чужое полюбилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Затѣмъ, что самъ онъ былъ всю жизнь бездѣтнымъ.

ЭДИПЪ.

Купилъ ли ты, или нашелъ меня?

ВѢСТНИКЪ.

Нашелъ въ дремучихъ дебряхъ Киѳерона.

ЭДИПЪ.

Куда по нимъ ты направлялъ свой путь?

ВѢСТНИКЪ.

Я пасъ въ тѣ дни стада на горномъ склонѣ.

ЭДИПЪ.

Такъ, значитъ, былъ ты пастухомъ наемнымъ?

ВѢСТНИКЪ.

Мой сынъ, я былъ спасителемъ твоимъ.

ЭДИПЪ.

Ты спасъ меня? Но отъ какихъ страданій?

ВѢСТНИКЪ.

Ты знаешь самъ: ихъ тайный слѣдъ хранятъ
Суставы ногъ твоихъ еще донынѣ.

ЭДИПЪ.

Увы! Увы! Зачѣмъ напомнилъ ты
Давно уже забытыя несчастья?

ВѢСТНИКЪ.

Я бережно освободилъ отъ узъ
Пронзенныя и связанныя ноги.

ЭДИПЪ.

Безчестіе—съ младенческихъ пеленъ!

ВѢСТНИКЪ.

Отъ этихъ бѣдъ произошло то имя
Которое дано тебѣ, мой сынъ.

ЭДИПЪ.

О, говори, богами заклинаю,
Кто это сдѣлалъ, мать или отецъ?

ВѢСТНИКЪ.

Не знаю, царь. Но отъ кого я принялъ
Тебя, тотъ лучше долженъ знать про все.

ЭДИПЪ.

Такъ, значитъ, ты не самъ нашелъ?..

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ, сынъ мой,
Другой пастухъ тебя мнѣ далъ.

ЭДИПЪ.

Кто онъ?
Не знаешь ли ты имени?

ВѢСТНИКЪ.

Не знаю.
Онъ Лайоса рабомъ себя назвалъ.

ЭДИПЪ.

Покойнаго царя земли Ѳиванской?

ВѢСТНИКЪ.

Да; у него тотъ мужъ былъ пастухомъ.

ЭДИПЪ.

Въ живыхъ ли онъ, могу ль его увидѣть?

ВѢСТНИКЪ.

Спроси о томъ у здѣшнихъ гражданъ, царь.

ЭДИПЪ.

Кому-нибудь — друзья мои, скажите —
Встрѣчался ли за городомъ, иль здѣсь,

Въ стѣнахъ Кадмейскихъ, тотъ, кого мы ищемъ?
Давно пора намъ тайну обличить.

ХОРЪ.

Я думаю, что это тотъ пастухъ,
За кѣмъ послалъ ты въ поле. Но царицѣ
Не должно ли объ этомъ лучше знать?

ЭДИПЪ.

Іокаста! Рабъ, котораго намъ вѣстникъ
Назвалъ, не есть ли тотъ, кого мы ждемъ?

ІОКАСТА.

Кого назвалъ онъ? Не тревожься, царь,
Не слушай ихъ, забудь пустыя рѣчи,

ЭДИПЪ.

Ни передъ чѣмъ не отступлю, жена,
Пока отца и мать я не узнаю!

ІОКАСТА.

О, если жизнью дорожишь, — молчи,
Не спрашивай, богами заклинаю!
И безъ того ужъ мнѣ довольно мукъ...

ЭДИПЪ.

Чего же ты боишься? Если бъ даже
Отъ третьяго колѣна былъ я рабъ, —
Повѣрь, тебя позоръ мой не коснется.

ІОКАСТА.

И все-таки — не спрашивай; ни съ кѣмъ
Не говори объ этомъ, умоляю!

ЭДИПЪ.

Напрасно молишь: знать я долженъ все!

ІОКАСТА.

Послушай, царь: тебѣ желаю блага...

ЭДИПЪ.

Ужъ сколько зла мнѣ причинили тѣ,
Кто о моемъ лишь благѣ помышляютъ...

ІОКАСТА.

О, тяжко, тяжко!.. Лучше бъ никогда
И не искать тебѣ, не думать, кто ты!..

ЭДИПЪ *(Гражданамъ).*

Мнѣ пастуха скорѣе приведите;
Оставьте же, не слушайте ея, —
Пусть хвастаетъ, гордясь величьемъ предковъ!

ІОКАСТА.

Несчастный ты! Вотъ все, что я могу
Сказать, — прости!.. Ужъ больше не услышишь
Ты отъ меня вовѣки ничего.

(Іокаста уходитъ.)

ХОРЪ.

Зачѣмъ она въ тоскѣ смертельной, молча,
Ушла съ такой поспѣшностью? Боюсь,
Боюсь, Эдипъ, чтобъ не было молчанье
Предвѣстникомъ непоправимыхъ бѣдъ...

ЭДИПЪ.

Такъ пусть же всѣ пророчества свершатся!
Я знать хочу, кто мой отецъ и мать,
Какъ ни былъ бы ихъ темный родъ ничтоженъ.
Вы видѣли, царица за меня
Изъ женскаго тщеславія стыдится;
Но знаю: въ томъ, что я — дитя Судьбы,
Всѣмъ радости дарящей, нѣтъ позора.
Судьба — мнѣ мать, и Время — мнѣ отецъ:

Они Эдипа сдѣлали великимъ
Изъ малаго. Я родился отъ нихъ
И не боюсь узнать мое рожденье!

(Эдипъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа.

Если не лишенъ я даже прорицанья,
То клянусь Олимпомъ,—раньше полнолунья,
Завтра же прославимъ, Киѳеронъ, тебя
Мы за то, что ты вскормилъ младенца,
Сохранилъ могучаго царя,
Не отвергъ отвергнутаго всѣми,
Но на лоно принялъ, какъ отецъ,
Вотъ за что тебѣ
Будемъ гимны пѣть.
Фебъ благой, сверши мои пророчества!

Антистрофа.

Сынъ боговъ счастливый, кто изъ вѣчно-юныхъ,
Кто тебѣ родитель? Съ нимфою стыдливой
Панъ ли, въ горныхъ дебряхъ любящій бродить,
Или Фебъ, настигнувшій Дріаду,
Тамъ, во мглѣ таинственныхъ пещеръ,
Или богъ, царящій надъ Килленой,
Или Вакхъ тебя на высяхъ горъ
Принялъ въ даръ изъ рукъ
Геликонскихъ нимфъ?
Съ ними онъ рѣзвится, вѣчно радостный!

(Эдипъ выходитъ изъ дворца. Вдали Пастухъ.)

ЭДИПЪ.

Хоть никогда его не видѣлъ прежде,
Я думаю, что это тотъ пастухъ,
Котораго давно уже мы ищемъ.
О, да, по всѣмъ примѣтамъ это онъ:

Такихъ же лѣтъ преклонныхъ, какъ и вѣстникъ...
При немъ я вижу отроковъ моихъ.
Друзья! вы съ нимъ уже встрѣчались раньше,—
Вы можете узнать его скорѣй.

ХОРЪ.

Да, мы его узнали: этотъ старецъ
У Лайоса былъ вѣрнымъ пастухомъ.

ЭДИПЪ.

Сперва тебя, о, странникъ изъ Коринѳа,
Спрошу: о немъ ты говорилъ?

ВѢСТНИКЪ.

О немъ.

(Входитъ Пастухъ.)

ЭДИПЪ.

Стань предо мной, смотри мнѣ въ очи, старецъ,
На всѣ мои вопросы отвѣчай.
У Лайоса ты не былъ ли слугою?

ПАСТУХЪ.

Я былъ рабомъ, воспитаннымъ въ дому,
Не купленнымъ.

ЭДИПЪ.

Что въ эти дни ты дѣлалъ?

ПАСТУХЪ.

Былъ пастухомъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, въ какихъ мѣстахъ
Ты чаще пасъ?

ПАСТУХЪ.

На склонахъ Киѳерона
И близъ него.

ЭДИПЪ *(указывая на Вѣстника)*.

Взгляни сюда, старикъ.
Вотъ этого не узнаешь ли мужа?

ПАСТУХЪ.

Кто онъ?.. О, царь!.. О чемъ ты говоришь?..

ЭДИПЪ.

Припомни, съ нимъ встрѣчался ли ты раньше?

ПАСТУХЪ.

Сейчасъ его я вспомнить не могу...

ВѢСТНИКЪ.

И этому ты, царь, не удивляйся:
Мы все ему сейчасъ напомнимъ ясно.
Я думаю онъ не забылъ о томъ,
Какъ нѣкогда въ долинахъ Киѳерона
(Тогда онъ велъ два стада, я — одно)
Три мѣсяца мы проводили вмѣстѣ —
Отъ вешнихъ дней до Артура; потомъ
Онъ — въ царскій хлѣвъ и я — въ мою овчарню,
При заморозкахъ утреннихъ, стада
Мы загоняли. Помнишь ли, товарищъ?

ПАСТУХЪ.

Мнѣ кажется ты правду говоришь,
Хоть много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

ВѢСТНИКЪ.

И помнишь,
Однажды ты малютку мнѣ принесъ,
Чтобъ я, принявъ его, вскормилъ, какъ сына?

ПАСТУХЪ.

Зачѣмъ объ этомъ спрашиваешь?

ВѢСТНИКЪ *(указывая на Эдипа)*.

Другъ,
Смотри же, вотъ кто былъ питомцемъ нашимъ!

ПАСТУХЪ.

Несчастный! Что ты дѣлаешь? Молчи!..

ЭДИПЪ.

О, рабъ, его не должно упрекать,
Скорѣе самъ достоинъ ты упрека.

ПАСТУХЪ.

За что, скажи мнѣ, лучшій изъ царей...

ЭДИПЪ.

За то, что ты, старикъ скрываешь...

ПАСТУХЪ.

Вѣрь мнѣ,
Не знаетъ самъ, о чемъ онъ говоритъ.

ЭДИПЪ.

Я все открыть тебя заставлю силой!

ПАСТУХЪ.

О, сжалься, царь, надъ бѣднымъ старикомъ!

ЭДИПЪ.

Рабы, скорѣй ему свяжите руки!

ПАСТУХЪ.

За что? Скажи, что хочешь ты узнать?

ЭДИПЪ.

Всю истину. Ты далъ ему младенца?

ПАСТУХЪ.

Я далъ, но лучше бъ умереть въ тотъ день!

ЭДИПЪ.

Сейчасъ умрешь, коль правды мнѣ не скажешь...

ПАСТУХЪ.

Коль правду ты узнаешь — я погибъ...

ЭДИПЪ.

Старикъ! На зло мнѣ медлишь ты отвѣтомъ!..

ПАСТУХЪ.

Ужъ я сказалъ, что принялъ онъ дитя
Изъ рукъ моихъ...

ЭДИПЪ.

Твое или чужое?

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ, не мое... Его мнѣ дали...

ЭДИПЪ.

Кто?
Кто?.. Говори же... Изъ какого дома?

ПАСТУХЪ.

Довольно царь! Не спрашивай, молю...

ЭДИПЪ.

Коль дорожишь ты жизнью, отвѣчай мнѣ!

ПАСТУХЪ.

То былъ потомокъ Лайоса царя...

ЭДИПЪ.

Рабъ или сынъ?

ПАСТУХЪ.

О, горе! Страшно молвить...

ЭДИПЪ.

А мнѣ страшнѣй услышать... Говори!..

ПАСТУХЪ.

Дитя—я помню—звали царскимъ сыномъ...
Спроси жену, ей лучше знать...

ЭДИПЪ.

Дала тебѣ младенца?

ПАСТУХЪ.

Да.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ?

ПАСТУХЪ.

Чтобъ умертвить.

ЭДИПЪ.

О, неужели мать?..

ПАСТУХЪ.

Она боялась прорицаній бога...

ЭДИПЪ.

Какихъ?..

ПАСТУХЪ.

Что сынъ убьетъ отца...

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ
Товарищу ты передалъ младенца?

ПАСТУХЪ.

Мнѣ было жаль малютку. Я хотѣлъ,
Чтобы унесъ его пастухъ въ ту землю,
Откуда самъ пришелъ. А между тѣмъ
Онъ сохранилъ для худшихъ бѣдъ младенца...
Когда ты тотъ, кѣмъ онъ тебя назвалъ,
О, царь мой, ты несчастенъ!...

ЭДИПЪ.

Горе! Горе!
Отнынѣ все мнѣ ясно. Свѣтъ дневной,
Погасни же въ очахъ моихъ! Я проклятъ,
И проклятымъ рожденъ — я осквернилъ
Святое ложе, кровь святую пролилъ!

(Всѣ уходятъ, кромѣ Хора.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Ахъ, вся твоя жизнь,
О, родъ человѣческій, —
Какое ничтожество!
Казаться счастливыми, —
Вамъ счастіе большее
Доступно ли, смертные?
Казаться, — не быть, —
И то на мгновеніе!
Я теперь лишь постигъ, твой примѣръ увидавъ,
Твою жизнь, твою скорбь, злополучный Эдипъ,
Что не можетъ быть счастья для смертнаго.

Антистрофа первая.

Не ты ли на землѣ
Достигъ высочайшаго —

Богатствъ и величія?
О, боги! Предвидѣньемъ
Не ты ли Пророчицу
Съ когтями Чудовище,
Герой, побѣдилъ?
Твердыней незыблемой
Ты надъ нами стоялъ, насъ отъ смерти хранилъ,
Мы за то вознесли, мы вѣнчали тебя,
И въ Кадмеѣ великой ты царствовалъ.

Строфа вторая.

Нынѣ же, нынѣ, Эдипъ, — о, какъ измѣнчиво все! —
Кто изъ людей испыталъ скорбь, безнадежнѣй твоей?
Жалко царя мнѣ великаго!
Въ тѣхъ же объятьяхъ ты былъ сыномъ и мужемъ, увы!
Ложе, гдѣ ты родился, — брачное ложе твое.
Ты раздѣлилъ его съ матерью!
Какъ же сердце въ ней молчало?
И безропотно такъ долго
Нечестивыя лобзанья
Какъ могла она терпѣть?

Антистрофа вторая.

Но противъ воли твоей, Время, всезнающій богъ,
Время открыло, Эдипъ, твой святотатственный бракъ,
Ибо, рожденный съ родившею,
Въ страшный союзъ ты вступилъ. Лучше бъ лица твоего
Намъ никогда не видать. Нынѣ же, царь мой, скорбѣть
Долженъ я скорбью великою.
Ибо—если молвить правду —
Кто мнѣ далъ вздохнуть свободно,
Кто вернулъ безсоннымъ вѣждамъ
Сонъ отрадный, какъ не ты?

ВѢСТНИКЪ.

О, граждане, славнѣйшіе въ Кадмеѣ,
Коль родственнымъ участіемъ полны

Вы къ правящему дому Лабдакидовъ,—
Какая скорбь наполнитъ вамъ сердца,
Что суждено увидѣть вамъ, услышать!
Я думаю, что не могли бы смыть
Уже ни Фасъ, ни Истръ глубоководный.
Всего, что здѣсь, подъ кровлею дворца,
Скрывается и явнымъ будетъ скоро.
Всѣ эти муки—добровольны; въ мірѣ
Воистину нѣтъ большихъ золъ, чѣмъ тѣ,
Которыя творимъ себѣ мы сами.

ХОРЪ.

И прежнихъ намъ уже довольно бѣдствій:
Что хочешь ты еще прибавить къ нимъ?

ВѢСТНИКЪ.

Повѣдать все могу въ словахъ немногихъ:
Возлюбленной Іокасты нѣтъ въ живыхъ.

ХОРЪ.

Несчастная!.. Скажи мнѣ кто убійца?

ВѢСТНИКЪ.

Сама себя убила. Но отъ васъ
Горчайшее сокрыто: очи ваши
Не видѣли ея послѣднихъ мукъ.
Внимайте же. Все разскажу, что помню.
Едва она въ преддверіе вбѣжала,
Какъ бросилась во внутренній покой
И прямо къ ложу брачному, и двери
Захлопнула. Тамъ волосы рвала
Обѣими руками въ изступленьи,
И Лайоса, погибшаго давно,
Звала она и вспоминала ночь,
Когда зачатъ былъ сынъ-отцеубійца,
Съ которымъ мать произвела на свѣтъ
Отверженныхъ дѣтей въ кровосмѣшеньи.
И прокляла то ложе, гдѣ, вдвойнѣ

Несчастная, она отъ мужа мужа
И сыновей отъ сына родила.
Что было съ ней потомъ—не знаю; съ крикомъ
Вбѣжалъ Эдипъ: онъ видѣть помѣшалъ
Мнѣ смерть ея. Мы всѣ смотрѣли, молча,
Какъ онъ, блуждая, требовалъ меча.
Искалъ «жены и не жены, во чревѣ
Его носившей и его дѣтей»!
Не мы, вблизи его стоявшіе, но Демонъ
Шаги его, должно-быть, направлялъ.
И въ ярости на двери устремился
Онъ съ громкимъ крикомъ, словно кто-нибудь
Ему на нихъ указывалъ, и, вырвавъ
Желѣзные крюки изъ петель, въ дверь
Онъ ринулся; а тамъ, въ покоѣ брачномъ,
Она уже повѣсилась. Вбѣжавъ,
Онъ развязалъ веревку съ дикимъ воплемъ,
И трупъ упалъ на землю, И тогда
Несчастный сдѣлалъ то, что вспомнить страшно.
Съ одеждъ ея застежки золотыя
Сорвавъ, себѣ глаза онъ прокололъ
Ихъ остріемъ, твердя, что не увидитъ
Ни собственныхъ несчастій, ни злодѣйствъ,
Что, вѣчной тьмой объятый, не узнаетъ
Ни тѣхъ, кого хотѣлъ бы онъ узнать,
Ни тѣхъ, кого не долженъ бы онъ видѣть.
Такъ, проклиная жизнь въ безумной скорби,
Все ударялъ и ударялъ глаза
Открытые, приподымая вѣки,
И по щекамъ изъ нихъ сочилась кровь,
Не каплями, а черными струями
И цѣлымъ градомъ слезъ кровавыхъ. Тамъ,
Въ покоѣ брачномъ, мужъ соединился
Въ страданіяхъ съ женой въ послѣдній разъ
Гдѣ нѣкогда блаженство обитало,
Тамъ нынѣ — смерть и муки, и позоръ,
Всѣ ужасы, которымъ есть лишь имя!

ХОРЪ.

Но что теперь онъ дѣлаетъ?

ВѢСТНИКЪ.

Кричитъ
И требуетъ, чтобъ дверь открыли настежь,
И показали всѣмъ отцеубійцу.
Того, кто мать...Нѣтъ! нечестивыхъ словъ
Не повторю. Изгнать себя онъ хочетъ,
Прочь убѣжать изъ дома, имъ самимъ
Проклятаго, но силы не хватаетъ,
И не успѣлъ вожатаго слѣпецъ
Еще найти. А человѣкъ не можетъ
Одинъ такихъ мученій выносить...
Но посмотри: вотъ на дверяхъ запоры
Ужъ сдвинуты: сейчасъ увидишь то.
Что и враговъ заставило бы плакать!

(Двери открываются настежь. Въ глубинѣ дома — мертвое тѣло Іокасты. Къ народу выводятъ слѣпого Эдипа.)

ХОРЪ.

Страшны людямъ такія страданія. Вотъ
Изъ всего, что мы видѣли въ жизни,
Вотъ—страшнѣйшее! Демонъ тобой овладѣлъ!
Что за сила, какъ вихрь, налетѣла,
Смяла все и разрушила въ жизни твоей,
О, несчастный!.. Хотѣлъ бы о многомъ
Я спросить, но услышать боюсь, и смотрѣть
На тебя не могу—такъ мнѣ страшно!

ЭДИПЪ.

Тяжко, тяжко мнѣ!.. Гдѣ я?
О, несчастный! Куда привели вы меня?
Я не вижу... Скажите мнѣ, съ кѣмъ говорю?..
Что со мною вы сдѣлали, боги!

ХОРЪ.

Ужасное, чему нѣтъ даже имени!..

ЭДИПЪ.

Строфа первая.

Ночь безпредѣльная,
Неотвратимая! Тьма несказанная,
Смерти подобная!
Еще въ ней ярче образы кровавые,
Еще сильнѣе боль воспоминанія!

ХОРЪ.

Мы чувствуемъ, какъ борешься ты съ ужасомъ,
Какъ подъ двойнымъ изнемогаешь бременемъ!

ЭДИПЪ.

Антистрофа первая.

О, мои вѣрные
Слуги! Донынѣ слѣпца одинокаго
Вы не покинули.
Вы здѣсь еще... О, да, изъ мрака вѣчнаго
Я слышу, милые, вашъ голосъ дружескій!

ХОРЪ.

Мой бѣдный братъ! Зачѣмъ ты ослѣпилъ себя,
Кто изъ боговъ наполнилъ умъ твой яростью?

ЭДИПЪ.

Строфа вторая

Богъ Дельфійскій, друзья, это онъ, это онъ!
Богъ — виновникъ всѣхъ бѣдъ. Но глаза себѣ самъ,
Самъ я вырвалъ! На что они? въ мірѣ
Ужъ нѣтъ ничего и не будетъ вовѣкъ,
Что увидѣть мнѣ было бы сладко!

ХОРЪ.

Увы! Увы! Сказалъ ты правду горькую.

ЭДИПЪ.

Строфа третья.

Что осталось мнѣ? Чѣмъ утѣшиться?
И на что взглянуть? И кого любить?
Прочь, скорѣй, друзья, уведите прочь
Оскверненнаго и проклятаго,
И очамъ боговъ ненавистнаго.

ХОРЪ.

Въ сознаньи мукъ есть горечь, мукамъ равная...
О, лучше бъ мы тебя совсѣмъ не видѣли!

ЭДИПЪ.

Антистрофа вторая.

Да погибнетъ же тотъ, кто въ пустынныхъ горахъ
Мои ноги исторгъ изъ безжалостныхъ узъ,
Спасъ отъ смерти меня, — будь онъ проклятъ!..
О, на что эта жизнь? Ни себѣ, ни роднымъ,
Если бъ умеръ, я не былъ бы въ тягость!

ХОРЪ.

Ты правъ, несчастный: лучше бы совсѣмъ не жить!

ЭДИПЪ.

Антистрофа третья.

Я, не названный мужемъ матери,
Не запятнанный кровью отчею,
Спалъ бы вѣчнымъ сномъ. А теперь во злѣ,
Чтобъ убить отца, обезчестить мать,
Я рожденъ на скорбь безпредѣльную!

ХОРЪ.

Зачѣмъ же ты, страдалецъ, не убилъ себя?
Совсѣмъ не жить — отраднѣе, чѣмъ жить слѣпымъ.

ЭДИПЪ.

О, нѣтъ! Меня вы въ томъ не упрекайте.
Я поступилъ, какъ долженъ былъ, друзья.
Подумайте, какими же глазами,
Сойдя въ Аидъ, взглянулъ бы я на мать
И на отца, имъ сдѣлавъ то обоимъ,
Чего и смерть не можетъ искупить?
О, какъ смотрѣлъ бы я и дѣтямъ въ очи,
Рожденнымъ мной въ такомъ союзѣ? Нѣтъ,
Ни этихъ стѣнъ, ни башенъ городскихъ,
Ни красоты боговъ во храмахъ свѣтлыхъ—
Я ничего не долженъ видѣть. Самъ,
Когда я былъ еще царемъ великимъ,
Самъ я клялся, что не увидитъ ихъ,
Что будетъ изгнанъ тотъ, о чьемъ злодѣйствѣ
И кровь царя, и боги вопіютъ.
И смѣлъ бы я взглянуть въ лицо народу,
Изобличивъ себя въ позорѣ? Нѣтъ!
О, если бъ могъ я слухъ мой уничтожить,
То лучше бы ужъ сдѣлалъ я совсѣмъ
Безчувственнымъ страдальческое тѣло,
Глухимъ, слѣпымъ: не слышать и не видѣть
И мукъ своихъ не чувствовать такъ сладко...
О, Киѳеронъ! зачѣмъ же принялъ ты
И не убилъ младенца, чтобы люди
Не вѣдали рожденья моего?
И ты, Коринѳъ, и ты, дворецъ Полиба,
Котораго отцомъ я называлъ,—
Скрывая зло подъ царственнымъ величьемъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ вскормили вы меня?
Открылась тайна, видите, безславнымъ
Отъ матери безславной я рожденъ!

О, путь тройной, глубокая долина
И темная дуброва, и стезя
Кремнистая, ты, капли отчей крови
Впитавшая—пролитыя моей,
Моей рукой, вы помните ль, что сдѣлалъ
Несчастный тамъ, у васъ? и что потомъ
Онъ совершилъ, придя сюда, въ Кадмею?
О, сѣмя, сѣмя, давшее мнѣ жизнь
И на одномъ и томъ же брачномъ ложѣ
Отцовъ, дѣтей и братьевъ, и невѣстъ
И матерей—все, все въ кровосмѣшеньи
Зачавшее, въ гнуснѣйшемъ изъ злодѣйствъ,
Здѣсь, на землѣ кого-либо свершенныхъ!..
Нѣтъ! Нѣтъ! Нельзя объ этомъ говорить...
О, спрячьте же, убейте, поскорѣй,
Иль ввергните меня въ пучину моря,
Чтобъ изверга никто не видѣлъ! Гдѣ,
О, гдѣ же вы?.. Коснуться удостойте
Несчастнаго, не бойтесь... Изъ людей
Не вынесъ бы никто моихъ страданій!

ХОРЪ.

Сюда идетъ Креонъ. Онъ все рѣшитъ
И сдѣлаетъ, что хочешь,—ибо принялъ
Теперь онъ власть надъ городомъ.

ЭДИПЪ.

Увы!
Что я могу сказать? Онъ не повѣритъ:
Я такъ предъ нимъ неправъ былъ и жестокъ.

КРЕОНЪ.

Эдипъ, сюда не съ тѣмъ я прихожу,
Чтобъ упрекнуть тебя или насмѣшкой
За прежнія обиды отомстить...

(Слугамъ, окружающимъ Эдипа.)

Но если вы людей ужъ не стыдитесь,
Побойтесь же хоть Геліоса, всѣхъ

Питающаго, пламеннаго бога,
И предъ его лицомъ не обнажайте
Того, что не должна терпѣть земля,
Ни свѣтъ дневной, ни дождь благословенный!
Ведите же несчастнаго домой:
Лишь намъ, роднымъ, пристойно видѣть горе
Семейное—и больше никому.

ЭДИПЪ.

Коль ты, благой, пришелъ ко мнѣ, злодѣю,
На что ужъ я надѣяться не смѣлъ,—
Послушайся меня, Креонъ, молю я.
Не для себя, для блага твоего...

КРЕОНЪ.

О чемъ ты просишь?

ЭДИПЪ.

Уведи меня
Прочь отъ людей, туда, гдѣ молвить слова
Не могъ бы я вовѣкъ ни съ кѣмъ живымъ.

КРЕОНЪ.

Сперва узнать я долженъ волю бога.

ЭДИПЪ.

Богъ повелѣлъ злодѣя умертвить.

КРЕОНЪ.

О, да, но все жъ въ такихъ несчастьяхъ дважды
Хочу спросить его, что дѣлать намъ.

ЭДИПЪ.

Какъ? Въ Дельфахъ спросятъ о такомъ злодѣѣ?..

КРЕОНЪ.

И Фебу ты на этотъ разъ повѣрь!

Тебѣ во всемъ, владыка, предаюсь:
Похорони, какъ должно, прахъ несчастной.
Лежащей тамъ, въ покояхъ. Этотъ долгъ
Для собственной семьи, Креонъ, исполни.
А я уже отнынѣ съ вами жить
Въ оградѣ Ѳивъ священныхъ недостоинъ.
О, дайте мнѣ вернуться въ мой пріютъ
Единственный, на горы Киѳерона,
Въ тотъ дикій край, что мнѣ отецъ и мать
Въ младенчествѣ назначили могилой,
Чтобъ тамъ погибъ отверженный ихъ сынъ.
Я чувствую одно: ни отъ болѣзни,
Ни отъ чего другого умереть
Не суждено мнѣ, ибо вѣрной смерти
Я не избѣгъ бы нынѣ, если бъ Рокъ
Мнѣ страшнаго конца не приготовилъ.
Но да свершится надо мной судьба!
Я сыновей моихъ не поручаю
Тебѣ, Креонъ: повсюду мужъ найдетъ,
Чѣмъ прокормить себя; но о несчастныхъ,
О дочеряхъ покинутыхъ моихъ
Ты позаботься для меня, о, братъ мой!
И объ одномъ еще тебя молю:
Дай мнѣ обнять ихъ и поплакать вмѣстѣ...
О, царь мой,
Потомокъ рода славнаго, исполни
Мольбу мою. Когда въ послѣдній разъ
Ихъ обниму, мнѣ будетъ вновь казаться,
Что я ихъ вижу, что онѣ—мои...
Но тише!..
О, боги! Здѣсь—онѣ... Я слышу, плачутъ.
Родимыя! Ты пожалѣлъ меня,
Привелъ ко мнѣ дѣтей моихъ любимыхъ,
Не правда ль?..

КРЕОНЪ.

Я зналъ, что ты захочешь ихъ обнять.
И поспѣшилъ призвать твоихъ дѣтей.

ЭДИПЪ.

Такъ будь же ты благословенъ вовѣки,
И Демонъ лучшій да хранитъ тебя,
Чѣмъ твоего отверженнаго брата!

(Къ дочерямъ Исменѣ и Антигонѣ.)

Гдѣ, гдѣ же вы, родныя? Подойдите
Сюда, ко мнѣ. Коснитесь этихъ рукъ,
О, милыя,—преступныхъ и несчастныхъ,
Которыми изъ прежде свѣтлыхъ глазъ—
Смотрите—вотъ что сдѣлалъ я. О, дѣти!
Я васъ родилъ отъ матери моей,
Но самъ того, что дѣлаю,—не вѣдалъ.
И мнѣ уже не видѣть васъ вовѣкъ!..
Я только плачу, бѣдныя, надъ вами
И думаю: не сладкой будетъ жизнь
Вамъ у людей. Привѣтливое слово
Кто молвитъ вамъ? Въ день праздничный во храмѣ
Нерадостнымъ вамъ будетъ торжество,
И со слезами вы домой вернетесь.
Когда же въ бракъ вступить придетъ пора,
Кто, жалкія, захочетъ быть вамъ мужемъ
И на себя такой позоръ принять?
Какихъ еще не достаетъ намъ бѣдствій?
Вы—дочери того, кто умертвилъ
Отца, кто мать родную обезчестилъ,
На ложѣ васъ родилъ, гдѣ самъ рожденъ!
Вотъ вѣчный вашъ позоръ... И кто же приметъ
Въ свой домъ такихъ отверженныхъ? Никто.
Безбрачныя, бездѣтныя, горюя,
Умрете вы... Но ты, Менойковъ сынъ,
Единственный защитникъ имъ, ты знаешь,
Нѣтъ ни отца, ни матери у нихъ.

Не правда ли, родныхъ ты не покинешь,
Безпомощныхъ, бездомныхъ, въ нищетѣ,
Чтобъ муки ихъ съ моими не сравнялись?
Онѣ еще такъ молоды, Креонъ...
У нихъ теперь лишь ты одинъ остался,
И больше нѣтъ на свѣтѣ никого.
Скажи, что будешь ты отцомъ несчастныхъ,
Дай руку мнѣ, мой братъ, и поклянись...
Хотѣлось бы еще сказать, о, дѣти,
Вамъ многое, но вы теперь понять
Не можете, и я молю безсмертныхъ
Лишь объ одномъ: какой бы жребій васъ
Ни ожидалъ, да будетъ жизнь вамъ легче,
Родимыя, чѣмъ вашему отцу!

КРЕОНЪ.

Слезъ довольно. Ты простился. Во дворецъ пойдемъ скорѣй.

ЭДИПЪ.

Какъ ни тяжко, повинуюсь...

КРЕОНЪ.

Въ жизни свой чередъ всему.

ЭДИПЪ.

Но уйду съ мольбой послѣдней...

КРЕОНЪ.

Я внимаю,—говори.

ЭДИПЪ.

Прочь изъ Ѳивъ уйти навѣки!

КРЕОНЪ.

Это богъ рѣшитъ, не я.

ЭДИПЪ.

Богу—врагъ я ненавистный...

КРЕОНЪ.

Тѣмъ скорѣй твоя мольба
Объ изгнаньи совершится.

ЭДИПЪ.

Такъ ты думаешь, Креонъ?

КРЕОНЪ.

Знаешь самъ, что, не подумавъ, говорить я не люблю.

ЭДИПЪ.

Если такъ, идемъ скорѣе...

КРЕОНЪ.

Но оставь своихъ дѣтей...

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, молю, не отнимай ихъ!..

КРЕОНЪ.

Не желай владѣть ты всѣмъ:
И того, что было въ жизни, не умѣлъ ты сохранить.

ХОРЪ.

Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа,
На того, кто былъ великимъ, кто ни зависти сограждан̀ъ,
Ни судьбы ужъ не боялся, ибо мыслью онъ безстрашной
Сокровеннѣйшія тайны Сфинкса древняго постигъ.
Посмотрите, какъ низвергнутъ онъ Судьбой! Учитесь, люди,
И пока предѣловъ жизни не достигнетъ безъ печали,
И пока свой день послѣдній не увидитъ тотъ, кто смертенъ,—
На землѣ не называйте вы счастливымъ никого.

СОФОКЛЪ.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Эдипъ — изгнанный царь Ѳивъ.
Антигона, Исмена } дочери Эдипа.
Креонъ.
Полиникъ — сынъ Эдипа.
Тезей — царь Аѳинъ.
Чужеземецъ — житель города Колона.
Вѣстникъ.
Хоръ старцевъ.

Мѣсто дѣйствія: у аттическаго города Колона, близъ Аѳинъ, предъ рощей Эвменидъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, куда, въ чей городъ мы пришли,
О, дочь слѣпого старца, Антигона?
Кто пріютитъ изгнанниковъ, почтивъ
Несчастнаго Эдипа скуднымъ даромъ?
Я малаго прошу — даютъ мнѣ меньше,
Чѣмъ малое, но и тому я радъ:
Терпѣть меня страданья научили,
И долгій рядъ годовъ, и гордый духъ.
Но оглянись, дитя, и, выбравъ мѣсто,
Чтобъ при пути на камнѣ отдохнуть,
Или въ оградѣ заповѣдной рощи,
Остановись и посади меня.
Узнаемъ, гдѣ мы, ибо надо гражданъ
Придя въ чужую землю, разспросить
И то, что намъ велятъ они, исполнить.

АНТИГОНА.

Отецъ, Эдипъ несчастный, вижу стѣны
И башни тамъ, надъ городомъ, вдали.
Мнѣ кажется, что въ мѣстѣ мы священномъ:
Оливъ здѣсь много, виноградныхъ лозъ
И лавровъ, полныхъ сладкозвучнымъ пѣньемъ
Порхающихъ по вѣткамъ соловьевъ.
Вотъ здѣсь присядь, на этомъ камнѣ дикомъ:
Для старика ты сдѣлалъ долгій путь
Сегодня.

ЭДИПЪ.

Дай мнѣ руку, помоги.

АНТИГОНА.

Напоминать не надо — я ужъ знаю,
Служить тебѣ привыкла я давно.

ЭДИПЪ.

А какъ названье города?

АНТИГОНА.

Аѳины.
Но здѣшнихъ мѣстъ не узнаю.

ЭДИПЪ.

Да, да,
Аѳины: такъ вѣдь говорили всѣ,
Кто по дорогѣ намъ встрѣчался.

АНТИГОНА.

Хочешь,
Пойду, узнаю, гдѣ мы?

ЭДИПЪ.

Разспроси,
Поблизости живетъ ли кто-нибудь.

АНТИГОНА.

Живутъ конечно. — И ходить не надо:
Я вижу, кто-то къ намъ идетъ.

ЭДИПЪ.

Скажи,
Когда поближе будетъ.

АНТИГОНА.

Вотъ онъ здѣсь,
Ты можешь говорить.

ЭДИПЪ

О, чужеземецъ,
Услышалъ я отъ той, чьи видятъ очи
И за себя и за меня, слѣпого,
Что къ намъ пришелъ ты въ добрый часъ, затѣмъ,
Что я спросить тебя желалъ бы...

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Прежде,
Чѣмъ спрашивать, — ступай отсюда прочь:
Здѣсь человѣку быть не должно.

ЭДИПЪ.

Гдѣ я?
Чей это лѣсъ? Кому онъ посвященъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Ограждено заклятьемъ это мѣсто:
Ужасныя богини здѣсь живутъ —
Земли и Мрака дочери святыя.

ЭДИПЪ.

Какъ имя ихъ божественное?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Имя
Мы имъ даемъ всезрящихъ Эвменидъ;
Но ихъ зовутъ въ другихъ мѣстахъ иначе.

ЭДИПЪ.

Благословенъ да будетъ мой приходъ!
Я не уйду отсюда, чужеземецъ.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что это значитъ?

ЭДИПЪ.

Приговоръ судьбы
Свершается.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Я гнать тебя не смѣю,
Пойду сначала въ городѣ скажу
И, какъ велятъ, исполню.

ЭДИПЪ.

Чужеземецъ,
Будь милостивъ, отвѣть на мой вопросъ,
Не откажи бездомному скитальцу!

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что жъ, спрашивай — я отвѣчать готовъ.

ЭДИПЪ.

Скажи мнѣ, гдѣ мы, что это за мѣсто?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Скажу тебѣ я все, что знаю самъ:
Ты на землѣ боговъ, гдѣ обитаютъ
И Посейдонъ, и Прометей, огонь
Похитившій съ небесъ; а эти камни,
Гдѣ ты сидишь зовутъ Порогомъ Мѣднымъ,
Воротами и Крѣпостью Аѳинъ;
Славнѣйшему изъ всадниковъ, Колону,
Посвящены окрестныя поля,
И отъ него-то имя колонейцевъ
Наслѣдовали жители; такъ вотъ
Въ какую землю ты пришелъ, о странникъ!
Здѣсь не однимъ лишь словомъ чтутъ боговъ,
Но и благимъ обычаемъ и дѣломъ.

ЭДИПЪ.

Такъ, значитъ, много жителей въ странѣ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Да, — цѣлый городъ, посвященный богу.

ЭДИПЪ

Кто царь земли? Иль правитъ самъ народъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Нѣтъ, въ городѣ есть царь, и надъ землею
Онъ властвуетъ.

ЭДИПЪ.

А какъ зовутъ того,
Чей умъ и сила управляютъ вами?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зовутъ его царемъ Тезеемъ, сыномъ
Эгеевымъ.

ЭДИПЪ.

Нельзя ли намъ отсюда
Кого-нибудь послать за нимъ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зачѣмъ?
Ты что-нибудь сказать ему желаешь,
Или сюда позвать?

ЭДИПЪ.

Затѣмъ, о, другъ мой,
Что, малую мнѣ помощь оказавъ,
Получитъ онъ великую награду.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Царю ли ждать награды отъ слѣпца?
Вѣдь то, что я скажу, не будетъ слѣпо.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

А знаешь ли, какъ лучше поступить?
Хотя ты слѣпъ, по виду твоему
Сдается мнѣ, что мужъ ты родомъ знатный;
Такъ вотъ что: посиди ты здѣсь, а я
Тѣмъ временемъ схожу, но не въ Аѳины,
А къ жителямъ предмѣстія, и все
Имъ разскажу: пускай они разсудятъ,
Остаться ли тебѣ, иль уходить.

ЭДИПЪ.

Скажи, дитя, ушелъ ли чужеземецъ?

АНТИГОНА.

Ушелъ, отецъ, ты можешь говорить,
Никто не слышитъ: мы одни съ тобой.

ЭДИПЪ *(къ Эвменидамъ)*.

О, страшныя, великія! Найдя
Пріютъ у васъ, у первыхъ въ этомъ краѣ,
Молю: ко мнѣ враждебными не будьте
И къ Фэбу-прорицателю, тому,
Кто, возвѣщая много бѣдъ, и отдыхъ
Чрезъ долгіе года мнѣ предсказалъ,
Когда, мой путь послѣдній совершивъ,
Вступлю я въ край, гдѣ у богинь великихъ
Найду себѣ пріютъ гостепріимный,
Конецъ печальной жизни и покой;
И сдѣлаюсь врагамъ моимъ — проклятьемъ,
Спасеньемъ тѣхъ, кто пріютитъ меня;
А знаменьемъ ударъ подземный будетъ,
Зевесовъ громъ иль молнія: и нынѣ
Я вѣщую примѣту вижу въ томъ,
Что, самъ того не зная, въ эту рощу
Вступилъ, — затѣмъ, что проходя случайно,
Я никогда бы не зашелъ сюда, —

Страданьями навѣки отрезвленный,
Къ вамъ, трезвыя, — и здѣсь бы я не сѣлъ
На вашъ порогъ таинственный и грозный.
О, дайте же какой-нибудь исходъ,
Освобожденье дайте мнѣ, богини,
Какъ Фэбъ предрекъ, — коль отдыхъ заслужилъ
Я, претерпѣвъ такія муки въ жизни,
Какихъ никто изъ смертныхъ не терпѣлъ.
О, древней Ночи сладостныя дѣти,
О, величайшій въ мірѣ городъ, ты,
Аѳиною Палладою хранимый,
Надъ призракомъ царя-Эдипа сжальтесь,
Затѣмъ, что призракъ онъ того, чѣмъ былъ!

АНТИГОНА.

Молчи, отецъ: я вижу, старики
Идутъ сюда — тебя, должно-быть, ищутъ.

ЭДИПЪ.

Дитя, пойдемъ скорѣе, уведи
И спрячь меня подальше отъ дороги.
Не разспросивъ, зачѣмъ они пришли,
Я къ нимъ не выйду: будемъ осторожны,
Сперва узнать намъ должно обо всемъ.

ХОРЪ СТАРЦЕВЪ КОЛОНСКИХЪ

Строфа первая.

Гдѣ онъ?
Гдѣ это былъ и куда онъ исчезъ?
Какъ онъ скрылся отъ насъ, нечестивѣйшій?
Мы обшаримъ кругомъ, мы весь лѣсъ обойдемъ
И отыщемъ безбожнаго,
Это — бродяга, старый бродяга!
Онъ не изъ здѣшнихъ, — о, нѣтъ,
Онъ бы иначе войти не посмѣлъ
Въ рощу заклятую
Гнѣвныхъ богинь,

Тѣхъ, что̀, назвавъ, содрогаемся,
Мимо проходимъ, безгласные,
Тихо, съ молитвеннымъ шопотомъ,
Въ землю потупивъ глаза,
Въ благоговѣніи.
А теперь, говорятъ, темныхъ Дѣвъ не страшась,
Въ рощу къ нимъ онъ вошелъ, оскорбитель святынь:
Ищемъ, ищемъ, — куда онъ сокрылся, не вѣдаемъ.

ЭДИПЪ.

Вотъ, я здѣсь: не видя, слышу
Голоса...

ХОРЪ.

О, ужасъ, ужасъ,
Страшный голосъ, страшный видъ!

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, молю: какъ на злодѣя,
Не смотрите на меня!

ХОРЪ.

Возвѣстите, боги, кто онъ,
Этотъ старый, страшный?

ЭДИПЪ.

Тотъ,
О, правители народа,
Кто, какъ всѣ мы, люди, въ жизни
Счастливъ былъ — но не вполнѣ;
А не то, я по дорогѣ
Не влачился бы слѣпой,
И моимъ усталымъ членамъ
Не служило бы опорой
Это слабое дитя.

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Горе!
Вѣрно, слѣпымъ ты рожденъ и всю жизнь
Прожилъ свѣту дневному не радуясь.
Бѣдный, бѣдный, тебя мы избавить хотимъ
Отъ проклятія новаго:
Остановись же, не святотатствуй!
Не входи, не входи,
Преступивъ заповѣдный порогъ,
Въ рощу безмолвную,
Полную травъ,
Полную мрака и ужаса,
Гдѣ въ возліяніяхъ жертвенныхъ
Съ трезвой водою сливается
Меда густая волна.
Горемъ постигнутый
Путникъ, слышишь ли насъ? Подойди, не страшись,
Если хочешь сказать что-нибудь — говори,
Только выйди сперва ты изъ мѣста заклятаго.

ЭДИПЪ.

О, родная, что же дѣлать?

АНТИГОНА.

Лучше выйти къ нимъ: ихъ волѣ
Покориться мы должны.

ЭДИПЪ.

Дай мнѣ руку.

АНТИГОНА.

Вотъ, отецъ!

ЭДИПЪ.

Къ вамъ иду я чужеземцы:
Пощадите старика!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Не бойся: тебя противъ воли никто
Изъ рощи не выведетъ, странникъ!

ЭДИПЪ.

Довольно...

ХОРЪ

Поближе, поближе — сюда.

ЭДИПЪ.

Еще?

ХОРЪ

Подойди съ нимъ, о, дѣвушка: видишь,
Что зла мы ему не желаемъ.

АНТИГОНА.

Отецъ,
Иди же за мною по темной стезѣ,
Тихонько, тихонько, родимый!

ХОРЪ.

Покорись, о, бѣдный странникъ,
И, вступая въ нашу землю,
Намъ враждебное — отвергни,
Намъ любезное — почти.

ЭДИПЪ.

Дочь, веди меня туда,
Гдѣ, боговъ не оскорбляя,
Говорить и слушать можно:
Спорить съ тѣми мы не будемъ,
Кто сильнѣе насъ, дитя.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Довольно. Не должно тебѣ преступать
Порогъ этотъ каменный, — стой же

ЭДИПЪ.

Здѣсь?...

ХОРЪ.

Да, и не дальше, не дальше,—вотъ здѣсь.

ЭДИПЪ.

Стоять?..

ХОРЪ.

Можешь съ края на камень присѣсть —
Смиренно, какъ должно молящимъ.

АНТИГОНА.

Садись,
Тебѣ помогу я, вотъ такъ, не спѣши,
Поддерживать буду, — не бойся.

ЭДИПЪ (*стонетъ, наклонясь*).

О, о!

АНТИГОНА.

Можешь опереться.
Вотъ, сюда! Склони же, бѣдный,
На возлюбленныя руки
Тѣло старое твое.

ЭДИПЪ.

Тяжко! Тяжко!

ХОРЪ.

Волю нашу
Ты въ одномъ уже исполнилъ.
А теперь скажи, несчастный,
Изъ какого рода, кто ты,
Гдѣ отечество твое?

ЭДИПЪ.

Я безъ племени, безъ рода —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

ХОРЪ.

О чемъ ты молишь?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, не надо не пытайте,
Не разспрашивайте, кто я.

ХОРЪ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Проклятый родъ.

ХОРЪ.

Отвѣчай?

ЭДИПЪ.

Увы, что дѣлать?
Какъ намъ быть, дитя мое?

ХОРЪ.

Кто отецъ твой?

ЭДИПЪ.

О, родная,
Какъ отвѣтить?

АНТИГОНА.

Говори, —
Все равно, уже не скроешь.

ЭДИПЪ.

Правда, лучше сразу...

ХОРЪ.

Что же
Медлишь, странникъ? Отвѣчай.

ЭДИПЪ.

Знаете Лайоса?

ХОРЪ.

Горе, о, горе!..

ЭДИПЪ.

Племя Лабдаково?

ХОРЪ.

Боги!

ЭДИПЪ.

Эдипа

Многострадальнаго?

ХОРЪ.

Это—Эдипъ!

ЭДИПЪ.

Не ужасайтесь того, что скажу вамъ.

ХОРЪ.

Страшно, страшно.

ЭДИПЪ.

О, сжальтесь!

ХОРЪ.

Молчи.

ЭДИПЪ.

Что-то будетъ, дитя мое?

ХОРЪ.

Прочь уходи,

Прочь изъ нашей земли!

ЭДИПЪ.

Пощадите!

Какъ же вы обѣщали не гнать насъ?

ХОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Вѣдь и боги возмездьемъ тому не грозятъ,
Кто за зло платитъ зломъ: покорись, не ропщи
И терпи справедливую кару,
Встань, не медли, бѣги же, скорѣе бѣги,
Чтобъ и насъ не постигло проклятье!

АНТИГОНА.

Граждане добрые,
Если отца-старика не жалѣете
И осудили, не выслушавъ
То, что хотѣлъ онъ сказать о невольной винѣ,
То хоть меня пожалѣйте, несчастную.
Не отступлю, не уйду я и буду молить,—
Не за себя, за отца моего одинокаго,
Я не слѣпыми глазами смотрю вамъ въ глаза,
Не какъ чужая,—какъ дочь
Единородная.
Сжальтесь! Помилуйте!
Будьте, какъ боги: скорбящаго
Милостью чудной обрадуйте.
Всѣмъ заклинаю васъ, всѣмъ, что вы любите:
Славой, отечествомъ, небомъ, дѣтьми!
Люди, подумайте,
Гдѣ же такой человѣкъ, кто бы могъ устоять,
Если влекутъ его боги къ преступному?

ХОРЪ.

Обоихъ васъ жалѣемъ, дочь Эдипа!
Но какъ же быть? Ужасенъ гнѣвъ боговъ,
И нашихъ словъ мы измѣнить не можемъ.

ЭДИПЪ.

Что пользы людямъ въ ложныхъ похвалахъ,
Когда хвалы дѣла ихъ недостойны?
Вотъ говорятъ: въ Аѳинахъ чтутъ боговъ,
Находитъ здѣсь пріютъ гонимый странникъ.

Но на себѣ я этого не вижу:
Послѣдняго убѣжища лишивъ,
Вы гоните меня, боясь лишь звука —
Не дѣлъ моихъ, а имени, затѣмъ,
Что пострадалъ я болѣе, чѣмъ сдѣлалъ, —
Ужъ если то судить, въ чемъ виноватъ
Я предъ отцомъ и матерью моей,
И что такой вамъ страхъ внушаетъ, люди...
Теперь все это ясно для меня:
Какъ могъ я быть преступнымъ, сдѣлавъ то,
Что и со мною сдѣлали другіе?
Но если бы я даже сознавалъ
Вину мою, то не былъ бы виновенъ;
А я вѣдь шелъ, не зная самъ куда,—
Тѣ, отъ кого я гибну, это знали.
Вотъ почему, о, граждане, молю,
Теперь, когда я вышелъ къ вамъ—спасите
И, отъ кощунства удержавъ меня,
Вы сами не кощунствуйте: вѣдь боги
И злыхъ, и добрыхъ видятъ на землѣ,
И нѣтъ отъ нихъ спасенья нечестивымъ.
Не омрачайте же святыхъ Аѳинъ
Не добрымъ дѣломъ: разъ уже принявъ
Молящаго, повѣрившаго клятвамъ,—
Помилуйте, спасите до конца.
Слѣпыхъ моихъ очей не презирайте,
Не ужасайтесь скорбнаго лица!
Вѣдь нынѣ къ вамъ, святой и благодатный,
Я съ радостною вѣстью прихожу:
Пока вашъ царь объ этомъ не узнаетъ,
Меня, о, старцы, не гоните прочь!

ХОРЪ.

Намъ кажутся твои слова, Эдипъ,
Разумными, и ничего не можемъ
Мы возразить; хотимъ лишь одного:
Чтобъ обо всемъ узналъ нашъ повелитель.

ЭДИПЪ.

А гдѣ живетъ онъ?

ХОРЪ.

Въ городѣ отцовъ,
Въ Аѳинахъ;—мы за нимъ уже послали
Того, кто вѣсть принесъ намъ о тебѣ.

ЭДИПЪ.

Скажите, какъ вамъ кажется: слѣпого
Почтитъ ли царь, придетъ ли онъ сюда?

ХОРЪ.

О, да, придетъ, твое услышавъ имя.

ЭДИПЪ.

А отъ кого онъ знаетъ?

ХОРЪ.

Путь далекъ,
Но странники вездѣ молву разносятъ.
Отъ нихъ онъ слышалъ о тебѣ: повѣрь,
Онъ будетъ здѣсь. Такъ много объ Эдипѣ
Всѣ говорятъ, что если бъ даже царь
И почивалъ—услышавъ это имя,
Не медля бы онъ къ намъ пришелъ сюда.

ЭДИПЪ.

Да будетъ же приходъ его на радость
И собственной землѣ его, и мнѣ:
Кто мудръ, тотъ самъ себѣ желаетъ блага.

АНТИГОНА.

О, боги! Что сказать мнѣ, что подумать,
Родимый?..

ЭДИПЪ.

Что, дитя?

АНТИГОНА.

Я вижу: ѣдетъ
Къ намъ женщина на жеребцѣ этнійскомъ.
Защищена отъ солнца голова
Широкой тѣнью шляпы ѳессалійской.
Она!..
Иль нѣтъ? Ужель обманываетъ зрѣнье?
И да, и нѣтъ! О, горе! Что сказать,
Не знаю...
Она! Она! Никто другой,—чѣмъ ближе,
Тѣмъ ласковѣе взоръ ея очей:
Я узнаю лицо моей Исмены!

ЭДИПЪ.

Что говоришь!..

АНТИГОНА.

Я вижу дочь твою:
Сейчасъ ее по голосу узнаешь.

ИСМЕНА.

О, милые! Отецъ, сестра моя,
Какъ долго я искала, и какъ больно
Васъ видѣть вновь въ такихъ страданьяхъ!

ЭДИПЪ.

Ты ль,
Ты ль это, дочь моя?

ИСМЕНА.

Отецъ мой бѣдный!

ЭДИПЪ.

Пришла ко мнѣ...

ИСМЕНА.

И труденъ былъ мой путь.

ЭДИПЪ.

О, обними же...

ИСМЕНА *(обнимая Эдипа и Антигону).*

Васъ обоихъ вмѣстѣ!

ЭДИПЪ.

Дитя мое!

ИСМЕНА.

О, горестная жизнь...

ЭДИПЪ.

Не правда ли?

ИСМЕНА.

Всѣ трое мы несчастны.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ пришла, родная?

ИСМЕНА.

Для тебя.

ЭДИПЪ.

Соскучилась?

ИСМЕНА.

И вѣсти принесла.
Вотъ этотъ вѣрный рабъ изъ всѣхъ домашнихъ
Былъ спутникомъ единственнымъ моимъ.

ЭДИПЪ.

А что же братья?

ИСМЕНА.

Имъ не до тебя:
У нихъ въ дому ужасное творится.

О, какъ они похожи на египтянъ
Обычаемъ и нравомъ, ибо тамъ
Внутри домовъ сидятъ мужи за прялкой,
А жены ихъ работаютъ въ поляхъ.
Такъ тѣ, кому бы должно быть со мною,
Сидятъ въ дому, какъ дѣвушки, а вы
Страдаете за нихъ съ отцомъ несчастнымъ;
Одна изъ васъ, едва не съ дѣтскихъ лѣтъ,
Едва лишь тѣло дѣвичье окрѣпло,—
Ужъ бродитъ всюду, водитъ старика,
Слѣпого, нищаго, и сколько разъ
Случалось ей, голодной, босоногой,
Въ ночи по лѣсу дикому блуждать,
Подъ ледянымъ дождемъ иль жгучимъ солнцемъ
Изнемогать;—и не груститъ о домѣ
И терпитъ все, чтобъ накормить отца.
А ты, Исмена, тайно отъ кадмеянъ,
Намъ принесла пророческую вѣсть
О томъ, что суждено отцу, и вѣрной
Защитницей изгнанника была.
Теперь же вновь съ какой приходишь вѣстью,
Зачѣмъ ты домъ покинула, скажи?
Я чувствую, что къ намъ, дитя, не даромъ
И не безъ горькой вѣсти ты пришла.

ИСМЕНА.

Что вынесла, пока тебя искала,—
О тѣхъ скорбяхъ не буду говорить,
Чтобъ не терпѣть ихъ дважды, вспоминая.
А принесла тебѣ я вѣсть о томъ,
Что сыновья недоброе готовятъ:
Сперва они хотѣли уступить
Креону власть, чтобъ не навлечь на Ѳивы
Проклятія, что издревле нашъ домъ
Преслѣдуетъ бѣдой неотвратимой.

Но скоро умъ ихъ злой, иль Рокъ въ сердца
Вложилъ раздоръ, и братъ возсталъ на брата,
И борются, несчастные, за власть.
Ужъ старшаго лишилъ престола младшій.
Изъ дома отчаго изгнавъ, а тотъ—
Гласитъ молва—бѣжалъ въ глубокій Аргосъ,
Товарищей-воителей собралъ,
Вступилъ въ союзъ и двинулся на Ѳивы:
Равнину Кадма Аргосъ побѣдитъ,
Иль, павъ въ бою, врагамъ даруетъ славу.
Слова мои—не звукъ пустой, а правда
Ужасная.—Когда же надъ тобой,
Отецъ мой, боги сжалятся, не знаю.

ЭДИПЪ.

А развѣ ты надѣялась, что боги
Когда-нибудь помилуютъ меня?

ИСМЕНА.

О, да,—судя по новымъ прорицаньямъ.

ЭДИПЪ.

Но по какимъ? и что они гласятъ?

ИСМЕНА.

Что нѣкогда ѳиванцы пожелаютъ
Въ отечество Эдипа возвратить
Живымъ иль мертвымъ.

ЭДИПЪ.

А на что, дитя, имъ нуженъ
Такой, какъ я?

ИСМЕНА.

Предрекъ Дельфійскій богъ,
Что лишь въ тебѣ ихъ сила и надежда.

ЭДИПЪ.

Какая сила въ томъ, кого ужъ нѣтъ?

ИСМЕНА.

Сразили боги,—боги и воздвигнутъ.

ЭДИПЪ.

Не поздно ли имъ старца воздвигать?

ИСМЕНА.

Такъ знай, отецъ.—Креонъ здѣсь будетъ скоро,
Онъ за тобой придетъ.

ЭДИПЪ.

Креонъ? Зачѣмъ?

ИСМЕНА.

Тебя хотятъ близъ Кадмовой земли
Похоронить, чтобы у нихъ во власти
Ты былъ всегда, но въ землю не вступалъ.

ЭДИПЪ.

Какая же имъ польза, если буду
Покоиться внѣ города?

ИСМЕНА.

Бѣдой,
Въ землѣ враговъ, грозитъ твоя могила.

ЭДИПЪ.

И безъ пророчествъ можно бы понять,
Что это такъ.

ИСМЕНА.

А потому желаютъ
Они тебя на родину вернуть,
Чтобъ не имѣлъ ты власти надъ собою.

ЭДИПЪ.

Покроютъ ли меня землею, Ѳивъ?

ИСМЕНА.

Покрыть тебя не могутъ той землею,
Гдѣ нѣкогда ты пролилъ кровь отца.

ЭДИПЪ.

Не будетъ же у нихъ мой прахъ вовѣки!

ИСМЕНА.

А если такъ, постигнетъ ихъ бѣда.

ЭДИПЪ.

Скажи, дитя, какая? Что случится?

ИСМЕНА.

Постигнетъ ихъ, отецъ, твой поздній гнѣвъ,
Едва лишь вступятъ сыновья твои
Въ тотъ край, гдѣ ты найдешь пріютъ послѣдній.

ЭДИПЪ.

Но отъ кого ты слышала?

ИСМЕНА.

Отъ тѣхъ,
Кто посланъ былъ во храмъ Дельфійскій къ богу.

ЭДИПЪ.

И все это предрекъ имъ Аполлонъ?

ИСМЕНА.

Такъ говоритъ, кто отъ него вернулся.

ЭДИПЪ.

А кто-нибудь изъ сыновей моихъ
Ужъ знаетъ ли объ этомъ?

ИСМЕНА.

Оба знаютъ.

ЭДИПЪ.

И все-таки, забывъ любовь, отцомъ,
Презрѣннѣйшіе, жертвуютъ для власти?

ИСМЕНА.

Сознаться больно мнѣ,—но это такъ.

ЭДИПЪ.

Такъ пусть еще сильнѣй раздуютъ боги
Огонь вражды,—да будетъ суждено
Мнѣ одному окончить эту битву,
Гдѣ нынѣ братъ на брата поднялъ мечъ;
И да падетъ сидящій на престолѣ,
А изгнанный да не вернется вновь!
Отца они въ бѣдѣ не защитили,
Съ безчестіемъ позволили прогнать
Того, кто жизнь имъ далъ, и были рады,
Когда я, всѣми проклятый, бѣжалъ.—
Иль скажете, они меня изгнали
Лишь потому, что я просилъ о томъ?
Но нѣтъ, неправда: ибо въ первый день,
Когда во мнѣ душа еще горѣла,
И было бы отраднѣе всего
Мнѣ умереть, побитымъ быть камнями,
Въ тотъ день меня никто не пожалѣлъ
И моего желанья не исполнилъ;
А лишь потомъ, какъ притупилось горе,
И понялъ я, что превышаетъ казнь
Невольную вину мою безмѣрно,—
Тогда они рѣшили, наконецъ,
Изгнать меня. И сыновья могли бы
Помочь отцу,—могли и не хотѣли,
Не молвили ни слова, потерпѣвъ,

Чтобъ на чужбинѣ я скитался нищимъ,
Чтобъ все имѣлъ отъ этихъ слабыхъ дѣвъ.
Несчастныя,—даютъ отцу, что могутъ:
И кровъ, и хлѣбъ насущный, и любовь,
А тѣ, мужи, отца презрѣвъ, мечтаютъ
Царями быть, людьми повелѣвать.
Но помощи моей имъ не дождаться,
Наслѣдье Кадма въ прокъ имъ не пойдетъ:
То вижу я изъ прорицаній новыхъ
И древнихъ—тѣхъ, что вамъ уже открылъ,
И что теперь надъ нами богъ свершаетъ.
Такъ пусть же, пусть придетъ за мной Креонъ,
Иль кто-нибудь, у нихъ вошедшій въ силу;
О, чужеземцы, если только вы
Окажете мнѣ помощь и богини,
Великія царицы этихъ мѣстъ,—
То буду я благословеньемъ вашимъ
И гибелью для всѣхъ моихъ враговъ!

ХОРЪ.

Воистину вы жалости достойны,
И ты, Эдипъ, и дочери твои.
А такъ какъ намъ принесъ ты вѣсть благую,
То и отъ насъ прими благой совѣтъ.

ЭДИПЪ.

Исполню все, что скажете, о други.

ХОРЪ.

Священный лѣсъ богинь, гдѣ ты нашелъ
Себѣ пріютъ, вступая въ эту землю,
Обрядомъ искупительнымъ почти.

ЭДИПЪ.

Какимъ обрядомъ? Научите, старцы.

ХОРЪ.

Воды сперва для жертвы почерпни
Изъ родника, струящагося вѣчно,
Рукой благоговѣйной.

ЭДИПЪ.

А потомъ,—
Когда я свѣтлой влаги почерпну?

ХОРЪ.

Тамъ кубки есть—художника созданье;
Ты оберни ихъ ручки и края.

ЭДИПЪ.

Не шерстью ли, иль зеленью древесной?

ХОРЪ.

Руномъ чистѣйшимъ молодой овцы.

ЭДИПЪ.

Когда же я амфоры увѣнчаю?

ХОРЪ.

Тогда, лицо къ восходу обративъ,
Ты соверши тройное возліянье.

ЭДИПЪ.

Изъ этихъ самыхъ чашъ?

ХОРЪ.

Лишь три струи—
Изъ первыхъ двухъ, а третій кубокъ—цѣльный.

ЭДИПЪ.

Что будетъ въ третьемъ?

ХОРЪ.

Только медъ съ водой,
Вина же, помни, прибавлять не надо.

ЭДИПЪ.

Когда жъ земля, подъ черною листвой,
Таинственныя приметъ возліянья?..

ХОРЪ.

То трижды девять масличныхъ вѣтвей
Ты возложи, произнося молитву.

ЭДИПЪ.

Какую? Знать ее важнѣй всего.

ХОРЪ.

Да будутъ тѣ къ пришельцу благосклонны,
Кому даемъ мы имя Эвменидъ,—
Молись о томъ и ты, и всѣ другіе;—
Но шопотомъ чуть слышнымъ говори.
Потомъ, лица назадъ не обращая,
Уйди скорѣй.—Когда исполнишь все,
Приблизимся къ тебѣ уже безъ страха;—
Не то, Эдипъ, смотри—не быть добру.

ЭДИПЪ.

Вы слышали, о дѣти?

АНТИГОНА.

Да, родной мой,—
Приказывай, что дѣлать намъ теперь.

ЭДИПЪ.

Самъ ничего исполнить я не въ силахъ
По немощи двойной—и слѣпотѣ,

И слабости; пусть кто-нибудь, родныя,
Изъ васъ пойдетъ и должное свершитъ;
Одна душа,—но полная любовью,
Въ молитвѣ стоитъ тысячей. Скорѣй
Идите же и возвращайтесь, дѣти!
Пошевельнуть безъ васъ я не могу
Безпомощными членами моими.

ИСМЕНА.

Исполню все.—Но укажите мнѣ,
Старѣйшины, гдѣ мѣсто для обряда?

ХОРЪ.

Ступай ты въ рощу, дѣвушка, и тамъ
Найдешь того, кто все тебѣ укажетъ.

ИСМЕНА.

Иду, а ты съ отцомъ побудь, сестра.—
Когда съ любовью трудимся для милыхъ,
То кажется намъ легкимъ всякій трудъ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Старое, спящее горе будить
Страшно,—но все же спросить мы хотѣли...

ЭДИПЪ.

О чемъ?

ХОРЪ.

О несказанномъ, неизгладимомъ,
Явномъ страданьи твоемъ.

ЭДИПЪ.

Именемъ Зевса молю васъ, о, милые,
Не обнажайте позорнаго!

ХОРЪ.

Здѣсь о тебѣ уже слышали многое,—
Нынѣ же знать мы всю правду хотимъ.

ЭДИПЪ.

Тяжко!

ХОРЪ.

О, другъ, умоляемъ...

ЭДИПЪ.

Увы, мнѣ, увы!

ХОРЪ.

Не откажи—и тебѣ не откажемъ.

ЭДИПЪ.

Антистрофа первая.

Зло я терпѣлъ, лишь терпѣлъ, но, свидѣтель мнѣ богъ,
Сердце мое и не чаяло,—
Все противъ воли...

ХОРЪ.

Какое же зло?

ЭДИПЪ.

Люди меня сочетали, не зная, что дѣлаютъ,
Съ матерью въ мерзостномъ бракѣ!

ХОРЪ.

И несказанную святость родимаго ложа
Ты осквернилъ, говорятъ?

ЭДИПЪ.

Горе мнѣ! Смерть—это слышать; молчите!
Боже, вѣдь эти родныя мои...

ХОРЪ.

Что говоришь?..

ЭДИПЪ.

Эти дочери—обѣ проклятыя!

ХОРЪ.

Зевсъ!

ЭДИПЪ.

Сыномъ зачаты—о, мерзость!—отъ матери!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Это—дѣти твои!..

ЭДИПЪ.

Дѣти и сестры отца.

ХОРЪ.

Страшно!..

ЭДИПЪ.

Страшно воистину; узелъ изъ тысячей бѣдъ!

ХОРЪ.

Ты терпѣлъ!..

ЭДИПЪ.

То, чего не забыть никогда!

ХОРЪ.

Совершилъ...

ЭДИПЪ.

Не совершалъ ничего...

ХОРЪ.

Какъ?..

ЭДИПЪ.

Увы!
Только принялъ въ подарокъ отъ города то,
Что не долженъ былъ брать я, несчастный.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

Бѣдный, ты—и убійца?..

ЭДИПЪ.

Что вы? Тише! О комъ говорите?..

ХОРЪ.

...Отца?

ЭДИПЪ.

Рана за раною,—сжальтесь!

ХОРЪ.

Убилъ?..

ЭДИПЪ.

Да,—но слушайте, есть у меня...

ХОРЪ.

Что? Кончай.

ЭДИПЪ.

Оправданье.

ХОРЪ.

Какое?

ЭДИПЪ.

Убилъ,—
Отрекаться не буду: но развѣ я зналъ,
Что творю? Я предъ богомъ невиненъ!

ХОРЪ.

О, странникъ, вотъ сюда идетъ на зовъ твой
Эгеевъ сынъ, владыка нашъ, Тезей.

(Входитъ царь Тезей.)

ТЕЗЕЙ *(Эдипу.)*

Тебя я знаю: я слыхалъ отъ многихъ,
Какъ ослѣпилъ ты самъ себя, Эдипъ;
Сегодня же узналъ еще и больше,
Молвѣ внимая по пути сюда.
И по твоимъ одеждамъ видно, кто ты,
И по лицу нерадостному... Другъ,
Мнѣ жаль тебя... Скажи, зачѣмъ, о, бѣдный,
Съ какой мольбой приходишь въ городъ нашъ
И ты, и скорбная твоя подруга?
Повѣдай все, и ежели сверхъ силъ
Не будетъ то, о чемъ меня попросишь,—
Я съ радостью готовъ тебѣ помочь:
Вѣдь я и самъ когда-то жилъ въ изгнаньи,
Я тоже скорбь съ младенчества позналъ
И отъ тебѣ подобныхъ, отъ несчастныхъ,
Я никогда лица не отвращалъ:
Я—человѣкъ, и въ томъ, что будетъ завтра,
Не болѣе увѣренъ я, чѣмъ ты.

ЭДИПЪ.

О, царь Тезей, являя благородство,
Безъ лишнихъ словъ, ты позволяешь мнѣ
Такою же отвѣтить краткой рѣчью:
Ты знаешь, кто я, изъ какого рода,
И изъ какой земли сюда пришелъ.

Сказать теперь одно еще осталось—
О чемъ прошу,—и знать ты будешь все.

ТЕЗЕЙ.

Эдипъ ты можешь говорить,—я внемлю.

ЭДИПЪ.

Такъ знай же, царь: я приношу тебѣ,
Какъ даръ, мое страдальческое тѣло:
Немногаго по виду стоитъ даръ мой,
Но пользы больше въ немъ, чѣмъ красоты.

ТЕЗЕЙ.

Скажи, какую разумѣешь пользу?

ЭДИПЪ.

Потомъ ее увидишь,—не теперь.

ТЕЗЕЙ.

Когда же то, что говоришь, свершится?

ЭДИПЪ.

Когда умру,—и здѣсь, въ твоей землѣ,
Ты дашь пріютъ костямъ моимъ усталымъ.

ТЕЗЕЙ.

Все о могилѣ просишь: но для жизни
Не нужно ли чего-нибудь тебѣ?
Или ее уже такъ мало цѣнишь?

ЭДИПЪ.

Живому дастъ мнѣ хлѣбъ насущный тотъ,
Кто мертвому могилу обѣшаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Не многаго же хочешь ты, старикъ.

ЭДИПЪ.

Но помни, царь: за этотъ даръ мой скудный
Вы вступите въ великую борьбу.

ТЕЗЕЙ.

Не я ль начну, иль сыновья твои?

ЭДИПЪ.

Они хотятъ вернуть меня насильно.

ТЕЗЕЙ.

Коль такъ, зачѣмъ тебѣ въ изгнаньи жить?

ЭДИПЪ.

Когда молилъ, то не дали вернуться!

ТЕЗЕЙ.

Старикъ, въ бѣдѣ не помогаетъ гнѣвъ.

ЭДИПЪ.

Не говори, пока всего не знаешь.

ТЕЗЕЙ.

Ты правъ, — кончай: я слушаю тебя.

ЭДИПЪ.

Какихъ, какихъ я только мукъ не вынесъ!

ТЕЗЕЙ.

Иль древнее проклятье рода вспомнилъ?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, вѣдь о немъ и такъ ужъ знаютъ всѣ.

ТЕЗЕЙ.

Какое же еще ты выпесъ горе,
Котораго никто не знаетъ?

ЭДИПЪ.

Царь,
Пойми же: дѣти, кровь и плоть моя,
Изъ собственной земли меня прогнали,
И болѣе нельзя отцеубійцѣ
На родину вернуться никогда.

ТЕЗЕЙ.

Но ежели нельзя вернуться, — какъ же
Ты говоришь, что за тобой придутъ?

ЭДИПЪ.

Пророческое слово ихъ принудитъ.

ТЕЗЕЙ.

Какою же бѣдой грозитъ имъ богъ?

ЭДИПЪ.

Твоей, о, царь великою побѣдой.

ТЕЗЕЙ.

Изъ-за чего мы вступимъ въ эту брань?

ЭДИПЪ.

Однимъ богамъ, о, милый сынъ Эгея,
Ни старости, ни смерти не видать, —
Но времени все прочее подвластно:

Какъ мощь людей, слабѣетъ мощь земли,
Растетъ измѣна, умираетъ вѣрность,
И клятвы лгутъ, и никакой союзъ
Межъ городовъ, какъ межъ друзей, не вѣченъ:
Вчерашній другъ становится врагомъ;
Но дни бѣгутъ, и вновь онъ будетъ другомъ.
Пока еще съ ѳиванцами союзъ твой
Безоблаченъ; но времени полетъ
Безчисленные дни родитъ и ночи,
И нѣкогда нарушитъ стукъ мечей
Созвучье клятвъ, изъ-за обиды малой.
Тогда напьется дремлющій въ гробу
Холодный прахъ мой ихъ горячей крови,
Коль богъ еще есть богъ, и Фэбъ не лжетъ!
Повѣрь же, царь, и бóльшаго не требуй:
Запретныхъ тайнъ не должно открывать.
О, лишь теперь исполни обѣщанье, —
Потомъ уже не скажешь никогда,
Что въ тягость былъ Эдипъ землѣ аѳинянъ,
Коль правда есть въ пророчествахъ боговъ.

ХОРЪ.

О, мудрый царь, объ этихъ прорицаньяхъ
Онъ говоритъ уже не въ первый разъ.

ТЕЗЕЙ.

Какъ не принять, о, граждане, того,
Съ кѣмъ издревле нашъ родъ соединяетъ
Товарищества браннаго союзъ,
Кто именемъ богинь пришелъ молящій
И намъ принесъ неоцѣненный даръ?
О, нѣтъ, такого мужа не отвергну
И гостю дамъ въ землѣ моей пріютъ:
Захочешь ли остаться здѣсь, въ Колонѣ,
Старѣйшинамъ тебя мы поручимъ;
Или пойдешь, Эдипъ, со мной въ Аѳины, —
Я и на то согласенъ, — выбирай.

ЭДИПЪ.

Да наградитъ васъ богъ, о, чужеземцы!

ТЕЗЕЙ.

Итакъ, скажи: идешь ли ты въ мой домъ?

ЭДИПЪ.

Да, если мнѣ позволишь; — только прежде...

ТЕЗЕЙ.

Что? Говори, противиться не буду.

ЭДИПЪ.

Я прежде здѣсь враговъ моихъ смирю.

ТЕЗЕЙ.

Да будетъ нашъ союзъ тебѣ во благо.

ЭДИПЪ.

Коль сдѣлаешь ты все, что обѣщалъ.

ТЕЗЕЙ.

Довѣрься мнѣ: ужъ я тебя не выдамъ.

ЭДИПЪ

Ты не солжешь: я вѣрю и безъ клятвъ.

ТЕЗЕЙ.

Что говорю, вѣрнѣе всякой клятвы.

ЭДИПЪ.

Но какъ же ты?..

ТЕЗЕЙ.

Чего страшишься вновь?

ЭДИПЪ.

За мной придутъ...

ТЕЗЕЙ.

Съ тобою будутъ старцы.

ЭДИПЪ.

А ты уйдешь?..

ТЕЗЕЙ.

Сперва устрою все.

ЭДИПЪ.

Враговъ боюсь...

ТЕЗЕЙ.

А я ихъ жду безъ страха.

ЭДИПЪ.

Но знаешь ли?..

ТЕЗЕЙ.

Я знаю, что никто
Изъ рукъ моихъ тебя не вырветъ силой;
Вѣдь мало ли кто въ ярости грозитъ;
Но тщетныя угрозы умолкаютъ,
Какъ только гнѣвъ разсудкомъ побѣжденъ.
А если бы и вздумали ѳиванцы
Свершить угрозы — по морю ко мнѣ
Не такъ-то имъ легко еще достигнуть. —
Мужайся же, затѣмъ, что, кромѣ насъ,
Тебя и богъ пославшій охраняетъ.
Когда бъ меня здѣсь не было, повѣрь, —
Враги бѣгутъ предъ именемъ Тезея.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Странникъ, пришелъ ты въ счастливѣйшій край,
Въ гордый конями Колонъ бѣломраморный,
Гдѣ по зеленымъ оврагамъ поютъ соловьи
Перекликаются, звонкоголосые;
Вѣчно стаями порхаютъ
Въ чернолиственномъ плющѣ,
Въ заповѣдной тихой рощѣ,
Многоплодной, недоступной
Ни для солнца, ни для бурь,
Гдѣ въ кругу богинъ-кормилицъ
Бродитъ богъ веселій грозныхъ,
Богъ вакханокъ—Діонисъ.

Антистрофа первая.

Здѣсь же цвѣтетъ, оживляемый вѣчной росой,
Съ пышными гроздьями, благоухающій,
Древній вѣнецъ Персефоны съ Деметрой — нарциссъ,
И златоцвѣтный шафранъ распускается.
И, безсонные, блуждаютъ
Тихоструйнаго Кефиза
Плодотворные ключи,
Чтобы жаждущей земли
Нѣдра влагой напоить.
Этотъ край и музы любятъ,
И Киприда, чьи бразды
Золотыя правятъ всѣмъ.

Строфа вторая.

Есть у насъ также и дерево чудное:
Слышали мы, что такого нѣтъ въ Азіи,
Ни на дорическомъ островѣ Пелопса—
Не насажденное; но первозданное;
Это — кормилица нашихъ дѣтей,

Ужасъ для копій враговъ,
Тускло сребристая маслина,
Чьихъ побѣговъ святыхъ не ломаетъ никто,
Будь онъ молодъ иль старъ, будь онъ рабъ или царь,
Ибо на маслину окомъ недремлющимъ
Смотритъ и Дій свѣтозарный съ небесъ,
И Аѳина глазами прозрачно-зеленами.

Антистрофа вторая.

Также помянемъ иную, неменьшую
Славу великаго нашего города—
Бога морского подарки безцѣнные—
Конную упряжь и снасть корабельную;
Ибо впервые не здѣсь ли, у насъ,
Царь Посейдонъ укротилъ
Буйную силу коней?
Здѣсь же создалъ для насъ онъ и первый корабль,
Что помчался—о, диво!—съ волны на волну,
Зыбь разсѣкая упругими веслами,
Радостно прыгая въ пѣнѣ играющей,
Нереидъ провожаемый вѣчною пляскою!

АНТИГОНА.

Пришла пора, о, старцы, доказать,
Что этотъ край такихъ похвалъ достоинъ.

ЭДИПЪ.

Что видишь ты, дитя мое?

АНТИГОНА.

Отецъ,
Креонъ сюда идетъ съ толпой ѳиванцевъ.

ЭДИПЪ.

Теперь мое спасенье довершить
Вы можете, о милые!

ХОРЪ.

Не бойся,—
Не выдадимъ; я старъ, но не старѣетъ
Величіе народа моего.

КРЕОНЪ.

По вашимъ лицамъ и глазамъ я вижу,
О, граждане прекраснѣйшей земли,
Что мой приходъ нежданный васъ пугаетъ;
Но успокойтесь: бранныхъ словъ не надо,
Вамъ причинить насилья не хочу;
Вѣдь я и старъ, и знаю, что вступилъ
Въ сильнѣйшее во всей Элладѣ царство.
Пришелъ же я за этимъ старикомъ,
Чтобъ пригласить его обратно въ землю
Священныхъ Ѳивъ: народъ меня послалъ,
Затѣмъ, что горю этого страдальца
Оказывать я долженъ больше всѣхъ
Участія, какъ родственникъ ближайшій.—
Итакъ, пойдемъ со мной, Эдипъ мой бѣдный,
Тебя и всѣ кадмеяне зовутъ,
Но больше всѣхъ Креонъ; вѣдь я не извергъ:
И у меня, старикъ, душа болѣла,
Какъ вспомню я, бывало, что одинъ,
Въ чужой землѣ, бездомный и голодный,
Ты бродишь съ юной дочерью. Увы!
Не думалъ я, что бѣдная такъ пала,
Что милостыню нищему отцу
Вымаливаетъ дочь царя-Эдипа,
Почти дитя, безъ матери, безъ мужа,
Добыча первыхъ встрѣчныхъ на пути.
О, горе намъ! Какое поношенье—
Тебѣ и мнѣ, и роду моему!
Но ужъ того, что сдѣлано, не скроешь,
Такъ хоть теперь, по крайней мѣрѣ, спрячь,
Спрячь этотъ стыдъ—богами заклинаю,—

О, милый братъ, послушайся меня!
Пойдемъ со мной, на родину, въ жилище
Отцовъ твоихъ; а съ этою землей
Простись какъ другъ: она того и стоитъ;
Но все-таки ты долженъ больше чтить
Вскормившую тебя, родную землю.

ЭДИПЪ.

О, дерзостный, умѣющій скрывать
Презрѣнное подъ видомъ благородства.
Опять меня ты манишь въ западню,
Гдѣ, пойманный наплакался бы вдоволь!
А помнишъ ли?—въ тѣ дни, какъ я скорбѣлъ
Въ моемъ дому и самъ искалъ изгнанья, —
Тогда вѣдь ты мольбѣ моей не внялъ;
Нѣтъ, лишь потомъ, какъ скорбь уже затихла,
И сладкимъ вновь мнѣ сталъ родной очагъ,
Ты изъ дому меня съ позоромъ выгналъ,
Тогда и узъ родства не пощадилъ,
И вотъ теперь, узнавъ, что я въ Аѳинахъ
Нашелъ пріютъ, опять меня зовешь;
Чтобъ жестко было спать, такъ мягко стелешь!
Зачѣмъ насильно дѣлаешь добро?
Въ годину бѣдъ меня вы оттолкнули,
Просящему не помогли въ нуждѣ,
Чтобы потомъ, какъ все ужъ есть въ избыткѣ,
Навязывать ненужные дары,—
Подумай же, какая въ этомъ радость?
Вѣдь, что теперь ты предлагаешь мнѣ,
По виду сладко, а на дѣлѣ горько.
Но я твое коварство обличу:
Приходишь ты не звать меня въ жилище
Отцовъ моихъ, а хочешь у границъ
Держать въ плѣну, чтобъ не постигла городъ
Отсюда вамъ грозящая бѣда.
Но только знай, не быть тому, и вѣчно
Я буду жить у васъ, какъ демонъ мщенья,

И дамъ земли обоимъ сыновьямъ
Не болѣе, чѣмъ нужно для могилы! —
А что, скажи, — не лучше ли тебя
Я знаю все о Θивахъ? — и вѣрнѣе,
Затѣмъ, что Фэбъ и Зевсъ-отецъ не лгутъ;
Твои жъ уста полны хвастливой ложью.
Но берегись: на голову свою
Накличешь ты бѣду... Не вѣришь? — знаю.
Ступай же прочь, а намъ и безъ тебя
Здѣсь хорошо, и лучшаго не надо!

КРЕОНЪ.

Самъ посуди, кому такою рѣчью
Вредишь ты больше — мнѣ, или себѣ?

ЭДИПЪ.

Какъ буду радъ, когда ни этихъ гражданъ
Ты обмануть не сможешь, ни меня.

КРЕОНЪ.

Стыдись, стыдись, — такихъ годовъ преклонныхъ
Достигъ, а все еще не поумнѣлъ.

ЭДИПЪ.

Языкъ твой остръ, но праведный не долженъ
Съ искусствомъ равнымъ говорить про все.

КРЕОНЪ.

Да, говорить умѣетъ каждый много,
Но коротко и хорошо — не всѣ.

ЭДИПЪ.

А ты — умѣешь говорить и кратко,
И хорошо?

КРЕОНЪ.

Не для такихъ, какъ ты.

ЭДИПЪ.

Одно тебѣ скажу — за этихъ гражданъ
И за себя: ступай ты лучше прочь —
Развѣдчикомъ пришелъ сюда напрасно!

КРЕОНЪ.

Какъ смѣешь ты съ друзьями говорить, —
Свидѣтели да будутъ эти старцы,
Коль только въ руки попадешься мнѣ.

ЭДИПЪ.

А кто меня въ землѣ аѳинянъ силой
Дерзнетъ схватить?

КРЕОНЪ.

Ну, что жъ, — не отъ того,
Такъ, можетъ-быть, поплачешь отъ другого.

ЭДИПЪ.

Что это значитъ?

КРЕОНЪ.

Дочь твою одну
Ужъ я схватилъ и отослалъ подальше.
Сейчасъ возьму другую.

ЭДИПЪ.

Горе! Горе!

КРЕОНЪ.

Не такъ еще застонешь — погоди.

ЭДИПЪ.

Исмена, дочь моя!..

КРЕОНЪ.

Схвачу́ и эту!

ЭДИПЪ.

О граждане, не выдавайте насъ,
Безбожнаго отсюда прогоните!

ХОРЪ.

Поди ты прочь скорѣе: ибо зло
Всегда творишь ты, нынѣ, какъ и прежде.

КРЕОНЪ.

Сюда, рабы! Сама она нейдетъ,
Схватите же и силой уведите.

АНТИГОНА.

О, горе мнѣ! Куда, куда бѣжать,
Кто изъ боговъ иль смертныхъ намъ поможетъ?

ХОРЪ.

Что дѣлаешь? Опомнись...

КРЕОНЪ.

Ничего,
Не бойтесь: гостя вашего не трону,
Я только дочь сестры моей возьму.

ЭДИПЪ.

Властители народа!..

ХОРЪ.

Ты неправду
Творишь...

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, правду.

ХОРЪ.

Какъ?..

КРЕОНЪ.

Свое беру.

ЭДИПЪ.

Строфа.

На помощь! на помощь!

ХОРЪ.

Не смѣй его трогать, а то нашихъ рукъ,
Безумецъ, узнаешь ты силу!

КРЕОНЪ.

Пустите, пустите!

ХОРЪ.

При насъ не дадимъ
Свершить беззаконное дѣло!

КРЕОНЪ.

Кто первый ударитъ меня, — оскорбитъ
Священныя Ѳивы...

ЭДИПЪ.

О старцы!
Вы помните: я вѣдь предсказывалъ вамъ!..

ХОРЪ.

Оставь эту дѣвушку, слышишь? — оставь!

КРЕОНЪ.

Надъ ней не имѣете власти!..

ХОРЪ.

Оставь, говоримъ...

КРЕОНЪ.

Говорю вамъ и я:
Прочь, прочь, а не то берегитесь!..

ХОРЪ.

На помощь, на помощь! О, граждане, къ намъ!
Вашъ городъ позорятъ, насилье творятъ!
Сюда! Помогите!

АНТИГОНА.

Увы! Влекутъ меня, о, старцы, старцы!

ЭДИПЪ.

Родная, гдѣ же ты?..

АНТИГОНА.

Уводятъ силой...

ЭДИПЪ.

Подай мнѣ руку...

АНТИГОНА.

Не могу, отецъ!..

КРЕОНЪ.

Скорѣй, скорѣй!

ЭДИПЪ

Несчастный я, несчастный!

КРЕОНЪ.

Теперь безъ этихъ посоховъ обоихъ
Пространствуешь!.. На родину возсталъ,
На близкихъ, тѣхъ, чью волю исполняю,
Хотя, какъ царь, и самъ имѣлъ бы власть:
Такъ радуйся же, — вотъ твоя побѣда!
Но, можетъ-быть, со временемъ поймешь,
Что злѣйшій врагъ — ты самъ себѣ, и нынѣ,
Какъ прежде, всѣмъ друзьямъ наперекоръ,
Предавшійся неистовому гнѣву,
Причинѣ бѣдъ твоихъ...

ХОРЪ.

Остановись!.

КРЕОНЪ.

Вамъ говорю — пустите!

ХОРЪ.

Не позволимъ
Мы увести ее...

КРЕОНЪ.

Такъ вотъ же, знайте:
Не только ихъ обѣихъ уведу,
Но и еще заложника другого.

ХОРЪ.

Что хочешь, дерзкій?

КРЕОНЪ *(укавывая на Эдипа)*.

И его схватить!

ХОРЪ.

Ты лжешь!

КРЕОНЪ.

А вотъ увидите сейчасъ,
Какъ только мнѣ вашъ царь не помѣшаетъ.

ЭДИПЪ.

Поднять дерзнешь ты руку на меня?

КРЕОНЪ.

Молчи, старикъ, молчи!..

ЭДИПЪ.

Вопить я буду,
И голосъ мой достигнетъ до богинь,
Царящихъ здѣсь: о, будь ты проклятъ, извергъ,
За то, что хочешь вырвать у слѣпца
Послѣдній свѣтъ, единственное око!
Подъ старость жизнь такую, какъ моя,
Да ниспошлетъ богъ Геліосъ всезрящій
Тебѣ, злодѣй, и роду твоему!

КРЕОНЪ.

Вы слышите, о, чужеземцы?

ЭДИПЪ.

Слышатъ
Обоихъ насъ и, думаю, скорбятъ,
Что я плачу за дѣло только словомъ.

КРЕОНЪ.

Нѣтъ, долѣе терпѣть я не могу:
Хоть одинокъ и удрученъ годами,
Схвачу его и силой уведу!

ЭДИПЪ.

Антистрофа.

О, горе мнѣ! Горе!

ХОРЪ.

И хочешь такое ты дѣло свершить
Въ землѣ у чужого народа?

КРЕОНЪ.

Хочу.

ХОРЪ.

Ну, такъ, значитъ, Аѳинъ уже нѣтъ!

КРЕОНЪ.

Да, въ праведномъ дѣлѣ сильнѣйшихъ враговъ
Порой побѣждаетъ и слабый.

ЭДИПЪ.

Вы слышите, граждане, слышите?..

ХОРЪ.

Пусть!
Не бойся, тебя онъ не тронетъ.

КРЕОНЪ.

Пока это знаетъ одинъ только Зевсъ.

ХОРЪ.

Смѣешься надъ старостью нашей?..

КРЕОНЪ.

Смѣюсь. —
И нечего дѣлать, — терпите!

ХОРЪ.

Бѣгите, бѣгите изъ города всъ,
О, царь и народъ, отомстите за насъ!
Обида! Обида!

ТЕЗЕЙ.

Что за крикъ? О чемъ тревога? Повелителю морей
Не успѣлъ я кончить жертвы, какъ услышалъ этотъ крикъ.
Что случилось? Что случилось? Говорите, старики!
И зачѣмъ царя въ смятеньи вы заставили бѣжать?

ЭДИПЪ.

По голосу тебя я узнаю...
О, другъ, меня обидѣли жестоко!

ТЕЗЕЙ.

Чѣмъ? Кто тебя обидѣлъ? Говори.

ЭДИПЪ.

Креонъ, вотъ тотъ, кого здѣсь видишь,—отнялъ
Дѣтей моихъ послѣднихъ у меня!

ТЕЗЕЙ.

Что ты сказалъ?..

ЭДИПЪ.

Увелъ, увелъ обѣихъ!

ТЕЗЕЙ.

Скорѣй, одинъ изъ слугъ моихъ, бѣги
Назадъ, во храмъ, вели всему народу,
И конному, и пѣшему, алтарь

И жертвенный обрядъ тотчасъ покинувъ,
Бѣжать и гнать коней во весь опоръ
Туда, гдѣ обѣ сходятся дороги,
Чтобъ не успѣли дѣвушки пройти,
И чтобы намъ для пришлецовъ, насилье
Творящихъ здѣсь, посмѣшищемъ не быть.
Иди, иди скорѣй.—А этотъ дерзкій
Не вышелъ бы изъ рукъ моихъ живымъ,
Коль волю бъ далъ я праведному гнѣву!
Но мы его разсудимъ по законамъ,
Съ какими онъ и самъ пришелъ сюда.

(Креону.)

Пока мнѣ ихъ не приведешь обѣихъ
И не отдашь, не выпущу тебя:
Вѣдь ты творишь не только намъ безчестье,
Но и своей землѣ, и роду. Какъ?
Придя въ страну, гдѣ чтутъ законы свято
И правый судъ по нимъ творятъ,—презрѣлъ
Ты нашу власть, кидаешься, хватаешь,
Людей уводишь силою! Скажи,
Иль думалъ ты, что нѣтъ мужей въ Аѳинахъ,
Что здѣсь земля рабовъ, и я—ничто?
Или такимъ дѣламъ ты научился
Въ родной землѣ? Но тамъ, какъ и у насъ,
Не любятъ злыхъ и, думаю, не будутъ
Хвалить за то, что ты, наперекоръ
Богамъ и мнѣ, дѣтей насильно отнялъ
У бѣднаго, молящаго слѣпца.
Вѣдь если бъ я пришелъ въ твою отчизну,—
Хотя бъ на то имѣлъ я всѣ права,
Наперекоръ владыкѣ, кто бъ онъ ни былъ,—
Я не дерзнулъ бы гражданъ уводить,
И зналъ бы я, какъ подобаетъ гостю
Въ чужой землѣ съ царями поступать.
А ты позоришь собственную землю,
Безвинную, и, кажется, года,

Состаривши тебя, не умудрили.—
Вотъ я сказалъ и повторяю вновь:
Вели тотчасъ ихъ привести обратно,
Коль ты остаться не желаешь здѣсь,
Въ землѣ моей, невольнымъ поселенцемъ;—
Сказалъ,—и словъ моихъ не измѣню.

ХОРЪ (*Креону*).

Вотъ до чего дошелъ ты, родомъ славный,
На дѣлѣ же—безстыдный человѣкъ!

КРЕОНЪ.

Не думалъ я, конечно, сомнѣваться
Ни въ разумѣ, ни въ доблести Аѳинъ.
Пришелъ же я, не зная, что къ Эдипу
Вы нѣжностью исполнитесь такой
Ревнивою, чтобъ, мнѣ наперекоръ,
Насильственно родныхъ моихъ лелѣять.
И думалъ я—у васъ не принимаютъ
Отцеубійцъ, безбожниковъ съ дѣтьми,
Зачатыми въ кровосмѣшеньи гнусномъ.
Я полагалъ: разумнѣйшій совѣтъ,
Великіе мужи Ареопага
Такихъ бродягъ не терпятъ здѣсь, и, въ томъ
Увѣренный, я взялъ мою добычу.
Но все-таки не поступилъ бы такъ,
Когда бъ онъ самъ не произнесъ ужасныхъ
Проклятій мнѣ и роду моему.
Но, видно, гнѣва не смиряютъ годы,
А только—смерть: лишь мертвые врагамъ
Прощаютъ все.—Ну, а теперь, какъ знаешь,
Ты поступай: васъ много, я—одинъ.
Вы можете невиннаго обидѣть,
Но помните: насколько хватитъ силъ,—
Противиться я буду злому дѣлу.

Кого же мыслишь наглыми устами
Ты очернить—меня или себя
Когда кричишь: злодѣй, кровосмѣситель,
Отцеубійца,—попрекая тѣмъ,
Что дѣлалъ я, несчастный, противъ воли
Къ чему Эдипа боги привели,
Давно уже мой родъ возненавидѣвъ?
А самъ я—чистъ, и на душѣ моей
Ни одного пятна ты не отыщешь,
Которымъ бы себя или родныхъ
Я осквернилъ. За что же ты порочишь
Невиннаго, коль боги предрекли
Въ тѣ дни, какъ я еще и не рождался,
Что сынъ убьетъ отца,—за что, скажи?
Но если такъ и поступилъ несчастный,
Не вѣдая, ни что ни съ кѣмъ творитъ,
Назначенное Рокомъ исполняя,
То какъ же смѣешь ты его судить?
И съ матерью еще мой бракъ ты вспомнилъ,
Сестрой твоей, и говорить о томъ
Безбожный твой языкъ не постыдился!
Такъ слушай,—вотъ я обличу тебя
И въ этой лжи: что мать она родная,
Родная мнѣ—о, горе!—я не зналъ,
Какъ и она, когда зачавъ отъ сына,
Дѣтей своихъ, позоръ свой родила.
Но вижу я одно: ты добровольно
Сестру свою позоришь и меня;
А я тогда невольно это дѣлалъ,
Какъ и теперь невольно говорю.
За этотъ бракъ никто меня преступнымъ
Не назоветъ, какъ и за кровь отца,
Чѣмъ ты меня такъ горько попрекаешь,
Но будь же добръ, отвѣть лишь на одно:
Коль здѣсь, сейчасъ, о, мужъ, столь непорочный,

Убить тебя хотѣлъ бы кто-нибудь,
Ты сталъ ли бы выпытывать сначала,
Убійца тотъ—не есть ли твой отецъ,
Или ему ты сразу отплатилъ бы?
Мнѣ кажется, что если только жизнь
Тебѣ мила,—обидчика казнилъ бы,
Не размышляя, правъ ты или нѣтъ.
Меня толкали сами боги въ бездну,
Куда я палъ; и мнѣ перечить въ томъ,
Я думаю, родитель мой не сталъ бы.
Коль слышать бы онъ могъ мои слова.
А ты, въ душѣ надъ правдою смѣясь,
Всегда сказать готовый съ легкимъ сердцемъ
И то, что можно, и чего нельзя,—
Ты у чужихъ людей порочишь старца,
И говоря, что правда здѣсь царитъ,
Превознося Аѳины и Тезея,
Хоть не жалѣлъ похвалъ, а все жъ забылъ
Ты главное: что лучше всѣхъ народовъ
Аѳиняне умѣютъ чтить боговъ.
Такъ какъ же хочешь ты увлечь, безумецъ,
Отъ Зевса къ нимъ пришедшаго слѣпца,—
У бѣднаго дѣтей отнять насильно?
Я умолю царящихъ здѣсь богинь,
Усердно къ нимъ взывая: да помогутъ
Да защитятъ меня, чтобъ ты узналъ,
Какой народъ живетъ въ святыхъ Аѳинахъ!

ХОРЪ.

Ты видишь, царь, что это человѣкъ—
Несчастнѣйшій, но праведный, достойный
И помощи, и милости твоей.

ТЕЗЕЙ.

Довольно словъ: пока враги съ добычей
Спѣшатъ уйти, здѣсь праздно мы стоимъ.

КРЕОНЪ.

Я слушаю: тому, кто безоруженъ,
Повелѣвай.

ТЕЗЕЙ.

Ступай, ступай впередъ,
Указывай дорогу,—если спряталъ
Поблизости похищенныхъ дѣтей,
Веди насъ къ нимъ. А если и бѣжали
Грабители съ добычей,—не бѣда:
Ужъ всадники мои ихъ нагоняютъ
И перейти границы не дадутъ.
Итакъ, иди впередъ и помни: сѣти
Разставивъ, самъ ты попадешься въ нихъ,
Добытаго обманомъ не удержишь;
И отъ своихъ ты помощи не жди,
Затѣмъ, что я вѣдь знаю: безоружнымъ,
Хотя и наглъ, прійти бы ты не смѣлъ
Въ чужую землю для такого дѣла:
На что-то есть надежда у тебя,
И это мы развѣдаемъ, чтобъ не былъ
Народъ слабѣе мужа одного.
Ты понялъ ли?—иль все еще, какъ прежде,
Когда ты это дѣло замышлялъ,
Надѣешься, что рѣчь моя безсильна?

КРЕОНЪ.

Я здѣсь тебѣ не стану возражать;
Когда вернусь домой—на все отвѣчу.

ТЕЗЕЙ.

Ступай, ступай,—потомъ грозить успѣешь,
А ты, Эдипъ, не бойся ничего:
Коль буду живъ,—повѣрь, не успокоюсь,
Пока тебѣ дѣтей не возвращу.

ЭДИПЪ.

Благословенъ да будешь ты, владыка,
За всѣ твои заботы обо мнѣ.

ХОРЪ.

Строфа первая.

Если бъ быть мы могли
Тамъ, гдѣ врагъ со врагомъ
Скоро скрестятъ мечи,
И въ пыли загремитъ
Мѣднобранный Арей,
Иль у жертвенника Фэба,
Иль у рощи Элевзинской,
Гдѣ толпы лампадоносцевъ
Ходятъ по ночамъ
Гдѣ богини Плодородья
Таинства блюдутъ,
Гдѣ уста у посвященныхъ
Строгимъ замкнуты обѣтомъ—
Элевзинскаго молчанья
Золотымъ ключомъ.
Тамъ, я думаю, ужъ нынѣ
Царь Тезей, освобождая
Юныхъ дѣвъ, побѣднымъ кликомъ
Ужаснулъ врага.

Антистрофа первая

Иль въ другой сторонѣ
Въ Эатидскихъ поляхъ,
На закатѣ, у горъ,
Гдѣ межъ тучъ, по скаламъ
Бѣлый иней блеститъ,
Въ быстролетныхъ колесницахъ
Горячатъ коней вожжами
Бѣглецы, врага почуявъ,
Но не убѣгутъ

Ибо нашъ Арей—ужасенъ,
Нашъ Тезей—великъ.
За спиной—погони топотъ,
Дышатъ вспѣненныя морды
Жеребцовъ неукротимыхъ,
Блещутъ удила:
Это наши, наши кони,
Посвященные Палладѣ
И колеблющему Землю,
Богу волнъ морскихъ!

Строфа вторая.

Битву ужъ кончили, или замедлили?
Сердце предчувствуетъ радость великую:
Къ отчему лону вернется невинная,
Дѣва страдалица, всѣми гонимая,
И свершится воля Зевса!
Битву славную пророчимъ:
Легкокрылой бы голубкой
Намъ взлетѣть подъ облака,
Чтобъ взглянуть на эту битву
Зоркимъ окомъ съ высоты!

Антистрофа вторая.

Зевсъ, олимпійцевъ владыка всевидящій,
Съ дочерью славной, Аѳиной-Палладою,
Даруй воителю силу побѣдную,
Въ сѣти царевы—добычу желанную:
Молимъ Фэба-Звѣролова
И Охотницу на ланей
Быстроногихъ, пестрокожихъ,
Аполлонову сестру,
Да придутъ они на помощь
И народу, и царю!
О гость чужой земли, пророкомъ лживымъ
Не назовешь меня: уже идутъ,
Идутъ сюда, дѣтей твоихъ я вижу.

ЭДИПЪ.

Что говоришь? Гдѣ?.. Гдѣ?..

АНТИГОНА.

Отецъ! Отецъ
О, если бъ Зевсъ того благого мужа
Увидѣть далъ слѣпымъ твоимъ очамъ,
Кто спасъ дѣтей твоихъ!

ЭДИПЪ.

Ужели, дѣти,
Вы здѣсь, опять со мной?..

АНТИГОНА.

Рука владыки
И добрыхъ слугъ освободила насъ

ЭДИПЪ.

Придите же ко мнѣ, родныя, дайте
Скорѣй обнять нежданныхъ!..

АНТИГОНА.

Мы идемъ,
Сейчасъ тебя обнимемъ и утѣшимъ

ЭДИПЪ.

О, гдѣ же?.. Гдѣ же?..

АНТИГОНА.

Здѣсь мы обѣ,—вотъ!

ЭДИПЪ.

О, милыя!..

АНТИГОНА.

Родному все вѣдь мило...

ЭДИПЪ.

Послѣдній свѣтъ, послѣдній посохъ мой!..

АНТИГОНА.

Для жалкаго скитальца—жалкій посохъ!

ЭДИПЪ.

Теперь, когда онѣ опять со мною,
Совсѣмъ несчастнымъ я ужъ не умру.
О, дѣти, крѣпче, крѣпче обнимите,
Прижмитесь къ тѣлу дряхлому,—вотъ такъ...
Не правда ли, вѣдь кончена разлука?
Вы больше не покинете меня?
Ну, разскажите все, что было, кратко,
Какъ подобаетъ въ ваши годы...

АНТИГОНА *(указывая на Тезея)*.

Вотъ
Спаситель нашъ; его, отецъ, послушай.
Прибавить мнѣ останется потомъ
Немногое.

ЭДИПЪ *(Тезею)*.

Не удивляйся, другъ,
Что не могу наговориться вдоволь
Съ дѣтьми, ко мнѣ вернувшимися вновь,
Когда ужъ я возврата ихъ не чаялъ.
Я знаю, ты вѣдь спасъ ихъ—ты одинъ,
Никто другой; тебя за эту радость,
Единственно тебя благодарю!
Безсмертные да наградятъ Тезея
И городъ вашъ, затѣмъ, что на землѣ
У васъ однихъ нашелъ я справедливость
И вѣрность клятвъ, и благочестье;—да,
По опыту я нынѣ это знаю,
Все, что имѣю, ты одинъ мнѣ далъ,

И болѣе никто, никто изъ смертныхъ!..
Коснуться же позволь руки твоей,
Поцѣловать, какъ брата, если можно,
Но нѣтъ, какъ смѣю? что я говорю?
Я чистаго моимъ прикосновеньемъ
Не оскверню, и если бъ ты хотѣлъ,
Не допущу:—къ несчастнымъ подходить
Лишь опытнымъ въ страданьяхъ должно людямъ...
Привѣтствуя же издали тебя,
Молю, владыка: впредь, какъ и донынѣ,
Будь справедливъ и милостивъ ко мнѣ!

ТЕЗЕЙ.

О, нѣтъ, за то, что говоришь такъ долго
И ненасытно съ милыми дѣтьми,—
Я не сержусь: тебѣ, конечно, съ ними
Бесѣдовать отраднѣй, чѣмъ со мной;
И я не жду похвалъ твоихъ: не словомъ,
А дѣломъ я прославиться хочу.
Какъ видишь самъ, я не нарушилъ клятвы,
Возлюбленныхъ дѣтей твоихъ вернулъ
И отдаю тебѣ ихъ, невредимыхъ.
Какъ было все, узнаешь ты отъ нихъ,
А намъ побѣдой хвастать не пристало.
Послушай же ты лучше, что узналъ
Я по пути сюда: вѣдь какъ ни кратка,—
Достойна удивленья эта вѣсть:
Кто мудръ,—ничѣмъ пренебрегать не долженъ.

ЭДИПЪ.

Что слышалъ ты, владыка, разскажи:
Объ этомъ здѣсь мы ничего не знаемъ.

ТЕЗЕЙ.

Тамъ, говорятъ, какой-то чужеземецъ,
Тебѣ родня, хотя и не изъ Ѳивъ,

Сидитъ, обнявъ алтарь морского бога,
Гдѣ только что я жертву приносилъ.

ЭДИПЪ.

Откуда онъ? О чемъ онъ молитъ бога?

ТЕЗЕЙ.

Одно я знаю: у тебя просить
Нетруднаго и малаго онъ хочетъ.

ЭДИПЪ.

Чего? Едва ль о маломъ проситъ тотъ,
Кто къ жертвеннику бога припадаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Я слышалъ такъ, что хочетъ онъ съ тобой
Поговорить и мирно удалиться.

ЭДИПЪ.

Но кто же онъ?

ТЕЗЕЙ.

Подумай: у тебя
Такого нѣтъ ли въ Аргосѣ родного,
Кто бъ могъ просить о томъ?

ЭДИПЪ.

Молчи, молчи,
О, другъ, молю, довольно!..

ТЕЗЕЙ.

Что съ тобою?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай...

ТЕЗЕЙ.

Но почему?

ЭДИПЪ.

Я понялъ,
Кто говорить со мною хочетъ...

ТЕЗЕЙ.

Кто?
И въ чемъ его вина передъ тобою?

ЭДИПЪ.

Царь, это—сынъ мой, злѣйшій изъ враговъ.
Тотъ чьи слова мнѣ горше смерти!..

ТЕЗЕЙ.

Можешь,
Узнавъ, зачѣмъ пришелъ онъ, отказать;
Но выслушать его ужели трудно?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Тезей, не принуждай меня,—
Звукъ голоса его мнѣ ненавистенъ.

ТЕЗЕЙ.

Но хорошо ли дѣлаешь, смотри:
Вѣдь именемъ боговъ тебя онъ молитъ.

АНТИГОНА.

Хотя еще я молода, отецъ,
Не отвергай ты моего совѣта:
Почтить боговъ Тезею не мѣшай,—
Да приметъ онъ молящаго пришельца:
Послушай насъ и брата не гони.
Вѣдь что бы онъ ни говорилъ, рѣчами
Насильственно тебя не убѣдитъ.
Такъ выслушай—не бойся, ибо злые
Словами злое сердце обличатъ.
Онъ все же—сынъ твой: если бы тебѣ
Онъ причинилъ и злѣйшую обиду,
Не долженъ бы ты мстить ему, отецъ!

Прими его;—страдаютъ и другіе,
Не ты одинъ, отъ собственныхъ дѣтей,
Но слушаются добраго совѣта
Друзей своихъ и укращаютъ гнѣвъ.
О, вспомни мать, отца, какія муки
Ты самъ отъ нихъ, невинный, претерпѣлъ.
Пойми, что гнѣвъ всегда рождаетъ бѣды,
И зло приноситъ злѣйшіе плоды,
Чему твои невидящія очи—
Свидѣтельство и горестный примѣръ...
Нехорошо, чтобы молили долго
О справедливомъ; уступи же намъ
И милостью умѣй платить за милость.

ЭДИПЪ.

Да будетъ такъ, хоть знаешь ты, дитя,
Что нелегко исполнить эту просьбу
Но только, царь, когда мой сынъ придетъ,—
Ты защити, не дай меня въ обиду.

ТЕЗЕЙ.

Зачѣмъ объ этомъ дважды говорить?
Не хвастая, скажу, старикъ, и вѣрь мнѣ:
Коль Зевсъ меня спасетъ, спасенъ и ты.

ХОРЪ.

Строфа.

Безразсудны и жалки, я думаю, тѣ,
Кто продлить хочетъ жизнь свыше мѣры,
Ибо долгая жизнь—только долгая скорбь:
Каждый день приближаетъ къ страданью,
А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь,
Если слишкомъ ты многаго хочешь.—
Вотъ придетъ, смотри, безъ брака

И безъ лиры, и безъ хоровъ,
Всѣ желанья утоляя,
Парка тихаго Аида—
Утѣшительница-смерть.

Антистрофа.

Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не рождаться, второе—родившись,
Умереть поскорѣй, а едва пролетитъ
Неразумная, легкая юность,—
То ужъ, кончено,—мукамъ не будетъ конца:
Зависть, гнѣвъ, возмущенья, убійства;
И предѣлъ всему послѣдній—
Одинокая, больная,
Злая, немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука мукъ!

Эподосъ.

Такъ же, какъ я, это знаешь и ты,
Старый, покинутый!
Словно въ пучинѣ на Сѣверѣ
Голый утесъ, ударяемый
Снѣжною бурей и волнами,
Ты, одинокій, стоишь;
И на тебя отовсюду бѣгутъ
И разбиваются съ яростью
Страшныя волны, страданія вѣчныя,
Тѣ отъ Востока, другія—отъ Запада
И отъ полуденныхъ странъ,
И отъ Рифея ночного, отъ Сѣвера дикаго!

АНТИГОНА.

Отецъ, я вижу, чужеземецъ къ намъ
Сюда идетъ, молящій, одинокій;
Глаза его полны слезами...

ЭДИПЪ.

Кто?

АНТИГОНА.

Онъ тотъ, кого мы ждали—Полиникъ.

ПОЛИНИКЪ.

Увы, съ чего начну, кого оплачу—
Себя, сестеръ иль дряхлаго отца?
Вотъ у чужихъ людей его я вижу,
Покинутаго всѣми, кромѣ васъ,
Въ грязи, въ лохмотьяхъ нищенскихъ, истлѣвшихъ
Отъ старости на этомъ старомъ тѣлѣ;
И спутанные волосы повисли
На впадины слѣпыхъ его очей,
И вѣтеръ ихъ пустынный развѣваетъ;
И думаю, что такова и пища
Утробы жалкой. Горе! Горе мнѣ!
Я все это увидѣлъ слишкомъ поздно
И не пришелъ къ тебѣ, и не помогъ...
Теперь ужъ, знаю, нѣтъ мнѣ оправданья
Но пусть, какъ рядомъ съ Зевсомъ возсѣдаетъ
На небѣ Милость, такъ и здѣсь съ тобой.
Прости! Вѣдь злого дѣла увеличить
Уже нельзя, но можно искупить...
Молчишь?..
Хоть что-нибудь скажи, отецъ; отъ сына
Не отвращай лица... Ужели молча
Меня съ такимъ презрѣньемъ оттолкнешь,
Не удостоивъ даже гнѣвнымъ словомъ?
Ну, умолите же его хоть вы,
Чтобъ, сжатыя въ безмолвіи угрюмомъ,
Уста его открылись, наконецъ,
Чтобы меня, пришедшаго отъ Зевса,
Отецъ съ такимъ безчестьемъ не прогналъ!

Повѣдай самъ, зачѣмъ пришелъ, несчастный:
Изъ многихъ словъ, бываетъ, что одно
Склоняетъ вдругъ къ отвѣту безотвѣтныхъ,
Внушая радость, жалость или гнѣвъ.

ПОЛИНИКЪ.

Да, твой совѣтъ разумный я исполню:
Сперва въ защиту бога призову,
Чей жертвенникъ обнявъ, царя Тезея
Я умолилъ—и онъ позволилъ мнѣ
Притти сюда, сказать отцу, что надо,
И удалиться мирно: вотъ и все,
О чемъ я васъ прошу, о, чужеземцы,
Сестеръ моихъ и моего отца.—
Теперь скажу, Эдипъ, зачѣмъ пришелъ я:
Изъ Ѳивъ меня прогнали потому,
Что я хотѣлъ, какъ первенецъ, по праву,
Твоимъ престоломъ царственнымъ владѣть;
Да, вотъ за что я младшимъ братомъ изгнанъ!
Не мудростью онъ побѣдилъ меня
И не мечомъ въ открытомъ поединкѣ,
А хитростью народъ мой обольстивъ.
И думаю, что это совершила,
Готовя месть, Эриннія твоя:
Такъ говорятъ и вѣщіе пророки.—
Тогда въ глубокій Аргосъ убѣжавъ,
На дочери Адраста я женился,
Вступилъ въ союзъ съ храбрѣйшими людьми,
Что первыми слывутъ въ метаньи копій;
И семь дружинъ объединивъ, на Ѳивы
Повелъ въ походъ, чтобъ умереть въ бою,
Иль побѣдить, съ престола свергнувъ брата.—
Но, спросишь ты, зачѣмъ же я теперь
Сюда пришелъ?—Чтобы твои колѣни,
Отецъ, съ мольбой усердною обнять

И за себя и за вождей союзныхъ,
Что—семеро у семивратныхъ Ѳивъ
Уже покрыли всю равнину войскомъ:
Изъ нихъ въ гаданьи по полету птицъ
И въ брани первый—колебатель копій
Амфіарей. Второй—Инеевъ сынъ,
Тидей отважный, родомъ этоліецъ.
Изъ Аргоса же третій—Этеоклъ.
Иппомидонъ—четвертый посланъ къ Ѳивамъ
Отцомъ Талаемъ. Пятый—Капаней,
Опустошить огнемъ грозитъ Кадмею.
Шестой аркадскій вождь—Парѳенопей,
Отъ матери, отъ гордой Аталанты,
Хранившей долго дѣвственность, дитя
Любимое, онъ принялъ это имя.
И я—седьмой, по имени твой сынъ,
Вѣрнѣе же, что сынъ я злого Рока,—
На Ѳивы рать безстрашную веду.
И этими дѣтьми, твоею жизнью
Тебя, родной, мы заклинаемъ всѣ,
Прости, забудь свой гнѣвъ неумолимый,
Хотя бъ теперь, когда я брату мщу,
Изгнавшему меня съ такимъ безчестьемъ!
Тотъ побѣдитъ, съ кѣмъ вступишь ты въ союзъ,
Коль должно вѣрить прорицаньямъ Фэба.
Вотъ, именемъ отеческихъ боговъ,
Источниковъ священныхъ, умоляю,—
Такому же несчастному, какъ ты,
Не откажи; вѣдь оба мы—скитальцы,
Обоихъ насъ единый гонитъ Рокъ,
И хлѣбъ чужихъ людей—обоимъ горекъ,
Межъ тѣмъ, какъ тотъ, увы, властитель Ѳивъ,
Надъ нашими мученьями смѣется!
Но вѣрь, злодѣя скоро и легко
Мы побѣдимъ, коль будешь ты со мною,
Отецъ;—домой я возвращу тебя
И самъ вернусь, съ позоромъ выгнавъ брата.

Я безъ тебя — на гибель обреченъ,
Съ тобой — отнынѣ праздную побѣду.

ХОРЪ.

Во имя тѣхъ, кѣмъ посланъ онъ, Эдипъ,
Не отпускай пришельца безъ отвѣта.

ЭДИПЪ.

Да, если бы, о, старцы, не послалъ
И словъ моихъ не счелъ его достойнымъ
Вашъ царь Тезей, то этотъ человѣкъ
Мой голосъ бы вовѣки не услышалъ.
Теперь же вотъ отвѣчу я, но такъ,
Что будетъ жизнь ему не въ радость..
О гнусный лжецъ, имѣя тронъ и скиптръ,
Которыми твой братъ владѣетъ нынѣ,
Не постыдился ты отца прогнать,
Обречь его на горькій хлѣбъ чужбины
И на лохмотья нищенскіе, тѣ,
Что нынѣ самъ оплакивать приходишь,
Постигнутый моею же судьбой!..
Но кончено — слезами не поможешь!
Молчать, терпѣть до смерти, и тебя,
Убійцу моего, я помнить буду!
Ты, ты одинъ — виновникъ этихъ мукъ:
Меня съ позоромъ выгналъ, сдѣлалъ нищимъ,
Бродягою, и у чужихъ людей
Вымаливать заставилъ хлѣбъ насущный; —
Вѣдь, если бы не дочери мои,
Ты предалъ бы отца голодной смерти.
Онѣ меня питаютъ и хранятъ,
Онѣ — мужи въ страданьяхъ, а не жены;
А вы — другимъ, не мною рождены!..
Вотъ за тобой слѣдитъ ужъ демонъ мести
И поразитъ, какъ только двинешь рать
На стѣны Ѳивъ, — и ты ихъ не разрушишь,
А самъ падешь въ крови, и братъ — съ тобой.

Я проклялъ васъ и снова проклинаю:
Идутъ, идутъ проклятія мои,
И скоро вы увидите, что значитъ
Родителя слѣпого презирать; —
Вѣдь сестры же почтить меня сумѣли! —
Уже теперь они вошли въ твой домъ,
Вошли мои проклятья, овладѣли
Твоимъ престоломъ, — если правда есть
На небесахъ въ законахъ вѣчныхъ Зевса!
Поди ты прочь, отверженный отцомъ,
Межъ злыми злѣйшій, извергъ ненавистный,
Возьми съ собой проклятіе мое:
Ни родины копьемъ не завоюешь,
Ни Аргоса ты не увидишь вновь;
Но отъ руки родимой погибая,
Погубишь ты и брата своего. —
Вотъ мой завѣтъ: я призываю Тартаръ,
Ужасный мракъ, гдѣ мой отецъ сокрытъ,
На голову твою, отцеубійца!
Я призываю грозныхъ Эвменидъ
И бога брани, буйнаго Арея,
Что яростью наполнилъ вамъ сердца!..
Не медли же, бѣги и возвѣсти
Кадмеянамъ и всѣмъ вождямъ союзнымъ,
Какъ наградилъ я сыновей моихъ!

ХОРЪ.

Увы, сюда пришелъ ты не на радость,
О, Полиникъ, — скорѣе уходи!

ПОЛИНИКЪ.

Все кончено... Что сдѣлалъ я, несчастный?
Куда моихъ сэюзниковъ привелъ?..
Туда, откуда больше нѣтъ возврата,
Къ тому, чего нельзя имъ и открыть!
И, зная волю Рока, долженъ молча
Итти навстрѣчу гибели моей...

Но васъ молю, возлюбленныя сестры:
Ужасныя пророчества отца
Вы слышали: богами заклинаю,
О, ежели вернетесь вы домой,
И отчее проклятье совершится, --
Тогда хоть вы не презрите меня,
Усопшаго почтите погребеньемъ, —
Да будетъ вамъ, какъ за любовь къ отцу,
Неменьшая хвала за жалость къ брату!

АНТИГОНА.

О, милый мой, послушайся меня...

ПОЛИНИКЪ.

Скажи, о чемъ, родимая, ты просишь?

АНТИГОНА.

Братъ, не губи отчизны и себя;
Скорѣй веди назадъ дружину въ Аргосъ

ПОЛИНИКЪ.

Теперь, сестра, ужъ поздно: отступивъ,
Не соберу я вновь такого войска.

АНТИГОНА.

Увы, дитя, зачѣмъ безумный гнѣвъ?
Зачѣмъ тебѣ губить родную землю?

ПОЛИНИКЪ.

Позоръ — бѣжать и старшему терпѣть
Отъ младшаго такое поруганье!..

АНТИГОНА.

Но ты вѣдь знаешь: вамъ обоимъ — смерть;
Пророчества не могутъ не свершиться.

ПОЛИНИКЪ.

Да, знаю все, но отступить нельзя.

АНТИГОНА.

О, бѣдный мой! Услышавъ прорицанье,
Кто за тобой осмѣлится пойти?

ПОЛИНИКЪ.

Отъ нихъ я скрою: вождь на поле брани
Дурную вѣсть не долженъ приносить.

АНТИГОНА.

Ужель твое рѣшенье неизмѣнно?

ПОЛИНИКЪ.

Да, я пойду, отверженный отцомъ,
Эринніями грозными гонимый,
По страшному, послѣднему пути.
А васъ, родныя, наградитъ Зевесъ,
Коль мертвому окажете вы милость,—
При жизни мнѣ уже нельзя помочь...
Простите же, о, милыя, навѣки:
Вы больше не увидите меня!

АНТИГОНА.

О, я несчастная!..

ПОЛИНИКЪ.

Сестра не плачь...

АНТИГОНА.

Какъ надъ тобой не плакать, горькій?.. Вижу,
Что ты идешь къ погибели своей.

ПОЛИНИКЪ.

Коль Рокъ судилъ,—умру...

АНТИГОНА.

О, нѣтъ, — послушай...

ПОЛИНИКЪ.

Не убѣждай...

АНТИГОНА.

О, горе мнѣ! и ты,
И ты погибъ!..

ПОЛИНИКЪ.

Да будетъ воля Зевса:
Въ его рукѣ и жизнь моя, и смерть.
Но вы — ничѣмъ не заслужили горя:
О, милыя, да сохранитъ васъ Зевсъ!

(Полиникъ уходитъ.)

ХОРЪ.

Строфа первая.

Вотъ еще новыя бѣды ужасныя
Вѣщій слѣпецъ, напророчивъ, зоветъ,
Ежели Парка его не сразитъ,
Ибо велѣнья боговъ непреложныя
Время всевидящимъ окомъ блюдетъ:
Тѣ — черезъ долгіе годы, медлительно,
Тѣ — совершаетъ мгновенно. Вы слышите,
Слышите — громъ... О Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Скорѣе, дѣти милыя, велите же
Позвать ко мнѣ Тезея благороднаго.

АНТИГОНА.

Повѣдай намъ, отецъ: зачѣмъ зовешь его?

ЭДИПЪ.

Въ Аидъ сейчасъ крылатый громъ божественный
Умчитъ меня: скорѣй — не медлите!

ХОРЪ.

Антистрофа первая.

Загрохоталъ, загудѣлъ ужасающій,
Божеской дланью низринутый громъ.
Слышите?.. Волосы дыбомъ встаютъ,
Духъ замираетъ; а по небу молнія
Блещетъ во тьмѣ смертоноснымъ огнемъ.
Боже! Кого поразитъ она?.. Страшно мнѣ,
Страшно; вѣдь молнія даромъ не падаетъ...
О, Громовержецъ Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Конецъ, конецъ мой, дѣти! Вотъ послѣдній часъ:
Теперь ужъ нѣтъ спасенья, скрыться некуда!

ХОРЪ.

Но какъ ты знаешь?.. Почему ты смерти ждешь?

ЭДИПЪ.

Я знаю: смерть моя близка. Прошу, молю —
Скорѣй, скорѣй позвать ко мнѣ властителя!

ХОРЪ.

Строфа вторая.

Ближе, ближе гулъ громовый,
Трескъ пронзительный! Помилуй,
О, помилуй, Всемогущій,
Если ты идешь во мракѣ
Къ нашей Матери-землѣ!

Отъ проклятыхъ, осужденныхъ
Отойдемъ: да будетъ съ нами
Только мужъ боголюбивый.
Зевсъ-отецъ, къ тебѣ взываемъ:
Пощади!

ЭДИПЪ.

Идетъ ли царь, о, милыя? застанетъ ли
Тезей меня въ живыхъ еще и въ разумѣ?

АНТИГОНА.

Какую тайну хочешь ты открыть ему?

ЭДИПЪ.

Я отплатить хочу ему за милости:
Исполнить все предъ смертью, что обѣщано.

ХОРЪ.

Антистрофа вторая.

О, приди, приди же, сынъ мой,
Если даже въ отдаленьи
На концѣ равнины, въ жертву
Богу моря, Посейдону,
Заколаешь ты быковъ:
Ибо хочетъ гость, какъ должно,
За пріютъ гостепріимный
Наградить тебя и городъ:
О, не медли же, владыка, —
Поспѣшай!

ТЕЗЕЙ.

Зачѣмъ опять меня зовете, старцы?
Какое здѣсь смятенье, что за крикъ?
Я узнаю и голосъ чужеземца.
Иль молнія ударила, иль градъ
И смерчъ?.. Коль Зевсъ послалъ такую бурю,
То надо быть готовымъ ко всему.

ЭДИПЪ.

Дождался я, владыка, — наконецъ-то:
На радость богъ послалъ тебя ко мнѣ!

ТЕЗЕЙ

Сынъ Лайоса, повѣдай: что случилось?

ЭДИПЪ.

Я умираю и хочу исполнить,
Что обѣщалъ народу и тебѣ.

ТЕЗЕЙ.

Что смерть твоя близка — откуда знаешь?

ЭДИПЪ.

Мнѣ возвѣстили боги мой конецъ
Примѣтами нелживыми.

ТЕЗЕЙ.

Какими?

ЭДИПЪ.

Блистаній молній, грохотомъ громовъ,
Кидаемыхъ рукой неодолимой.

ТЕЗЕЙ.

Я вѣрю: прорицанія твои
Уже не разъ свершались. — Что же дѣлать?

ЭДИПЪ.

Я научу тебя, Эгеевъ сынъ,
Я одарю безсмертными дарами
Твой край: пойдемъ, тебя я приведу
Самъ, безъ руки вожатаго, въ то мѣсто,
Гдѣ умереть я долженъ; — но, смотри, —
Не открывай ты никому живому

Таинственнаго гроба моего:
Да будетъ онъ тебѣ охраной вѣчной,
Надежнѣе всѣхъ копій и щитовъ.
Святыню тайнъ неизреченныхъ, дивныхъ
Тебѣ открою тамъ, наединѣ:
Не должно знать о нихъ ни этимъ старцамъ
Ни дочерямъ возлюбленнымъ моимъ.
Молчи и ты, о, царь; лишь передъ смертью
Преемнику открой, чтобъ въ свой черед
Грядущему онъ передалъ: и будетъ
Вовѣки Городъ твой неодолимъ
Для воинства, посѣяннаго Кадмомъ—
Исчадія драконовыхъ зубовъ.
Ужъ сколько царствъ погублено неправдой
И при царяхъ великихъ: медлитъ Зевсъ,
Но видитъ все,—и тѣхъ не минетъ кара,
Кто, попирая божескій законъ,
Безумствуетъ, чего въ твоей землѣ,
О, мудрый царь, вовѣки да не будетъ.
Но этому учить тебя не нужно.—
Пора! Я слышу: Зевсъ меня зоветъ.
Пойдемъ скорѣй въ назначенное мѣсто.
И вы, о, дѣти, слѣдуйте за мной:
Васъ поведу, слѣпой вожатый—зрячихъ,
Какъ нѣкогда водили вы отца,
И не давайте мнѣ руки, не надо;
Священную могилу самъ найду,
Гдѣ долженъ я покоиться.—Идите
Сюда, сюда, еще правѣй,—вотъ такъ;
Ведетъ меня подземная богиня
И богъ Гермесъ, Путеводитель душъ.
О, свѣтъ, и мнѣ въ былые дни сіявшій,
Вотъ озаряешь ты въ послѣдній разъ
Эдиповы невидящія очи:
Я ухожу, и то, чѣмъ жизнь моя
Окончится, въ нѣмомъ Аидѣ скрою.—
О, другъ,—ты самъ, народъ твой и земля

Счастливыми да будете вовѣки,—
Но въ счастіи безоблачномъ порой
Умершаго Эдипа вспоминайте!

ХОРЪ.

Строфа.

Коль чтить мольбой дозволено
Тебя, богиня страшная,
Тебя, владыка тьмы,
Аидоней! Аидоней!
То молимъ: дайте страннику
Легко и безболѣзненно
Сойти, окончивъ путь,
Въ обители Стигійскія,
На тѣ поля подземныя,
Гдѣ тихо тѣни спятъ.
Нынѣ за все, что терпѣлъ безъ вины,
Зевсъ справедливый тебя наградитъ
Сладостнымъ отдыхомъ.

Антистрофа.

Внимайте намъ, владычицы
Подземныя, чудовищный,
Неукротимый Звѣрь,
Что тамъ въ пещерѣ стережетъ
Съ рычаніемъ ужасныя
Блистающія, гладкія,
Аидовы врата!
О, смерти богъ невѣдомый,
Дитя Земли и Тартара,
Смири ночного Пса;
Страннику къ мертвымъ безмолвнымъ полямъ
Путь облегчи,—о, приди же, приди,
Всеусыпляющій!

ВѢСТНИКЪ.

Старѣйшины, могу повѣдать кратко:
Все кончено, Эдипа нѣтъ въ живыхъ.
А что случилось тамъ, и какъ онъ умеръ,—
Нельзя въ словахъ немногихъ разсказать

ХОРЪ.

Свершилось: умеръ онъ, многострадальныи.

ВѢСТНИКЪ.

Навѣкъ ушелъ отъ насъ.

ХОРЪ.

Повѣдай, какъ?
Божественная смерть была ли тихой?

ВѢСТНИКЪ.

Достойна удивленья эта смерть.
Вы видѣли, какъ онъ ушелъ отсюда;
Никто изъ насъ его не велъ,—онъ самъ
Указывалъ намъ путь, слѣпой вожатый.
Когда же мы пришли къ Порогу бездны,
Сходящей рядомъ мѣдныхъ ступеней
Въ подземный мракъ,—Эдипъ остановился,
Избравъ одну изъ множества дорогъ,
Надъ самымъ устьемъ каменнаго жерла,
Гдѣ нѣкогда Тезей и Периѳой
Метали дружбы вѣрные залоги;
И сѣлъ какъ разъ межъ Ѳорикійскихъ скалъ
И гробовой плиты, и дикой груши
Съ гнилымъ дупломъ; потомъ одежду снялъ
И дочерямъ воды для омовеній
И возліяній принести велѣлъ.
Онѣ вошли къ Деметрѣ многоплодной
На ясный холмъ, что виденъ издали,
Исполнили отцовское велѣнье,
Вернулися, обмыли старика

И новою одеждою, какъ должно,
Украсили; когда же весь обрядъ,
Какъ онъ желалъ, свершили благолѣпно,
То грянулъ богъ подземными громами,
И дѣвушки затрепетали;—павъ
Къ ногамъ отца, ихъ обняли, рыдая,
И отъ него не отходили прочь,
И били въ грудь себя съ протяжнымъ воплемъ.
И онъ сказалъ, прижавъ дѣтей къ груди:
«О милыя! Простите, умираю,—
Все кончено; чтобъ накормить отца,
Вамъ болѣе страдать уже не надо.
Я знаю: жить со мною было трудно;
Но я любилъ васъ, дѣти, какъ никто
И никогда ужъ больше не полюбитъ:
Моя любовь всѣ муки утоляла!
Но вотъ теперь уйду, и безъ меня
Вы будете совсѣмъ однѣ на свѣтѣ».
Тогда они всѣ трое обнялись
И долго плакали;—когда же замеръ
Послѣдній вопль, настала тишина.
Вдругъ чей-то голосъ прозвучалъ въ безмолвьи,
И волосы у всѣхъ насъ дыбомъ встали
Отъ ужаса, а голосъ тихо звалъ:
«Эдипъ! Эдипъ! Пойдемъ со мной, не медли».
И услыхавъ божественный призывъ,
Онъ подойти велѣлъ царю Тезею
И произнесъ: «О, братъ мой, руку дай,
Въ знакъ вѣрности ненарушимой, дѣтямъ,—
И вы—ему, родныя; клятвой вѣчной
Мнѣ поклянись, что не предашь дѣтей,
Что сдѣлаешь ты все для нихъ, что можешь».
Смиряя скорбь, какъ благородный мужъ,
Царь поклялся мольбу его исполнить.
Тогда Эдипъ, слабѣющей рукой
Въ послѣдній разъ дѣтей коснувшись, молвилъ:
«О, дочери, мужайтесь,—мнѣ пора;

Ни видѣть вамъ не слѣдуетъ, ни слышать
Запретнаго: ступайте же скорѣй!
Да будетъ здѣсь наединѣ со мною
Лишь царь Аѳинъ, чтобъ знать и видѣть всѣ.
И за дѣтьми пошли мы слѣдомъ, плача,
Эдипово велѣнье услыхавъ.
Но, отойдя немного, оглянулись
И видимъ: нѣтъ его уже нигдѣ.
Одинъ Тезей стоитъ, окаменѣвъ
Отъ ужаса закрывъ лицо руками,
Какъ будто бы онъ вдругъ увидѣлъ то,
Что вынести не могутъ очи смертныхъ.
Потомъ, спустя немного, царь упалъ,
Простерся ницъ, мольбой благоговѣйной
Почтивъ Олимпъ и Землю. Знаетъ онъ,—
И болѣе никто изъ всѣхъ живущихъ,—
Какъ умиралъ Эдипъ...
Не огненною силою громовъ,
Не на морѣ поднявшеюся бурей,—
Онъ тихо взятъ посланникомъ боговъ,
Иль пропастью Аида благосклонной,
Таинственно разверзшейся подъ нимъ...
И такъ легко, такою дивной смертью
Не умиралъ еще никто.—Пускай
Слова мои сочтутъ безумьемъ,—правду
Я говорю: кто хочетъ вѣрить—вѣрь!

ХОРЪ.

Гдѣ дочери и спутники Эдипа?

ВѢСТНИКЪ.

Идутъ сюда: вы слышите ихъ вопли
Протяжные и похоронный плачъ?

АНТИГОНА.

Горе! Горе! Однѣ мы навѣки; никто
Никогда не проститъ
Намъ рожденья проклятаго;

За отца мы терпѣли и будемъ терпѣть
Несказанное!

ХОРЪ.

Что случилось?

АНТИГОНА.

Увы, догадаться легко!..

ХОРЪ.

Умеръ?..

АНТИГОНА.

Смертью желанною,—
Не во брани погибъ, не въ пучинѣ морской,
Но безшумная бездна открылась подъ нимъ,
Приняла безболѣзненно,
Въ смерти таинственной...
Горе!. Очи покрыла мнѣ вѣчная тьма.
Снова, нищія, по міру обѣ пойдемъ,
И по землямъ чужимъ, и по бурнымъ морямъ,
Мы скитаться должны, одинокія!

ИСМЕНА.

Что насъ ждетъ,—подумать страшно!
Поглотила бы ужъ сразу
И меня съ отцомъ несчастнымъ
Бездна темнаго Аида,—
Больше жить я не могу!

ХОРЪ.

Нѣтъ, возлюбленныя дѣти,
Эта смерть—благодѣянье
Милосерднѣйшаго Зевса;
Покоритесь, не ропщите:
Зевсъ помилуетъ и васъ.

АНТИГОНА.

Значитъ,—сердце жалѣетъ о прошлыхъ скорбяхъ?
Вѣдь когда онъ, бывало, обниметъ меня,—
То казалось и горькое сладостнымъ!
О, родимый мой, бѣдный, ушедшій въ страну
Мрака вѣчнаго,
Никогда, никогда не разлюбимъ тебя
Мы, несчастныя!

ХОРЪ.

Онъ имѣетъ...

АНТИГОНА.

Имѣетъ желанное.

ХОРЪ.

Правда...

АНТИГОНА.

Умеръ далеко отъ Ѳивъ,
На чужой сторонѣ, какъ и самъ онъ хотѣлъ.
Ложе имѣетъ спокойное,
Осѣненное тѣнью подземною,
И въ могилу сошелъ онъ, оплаканный:
Вѣдь пока я дышу, о тебѣ никогда
Не изсякнутъ въ очахъ моихъ слезы, отецъ!
Не забуду я, горькая,
Что ты умеръ одинъ, далеко отъ меня,
Не въ объятьяхъ моихъ!..

ИСМЕНА.

О, сестра, какая участь
Ждетъ обѣихъ насъ, бездомныхъ
Одинокихъ!..

ХОРЪ.

Нѣтъ, родныя,
Свыше мѣры не скорбите,

Ибо смертью благодатной
Развязалъ онъ узелъ жизни.
А изъ жившихъ отъ страданья
Не избавленъ былъ никто.

АНТИГОНА.

Исмена, родная, вернемся...

ИСМЕНА.

Зачѣмъ?

АНТИГОНА.

Томитъ мое сердце желанье...

ИСМЕНА.

Какое?

АНТИГОНА.

Взглянуть на обитель подземную...

ИСМЕНА.

Чью?

АНТИГОНА.

Родимаго—горе мнѣ!..

ИСМЕНА.

Или не знаешь,
Что къ этому мѣсту нельзя подходить?

АНТИГОНА.

О, ты упрекаешь меня...

ИСМЕНА.

И еще...

АНТИГОНА.

Ну что? говори...

ИСМЕНА.

Безъ могилы,
Онъ принятъ землею вдали ото всѣхъ...

АНТИГОНА.

Отведи же меня ты къ нему—и убей...

ИСМЕНА,

Горе! Что со мною будетъ?
Коль и ты меня покинешь,
Какъ дожить мнѣ горькій вѣкъ?..

ХОРЪ.

Не бойтесь, о милыя

АНТИГОНА.

Какъ избѣжать?..

ХОРЪ.

Одной ужъ бѣды вы избѣгли...

АНТИГОНА.

Какой?

ХОРЪ.

Насилья Креона и плѣна.

АНТИГОНА.

Я думаю, старцы...

ХОРЪ.

О чемъ?

АНТИГОНА.

Я думаю, какъ мы вернемся домой?..

ХОРЪ.

Забудь же, не думай...

АНТИГОНА.

Тоска!..

ХОРЪ.

Покорствуй, тоска вѣдь и прежде была.

АНТИГОНА.

О, да, нестерпимая, хуже, чѣмъ смерть...

ХОРЪ.

Удѣлъ вашъ—великое море скорбей...

АНТИГОНА.

Воистину!

ХОРЪ.

Бѣдныя дѣти!..

АНТИГОНА.

Отнялъ, отнялъ, Всемогущій,
Ты послѣднюю надежду!
О, за что невинныхъ гонишь,
И куда ты насъ ведешь?

ТЕЗЕЙ.

Дѣти, не плачьте: о тѣхъ, кто почилъ
Въ мирѣ, угодный подземнымъ богамъ,
Плакать грѣшно.

АНТИГОНА.

О, владыка,
Молимъ тебя на колѣняхъ...

ТЕЗЕЙ.

О чемъ?

АНТИГОНА.

Дай намъ взглянуть на могилу отца!

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, подходить къ ней нельзя никому.

АНТИГОНА.

Что говоришь, повелитель?..

ТЕЗЕЙ.

Онъ завѣщалъ, чтобъ никто изъ живыхъ
Къ тайной могилѣ не смѣлъ подступать,
Чтобъ похоронные вопли
Не нарушали святой тишины;
Ежели все я исполню,—предрекъ
Благословенье Аѳинамъ:
Этимъ великимъ обѣтамъ внималъ
Оркосъ, всеслышащій Демонъ.

АНТИГОНА.

Если такъ онъ велѣлъ,—покорюсь... А теперь
Отошли же насъ въ древнія Ѳивы:
Тамъ погибель, грозящую братьямъ моимъ,
Я хочу отвратить, коль не поздно.

ТЕЗЕЙ.

Отошлю васъ на родину, сдѣлаю все,
Что могу я, для вашего блага,
Чтобы память умершаго друга почтить:
Безконечна моя благодарность.

ХОРЪ.

Нынѣ кончено все,—тише, дитя,
Больше стоновъ не надо: свершилось...

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3467
M4
1914
t.19-20

Merzhekovskiĭ, Dmitriĭ
Sergeevich
Polnoe sobranie sochineniĭ